339

СОВ. СЕКРЕТНО

ТРУДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

№ 18099

ВЫСШАЯ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
КРАСНОЗНАМЕННАЯ ШКОЛА КГБ СССР
имени Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

Совершенно секретно

339

ТРУДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

45

ВНИМАНИЕ !
Проверьте наличие вклеек.

№ 18099

Москва 1989

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Полковник **С. В. Дьяков** (главный редактор), полковник **Ю. И. Авдеев**, капитан 1 ранга **Ю. Н. Астафьев**, полковник **В. Д. Бабакаев**, полковник **А. Е. Беляев**, полковник **А. А. Воронов**, полковник **В. П. Гладков**, полковник **К. Х. Ипполитов** (зам. главного редактора), подполковник **В. А. Каминский** (ответственный секретарь), полковник **З. И. Кирсанов**, полковник **В. Б. Кулаков**, полковник **В. Г. Курдаков**, полковник **В. Д. Курабко**, подполковник **М. П. Кривенко**, полковник **Н. П. Маркин**, подполковник **А. И. Микульшин**, полковник **Б. И. Михайлов**, подполковник **А. И. Петренко**, генерал-майор **Ю. Н. Соколов**, полковник **М. П. Третьяков**, полковник **А. И. Чеботарев**, полковник **С. М. Швец**, подполковник **В. Н. Хаустов**, полковник **А. И. Цветков**.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Генерал-майор *Ю. И. Корнилов*,
подполковник *В. М. Шалдин*

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕРКИ ОПЕРАТИВНЫХ СИГНАЛОВ

(из опыта работы УКГБ по Свердловской области)

Исходя из установок исторического XXVII съезда КПСС, Коллегия КГБ СССР в своем Решении от 5 апреля 1986 года предписывает сосредоточить главные усилия личного состава на ключевых задачах выявления агентуры империалистических спецслужб на основе всемерной активизации контрразведывательного поиска; обеспечения надежной защиты государственных секретов; своевременного вскрытия и пресечения действий противника, нацеленных на подрыв экономического потенциала и оборонного могущества страны; предотвращения диверсий, вредительства, чрезвычайных происшествий на объектах промышленности, транспорта и связи[1].

Перечисленные задачи являются определяющими для деятельности Управления КГБ по Свердловской области, организующего и осуществляющего контрразведывательную работу в условиях закрытого для посещения иностранцами региона с высокой степенью концентрации предприятий ведущих отраслей промышленности, мощной научной базой, значительным количеством режимных объектов. Для успешного выполнения поставленных задач большое значение имеет квалифицированная работа Управления по проверке оперативных сигналов.

Обусловлено это следующими факторами:

во-первых, в условиях Среднего Урала наибольшую опасность представляет агентурная разведка противника, проверка информации о признаках которой требует особой глубины, профессионализма оперативного состава;

во-вторых, высокая концентрация жизненно важных объектов промышленности, транспорта и связи, уязвимых в диверсионном отношении, выдвигает повышенные требования к проверке сигналов о предпосылках к чрезвычайным происшест-

[1] См.: Приказ председателя КГБ СССР № 0195 от 5 апреля 1986 г.

виям, признаках подготовки и осуществления диверсионных и вредительских акций;

в-третьих, от уровня организации и качества проверки получаемой информации в прямой зависимости находится перерастание ее в дела оперативного учета и другие формы реализации.

В 1986 году информационно-аналитическим отделом и инспекцией УКГБ при активном участии руководящего и оперативного состава было проведено всестороннее исследование состояния работы по проверке сигналов в отделах и горрайорганах УКГБ. Проведенное исследование показало, что наряду с положительными моментами в этой работе, такими, как стабильное поступление первичной информации, соответствие ее содержания особенностям оперативной обстановки, достаточно высокий процент количества сигналов, получаемых от агентов и доверенных лиц, и др., сохраняется немало характерных для оперативных подразделений недостатков. К ним, в частности, можно отнести следующие:

регистрация в качестве сигналов непроверенной информации без учета объективности и надежности ее источника;

недостаточно качественная и объективная оценка первичной информации;

отсутствие целенаправленности и творческого, индивидуального подхода при разработке планов проверки сигналов, планирование от имеющихся возможностей, а не от оперативной необходимости;

формальный, неглубокий подход к выдвигаемым версиям, а порой и их отсутствие;

увлечение получением малозначащих, второстепенных сведений, не имеющих отношения к содержанию сигнала и не позволяющих внести ясность в существо выдвинутых версий;

упрощенческое отношение к соблюдению требований конспирации при подборе и использовании в проверке оперативных источников;

не оправданное оперативной необходимостью затягивание сроков проверки сигналов и проведения отдельных проверочных мероприятий и др.

На основе материалов данного исследования было подготовлено и проведено заседание Коллегии УКГБ при участии руководящего и оперативного состава Управления и горрайорганов. На заседании была дана всесторонняя, принципиальная оценка состояния работы по проверке сигналов, на конкретных примерах показаны вскрытые недостатки и упущения, их причины, а также пути совершенствования организации и повышения качества этого процесса.

В принятом на заседании Коллегии решении изложен развернутый перечень конкретных организационных мероприятий,

нацеленных на достижение требуемого уровня агентурно-оперативной деятельности по проверке сигналов. В частности, определены меры по усилению персональной ответственности руководителей подразделений за работу по проверке сигналов, рекомендовано рассматривать ее как один из важнейших критериев оценки оперативно-служебной деятельности оперсостава и подразделения в целом, отражать ее состояние и качество в аттестациях оперативных работников и руководителей отделений.

С целью усиления контроля за проверкой сигналов установлены контрольные сроки и четкий порядок рассмотрения материалов горрайорганов в оперативных отделах Управления, согласно которому запрещена передача таких материалов на рассмотрение сотрудникам, не имеющим опыта работы по делам оперативного учета, а также задержка их в Управлении более 10 суток. Инспекции предписано ежеквартально проводить выборочные проверки состояния работы по сигналам.

В процессе эксплуатации в Управлении автоматизированной подсистемы «Сигнал»[2] мы столкнулись также с весьма разнообразным и расширенным толкованием таких понятий, как «сигнальная информация», «первичная информация», «сигнал первичный», «сигнал оперативный» и др. Причем это было характерно не только для горрайорганов, но и для оперативных подразделений УКГБ и являлось, на наш взгляд, следствием отсутствия единого и четкого определения указанных терминов в чекистской литературе, а равно и единого подхода к определению содержания начальной стадии контрразведывательного поиска.

Подобное положение отрицательно сказывалось на объективности отражения реального вклада оперативных подразделений в работу по получению и проверке сигналов, засоряло подсистему малозначительной неперепроверенной информацией, затрудняло проведение анализа. Для сосредоточения усилий оперсостава на решении задач первостепенной важности требовалось максимально повысить уровень и эффективность процесса проверки сигналов и глубже разобраться в сущности ряда понятий.

---

[2] Автоматизированная подсистема учета поступления оперативных сигналов, процесса их проверки и реализации (шифр «Сигнал») разработана, внедрена и функционирует в УКГБ по Свердловской области с 1983 г. Она представляет собой совокупность ручного тематического контура на специальных унифицированных картах и автоматизированного контура статистической обработки на базе ЭВМ. В автоматизированном режиме подсистема позволяет накапливать и оперативно выдавать информацию о характере поступающих сигналов, источниках их получения, органе (подразделении), поставившем сигнал на учет, ходе и результатах проверки, силах и средствах, использованных в проверке, форме реализации материалов и др.

В этих целях нами был взят за основу взгляд на понятие «первичная информация» как на первичные сведения, поступившие в органы КГБ и относящиеся к их компетенции, и на понятие «оперативный сигнал» как на первичную информацию, полученную органами КГБ от агента или другого источника, свидетельствующую о подготовке или совершении лицом (группой лиц) действий, наносящих ущерб интересам безопасности Советского государства и общества, а также о событиях, явлениях и фактах, представляющих интерес для органов КГБ.

Исходя из содержания указанных понятий, нами были выработаны критерии постановки сигнала на учет и ввода информации в автоматизированную подсистему «Сигнал». В частности, постановку материалов на учет в подсистему разрешалось осуществлять только после перепроверки первичной информации, всесторонней ее оценки, выдвижения версий, разработки планов агентурно-оперативных мероприятий. Контроль и ответственность за соблюдение указанных требований возложены на руководителей оперативных отделов Управления, которые обязаны завизировать поступающие в ИАО из других подразделений информационные карты. Горрайорганы направляют их вместе с материалами в соответствующие оперативные отделы УКГБ, где осуществляется их оценка, анализ и принимается решение о возможности ввода в подсистему.

Вводя дополнительные ограничения и требования к учитываемой в подсистеме информации, мы предусматривали вероятность наступления и особых ситуаций. Как показывает опыт, на практике нередко возникают такие обстоятельства, которые требуют от оперативного работника сразу после получения первичной информации принять срочные санкционированные меры по предупреждению, пресечению развития каких-либо событий, действий или по нормализации обстановки. В этих случаях допускается оформление необходимых вводных документов с задержкой (на санкционированный срок).

Четкая система учета получения сигналов, состояния их проверки и способов реализации значительно повышает ответственность руководящего и оперативного состава за качество этой работы, не позволяет прекращать проверку сигнала до внесения в него ясности и принятия необходимых мер.

Ежемесячно информация, заложенная в подсистему, автоматически распечатывается в виде таблиц нескольких форм для доклада руководству Управления. Это позволяет начальнику органа постоянно отслеживать в динамике работу по получению, проверке и реализации сигналов по широкому спектру сочетаний характеризующих ее данных. Например, от каких источников получены сигналы тем или иным подразделением за определенный период времени; сколько и каких сигналов было проверено, в какой форме реализовано; количество

находящихся в проверке сигналов как в целом по Управлению, так и по каждому подразделению (органу) и т. п.

Подсистема «Сигнал» служит, кроме того, хорошей основой для проведения глубоких исследований по различным аспектам агентурно-оперативной деятельности. В частности, позволяет оценить соответствие характера поступающей информации особенностям оперативной обстановки на участке, линии, направлении, в обслуживаемом районе, своевременно выявить и отреагировать на складывающиеся тенденции, а также вскрыть недоработки.

Так, только в 1986 году были выявлены и подвергнуты исследованию причины: резкого снижения поступления сигналов об идеологически вредных проявлениях от источников 2-го и 6-го отделов; наметившейся диспропорции между количеством предпосылок к ЧП, фактов назревания неблагополучной обстановки на объектах экономики и поставленными на учет сигналами по диверсии, вредительству; низкого процента реализации сигналов по ряду других направлений оперативной деятельности.

На основе информации, накапливаемой в ручном контуре подсистемы «Сигнал», также ежемесячно составляются три справки: о состоянии работы по сигналам в УКГБ, где по определенной системе дается анализ статистических данных; о содержании наиболее интересных в оперативном отношении сигналов, полученных в течение месяца; о ходе проверки сигналов, взятых на контроль руководством Управления.

По мере накопления опыта эксплуатации подсистемы «Сигнал» ее функциональные возможности нами постоянно расширяются и совершенствуются. В частности, в целях обеспечения кураторских функций основных оперативных отделов УКГБ была разработана программа и реализовано дифференцированное представление их начальникам статистических многопозиционных сводок о получении, ходе проверки и реализации сигналов по соответствующим линиям работы.

С вводом в эксплуатацию в УКГБ по Свердловской области автоматизированной системы информационного обеспечения контрразведки «Дельта-Свердловск» на базе собственной ЭВМ ЕС-1045 одновременно с постановкой сигнала на учет осуществляется его проверка по информации, содержащейся в банке данных АСИО. Это позволяет в автоматическом режиме выдавать информацию о наличии сигнала на данное лицо при проверке последнего по системе.

Параллельно с комплексом организационных мероприятий, направленных на повышение профессионального уровня оперативного состава в работе по сигналам, в решении Коллегии было признано необходимым подготовить сборник методических рекомендаций для использования в практической работе.

Такой сборник был выпущен, утвержден руководством УКГБ, направлен во все отделы и горрайорганы и сразу же получил положительные отзывы руководящего и оперативного состава подразделений.

В сборнике методических рекомендаций по проверке сигналов, состоящем из семи разделов, в концентрированном виде дан перечень проблем и недостатков, о которых шла речь на Коллегии, изложены основные требования к оценке и перепроверке первичной информации, раскрыто содержание организации работы по проверке сигналов на всех основных этапах этого процесса.

С учетом ввода в эксплуатацию автоматизированной системы информационного обеспечения два раздела сборника посвящены вопросам использования возможностей АСИО КД «Дельта-Свердловск» в работе оперативных подразделений по проверке сигналов и порядку постановки на учет сигнальной информации в автоматизированную подсистему «Сигнал».

Наибольшую практическую значимость, по оценкам оперативных подразделений, имел раздел методик информационного обеспечения процесса проверки сигналов. Указанные методики представляют собой в дифференцированной форме перечень наиболее предпочтительных первичных действий оперативного работника по поиску необходимой информации при проверке сигнала. Целью их разработки явилась попытка обобщить, систематизировать и конкретизировать информационные потребности, необходимые для качественной и глубокой проверки сигнала, с тем чтобы максимально эффективно и целенаправленно использовать сведения, содержащиеся в информационных системах УКГБ и центра, оперативно-справочных учетах, а также функциональные возможности АСИО КД «Дельта-Свердловск». Методики составлены при участии наиболее квалифицированных сотрудников и отражают накопленный опыт деятельности оперативных подразделений Управления.

Перечисленные в методиках мероприятия призваны сориентировать оперативного работника в возможных направлениях проверки, унифицировать до определенной степени осуществление первичных действий. На основе их реализации оперативный работник, исходя из существа первичной информации, может более обоснованно выдвигать оперативные версии, осуществлять предварительный анализ и оценку сигналов, выбирать наиболее предпочтительный для промежуточной или конечной цели вариант действий, те или иные проверочные мероприятия и целенаправленно, творчески планировать и осуществлять процесс проверки.

Например, при проверке сигнала об осведомленности противника о защищаемых темах соответствующая методика рекомендует оперативному работнику запросить в конкретных ин-

формационных системах и массивах наличие следующих сведений[3]:

представляют ли ставшие известными сведения разведывательный интерес для противника; какие темы, проблемы они могут прямо или косвенно раскрывать;

имели ли место факты утрат (хищений) документов или изделий, содержащих сведения, ставшие известными противнику, нарушения режима, разглашения подобных сведений, другие происшествия; результаты их расследования (розыска);

в каких организациях, учреждениях области и за ее пределами были сосредоточены данные, ставшие известными противнику; с какого времени, какие документы, предметы, лица являлись их носителями;

каким путем и в какое время мог получить противник данную информацию;

нет ли среди обладателей сведений лиц, проверявшихся или проверяемых на причастность к агентуре противника, инициативный шпионаж, подозрительные контакты с иностранцами и т. п., а также подозревавшихся в хищении секретных документов и предметов, уличенных в нарушениях режима секретности, антисоветски или националистически настроенных, имеющих связи с заграницей; наличие у них представляющих оперативный интерес связей;

не выезжали ли специалисты объекта или смежных организаций в предполагаемый период утечки сведений за границу; содержание полученных на них оперативных материалов;

не было ли в этот период выезда на постоянное жительство за границу лиц, имевших производственные и иные связи с организациями, где произошла утечка сведений, или с их работниками;

не находились ли на территории области в предполагаемый период утечки сведений иностранцы; результаты их контрразведывательного обеспечения, контакты с жителями области, нарушения режима пребывания;

не участвовали ли допущенные к этим сведениям лица в международных форумах на территории СССР; результаты их оперативного обеспечения;

имеются ли данные о причастности к спецслужбам противника фирм и иностранцев, контактировавших с представителями организации, в которой произошла утечка сведений.

Таким же образом построена методика информационного обеспечения проверки сигнала о подозрительном поведении советского гражданина за рубежом. Она направлена на выявление, с одной стороны, фактов (признаков) проведения против-

---

[3] В методиках даются ссылки на конкретные подразделения КГБ—УКГБ, информационные системы и массивы, в которых может находиться интересующая информация.

ником подрывной, в том числе вербовочной, деятельности против советского гражданина в период его пребывания за границей, с другой — попыток или фактов инициативной передачи советским гражданином секретной или тенденциозной информации за рубежом, подготовки им условий для отказа от возвращения из-за границы, осуществления преступной деятельности (контрабанда, валютные операции, нелегальный ввоз антисоветской литературы и т. п.).

Как уже отмечалось, методики основаны только на тех сведениях (признаках), которые подлежат учету и накоплению в автоматизированных и иных информационных системах КГБ—УКГБ. В то же время учет и накопление информации по некоторым позициям приведенной в качестве примера методики расследования утечки секретных сведений, равно как и по ряду других, не предусмотрены классификатором и словарями типовой ЕСИОК, на базе которой построена «Дельта-Свердловск». Однако в интересах дальнейшего совершенствования информационного обеспечения одной из наиболее важных задач УКГБ — контрразведывательной защиты важных оборонных тем, проблем и спецработ — нами совместно с Высшей школой КГБ и Управлением «Н» ВГУ реализуется комплекс согласованных с 6-м Управлением КГБ СССР мероприятий по разработке и вводу с 1987 года в экспериментальную эксплуатацию автоматизированного блока «Родонит» на базе АСИО КД «Дельта-Свердловск»[4]. Это значительно расширит функциональные возможности и предметную область системы, в том числе по накоплению и обработке необходимой информации.

В целях дальнейшего совершенствования и оптимизации информационного обеспечения процесса проверки сигналов запланирована также работа по формализации других разработанных методик и введению их в виде постоянных запросов в АСИО КД «Дельта-Свердловск». Тогда при получении первичных материалов в систему будет достаточно ввести определенный набор параметров (установочные данные проходящих по сигналу лиц, время, место действия и т. п.) и задать соответствующий характеру сигнала алгоритм обработки и многоаспектного поиска обогащенной информации. При этом оперативный работник сможет получить из ЭВМ документ, в котором в текстовой форме будут изложены общие методические рекомендации по организации проверки сигнала, а затем дана полная распечатка всех позиций многоаспектного поиска сведений, могущих иметь отношение и значение применительно к проверяемому факту, событию, лицу, действию и т. д., незави-

[4] Подробнее о «Родоните» см.: Корнилов Ю. И. Некоторые вопросы совершенствования информационного обеспечения контрразведывательных мероприятий по защите экономики. — Труды ВШ КГБ, 1985, № 35, с. 302—320.

симо от того, есть ли по ним информация в системе. Последнее условие вводится для того, чтобы оперативный работник в любом случае мог представить полный перечень требующих выяснения вопросов и при необходимости спланировать их получение агентурно-оперативным или иным путем.

Таким образом, заложенная в методике логика позволяет найти оптимальные пути поиска, сопоставления и пополнения информации в фиксируемой оперативной ситуации. Использование в этом процессе электронно-вычислительной техники поднимает его на качественно новый уровень, раздвигает границы поиска, увеличивает количество поисковых признаков, значительно снижает непроизводительные затраты времени и труда оперативного работника, повышает эффективность и целенаправленность общения руководящих и оперативных работников с ЭВМ[5].

Кроме того, автоматизированная система позволяет осуществлять текущий контроль и проверку полноты и качества накапливаемой по конкретному сигналу информации.

Одновременно складываются более благоприятные условия для реализации опыта, инициативы и творчества оперативных работников при переходе от методик к планированию мероприятий, подбору и подготовке исполнителей, непосредственному осуществлению проверки сигнала.

Как показывает анализ статистических данных подсистемы «Сигнал», постоянное повышенное внимание к состоянию работы по проверке сигналов и последовательные решения, направленные на ее совершенствование, привели к определенным качественным изменениям. В частности, наметилась устойчивая тенденция роста количества сигналов, проверка которых завершается оперативно значимыми формами реализации (около 45% от общего числа полученных сигналов).

За критерии так называемой «полезной» или «положительной» реализации мы взяли такие результаты проверки сигналов, которые либо перерастают в дела оперативного учета, либо оказывают выгодное для нас влияние на объекта проверки, развитие возникших негативных процессов или на отдельные элементы оперативной обстановки.

Дело в том, что повышение требовательности и контроля за работой подразделений по проверке сигналов, осуществляемое на протяжении последних лет в сочетании с постоянным анализом результатов этой работы, привело, как уже отмечалось, к ее качественному изменению. Увеличилась доля сигналов, получаемых от агентов и доверенных лиц, заметна адекват-

---

[5] Проектом АСИО КД «Дельта-Свердловск» предусмотрена и реализуется возможность установки выносных видеотерминалов для связи с системой в каждом оперативном отделе УКГБ при соответствующем разграничении уровней доступа.

ность содержания поступающих сигналов характеру изменений оперативной обстановки и т. д.

Указанные положительные сдвиги произошли на фоне естественного сокращения общего количества поступающих и учитываемых в системе сигналов. Поскольку этот процесс стабилизировался, мы поставили перед собой следующую задачу — не снижая достигнутого качества и эффективности работы, не допускать неоправданного уменьшения количественных показателей на всех основных линиях и участках контрразведывательной деятельности. Для реализации этих целей нами выделены два главных направления: повышение результативности и целенаправленности использования агентуры и дальнейшее совершенствование организации и управления контрразведывательным процессом в целом. По каждому из этих направлений разработаны долгосрочные программы. Значительную помощь в этом оказывает нам постоянное творческое взаимодействие с Высшей школой КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского, Инспекторским управлением и другими подразделениями центра.

Следует остановиться подробнее еще на одном важном элементе в организации работы оперативных подразделений по проверке сигналов. Как уже отмечалось, на сегодняшний день в действующей в УКГБ подсистеме «Сигнал» сосредоточивается информация в основном статистического характера. Однако самих цифр, даже если они объективны и определенным образом упорядочены в многопозиционных формах, для принятия управленческих решений недостаточно. Руководителю необходимо прежде всего выявить наметившиеся тенденции, понять вызвавшие их причины и обстоятельства, увидеть за определенными вариантами данных отражение реальных процессов.

Эти задачи решаются в процессе анализа результатов работы подразделений и в целом органа по проверке сигналов. В УКГБ по Свердловской области эти задачи возложены на информационно-аналитический отдел и инспекцию при начальнике Управления[6]. Особо тщательному исследованию подвергаются устойчивые тенденции, а также резкие изменения количественных показателей по той или иной позиции. При этом процессы рассматриваются в динамике, на фоне реального состояния оперативной обстановки, детально анализируется возможное влияние на нее различных сопутствующих факторов.

Так, например, в 1983 году было отмечено значительное возрастание количества сигналов о действиях, подозрительных на диверсию и вредительство. В последующем их число устойчиво снижалось и в 1985 году достигло средних значений.

---

[6] Частично эти задачи решает также функционирующая в УКГБ с 1987 г. автоматизированная система «Контроль», охватывающая основные позиции всех планов Управления, оперативных отделов и горрайорганов.

В 1986 году тенденция снижения сохранилась, и по отношению к 1983 году количество сигналов о диверсии сократилось в 10 раз, а о вредительстве – в 18. Когда мы сопоставили эти цифры с учитываемым в системе количеством предпосылок к чрезвычайным происшествиям, то оказалось, что в 1983 году их отношение было один к одному, в 1985 году — один к трем, а в 1986 году — один к восьми. Это уже был тревожный симптом, требовавший более глубокого анализа.

В процессе поиска и исследования причин такого положения было установлено, что к концу 1985 года накопилось большое количество не до конца проверенных сигналов, полученных еще в 1983—1984 годах, что оказывало сдерживающее психологическое воздействие при переводе вновь получаемой первичной информации в категорию сигналов.

Для устранения указанной причины группой руководящих сотрудников УКГБ были детально изучены материалы всех сигналов такого характера, по каждому приняты конкретные решения и разработана программа дальнейших действий.

В данной статье нами затронуты лишь некоторые наиболее актуальные стороны организации контрразведывательной работы по проверке сигналов. Повышенного внимания и проработки требуют также вопросы конспирации, оптимального использования в проверке оперативных сил и средств и др. Однако и вышеизложенное говорит о важном месте, которое процесс получения, проверки и реализации сигналов занимает в общей системе контрразведывательной деятельности.

Рекомендована УКГБ по Свердловской области

Научные редакторы В. И. Демидов, кандидат юридических наук полковник Р. И. Тямушкин

Кандидат юридических наук
полковник *Р. И. Тямушкин*

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В СССР

В современных условиях дальнейшего обострения общего кризиса капитализма реакционные империалистические круги, в первую очередь США и других стран военно-агрессивного блока НАТО, для достижения своих классовых целей всемерно активизируют подрывную и враждебную деятельность специальных служб, антисоветских и идеологических центров, националистических, террористических, клерикально-религиозных организаций и военно-бандитских формирований. Основными объектами их подрывной и враждебной деятельности являются реальный социализм, страны, ставшие на социалистический и некапиталистический путь развития, народно-революционное и национально-освободительное движения, борьба прогрессивных сил и народов за мир и ядерное разоружение. При этом объектом номер один является Советский Союз как главный оплот и гарант мира и социализма на нашей планете, его стратегический курс на ускорение научно-технического прогресса, за мир, за ядерное разоружение, за сохранение жизни на Земле. Капитализм стремится обеспечить себе социально-экономическое и военное превосходство над СССР и другими странами социалистического содружества и с позиции силы диктовать соответствующие условия, а затем оставить реальный социализм «на пепелище истории».

В этих условиях «обузданис сил милитаризма и войны, обеспечение прочного мира и надежной безопасности — коренная проблема современности»[1]. Вся наша внутренняя и внешняя политика направлена на решение этой проблемы. И органы государственной безопасности тоже принимают участие в этой большой работе. Но они действуют не изолированно, не в отрыве от задач, решаемых советским обществом на данном, исключительно сложном и ответственном отрезке истории, направленных на ускорение социально-экономического развития страны и достижение на этой основе нового качественного состояния советского общества с учетом коммунистической перспективы[2]. Ключевая роль в ускорении социально-экономического развития принадлежит научно-техническому прогрес-

[1] Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., Политиздат, 1985, т. 3, с. 10.

[2] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 98—120.

су (НТП) — главному фактору интенсификации экономики, повышения производительности труда, роста благосостояния народа, совершенствования общественных отношений, обеспечения безопасности СССР и других стран социалистического содружества, предотвращения ядерной угрозы и сохранения прочного мира и самого человечества.

Стратегический курс партии на интенсификацию народного хозяйства СССР на базе ускорения научно-технического прогресса, новый этап во внутренней жизни, в мировом развитии реального социализма, масштабность, глубина и сложность решаемых проблем в международных отношениях, а также дальнейшее обострение классовой борьбы между капитализмом и социализмом выдвигают перед органами КГБ, в частности перед контрразведкой, качественно новые задачи.

Одной из таких задач, на наш взгляд, является **контрразведывательное обеспечение ускорения научно-технического прогресса Советского Союза и других стран социалистического содружества** (в рамках Комплексной программы НТП стран — членов СЭВ). Она вытекает непосредственно из требований Резолюции XXVII съезда КПСС[3] и Постановления XXVII съезда КПСС об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года[4], нормативных актов КГБ СССР, определяющих пути и направления реализации решений XXVII съезда и последующих Пленумов ЦК КПСС[5], а также из положений и выводов, содержащихся в выступлениях руководства КГБ СССР[6].

Данная задача носит программно-целевую направленность и является для советской контрразведки своеобразной двуединой стратегической задачей:

А. Контрразведывательное обеспечение ускорения научно-технического прогресса СССР во внутренней жизни;

Б. Контрразведывательное обеспечение ускорения научно-технического прогресса СССР на международной арене.

Каждая из этих задач по своей структуре является сложной, состоящей из комплекса взаимосвязанных и взаимозависимых подзадач.

Например, контрразведывательная задача А состоит из трех групп подзадач:

---

[3] См.: Материалы XXVII съезда КПСС, с. 98—120.

[4] См. там же, с. 265—335.

[5] См.: Приказ председателя КГБ СССР № 0365 от 26 июня 1986 г.; № 080 от 4 февраля 1987 г.; № 0170 от 25 марта 1987 г.; № 0350 от 22 июня 1987 г.; № 0370 от 1 июля 1987 г.; № 00120 от 2 сентября 1987 г. и т. д.

[6] См.: Материалы Всесоюзного совещания руководящего состава органов и войск КГБ СССР, май 1986 г. М., изд. ВШ КГБ, 1986; Материалы Всесоюзной научно-практической конференции органов КГБ СССР, декабрь 1987 г. М., изд. ВШ КГБ, 1987, и др.

1-я группа — контрразведывательное обеспечение разработок и внедрения достижений НТП в военную и оборонно-экономическую отрасли народного хозяйства СССР;

2-я группа — контрразведывательное обеспечение разработок и внедрения достижений НТП в приоритетные и иные ведущие отрасли народного хозяйства СССР;

3-я группа — обеспечение разработок и внедрения достижений НТП в контрразведывательную деятельность органов КГБ СССР.

1-я группа состоит из совокупности следующих подзадач более низкого уровня:

контрразведывательное обеспечение: а) разработок и внедрения достижений НТП в Вооруженных Силах СССР и других странах Варшавского Договора; б) поддержания и развития боеспособности и боеготовности всех родов войск СССР адекватно стратегическим силам и агрессивным военным устремлениям США и других стран НАТО;

контрразведывательное обеспечение разработок и внедрения достижений НТП: а) в оборонную промышленность СССР; б) в производство паритетных средств для защиты от любой агрессии и для нанесения необходимого ответного удара по противнику;

контрразведывательная защита идеологического обеспечения разработок и внедрения достижений НТП в военную и оборонно-экономическую отрасли СССР.

Во 2-й группе подзадачами более низкого уровня являются:

контрразведывательное обеспечение разработок и внедрения достижений НТП в области электронизации народного хозяйства;

контрразведывательное обеспечение разработок и внедрения достижений НТП в области комплексной автоматизации;

контрразведывательное обеспечение разработок и внедрения современных достижений НТП в области атомной энергетики;

контрразведывательное обеспечение разработок и внедрения достижений НТП в области технологии производства и обработки новых материалов;

контрразведывательное обеспечение разработок и внедрения достижений НТП в области биотехнологии и генной инженерии;

контрразведывательная защита идеологического обеспечения разработок и внедрения достижений НТП в приоритетные и иные ведущие отрасли народного хозяйства СССР.

3-я группа состоит из совокупности следующих подзадач:

контрразведывательное обеспечение разработок и внедрения достижений НТП в контрразведывательную деятельность центрального аппарата КГБ СССР;

контрразведывательное обеспечение разработок и внедрения

достижений НТП в контрразведывательную деятельность органов КГБ на местах;

контрразведывательное обеспечение разработок и внедрения достижений НТП в области контрразведывательной деятельности органов КГБ в работу контрразведывательных подразделений других стран социалистического содружества;

организация идеологического обеспечения разработок и внедрения достижений НТП в контрразведывательную деятельность органов КГБ и контрразведывательных подразделений стран социалистического содружества.

Естественно, все составляющие 1, 2, 3-й групп контрразведывательных задач в свою очередь являются сложными и динамичными и состоят из других подзадач еще более низкого уровня[7].

Контрразведывательная задача Б состоит из 5 групп относительно самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимозависимых подзадач:

1-я группа — контрразведывательное обеспечение реализации и дальнейшего развития Комплексной программы научно-технического прогресса стран — членов СЭВ;

2-я группа — контрразведывательное обеспечение реализации и дальнейшего развития двух- и многосторонних договоров в сфере ускорения научно-технического прогресса со странами, не участвующими в Комплексной программе НТП;

3-я группа — контрразведывательное обеспечение целенаправленного распространения и продвижения достижений НТП СССР и других стран социалистического содружества на международной арене;

4-я группа — контрразведывательное обеспечение целенаправленного добывания новейших научных данных, современной технологии, новых материалов и изделий, а также иных достижений научно-технического прогресса развитых и иных капиталистических стран в интересах ускорения НТП СССР и других стран социалистического содружества;

5-я группа — контрразведывательная защита идеологического обеспечения ускорения научно-технического прогресса СССР и других стран социалистического содружества на международной арене.

Каждая из названных групп контрразведывательных задач представляет собой совокупность тесно взаимосвязанных и взаимозависимых контрразведывательных подзадач более низкого уровня. Те в свою очередь состоят из других совокупностей подзадач еще более низкого уровня.

Выделенные задачи в полной мере соответствуют стратегическим задачам партии и правительства, которые предстоит

[7] Автор считает возможным в рамках данной работы опустить рассмотрение этих подзадач.

решать в процессе перестройки и интенсификации всех сторон общественной жизни нашей страны[8], а также тем требованиям обеспечения государственной безопасности, которые поставлены перед органами КГБ СССР.

Классификация данных задач во многом определяется спецификой объекта контрразведывательного обеспечения и самим содержанием и характером этого обеспечения.

Специфика объекта проявляется в том, что процесс ускорения НТП носит некратковременный характер, он будет длиться относительно большой отрезок времени (ряд пятилеток)[9]. В связи с этим контрразведывательное обеспечение ускорения НТП должно иметь постоянный характер. А это требует выделения соответствующих функциональных участков контрразведывательной деятельности, их организационно-правового обеспечения и установления головного и ответственного организационных звеньев, призванных успешно решать данные задачи.

Специфика объектов контрразведывательного обеспечения проявляется также в возникновении и функционировании новых (до настоящего времени организационно не существовавших) интернациональных и национальных конгломератов науки, производства, вузов и административно-хозяйственных учреждений (международные научно-технические комплексы, межотраслевые научно-технические комплексы — МНТК) с широкими правами и обязанностями в области разработки и внедрения достижений НТП. Эти конгломераты, как правило, пронизывают по горизонтали все отрасли и сферы работы народного хозяйства по проблеме (предмету) их деятельности, независимо от их ведомственной подчиненности и организационной принадлежности. Они представляют собой качественно новый этап развития научно-производственных объединений, а также инженерных центров. Например, таким крупным интернациональным научно-производственным объединением (НПО) является МНТК «Интерробот», который охватывает все отрасли стран социалистического содружества, принимающие участие в разработке проблемы и в создании и производстве роботов. В Советском Союзе действует соответственно головное научно-производственное объединение МНТК «Робот», который является составным и ведущим звеном «Интерробота».

Создается ряд интернациональных НПО с головными зарубежными органами управления (в странах социалистического содружества), действующими в рамках Комплексной програм-

---

[8] См.: Материалы Пленума ЦК КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., Политиздат, 1987.

[9] См.: Революционной перестройке — идеологию обновления. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 года. — Коммунист, 1988, № 4, с. 5—31.

мы НТП стран — членов СЭВ. Эти органы управления, как правило, имеют непосредственные прямые деловые связи с фирмами, компаниями развитых капиталистических стран, в первую очередь входящих в агрессивный военный блок НАТО.

Одновременно в СССР организуются и создаются и совместные с иностранными капиталистическими государствами, фирмами производственные предприятия и торговые организации и учреждения.

Специфика объектов контрразведывательного обеспечения таких совместных предприятий, учреждений и НПО заключается и в том, что в рамках межнациональных и национальных МНТК и организаций осуществляется широкий взаимный обмен научными мыслями, проектными разработками, документацией на новую технологию, изделиями, информацией теоретического и практического характера. Кроме того, во все возрастающем темпе и масштабе действуют прямые контакты между людьми, а также осуществляется взаимный обмен кадрами в процессе решения научных и производственных проблем. В этих условиях со всей остротой встают вопросы, связанные с защитой военной, государственной и служебной тайны, а также обеспечением советских граждан и иностранцев, работающих на советских предприятиях, от подрывных акций и устремлений противника. Действующая статическая правоохранительная система защиты секретов все больше и больше вступает в противоречие с действительностью. Необходимы срочные упреждающие меры, которые, с одной стороны, не тормозили бы процесс ускорения научно-технического прогресса и, с другой стороны, создавали бы мощный заслон утечке секретов и обеспечивали бы защиту этого процесса от разведывательно-подрывной деятельности противника.

Указанные и другие противоречия, интегрируясь в систему противоречий, значительно затрудняют контрразведывательное обеспечение организационно единых, сложных и динамичных проблем и объектов НТП. В настоящее время действия контрразведывательных подразделений не вписываются в полной мере в организационную и функциональную структуру народного хозяйства, так как существующее организационное и функциональное построение контрразведки ориентировано главным образом на обеспечение системы хозяйственного механизма, действовавшей в период экстенсивного развития, когда работа на принципах хозрасчета, самофинансирования, самоуправления и самостоятельности в установлении прямых производственно-торговых связей, функционирование межнациональных и межотраслевых научно-технических комплексов, комплексных целевых межотраслевых и территориально-региональных программ по приоритетным направлениям и проблемам ускорения научно-технического прогресса (электронизация, комплексная автоматизация и т. д.), а также совместных с иностранцами пред-

приятий и учреждений не были характерны для народного хозяйства СССР.

Естественно, стратегический курс Советского Союза на интенсификацию социально-экономической и других сторон народного хозяйства не может не накладывать определенный отпечаток на организационные и иные вопросы контрразведывательного обеспечения ускорения научно-технического прогресса СССР и других стран социалистического содружества. В частности, организационная структура такого контрразведывательного обеспечения должна носить гибкий, динамичный характер, она должна позволять быстро реагировать на изменения оперативной обстановки в целом или ее отдельных элементов либо их совокупности. Во-первых, она должна базироваться на оправдавших себя на практике положительных сторонах организационной структуры органов КГБ, исходящей из линейно-объектового и территориального принципа контрразведывательной деятельности. Во-вторых, она должна безболезненно и без нарушения сложившейся организационной структуры включить новые функции, права и обязанности, которые ранее невозможно было в полной мере осуществить, хотя они настоятельно ставились жизнью в повестку дня (например, подготовка и осуществление крупномасштабных контрразведывательных операций по регионам, отдельным комплексным проблемам с одновременным участием ряда оперативных подразделений по 2, 3, 4, 5, 6-й линиям).

Если обратиться к практике, то четко просматривается, что такие временные организационные структуры, как штабы по контрразведывательному обеспечению Олимпиады-80, Всемирного фестиваля молодежи и студентов (1985 г.), Игр доброй воли (1986 г.) и других важных общественно-политических мероприятий (празднования 100-летия 1 Мая, празднования 40-летия Победы над фашизмом, празднования 70-летия Октябрьской революции и т. д.), явились действенными и эффективными внеструктурными, организационно обособленными звеньями управления целенаправленными контрразведывательными программами. Штабы позволили и позволяют, не нарушая действующей организационной и функциональной структуры органов КГБ, решать новые взаимосвязанные и взаимозависимые контрразведывательные задачи в комплексе как по отдельным спецслужбам противника, так и по конкретным объектам устремлений противника («лицо», «группа, организация», «материальный объект», «проблема» и т. д.).

Кроме того, они позволяют интегрировать усилия всех задействованных 2, 3, 4, 5, 6-х подразделений органов КГБ по их дифференцированным объектам контрразведывательного обеспечения, а также комплексно вести работу по схемам «от иностранца — к гражданину СССР», «гражданин СССР — устремление противника (иностранца)», «проблема (объект) — уст-

ремление спецслужбы». Последняя схема в современных условиях научно-технической революции, когда возросли единство, взаимосвязь, взаимодействие различных сфер социально-общественной жизни, отраслей науки, производства, оборонной промышленности и состояния боевой мощи Вооруженных Сил, научно-технического обеспечения объединений, предприятий, функционирования учреждений и организаций, предоставляет возможность упреждающе выявлять разведывательно-подрывные устремления противника к важным народнохозяйственным и оборонным проблемам (объектам) независимо от места дислокации и «ведомственной принадлежности» проблемы (объекта), а также расчленения (дробления) противником своих разведывательно-подрывных операций по субъекту, времени и месту.

Представляется возможность противопоставить системе противника соответствующую централизованную систему контрразведывательного обеспечения и защиты проблем (объектов), к которым в первую очередь устремлен противник.

Эти и другие обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что создание и функционирование общеструктурного организационного звена в системе контрразведки по отдельным крупным операциям, целевым программам позволяет более результативно организовать контрразведывательную борьбу с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб противника и более эффективно управлять этой борьбой.

О правильности такого подхода свидетельствует не только современная практика органов КГБ, но и богатый опыт прошлых лет, в частности периода становления и укрепления Советского государства, например создание и функционирование Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте в 1918 г., когда на Восточном фронте сложилось крайне тяжелое положение после измены командующего фронтом левого эсера Муравьева. «Для успешной борьбы с возрастающей контрреволюцией на Восточном внутреннем фронте в связи с чехословацким выступлением, — отмечалось в Постановлении СНК от 16 июля 1918 г., — Совет Народных Комиссаров поручает товарищу Лацису организовать при Совете Народных Комиссаров Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте.

Все комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Советах прифронтовой полосы непосредственно подчиняются ей»[10]. После успешного выполнения поставленной задачи данная ЧК прекратила свою работу.

Таким образом, в интересах успешного решения задач, поставленных перед органами КГБ СССР, представляется целе-

[10] В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922 гг.). 2-е изд., доп. М., Политиздат, 1987, с. 72.

сообразным выделить контрразведывательное обеспечение ускорения научно-технического прогресса в качестве самостоятельной контрразведывательной целевой программы и создать для реализации этой и других целевых программ в системе органов КГБ внеструктурное организационное звено (типа оперативного штаба) — Координационный совет КГБ СССР по контрразведке под председательством первого заместителя председателя КГБ СССР. В его состав могли бы входить ведущие руководители 2-го и 3-го Главных управлений, 4, 5, 6-го Управлений КГБ СССР. На местах могли бы быть образованы соответствующие координационные советы органов КГБ по контрразведке[11].

Координационные советы объединяли бы в себе черты оперативно-штабного аппарата управления, с одной стороны, и черты научного подразделения, с другой стороны. Последнее обстоятельство предопределяет их обязанность вести научно-аналитические исследования прикладного характера непосредственно в интересах контрразведки, а также обеспечивать осуществление контрразведывательной деятельности и управление контрразведкой как единым целым на научной основе[12].

Главными функциями такого совета могли бы быть:

1. Оперативное слежение за состоянием и изменениями оперативной обстановки, ходом решения комплексных целевых программ контрразведывательного обеспечения и дифференцированное информирование оперативных подразделений по 2, 3, 4, 5, 6-й линиям работы (например, о въезде, пребывании и выезде из СССР иностранцев, представляющих оперативный интерес; о выезде, пребывании за границей и возвращении граждан СССР; о чрезвычайных происшествиях и других событиях, относящихся к компетенции контрразведки и решаемым задачам, и т. д.).

2. Комплексный научный анализ оперативной обстановки, складывающейся в сфере деятельности контрразведки в целом по стране, по отдельным регионам, органам КГБ, линиям, участкам и направлениям контрразведывательной работы; степени, путей и методов достижения конечных целей программ контрразведывательного обеспечения.

3. Текущее и долгосрочное прогнозирование состояния и развития оперативной обстановки в сфере деятельности контр-

---

[11] Аналогичный подход наблюдается и в народном хозяйстве, когда организуются постоянные органы Правительства СССР по управлению народнохозяйственными комплексами и группами взаимосвязанных отраслей. Например, в период перестройки созданы и успешно функционируют как постоянные органы Совета Министров СССР Госстрой, Бюро по топливно-энергетическому комплексу, Бюро по социальному развитию и т. д. (см.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., Политиздат, 1987, с. 61).

[12] См.: Приказ председателя КГБ СССР № 0472—86 г.; № 0153—88 г. и т. д.

разведки в целом по стране, по отдельным регионам, органам КГБ, линиям, участкам, направлениям и вариантов достижения конечной цели программ контрразведывательного обеспечения.

4. Стратегическое и тактическое планирование централизованных контрразведывательных операций, а также комплексных программ контрразведывательного обеспечения.

5. Организация контроля за ходом выполнения планов централизованных контрразведывательных операций и отдельных комплексных программ, обеспечение взаимодействия и координации деятельности между исполнителями (соисполнителями) этих планов.

6. Обеспечение информационно-справочными, обобщенными, аналитико-статистическими и другими необходимыми данными руководящего и оперативного состава контрразведки.

7. Обеспечение разработки и внедрения достижений научно-технического прогресса в контрразведывательную деятельность КГБ СССР.

8. Идеологическое обеспечение ускорения научно-технического прогресса в контрразведывательной деятельности органов КГБ СССР, обобщения и распространения передового опыта агентурно-оперативной работы руководящего и оперативного состава контрразведки.

Данные функции по своей сущности являются штабными. В связи с этим Координационный совет КГБ СССР по контрразведке представлял бы собой своеобразный постоянно действующий оперативно-научный штаб контрразведки и обеспечивал бы деятельность контрразведки как единого механизма, несмотря на ее организационное расчленение на 2, 3, 4, 5, 6-е линии работы. Кроме того, совет явился бы действенным инструментом централизованного управления контрразведкой в целом и ускорения научно-технического прогресса в контрразведывательной деятельности органов КГБ СССР.

Для организации постоянной работы координационных советов по контрразведке целесообразно было бы иметь постоянно действующий рабочий аппарат из высококвалифицированных специалистов информационно-аналитических и оперативных подразделений органов КГБ.

Внутренняя организационная структура этого рабочего аппарата должна соответствовать участкам работы. В аппарат могли бы входить группы:

слежения за изменением оперативной обстановки и решением комплексных программ;

комплексного анализа и долгосрочного прогнозирования;

стратегического и тактического планирования контрразведывательных операций и комплексных программ;

контроля и коррегирования;

координации и взаимодействия;

информирования;

обеспечения ускорения НТП в контрразведке, обобщения и распространения передового опыта;

идеологического обеспечения ускорения НТП в контрразведке и т. д.

Указанные организационные или функциональные участки работы в целом, по нашему мнению, можно создавать без увеличения штатной численности контрразведки, путем соответствующего перераспределения имеющихся сил и средств и концентрации их на главных направлениях контрразведывательной деятельности органов КГБ. Постоянно действующий рабочий аппарат Координационного совета КГБ СССР по контрразведке целесообразно было бы создать на базе действующих научных, научно-оперативных и оперативных подразделений центрального аппарата КГБ, в частности на базе штатов Управления «Н» и НИИ 2-го Главного управления КГБ СССР. Развертывание постоянно действующего рабочего аппарата соответствующих советов на местах можно было бы осуществить на базе имеющихся информационно-аналитических подразделений (и пунктов оперативной связи) с учетом их укрепления и расширения в соответствии с Программой вооружения КГБ СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г.

Возможен и другой вариант решения вопроса создания подразделений, аналогичных Координационному совету КГБ—УКГБ по контрразведке, например создание единого контрразведывательного подразделения (по подобию 1-го Главного управления КГБ СССР) с сохранением внутри линейно-объектового принципа работы в центре и на местах. При таком едином подразделении можно было бы организовать соответствующий рабочий аппарат на базе имеющихся информационно-аналитических подразделений, наделив его необходимыми функциями, обязанностями и правами.

Основой единства деятельности Координационного совета по контрразведке явился бы комплексный координационный план контрразведывательной работы на пятилетку и даже на больший период. В этом плане целесообразно было бы учесть все принципиальные изменения оперативной обстановки и самих объектов контрразведывательной деятельности, которые произойдут в результате реализации стратегического курса КПСС и братских партий на ускорение научно-технического прогресса, интенсификацию всех сфер народного хозяйства в СССР и других странах социалистического содружества, с одной стороны, и устремлений и подрывных действий в связи с этим противника — с другой.

На основе такого координационного плана разрабатывались бы пятилетние и текущие планы контрразведывательной деятельности 2, 3, 4, 5, 6-х подразделений органов КГБ. На базе

последних составлялись бы планы конкретных оперативных работников контрразведки. На наш взгляд, это позволило бы не только обеспечить логичный и последовательный переход от традиционно сложившегося «отраслевого» планирования работы во 2, 3, 4, 5 и 6-х подразделениях контрразведки к комплексному, программно-целевому планированию по схеме «общеконтрразведывательная программа — планы 2, 3, 4, 5, 6-х подразделений контрразведки — планы оперативного состава контрразведки», но и сориентировать планы не на промежуточные цели соответствующих оперативных подразделений, а на конечный результат работы органа КГБ и контрразведки в целом.

Такой подход позволил бы поставить в центр внимания проблемы и задачи общеконтрразведывательного характера и сосредоточить усилия всех подразделений контрразведки на них, естественно дифференцируя их «отраслевые» интересы и объекты контрразведывательного обеспечения и индивидуализируя конкретные действия исполнителей и соисполнителей. Одновременно удалось бы наиболее полно и точно учесть все особенности оперативной обстановки, которые вытекают из требований обеспечения государственной безопасности в условиях перестройки народного хозяйства, ускорения научно-технического прогресса и динамического изменения разведывательно-подрывных устремлений спецслужб противника.

Кроме того, представилась бы возможность осуществить на практике преемственность планов и непрерывность планирования не только путем обеспечения взаимосвязи и взаимодействия планов по вертикали и горизонтали, но и путем ежегодного дополнения и удлинения действующих планов на год вперед, создавая условия постепенного перерастания одного плана (долгосрочного) в другой. Например, пятилетний план на 1986—1990 гг. в 1988 г. мог быть уточнен на 1989—1992 гг., а в 1989 г. — на 1990—1993 гг. и т. д.

В этом случае координационные планы (долгосрочные и текущие) и планы работы подразделений контрразведки образовывали бы линейно-логическую цепь планов, содержащую единую, централизованную стратегию и тактику контрразведки на данный момент исторического развития нашей страны, вокруг которой объединились бы все оперативные силы и средства и сконцентрировались бы их действия на главных направлениях контрразведывательной деятельности органов КГБ[13].

Предлагаемый подход позволил бы резко поднять качество планов и действий контрразведывательных подразделений,

---

[13] В настоящее время органами КГБ накоплен определенный положительный опыт подготовки и осуществления крупномасштабных программно-целевых планов долгосрочного и текущего характера. Об этом свидетельствует, в частности, практика планирования и реализации Программы вооружения КГБ СССР, планов типа «Кедр», «Альфа» и т. д.

скоординировать агентурно-оперативные мероприятия, подготавливаемые и осуществляемые по 2, 3, 4, 5, 6-й линиям работы контрразведки, с мероприятиями по борьбе с конкретными спецслужбами и по контрразведывательному обеспечению отдельных крупных народнохозяйственных политических и социально-экономических кампаний, ограждению Советского государства и всего социалистического общества от разведывательно-подрывных устремлений противника. Он также открыл бы большие возможности для действенного слежения за изменением оперативной обстановки, быстрого сбора, обработки необходимой информации, проведения ее комплексного анализа и прогнозирования, принятия соответствующих упреждающих мер и организации целенаправленного контроля за выполнением принятых решений в области контрразведывательной деятельности.

Установленный Указанием председателя КГБ СССР № 18с от 19 марта 1984 г. единый порядок отбора, накопления, обработки и выдачи оперативно значимой информации в КГБ—УКГБ, а также введенный в действие Приказом председателя КГБ СССР № 0571 от 24 сентября 1986 г. центральный банк оперативных данных Единой системы информационного обеспечения контрразвеки (ЦБД ЕСИОК) являются информационной основой для организации такой работы Координационного совета по контрразведке в центре и на местах и позволят функционально объединить всю контрразведку в одно целое, а также обеспечить эффективное сочетание централизованного и децентрализованного управления контрразведывательными операциями и комплексными программами.

Рассмотренные выше обстоятельства дают возможность сделать вывод о том, что организация в центре и на местах принципиально нового подразделения штабного типа с качественно новыми функциями (обязанностями и правами) позволила бы решить наиболее полно и эффективно задачи контрразведывательного обеспечения ускорения научно-технического прогресса в СССР и других странах социалистического содружества, а также иные целенаправленные и централизованные контрразведывательные задачи по отдельным крупномасштабным проблемам борьбы с разведывательно-подрывной деятельностью противника[14].

---

[14] В частности, такой крупномасштабной, интегрированной задачей программно-комплексного характера могла бы быть задача контрразведывательного обеспечения создания и функционирования всеобъемлющей системы международной безопасности в военной, в политической, в экономической, а также в гуманитарной областях. Данная программа системы международной безопасности была выдвинута и одобрена на XXVII съезде КПСС (см.: Материалы XXVII съезда КПСС, с. 74—76).

Кроме того, это позволило бы, во-первых, за счет перераспределения имеющихся сил и средств без увеличения штатной численности кадров сосредоточить их в наиболее слабых в настоящее время звеньях контрразведывательной деятельности (звеньях обеспечения действенного слежения за изменением оперативной обстановки; комплексного анализа и прогнозирования, долгосрочного планирования; централизованного управления контрразведывательной деятельностью и контрразведкой как единым механизмом и т. д.); во-вторых, на качественно новом уровне организовать контрразведывательную работу органов КГБ в центре и на местах в соответствии с современными требованиями интенсификации труда, повышения результативности, улучшения стиля и методов руководства, усиления действия человеческого фактора, ускорения обобщения и распространения достижений передовой практики контрразведывательной деятельности в органах КГБ; в-третьих, избежать дублирования и параллелизма в работе, уменьшить документопоток; в-четвертых, сэкономить живой труд руководящего и оперативного состава контрразведки, поднять производительность труда, повысить творческий характер работы, переложив монотонные, рутинные процессы сбора, обработки и накопления оперативно значимой информации на современные быстродействующие электронно-вычислительные машины и оргтехнику[15].

Несомненно, все это приведет к значительным положительным сдвигам в повышении результативности контрразведывательной деятельности, увеличении эффективности работы контрразведки.

Автор не претендует на полноту и однозначность решения рассматриваемых проблем. Он стремился лишь выделить эти

---

[15] М. С. Горбачев на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, говоря о новой системе управления народнохозяйственными комплексами и группами взаимосвязанных отраслей, отметил: «Эта система находится в стадии становления. Еще не найдено оптимальное распределение функций между органами управления комплексами, с одной стороны, и Госпланом СССР и министерствами — с другой.

Нам следует последовательно вести линию на превращение постоянных органов правительства в жизнеспособные организации, отвечающие за развитие своих комплексов, за решение межотраслевых проблем. Мы из опыта знаем, что именно на стыке отраслей возникают крупные народнохозяйственные проблемы. Именно здесь больше всего бывает неувязок, из-за которых несем большие потери. Но здесь же кроются и большие резервы улучшения работы.

Укрепление постоянных органов правительства позволит замкнуть на них министерства и ведомства и сделать управление более действенным и результативным» (Материалы Пленума ЦК КПСС, 25—26 июня 1987 г., с. 61).

Данные положения, видимо, всецело можно отнести и к органам КГБ в части создания постоянно действующих общеструктурных звеньев управления комплексными программами, которые затрагивают проблемы, лежащие на стыке деятельности 1, 2, 3, 4, 5, 6-х подразделений органов КГБ.

проблемы и привлечь внимание специалистов и научных работников органов КГБ к необходимости их более детального и всестороннего исследования.

Рекомендована
научно-исследовательским отделом
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
полковник Ю. Н. Старцев

Полковник *М. Е. Волков*

ИССЛЕДОВАНИЕ ВРЕМЕННЫХ ФАКТОРОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЗВЕДЧИКА НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ЕЕ КАЧЕСТВО

Деятельность разведчика наружного наблюдения протекает во времени и непосредственно связана с восприятием временных параметров. Эти обстоятельства поставили вопрос о необходимости изучения того, в какой мере временные факторы влияют на деятельность разведчика и ее продуктивность.

В данной статье описываются экспериментальные исследования о влиянии времени восприятия на его полноту и точность; восприятии разведчиком наружного наблюдения временных параметров наблюдаемого события (время как объект восприятия); влиянии времени реакции разведчика наружного наблюдения на качество его деятельности.

О влиянии времени восприятия на его полноту и точность. Процесс восприятия человеком окружающей действительности представляет собой совокупность его активных действий, направленных на адекватное отражение предметов и явлений действительности в целях решения конкретных практических задач. Формирование образа проходит через ряд качественно отличных друг от друга уровней отражения. На первом уровне (неясное видение) субъект замечает что-то, но не может сказать, что это; на втором уровне (обобщенное узнавание) субъект воспринимает объект в его предметной целости, но не конкретно (например, «чье-то лицо»); на следующем уровне (дифференцированное узнавание) субъект правильно относит воспринимаемый объект к конкретной категории объектов (например, «лицо мужчины»); наконец на последнем уровне (опознание) субъект полностью идентифицирует объект и фиксирует его особенности (например, «артист такой-то»). Каждому из этих уровней отражения свойственны свои временные параметры.

Установлено, что минимальное время, необходимое для зрительного восприятия, лежит в пределах 0,01 секунды. При визуальном восприятии объекта в течение этого времени субъект осмысленно замечает что-то, но обычно не может сказать, что это было (неясное видение). Увеличение времени восприятия приводит к более четкому различению и опознанию воспринимаемого. В экспериментальных условиях диапазон экспозиций от 0,01 до 0,06 секунды является вполне достаточным для правильного восприятия предметов на уровне дифференцированного узнавания. Для опознания требуется большее время.

Поскольку скорость восприятия имеет важное значение в деятельности разведчика наружного наблюдения, мы реши-

ли выяснить, имеются ли различия в скорости восприятия одних и тех же тест-объектов у лиц, не занимающихся наблюдением, и у разведчиков наружной разведки. Были обследованы группа сотрудников наружного наблюдения (88 человек) и группа сотрудников, ранее не работавших в наружной разведке (173 человека). Испытуемым с помощью лампового тахистоскопа последовательно предъявлялось пять рисунков, каждый из которых обладал какими-то особенностями, а именно: мужское лицо с отсутствием какого-либо признака — глаза, носа, рта; женское лицо с отсутствием одного из названных выше признаков; конверт с неполным адресом; номерной знак автомашины в зеркальном изображении: часы без стрелок.

Демонстрирование каждого рисунка начиналось с экспозиции в 0,01 секунды. Затем экспозиция постепенно увеличивалась до тех пор, пока испытуемый не называл правильно воспринятый объект. Это время фиксировалось как время дифференцированного узнавания. После этого предъявление рисунка продолжалось до обнаружения в нем характерных особенностей. Время экспозиции, при котором испытуемый правильно указывал особенности изображения (отсутствие того или иного признака лица, зеркальное изображение номерного знака и т. д.), отмечалось как время опознания. Полученные результаты говорят о том, что профессиональная деятельность положительно влияет на выработку быстроты восприятия, особенно на уровне опознания (см. таблицу 1).

Таблица 1

Среднее время дифференцированного узнавания и опознания у разведчиков наружного наблюдения и лиц, ранее не работавших в наружной разведке

Категории испытуемых	Среднее время, сек.	
	дифференцированного узнавания	опознания
Разведчики наружного наблюдения	0,026	0,091
Лица, ранее не работавшие в наружной разведке	0,031	0,136

Анализ индивидуальных данных, полученных в ходе эксперимента, показывает, что отклонения от средних значений у различных испытуемых весьма существенны. Так, время дифференцированного узнавания для разведчиков лежит в пределах от 0,01 до 0,04 секунды, а для лиц, не работавших ранее в

наружной разведке, — в пределах от 0,01 до 0,06 секунды. Еще более ярко выражены эти различия на уровне опознания. Здесь разброс индивидуальных показателей лежит в пределах от 0,02 до 0,15 секунды для разведчиков и от 0,02 до 0,22 секунды для лиц, не занимавшихся ранее наружным наблюдением. Повторные эксперименты показали, что присущее индивиду время восприятия является для него довольно устойчивым. Это позволяет говорить о возможности использования показателя скорости восприятия в качестве дифференцирующего признака при изучении индивида с позиций определения его профессиональной пригодности.

На время восприятия влияют особенности воспринимаемого объекта (его размеры, сложность строения). Установлено, что величина времени восприятия находится в обратной зависимости от величины угловых размеров объекта, иначе говоря, увеличение размеров объектов вызывает уменьшение порогового времени их зрительного восприятия и наоборот.

Время восприятия объекта в большой степени зависит от его размещения в пространстве. Если оно достаточно велико и искомый объект должен быть обнаружен (отыскан) наблюдателем среди других объектов, время восприятия значительно увеличивается. Так, в одном эксперименте время отыскания диспетчером парка четырехзначного номера автобуса на диспетчерском табло находилось в пределах от 5 до 22 секунд.

Время восприятия объекта на уровне опознания в большой мере зависит и от прочности сохранения в памяти сложившегося ранее образа этого объекта. В экспериментах В. И. Киреенко, например, на узнавание лиц по фотопортретам увеличение времени экспозиции опознаваемого портрета с 2 до 10 секунд привело к тому, что процент правильных опознаний вырос с 23,5% до 69,5%, то есть увеличился втрое[1].

Время восприятия зависит также и от характера поставленной перед наблюдателем задачи. Например, задача обнаружения исчезнувших из информационного поля объектов решается медленнее задачи обнаружения новых объектов[2].

Мы рассматриваем влияние времени на качество восприятия в зависимости от действий наблюдателя. Вместе с тем в ряде случаев разведчик находится в условиях, когда течение событий от него не зависит. Следует полагать, что предметы и явления, которые попадают в поле центрального зрения наблюдателя и на которых он сосредоточивает свое внимание,

---

[1] См.: Киреенко В. И. Типологические различия испытуемых «художественной» и «нехудожественной» групп в эксперименте на узнавание лиц по фотографиям. — Доклады Академии педагогических наук РСФСР, 1957, № 2, с. 94.

[2] См.: Зинченко Т. П., Горбунова Г. И. Исследование операции обнаружения изменений в информационном поле. — В сб.: Экспериментальная и прикладная психология. Изд. ЛГУ, 1971, вып. 3, с. 119—120.

могут быть им восприняты с достаточной полнотой и точностью, если восприятие длилось не менее 0,15 секунды. Поскольку основные моторные действия — движения наблюдаемых лиц — укладываются в эти параметры, то, следовательно, разведчик располагает достаточными возможностями для их восприятия (см. таблицу 2).

Таблица 2

Данные о времени выполнения человеком некоторых моторных действий

Вид моторного действия	Скорость двигательной реакции, сек.
Поворот туловища	0,62—1,39
Наклон туловища	0,79—1,22
Опускание на одно колено	0,79—1,12
Подъем с колена	0,83—1,22
Движение руки по направлению к предмету	0,54—0,86
Сгибание и разгибание руки	0,56—0,72
Хватательные движения кисти	0,36—0,54
Простое движение ноги	0,28—0,60
Шаг при ходьбе	0,48—0,80

Как видно из приведенных в этой таблице данных, временные параметры наиболее важных с оперативной точки зрения моторных действий лежат в пределах временных возможностей восприятия. Иначе говоря, разведчик наружного наблюдения в состоянии воспринять любое важное действие объекта. Иное дело — готов ли он в данный момент к восприятию и дают ли внешние условия (расстояние, освещение, размещение объекта по отношению к центральной зоне восприятия наблюдателя и т. д.) возможность оптимального восприятия. Время восприятия не является величиной постоянной, оно зависит от общей структуры деятельности, условий наблюдения и субъективных особенностей, физического и психического состояния наблюдателя.

Всякое визуально-поисковое действие требует переключения центрального зрения, а это неизбежно связано с затратами времени. По нашим данным, для того чтобы изучить довольно бегло обстановку на перекрестке, разведчик отвлекается от непосредственного наблюдения за объектом на 1,5—2 секунды. Столько же времени теряет сотрудник, работающий за рулем оперативного автомобиля, на фиксирование показаний спидометра. Потеря времени на подобные отвлечения требует от разведчика выработки наиболее оптимальной системы ведения наблюдения.

О восприятии разведчиком наружного наблюдения временных параметров наблюдаемого события (время как объект восприятия). Особенности восприятия времени человеком важны для различных областей практической, в том числе оперативной и следственной, деятельности. В процессе практической деятельности нередко возникает необходимость оценки временных характеристик наблюдаемых фактов, например выяснения точного промежутка времени между различными событиями, точной фиксации пребывания наблюдаемого или подозреваемого в конкретном месте, определения времени встречи и ее продолжительности и т. п.

Умение с достаточной точностью оценивать временные отрезки является необходимой предпосылкой овладения тактическим искусством ведения наружного наблюдения, ибо это умение оказывает непосредственное влияние на управление действиями. Именно отсутствием устойчивых навыков восприятия и оценки времени можно объяснить неумение отдельных сотрудников своевременно выйти на опережение, правильно выполнить действия по перехвату наблюдаемого, следующего на автомашине, и т. д. Квалифицированное исполнение этих и других приемов наружного наблюдения требует от сотрудников выработки навыков правильной оценки временных интервалов.

Умение хорошо ориентироваться во времени имеет важное значение для сотрудников и в процессе работы за рулем оперативной автомашины. Анализ дорожно-транспортных происшествий показывает, что причиной серьезных аварий на транспорте, в том числе и в подразделениях наружной разведки, нередко является неправильная оценка временных и пространственных отношений, выражающихся в скорости движения. Психологические исследования показали, что большинство шоферов определяет скорость неточно. В одном из экспериментов только одна треть испытуемых показала умение правильно определять скорость[3]. Действия водителя оперативной автомашины основаны на оценке скорости движения автомобиля объекта. Точность этой оценки позволяет выбрать оптимальный тактический вариант слежки.

Способность с достаточной точностью воспринимать и оценивать временные отрезки вырабатывается в процессе специальных тренировок[4].

Вместе с тем повседневные наблюдения показывают, что оценка временных факторов без опоры на объективные измерители

---

[3] См.: Бена Э., Госковец И., Штикар И. Психология и физиология шофера. М., Транспорт, 1965, с. 126.

[4] Космонавты, например, в период наземной подготовки успешно овладевали навыком воспроизведения 10-, 15-, 20-, 30- и 50-секундных интервалов; при этом ошибка воспроизведения не превышала $\pm 0{,}5$ секунды (см.: Леонов А. А., Лебедев В. И. Психологические особенности деятельности космонавтов. М., Наука, 1971, с. 147).

(часы) является весьма недостоверной. Так, на практике бывают случаи, когда два объекта, находящиеся под наблюдением сменных нарядов из разных подразделений, встречаются между собой. Сравнительный анализ сводок наружного наблюдения показывает, что сведения о временных параметрах встречи часто различаются на 5—10, а то и больше минут.

Рассматривая время как объект восприятия, следует прежде всего иметь в виду, что наиболее точно воспринимаются короткие временные промежутки. Вместе с тем у человека зачастую проявляется склонность преувеличивать длительность небольших и приуменьшать продолжительность больших временных отрезков. Так, по данным М. М. Гродзинского, промежуток времени в 1 минуту при эксперименте определялся испытуемыми в 1—2, в 1,5, в 2, 3, 4, 5 и даже в 8 минут, а промежуток времени в 12—15 минут оценивался в 4—5, в 5,5—10, в 6, 7, 8, 9, в 8—10 минут[5].

На точность восприятия временных интервалов наибольшее влияние оказывают содержание деятельности, направленность внимания и психическое состояние человека. Промежутки времени, заполненные активной деятельностью и интересными событиями, воспринимаются более короткими и наоборот. Направленность внимания на какой-либо ожидаемый момент времени зачастую отрицательно сказывается на объективности восприятия: человеку кажется, что время течет медленно и наступление ожидаемого события задерживается. Очень медленно, например, тянется время для молодых разведчиков, ожидающих выхода объекта.

Существенное влияние на точность восприятия времени оказывает психическое состояние человека. Так, экспериментально установлено, что человек, испытывающий положительные эмоции, неправильно оценивает временные интервалы и для него они субъективно удлиняются. Отрицательные эмоциональные переживания также ведут к неверной оценке временных промежутков. В этих условиях в восприятии отмечается замедленное течение времени. Аналогичное воздействие на правильность оценки временных промежутков могут оказать болезненное состояние, утомление, скука, безучастное отношение к исполняемой работе. В результате исследования выяснилось, что большую роль в определении временных интервалов играет внушение, особенно если внушающие моменты носят словесный характер и исходят от авторитетного человека или часто повторяются. Отмеченные особенности влияния внушения на оценку временных периодов в условиях общения «представляют известный интерес для работников в области следствен-

---

[5] См.: Гродзинский М. М. Единообразие ошибок в свидетельских показаниях. — Архив криминологии и судебной медицины. Харьков, 1927, вып. 3, т. 1, кн. 4—5, с. 1011—1012.

ной и судебной практики, где оценка времени, имеющая иногда решающее значение, может быть искажена различными субъективными влияниями неудачно поставленного вопроса, предшествующего показания и проч.»[6].

Наиболее прочные навыки восприятия времени вырабатываются в процессе конкретной трудовой деятельности. Сама деятельность должна требовать от исполнителя неуклонного соблюдения связанных с нею временных параметров. Традиционно сложившаяся практика описания действий и поведения объекта в сводке наружного наблюдения, по нашему мнению, не отвечает этому требованию. Полученная сотрудниками информация воспроизводится в сводке описательным методом. Действия объекта наблюдения отражаются последовательно с момента появления его в поле зрения разведчиков. Временные параметры при этом обычно указываются не в строгих астрономических единицах времени (например, «в 10 часов 17 минут»), а путем отсчета от какого-то начального события. Подобный подход к описанию наблюдаемых событий не требует жесткого отражения временных параметров, а значит, не содействует воспитанию у сотрудников способности точного восприятия и воспроизведения временных факторов. Было бы целесообразно, и прежде всего в интересах оперативной практики, изменить порядок изложения материала в сводках наружного наблюдения, обратив внимание на необходимость точного отражения временных факторов, мест действия и содержания событий, протекающих в описываемый период. В ряде подразделений наружного наблюдения в настоящее время переходят к такому изложению материала в сводках, и это дает положительные результаты. Материал здесь отражается строже, документальнее. Необходимость постоянного фиксирования точного времени в процессе наблюдения содействует воспитанию у разведчиков соответствующих навыков.

О влиянии времени реакции разведчика наружного наблюдения на качество его деятельности. Всякое действие человека является своеобразным ответом на изменение обстановки, его реакцией на внешнее возбуждение. Реакции подразделяют на простые и сложные. Под простой сенсомоторной реакцией понимают заранее обусловленный ответ, представляющий собой элементарное максимально быстрое движение (нажатие кнопки, перемещение рычага и пр.), на заранее известный, но внезапно появляющийся сигнал. При сложной реакции (ее еще называют реакцией выбора, дизъюнктивной реакцией и даже реакцией принятия решения) ответ выбирается из ряда возможных на основе оценки возникшей ситуации.

---

[6] Элькин Д. Г. Влияние внушения на восприятие времени в групповом эксперименте. — Общение как предмет теоретических и прикладных исследований. Тезисы Всесоюзного симпозиума. Изд. ЛГУ, 1973, с. 181.

Время реакции состоит из двух компонентов — сенсорного (период от начала восприятия сигнала до начала ответного действия) и моторного (время выполнения ответного движения). Время простой реакции всегда меньше, чем время сложной реакции. У одного и того же человека общее время простой сенсомоторной реакции положительно коррелирует с общим временем реакции выбора, то есть чем медленнее простая реакция, тем медленнее реакция выбора и наоборот.

Метод измерения времени реакции представляется одним из наиболее доступных и удобных для изучения динамических аспектов психики, которые в определенных ситуациях оказывают непосредственное, а часто решающее влияние на конечную результативность человеческих действий, определяют многие важные детали целостной картины индивидуального поведения. В силу этого обстоятельства данный метод пытались применять, хотя и не всегда успешно, в самых различных областях, в том числе и в юридической практике[7].

В современных исследованиях прикладного плана время реакции наиболее часто используется:

в качестве показателя физиологических состояний, характеризующих определенный уровень достижений (например, тренированности у спортсменов, навыков у операторов);

при изучении каких-либо компонентов практически значимой деятельности или условий, характеризующих типичную ситуацию соответствующей деятельности (например, измерение времени реакции у шоферов в условиях, близких к естественным).

Время реакции является составным компонентом труда сотрудника наружной разведки. Разведчик должен уметь своевременно и правильно действовать в самых различных ситуациях оперативной работы. Каждому разведчику кажется, что он воспринимает объект и действует практически мгновенно. На самом деле это далеко не так. Значительные временные задержки происходят на всех уровнях, начиная от обнаружения и опознания объекта. Особенно продолжительные задержки возникают на уровне оценки объекта и принятия решения.

Для сотрудника наружной разведки необходимо прежде всего научиться реагировать правильно. Разберем несколько типичных ситуаций.

Объект наблюдения взглянул на разведчика. Последний потупился или отвел взгляд в сторону. Опытный разведчик сделает это медленно, демонстрируя полное безразличие к объекту. Неопытный среагирует слишком поспешно, неумело и этим может привлечь к себе внимание.

---

[7] См., например, описание попытки использования ассоциативного эксперимента с замером времени реакции при проведении допроса подозреваемого в кн.: Экспериментальная психология. Составители П. Фресс и Ж. Пиаже. М., Прогресс, 1966, вып. 1, 2, с. 365.

Объект наблюдения остановился у газетного киоска. Опытный разведчик продолжает спокойно двигаться дальше, проходит вперед и выбирает точку для наблюдения. Неопытный разведчик в этих условиях часто резко останавливается, пытается зайти в ближайшую дверь, перейти на противоположную сторону и т. п., то есть совершает резкие, обычно заметные действия, привлекающие к нему внимание.

Объект наблюдения, следуя в адрес, остановился на лестничной площадке. Опытный разведчик спокойно проходит мимо, а затем звонит в какую-либо квартиру. Он может внимательно посмотреть на объекта, даже спросить у него что-либо, например какая ему нужна квартира и т. д. Неопытный разведчик в подобной ситуации может затаиться этажом ниже или попытаться быстро проскользнуть мимо объекта. Действия его в этих случаях обычно выглядят неестественно.

Поведение разведчиков в приведенных ситуациях является ответом на действия наблюдаемых, по своему характеру оно является реактивным, ибо обдумывать, как поступить, в подобных обстоятельствах просто нет времени, надо действовать, так как задержка столь же опасна, сколь и неверные действия.

Умение правильно и своевременно реагировать вырабатывается в процессе обучения и практической деятельности. Многие реактивные действия на основе тренировки закрепляются и затем проявляются автоматически, без активного контроля со стороны сознания (например, действия при неожиданных остановках объекта, его поворотах за угол, посадке в транспорт и т. п.). Долгое время считалось, что доведение профессиональных действий человека до автоматизма является главной целью его обучения, поскольку за счет автоматизма достигается наибольшая быстрота и экономичность реакций. Однако такая установка приемлема только для самых простых действий. В реальных условиях практической деятельности человек непрерывно получает большое количество информации как имеющей, так и не имеющей к нему отношения. Оценка этой информации, а затем принятие решения не могут осуществляться автоматически. Установка на выработку автоматизма в настоящих условиях неоправданна. Вместе с тем следует учитывать, что продолжительная деятельность в одних и тех же условиях, в одной и той же обстановке часто ведет к выработке шаблонных приемов деятельности. Они становятся стереотипными, например, с возрастом, а также у людей, на длительное время отказавшихся от систематического расширения своих знаний или серьезной умственной работы. Все это говорит о необходимости выработки эффективной методики практического обучения правильным навыкам реагирования, ибо закрепившиеся неправильные стереотипные реакции с трудом поддаются корригированию (исправлению).

Под влиянием целенаправленно организованных тренировок и практической деятельности у сотрудников вырабатывается умение реагировать не только правильно, но и быстро. Измерения времени реакции у лиц, ранее не работавших в наружной разведке (173 человека), и у разведчиков (78 человек) показали, что у последних оно неизменно лучше: простая реакция в среднем на 15%, сложная на 25%, а разница между временем сложной и временем простой реакции на 40% (см. таблицу 3).

Таблица 3

Средние показатели времени реакции у разведчиков и лиц, ранее не работавших в наружной разведке

Наименование контингента	Время простой реакции, сек.	Время сложной реакции, сек.	Разница между простой и сложной реакцией, сек.
Разведчики	0,372	0,554	0,182
Лица, ранее не работавшие в наружном наблюдении	0,441	0,757	0,316

В целях выявления зависимости времени реакции от опыта оперативной работы мы провели эксперименты с замером времени реакции у двух специально скомплектованных групп сотрудников — группы А из 40 сотрудников высокой квалификации и группы Б из 55 менее квалифицированных сотрудников.

Время реакции замерялось на специальном реактометре и автотренажере с электросекундомером. Сначала обследование проводилось на реактометре. Исследовалась простая реакция на световой и звуковой раздражители. Испытуемый садился в 1 метре от прибора и наблюдал за световым табло, на котором расположено шесть ламп, четыре из которых (2 желтые и 2 зеленые) поочередно включались, создавая своеобразный фон восприятия. Правая нога испытуемого находилась на педали педального механизма. В ответ на световой (красный сигнал) или звуковой (зуммер) раздражитель испытуемый должен был как можно быстрее перенести ногу с правой на левую педаль и нажать ее.

Автотренажер, использовавшийся в эксперименте, представляет собой действующую модель легкового автомобиля. Дорожные условия задаются испытуемому на специальном стенде с движущейся лентой, имитирующей полотно дороги с соответствующей разметкой. Испытуемый включает автомобиль и «ведет» его в соответствии с указателями, появляющи-

мися на этой ленте. Дорожная обстановка может изменяться экспериментатором путем включения различных сигналов светофора, дополнительных знаков и указателей, изображения других автомобилей, мешающих проезду автомобиля испытуемого, и т. п. При включении красного светового сигнала одновременно включается электрический секундомер (работает с точностью до одной тысячной секунды), который останавливается при нажатии педали ножного тормоза (см. таблицу 4).

Таблица 4

Показатели общего времени реакции у высококвалифицированных (группа А) и менее квалифицированных (группа Б) сотрудников наружной разведки, допущенных к вождению оперативных автомобилей

Группа	Средний возраст	Коэффициент классности	Средний стаж работы		Среднее время реакции		
			водителем	водителем в наружной разведке	сложной (работа на автотренажере)	простой	
						на световой раздражитель	на звуковой раздражитель
А	34,8	1,55	11,3	10,9	0,633	0,405	0,375
Б	32,0	2,16	7,0	7,3	0,665	0,365	0,359

Как видно из приведенных данных, группа А имеет более высокий средний возраст, более высокую классность и больший опыт работы за рулем и в наружной разведке. Эти испытуемые показали более короткое время реакции в процессе работы на автотренажере, то есть в условиях, приближенных к водительской деятельности. Вместе с тем время простой реакции на световой и звуковой раздражители оказалось у испытуемых этой группы значительно продолжительнее, чем у испытуемых группы Б.

При анализе приведенных данных следует учитывать, что экспериментально обследовались водители-профессионалы, допущенные к работе за рулем оперативного транспорта. Ожидать в этих условиях больших различий в показателях было бы неправильным. Приведенные в таблице показатели являются средними арифметическими. Индивидуальные же отклонения от этих средних данных могут быть значительными.

Время реакции в комплексе с другими показателями используется при определении профессиональной пригодности.

В этих целях разработаны специальные методики измерения времени простой и сложной реакции. Широкое применение этого метода способствовало распространению представления, что показатель времени реакции является некой универсальной мерой «эффективности»: чем быстрее совершается ответная реакция, тем якобы оптимальнее протекает осуществляющий ее процесс. Однако из того факта, что успех деятельности в целом зависит прежде всего от скорости реакции работника, вовсе не следует, что измерение времени реакции этого работника можно проводить на основе стандартных методик. Время реагирования зависит не только от индивидуальных особенностей подбираемого на работу лица, но и от целого ряда не зависящих от него факторов (периодичности появления сигналов, их силы, степени интенсивности и выраженности и т. д.). О важности учета этих факторов говорит следующий пример. В. Д. Небылицын, исследовавший временные показатели двигательной реакции в связи со свойствами нервной системы, установил, что скорость простой двигательной реакции на сильные звуковые и световые раздражители не зависит от силы нервной системы испытуемого. Однако когда в ходе экспериментов стали менять силу раздражителя, то обнаружили, что испытуемые со слабой нервной системой проявляют явную тенденцию к более быстрому реагированию на стимулы низкой физической интенсивности[8]. Таким образом выяснилось, что для выявления лиц по слабым типам нервной системы диагностическое значение имеет не время реакции вообще, а время реакции на стимулы низкой интенсивности.

Советская психологическая наука исходит из предпосылки, что пригодность к профессии есть свойство личности, о котором можно судить по успешности овладения профессией и по степени удовлетворенности человека своим трудом. Иначе говоря, профессиональная пригодность, как и другие свойства личности, формируется в процессе деятельности, в самом труде[9]. Это означает, что определение профессиональной пригодности должно проводиться в условиях, максимально приближенных к конкретной практической деятельности. Поэтому измерение времени реакции при изучении лиц различных профессий по одной стандартизированной методике вряд ли целесообразно. Пилот, диспетчер, автоинспектор и т. д. должны обладать быстрой реакцией, но эта реакция имеет в каждом случае свои профессиональные особенности, а значит, и изучение ее должно осуществляться с помощью разных методик, разработанных применительно к особенностям конкретной изучаемой деятельности. Именно об этом говорят проведенные нами ис-

---

[8] См.: Небылицын В. Д. Основные свойства нервной системы человека. М., Просвещение, 1966, с. 229—230.

[9] См.: Гуревич К. М. Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. М., Наука, 1970, с. 5.

следования по измерению времени реакции. Среднее время реакции у квалифицированных сотрудников, замеренное в условиях, максимально приближенных к их практической деятельности (на автотренажере), оказалось лучше среднего времени реакции группы недостаточно квалифицированных сотрудников, тогда как измерение простой реакции в чисто лабораторных условиях дало прямо противоположные результаты. Следовательно, время реакции можно использовать в качестве диагностирующего показателя пригодности именно к работе за рулем оперативного транспорта, если это измерение будет проводиться в условиях, моделирующих конкретную практическую деятельность.

Сотрудник наружного наблюдения управляет оперативным автомобилем, который является источником повышенной опасности. Высокая динамика деятельности требует маневренности, связана с использованием повышенных скоростей и некоторыми другими отступлениями от установленных правил дорожного движения. Такие отступления допускаются при условии обеспечения безопасности движения и недопущения дорожно-транспортных происшествий. Вождение оперативного транспорта в этих сложных условиях требует от разведчика-водителя высокого мастерства и хорошего знания дорожной обстановки и своих возможностей. К числу последних мы относим знание разведчиком индивидуальных особенностей своих реакций, которое поможет правильнее оценить сложившуюся ситуацию и принять соответствующее решение.

При экспертизе дорожно-транспортных происшествий за время реакции шофера принимается время, равное 0,8 секунды[10]. В. Н. Пушкин и Л. С. Нерсесян, основываясь на экспериментах, полагают, что время реакции водителя на производственный сигнал составляет 0,86—0,87 секунды. «Эта величина, — пишут они, — и должна приниматься во внимание при расчетах возможности экстренного торможения»[11]. Чехословацкие специалисты считают, что классической допустимой средней нормой реакции является 1 секунда. Однако в сложных дорожных условиях время реакции может значительно превышать среднюю[12]. В эксперименте, проведенном в Научно-исследовательском институте автомобильного транспорта[13], было установ-

---

[10] См.: Методические рекомендации по производству автотехнических экспертиз (одобрены Отделом судебных экспертиз Юридической комиссии при СМ РСФСР). М., 1971; Краткий автомобильный справочник. М., Транспорт, 1971, с. 21.

[11] Пушкин В. Н., Нерсесян Л. С. Психология водителя. М., Знание, 1969, с. 10.

[12] См.: Бена Э., Госковец И., Штикар И. Психология и физиология шофера, с. 69.

[13] См.: Дымерский В. Я., Ильясов И. И., Клинковштейн Г. И., Мужшегян Р. Т. Психофизиология труда и подготовка водителей автомобилей. М., Транспорт, 1969, с. 54—57.

лено, что сложная реакция на экстренный сигнал в условиях, моделирующих движение в транспортном потоке, для водителя находится в пределах 1,05—1,15 секунды при торможении и 1,06—1,16 секунды при повороте автомобиля.

Если исходить из реальных условий работы водителя, то измерение сложной реакции на экстренный раздражитель в условиях, моделирующих движение в транспортном потоке, более отражает требования, предъявляемые к определению истинного времени реакции. При этом следует учитывать также, что приведенные выше данные были получены в условиях лабораторного эксперимента и испытуемые реагировали в спокойном состоянии, не боясь ответственности за последствия своих неправильных или недостаточно быстрых действий. Любые испытания и опыты, при которых время реакции измеряется от момента появления искусственного условного сигнала до момента нажатия на тормозную педаль, не могут служить для оценки истинного времени реакции, поскольку искусственный сигнал не вызывает у водителя интенсивных эмоциональных проявлений, свойственных реальным условиям, а выбор способа реагирования заранее предопределен инструктажем.

Деятельность сотрудника наружного наблюдения относится к тому роду специальностей, которые требуют от работника одновременного совмещения двух или более функций, в данном случае ведения наблюдения за автомобилем объекта и управления с соблюдением требований безопасности оперативным автомобилем. Исследования деятельности человека в условиях выполнения двух функций показывают, что возникающая в этом случае напряженность снижает качество деятельности и мешает ее перестройке при неожиданно появляющихся затруднениях или препятствиях[14]. О значительном ухудшении качества деятельности при одновременном совмещении двух и более функций говорят и зарубежные исследования. Так, в одном из них указывается, что «не следует быть оптимистами в отношении способности оператора одновременно следить хотя бы за двумя событиями, по крайней мере когда они изменяются случайно»[15]. Лабораторные исследования одновременного слежения за несколькими переменными признаками показали, что испытуемый допускает большое число ошибок при слежении за тремя и несколько ошибок при слежении за двумя переменными[16]. Эти данные подтверждают исследования по измерению времени реакции водителей, выполняющих две функции одновременно: в условиях, когда две машины следуют друг за другом и шоферу задней машины нужно наблюдать за движением

---

[14] См.: Матова М. А. Психическая устойчивость человека-оператора с двойной функцией. — Вопросы психологии, 1972, № 4, с. 36.

[15] Интема Д. Одновременное запоминание нескольких событий. — В кн.: Инженерная психология за рубежом. М., Прогресс, 1967, с. 329.

[16] См. там же, с. 328.

первой, время реакции водителя увеличивается с усложнением обстановки[17].

В ряде обстоятельств, возникающих в условиях совмещения функций, человек, поставленный перед выбором тактики поведения, отдает предпочтение выполнению одной из функций. При этом невыполнение одной из функций может допускаться тем чаще, чем меньше вероятность наступления серьезных последствий[18]. Но любой выбор связан с затратой времени. Поэтому в реальных условиях работы всякий человек, в том числе и сотрудник наружного наблюдения, реагирует с большей задержкой, чем при эксперименте.

Быстрота реакции считается одним из самых необходимых водителю качеств. Вместе с тем в ряде работ в настоящее время на первый план выдвигается умение водителя предвидеть развитие дорожной ситуации (антиципация). «Большая часть дорожных происшествий происходит не из-за чрезмерно медленной реакции водителей, а из-за неправильной оценки ими ситуации и неспособности предвидеть ход событий»[19]. Нам представляется неправомерным противопоставление этих взаимосвязанных качеств. Предвидение развития событий в процессе движения помогает водителю заранее подготовиться к соответствующей реакции. Поскольку наступление события предвидится, оно не становится неожиданным для водителя и он правильнее и быстрее реагирует. Следует принять во внимание и такое обстоятельство. Предвидение как одно из фундаментальных свойств психического проявляется на всех уровнях отражения и регуляции поведения человека, в том числе и на времени реагирования. Таким образом, не следует противопоставлять способность быстрого реагирования и способность предвидения. Нужно ставить вопрос таким образом, чтобы обучение специалистов, в деятельности которых эти способности необходимы, организовывалось в направлении развития как того, так и другого. Более того, правильно предвидеть развитие событий невозможно без знания вероятного времени реагирования в той или иной обстановке. Поскольку индивидуальное время реакции в условиях оперативной обстановки является одним из факторов правильного выполнения необходимых действий, то разработка системы конкретной деятельности не может обойти такой важный ее элемент, как время реакции.

Рекомендована спецкафедрой № 12
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
полковник В. Г. Курдаков

---

[17] См.: Бойко Е. И. Время реакции человека. М., Медицина, 1964, с. 392—393.

[18] См.: Фаверж Ж. М. Оператор с двойной функцией. — Вопросы психологии, 1966, № 4, с. 24.

[19] Эргономика. Проблемы приспособления условий труда к человеку. М., Мир, 1971, с. 103.

Полковник *И. А. Данченко*,
подполковник *А. Н. Савчук*

О ПОРЯДКЕ ОТКРЫТИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ ИНОСТРАННЫХ ФИРМ В СССР И СВЯЗАННЫХ С ЭТИМ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ ОРГАНОВ КГБ

Дальнейшее развитие внешнеэкономических связей Советского Союза является составной частью выработанного XXVII съездом КПСС стратегического курса на ускорение социально-экономического развития страны[1]. В условиях активизации подрывной деятельности империализма, направленной на ликвидацию социализма как общественно-политического строя, партия рассматривает развитие торгово-экономических отношений СССР с капиталистическими странами в качестве важного фактора международной стабильности, экономического и политического довода против войны[2].

Развитие внешнеторговых связей нашей страны объективно дает противнику дополнительные возможности для активизации подрывной деятельности против Советского Союза. Одним из элементов этих связей, используемых противником в качестве позиций для осуществления подрывной деятельности, являются открытые в СССР представительства торгово-промышленных фирм и банков капиталистических государств.

В 1987 году в Москве при Министерстве внешней торговли СССР было открыто 168 представительств, при Госкомитете СССР по науке и технике — 37, при Госбанке СССР — 37 и т. д.[3] В общей сложности за последние десять лет число аккредитованных при различных советских министерствах и ведомствах представительств иностранных фирм выросло более чем в 2 раза. В них работает свыше 500 иностранных граждан (без учета проживающих с ними членов семей). Кроме того, по линии этих представительств в нашей стране проводится большое число различных международных симпозиумов, семинаров и т. п. Для участия в них, а также для ведения переговоров с советскими министерствами, ведомствами, предприятиями и организациями в СССР ежегодно прибывает до 100 тысяч коммерсантов из 143 стран мира[4].

---

[1] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 29—30.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 76.

[3] Материалы 6-го Управления КГБ СССР, номенклатурное дело 8-го отдела, 1987, № 1, с. 112; номенклатурное дело 4-го отдела, 1986, № 3, с. 60; номенклатурное дело 7-го отдела, 1987, № 2, с. 73.

[4] Материалы 6-го Управления КГБ СССР, литерное дело № 2832, т. 41, с. 22.

Кроме указанных выше в нашей стране действует значительное количество представительств транспортных компаний, туристических фирм, аккредитованных при других советских министерствах и ведомствах, а также временные конторы различных иностранных фирм и организаций, не имеющих официальных разрешений на открытие своих представительств в Советском Союзе. Порядок их открытия и деятельности в СССР в предмет рассмотрения данной статьи не включен.

Руководствуясь решениями партии, установками Всесоюзного (май 1986 года) совещания руководящего состава органов и войск КГБ СССР, решениями Коллегии КГБ СССР № 00224 от 17 декабря 1985 года и № 00125 от 24 июня 1986 года, соответствующие подразделения 6-го Управления КГБ СССР организуют контрразведывательную работу, направленную на борьбу с подрывной деятельностью спецслужб противника, которая осуществляется с позиций иностранных фирм и их представительств в СССР.

Для организации этой работы важное значение имеет последовательное проведение агентурно-оперативных мероприятий в связи с реализацией установленного инстанцией порядка открытия представительств иностранных фирм и аккредитации их сотрудников в СССР. Ранее этот вопрос в чекистской литературе не рассматривался.

В соответствии с Положением о порядке открытия и деятельности в СССР представительств иностранных фирм, банков и организаций[5] разрешение может быть выдано только фирмам, известным на мировом рынке и положительно зарекомендовавшим себя в качестве партнеров советских организаций по сотрудничеству в различных сферах; заключившим с советскими организациями крупномасштабные коммерческие сделки или имеющим с ними большой товарооборот; осуществляющим промышленную кооперацию с советскими предприятиями и организациями; заключившим с советскими организациями наиболее важные соглашения о научно-техническом сотрудничестве.

Таким образом, Положением строго определяются условия, при которых фирма может получить разрешение на открытие представительства в СССР и несоблюдение которых является основанием для отказа в выдаче такого разрешения.

Для получения разрешения фирма капиталистического государства подает заявление в МВЭС или другое советское министерство или ведомство, при котором она хочет аккредитоваться. При этом цель деятельности в СССР иностранной фирмы, добивающейся открытия своего представительства, должна соответствовать цели деятельности министерства или ведомства, при котором она аккредитуется. Для МВЭС — это содей-

---

[5] См.: Постановление Совета Министров СССР № 427 от 23 мая 1977 г. — СП СССР, 1977, № 16, ст. 95.

ствие в реализации торговых соглашений и обеспечение выполнения экспортно-импортных сделок; для ГКНТ — сотрудничество в области науки и техники; для Госбанка — сотрудничество в области финансов и т. п.

В заявлении должны быть указаны:

цель, для осуществления которой иностранная фирма просит открыть представительство;

название фирмы, время ее возникновения и место нахождения головного органа;

предмет деятельности фирмы, органы ее управления и лица, представляющие фирму согласно уставу (фирменному договору);

дата и место утверждения или регистрации устава (фирменного договора), на основании которого фирма действует;

информация о деловых связях с советскими организациями и заключенных соглашениях или коммерческих сделках с указанием предмета, суммы и срока действия соглашения или сделки, выполнению которых должно содействовать представительство, а также о перспективах развития сотрудничества.

Указанные сведения должны быть подтверждены нотариальными копиями документов — выписками из устава, торгового или банковского реестра и т. п., заверенными в советских консульских учреждениях за границей.

В случае необходимости министерства или ведомства могут затребовать у фирм и другие сведения, касающиеся уставного капитала фирмы или банка, осуществляющего ее кредитование, и т. п.

Таким образом, уже на этой стадии фирмы, ходатайствующие об открытии своих представительств в СССР, обязаны представить о себе сведения, позволяющие советским министерствам и ведомствам получить представление о прочности их финансового положения, уровне технической и технологической оснащенности, влиянии в деловых кругах капиталистических стран, то есть сделать первоначальный вывод об их надежности в качестве постоянных партнеров, связь с которыми отвечает интересам СССР и не грозит возможным материальным ущербом.

Соответствующее министерство или ведомство осуществляет проверку представленных фирмой сведений имеющимися у него возможностями, а именно путем направления запросов в торгпредства СССР за рубежом, Торгово-промышленную палату СССР, свои внешнеторговые объединения, Научно-исследовательский конъюнктурный институт (НИКИ), МВЭС СССР, другие министерства и ведомства, имеющие или имевшие ранее деловые связи с данной фирмой.

Одновременно министерство или ведомство направляет запрос на имя руководства КГБ СССР с просьбой высказать свое мнение о целесообразности открытия представительства данной

фирмы в Москве. Запрос передается на исполнение в соответствующее подразделение 6-го Управления КГБ СССР, занимающееся контрразведывательным обеспечением данного министерства или ведомства.

С этого момента оперативное подразделение КГБ приступает к сбору, анализу и обобщению материалов, свидетельствующих о возможном использовании фирмы спецслужбами противника в подрывной деятельности против СССР.

Большое значение в этой работе имеет оперативная проверка указанных в заявлении фирмы сведений. В частности, по наименованию фирмы, сведениям о времени ее возникновения, месте утверждения и регистрации устава, характере деятельности и источниках финансирования определяются места поиска и виды документов, а также дополнительные источники информации, позволяющие проверить, не является ли данная фирма фиктивной, созданной при участии спецслужб, соответствует ли характер ее деятельности цели, для осуществления которой фирма просит об открытии представительства в СССР, достаточно ли прочно ее финансовое положение или фирма находится на грани банкротства и продолжение с ней торгово-экономических отношений грозит нанесением материального ущерба советской стороне.

С помощью сведений о структуре фирмы, органах ее управления и лицах, представляющих фирму в ее отношениях с нашей страной, могут быть выявлены подразделения, созданные в фирме при участии спецслужб для осуществления подрывной деятельности против СССР, а также лица, связанные со спецслужбами или участвующие во враждебных Советскому Союзу акциях.

По данным о деловых связях фирмы с советскими организациями выясняется, не использовалась ли она ранее для нанесения нашей стране экономического ущерба или по другим направлениям подрывной деятельности.

Эта работа осуществляется с помощью 1-го и 2-го Главных управлений КГБ СССР, которые также высказывают свое мнение о целесообразности аккредитации данной фирмы в нашей стране.

Кроме того, информация о причастности данной фирмы к различным дискриминационным действиям, некорректной коммерческой практике и иным недружественным акциям, направленным на нанесение экономического ущерба СССР, может содержаться в материалах Главного управления МВЭС СССР, НИКИ и конъюнктурных отделах внешнеторговых объединений. Сбор этой информации осуществляется через возможности оперативных подразделений 6-го Управления КГБ СССР, осуществляющих контрразведывательную работу в этих организациях.

В рамках КГБ СССР представлять необходимые материалы о фирме могут также: подразделения 1-го Главного управления — сведения, полученные от резидентур посольств и торгпредств за рубежом либо в результате специальных разведывательных мероприятий за границей; Управление «Н» 2-го Главного управления — сведения об использовании фирмы спецслужбами противника, имеющиеся в Центральном банке оперативных данных (ЦБД) ЕСИОК; 13-й отдел 2-го Главного управления — сведения о фирме, полученные в процессе контрразведывательной деятельности по советским гражданам, выезжающим за рубеж для работы в ней, а также для участия в различных выставках; 4-й отдел 6-го Управления — сведения о фирме, полученные в ходе контрразведывательного обеспечения иностранных выставок, проводимых в Советском Союзе по линии Торгово-промышленной палаты СССР.

При наличии данных о сотрудничестве изучаемой фирмы с другими социалистическими странами через 2-е Главное управление она проверяется по учетам контрразведывательных органов друзей.

Сведения, характеризующие деловое лицо фирмы, ее надежность в качестве партнера, а в ряде случаев свидетельствующие о возможной ее причастности к спецслужбам противника, могут быть добыты через агентов из числа советских и иностранных граждан. Из советских граждан — это сотрудники внешнеторговых организаций, торгпредств СССР за рубежом, министерств и ведомств, отдельных предприятий, участвующие в переговорах и реализации соглашений и контрактов с данной фирмой, а из иностранных граждан — это коммерсанты, а также другие сотрудники частных фирм, банков и государственных органов, пользующихся услугами проверяемой фирмы или являющихся ее субподрядчиками, осведомленные о ее структуре, финансовом положении, известности в деловом мире, оснащенности передовой техникой, порядке комплектования штатов, степени участия государственных органов в деятельности фирмы на внешнем рынке и т. п.

Такие агенты, как правило, обладают достаточным опытом и нередко специальной подготовкой, что позволяет им выделить из общего объема информации о фирме ту, которая в первую очередь интересует органы КГБ. Они могут также указать и добыть различные справочные материалы и иные документы, содержащие официальную информацию о фирме, которая ранее не попадала в поле зрения органов КГБ. Наконец, в случае необходимости надежные агенты из числа иностранных граждан могут использоваться в сборе сведений на фирму и ее персонал через частные сыскные агентства.

На основании собранных сведений оперативное подразделение 6-го Управления КГБ СССР, проводившее проверку фирмы, дает заключение о наличии или отсутствии обстоятельств,

препятствующих положительному решению вопроса об открытии ее представительства в нашей стране, и оформляет его в качестве ответа КГБ СССР в соответствующее министерство или ведомство.

Собранные органами КГБ сведения о просящей об аккредитации в СССР фирме оказывают советским министерствам и ведомствам помощь в принятии обоснованных решений о продолжении и развитии торгово-экономических отношений с данной фирмой или о прекращении этих отношений в случае возможности их использования в ущерб экономическим и политическим интересам Советского Союза.

Признав целесообразной аккредитацию фирмы, министерство или ведомство направляет собранные в отношении ее материалы и свое ходатайство в Межведомственную комиссию при МВЭС СССР по вопросам представительств иностранных фирм, банков и организаций в СССР, которая рассматривает их и со своим проектом постановления об открытии представительства фирмы в Советском Союзе направляет для окончательного рассмотрения вопроса в ЦК КПСС. При положительном решении Секретариат ЦК КПСС оформляет соответствующий протокол и дает поручение Совету Министров СССР принять совместное с ЦК постановление о выдаче разрешения на открытие представительства.

При этом инстанции исходят прежде всего из приоритета политических и экономических интересов государства над ведомственными, оперативными и т. п. В совместном постановлении ЦК КПСС и СМ СССР об открытии представительства КГБ СССР может быть предложено внести в Совет Министров СССР свои предложения по обеспечению государственной безопасности в связи с открытием в нашей стране представительства данной фирмы.

На основании принятого постановления соответствующее министерство или ведомство выдает фирме разрешение на открытие представительства в нашей стране, в котором указываются: цель открытия представительства; условия, на которых разрешено его открытие; срок, на который выдается разрешение[6]; число сотрудников представительства из иностранных граждан — служащих фирмы. Разрешение теряет силу через 6 месяцев, если в течение этого срока представительство не будет открыто.

Обеспечение представительств служебными и жилыми помещениями осуществляется через местные советские органы, а обслуживание и наем персонала из числа советских граждан —

---

[6] Разрешение выдается на срок, необходимый для осуществления целей, предусмотренных Положением, но, как правило, не свыше двух лет (см.: Постановление Совета Министров СССР № 427 от 23 мая 1977 г. — СП СССР, 1977, № 16, ст. 95, п. 4).

через Управление по обслуживанию дипломатического корпуса (УПДК) МИД СССР.

Оперативные подразделения 6-го Управления КГБ СССР используют эти обстоятельства для создания условий, способствующих успешному осуществлению контрразведывательной работы по представительству, его сотрудникам и членам их семей. В случае необходимости они проводят подготовительную работу по оборудованию помещений оперативно-техническими средствами (стационарное оборудование осуществляется с санкции КГБ СССР на основании служебной записки, составляемой соответствующим отделом за подписью руководства 6-го Управления), добывают дубликаты ключей от сейфов и различных запирающих устройств, используемых в представительстве, принимают меры к поселению заслуживающих оперативного внимания иностранцев в домах, обеспечиваемых наружными постами и другими средствами службы охраны дипломатических представительств (ОДП) 7-го Управления КГБ СССР.

Через офицеров действующего резерва в УПДК в число советских сотрудников, направляемых для работы в представительстве[7] по заявкам последнего, внедряются агенты и доверенные лица органов КГБ СССР либо приобретаются новые источники оперативной информации. Организующее контрразведывательную работу по представительству оперативное подразделение осуществляет спецпроверку всех советских граждан, нанимаемых для работы в нем[8], и оформляет на них допуски к работе с иностранцами либо при наличии компрометирующих материалов или препятствующих обстоятельств в установленном порядке отводит их от этой работы.

Получив разрешение на открытие представительства, фирма направляет в подразделение внешних сношений (ПВС) министерства (в МВЭС СССР — это Управление протокольной службы) документы на аккредитацию в СССР главы представительства и других его сотрудников. ПВС министерства запрашивает мнение об этих лицах соответствующего оперативного отдела 6-го Управления КГБ СССР и осуществляет аккредитацию только с согласия последнего. Аналогично реша-

---

[7] Количество используемых представительством советских сотрудников устанавливается по просьбе фирмы министерством, при котором она аккредитована. Министерство обязательно согласовывает этот вопрос с соответствующим оперативным отделом 6-го Управления КГБ СССР.

[8] В настоящее время представительства иностранных фирм в Москве нанимают советских граждан для работы в следующих должностях: помощник представителя, секретарь-переводчик, инженер (специалист необходимого профиля), секретарь-машинистка (со знанием или без знания иностранного языка), горничная, повар (используются в представительстве и по месту жительства), шофер, телетайпист. Временно нанимаются также няни для детей иностранцев, преподаватели русского языка, музыки, рисования и т. п. Указанные должности могут совмещаться в различных сочетаниях.

ется вопрос о выдаче (на основе взаимности) сотруднику представительства и членам его семьи многократной въездной — выездной визы.

В представляемых на своих сотрудников документах фирма обязана указывать установочные данные на них и членов их семей, сведения об их образовании (когда, где и что закончил, ученое звание и степень, область научной деятельности, наличие изданных трудов и т. п.), послужной список с указанием фирм и организаций, их местонахождения, периода работы в них и занимаемой должности, а также постоянное место жительства, гражданство, когда и с какой целью посещал СССР ранее.

При наличии в представляемых сведениях пробелов (например, временной разрыв в послужном списке) органы КГБ могут вернуть документы на аккредитуемого в министерство, чтобы последнее потребовало от фирмы более подробных сведений. Это затрудняет маскировку возможной связи аккредитуемого со спецслужбой или другой подрывной организацией.

В случае выявления лиц, непосредственно участвующих в подрывной деятельности против нашей страны или осуществлявших ее ранее против других социалистических стран, органы КГБ могут отказать им в разрешении на въезд в Советский Союз.

Контрразведывательное подразделение КГБ проверяет каждого аккредитуемого иностранца по всем видам оперативного учета в 15-м отделе 1-го Главного управления, 10-м отделе КГБ СССР, Управлении «Н» 2-го Главного управления, 6-й службе Оперативно-технического управления и т. п., а также через возможности органов контрразведки друзей и резидентур 1-го Главного управления в соответствующей стране. При наличии архивных или действующих дел оперативного учета в отношении проверяемых лиц эти дела изучаются, а при необходимости (по согласованию с ведущим дело оперативным подразделением) принимаются к производству. Кроме того, первичная проверка осуществляется через возможности 2-го отдела 7-го Управления КГБ СССР (если иностранец ранее проживал в гостиницах Москвы), а также через агентов из числа сотрудников советских учреждений и иностранных граждан, имевших деловые отношения с кандидатом на работу в представительстве.

С КГБ СССР в обязательном порядке согласовывается также количество используемых представительством автомобилей, телефонов, аппаратов множительной техники, телетайпов (разрешение на эксплуатацию последних дается с согласия 16-го Управления КГБ СССР).

По объявлении фирме разрешения на открытие представительства соответствующий отдел 6-го Управления КГБ СССР

заводит литерное дело[9], в котором сосредоточиваются все материалы изучения фирмы, ее представительства и проводимых мероприятий по борьбе с подрывной деятельностью спецслужб противника, осуществляемой с их позиций. На всех аккредитованных сотрудников представительства по получении данных о их въезде в СССР (консульской анкеты) заводятся дела оперативных разработок с целью своевременного выявления и пресечения возможно проводимой ими враждебной Советскому государству работы независимо от наличия данных об их участии в ней[10], после чего осуществляется планирование и проведение в отношении их агентурно-оперативных мероприятий в соответствии с целями разработок.

Таким образом, проводя первоначальные агентурно-оперативные мероприятия, связанные с процедурой открытия в СССР представительств иностранных фирм, банков и организаций и аккредитацией их сотрудников, органы КГБ ведут общепредупредительную работу, создают необходимые условия для эффективной борьбы с подрывной деятельностью противника с рассматриваемых позиций и оказывают содействие осуществляющим внешние торгово-экономические связи министерствам и ведомствам в реализации этих связей. Приведенная выше методика первоначальных агентурно-оперативных мероприятий, на наш взгляд, наиболее полно раскрывает процесс их организации и последовательность осуществления и должна соблюдаться в практической деятельности оперативных подразделений 6-го Управления КГБ СССР, организующих контрразведывательную работу по открытым в нашей стране представительствам иностранных фирм.

На практике оперативные подразделения для проведения всех проверочных мероприятий располагают ограниченным временем. В связи с этим представляется целесообразным осуществлять первичные агентурно-оперативные мероприятия по проверке фирм, ходатайствующих об открытии своих представительств в СССР, заблаговременно. Информация о намерениях фирм должна поступать в оперативные подразделения от офицеров действующего резерва КГБ СССР, работающих в подразделениях внешних сношений или службах безопасности соответствующих министерств и ведомств, либо через иные источники органов КГБ в этих организациях. Как правило, фирмы, добивающиеся аккредитации, известны в течение длительного времени. Они стремятся к активному сотрудничеству с советской стороной, чтобы приобрести преимущество перед просящими об аккредитации конкурирующими фирмами, постоянно интересуются наиболее благоприятными для них условиями и

---

[9] См.: Приказ КГБ СССР № 0076 от 12 июля 1977 г.
[10] См. там же.

временем для подачи соответствующего заявления[11]. Такая ситуация дает возможность не только достаточно изучить фирму еще до ее аккредитации, но и заранее подготовить необходимые условия, силы и средства для организации целенаправленной контрразведывательной работы как по ее представительству, так и по подразделениям фирмы за границей, если они используются спецслужбами противника в подрывной деятельности против СССР.

В целом проведение первоначальных агентурно-оперативных мероприятий в связи с подготовкой и открытием в Советском Союзе представительств иностранных фирм является важным этапом их контрразведывательного изучения в целях выявления возможной связи этих фирм, их представительств и сотрудников со спецслужбами противника и наиболее вероятных направлений использования в подрывной деятельности против нашей страны.

Следует учитывать, что развитие новых прогрессивных форм внешнеэкономических связей СССР с зарубежными странами потребует определенных изменений в правовом регулировании порядка открытия на территории нашей страны различного рода иностранных представительств. В связи с этим отраженные в статье вопросы являются базовой основой для исследований, связанных с прогнозированием и разработкой предложений по совершенствованию правовой и агентурно-оперативной деятельности на данном направлении чекистской работы.

Рекомендована спецкафедрой № 2
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
полковник В. М. Сухарев

---

[11] Затягивание сроков рассмотрения заявлений вызывается различными причинами, например тактическими (выдача соответствующих разрешений приурочивается к политическим мероприятиям, связанным с развитием двусторонних связей СССР со страной нахождения фирмы, либо обусловливается согласием и готовностью фирмы к проведению более лояльной торговой политики по отношению к нашей стране) или организационными (Мосгорисполком в данное время не располагает необходимыми лимитами для предоставления фирме служебного помещения и квартир для аккредитуемых сотрудников и т. п.).

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ТЕОРИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В Высшей школе КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского все более утверждается программно-целевой подход к управлению научными исследованиями. В соответствии с требованиями этого подхода выделен ряд приоритетных междисциплинарных проблем, на разработке которых в первую очередь сосредоточиваются усилия отделов и кафедр, профессорско-преподавательского состава школы. К исследованию этих проблем привлекаются также представители других учебных заведений и практические работники органов КГБ.

Акцент в научной политике делается ныне прежде всего на фундаментальных исследованиях. Поэтому среди указанных приоритетных проблем особое место отводится проблеме теории обеспечения государственной безопасности.

Необходимость в разработке теории обеспечения государственной безопасности назрела уже давно. Органы КГБ испытывают острую потребность в исследовании общих, фундаментальных закономерностей и принципов обеспечения госбезопасности, в выяснении своего места и роли, места и роли различных звеньев политической системы советского общества в этом обеспечении, особенно в условиях развития социалистической демократии и расширения гласности.

Именно на основе такого рода исследований можно правильно определить компетенцию органов КГБ, закономерности, стратегию и тактику их разведывательной и контрразведывательной деятельности, строить надлежащим образом их взаимоотношения с другими государственными органами и общественными организациями.

Несмотря на большую актуальность проблемы теории обеспечения государственной безопасности, ее целенаправленной, планомерной разработки до сих пор, по сути, не проводилось. Происходило преимущественно спонтанное исследование отдельными авторами некоторых вопросов, относящихся к предмету данной теории.

Несколько лет назад задача разработки теории обеспечения государственной безопасности была поставлена перед ря-

дом сотрудников научно-исследовательского отдела Высшей школы, однако их работа ощутимых результатов не дала, поскольку они занимались проблемой в основном индивидуально, не пытались обобщить и осмыслить то, что было сделано ранее, не организовали работоспособного научного коллектива.

В конце 1987 года было принято решение начать планомерную работу, которая в перспективе должна привести к созданию развитой теории обеспечения государственной безопасности. Были поставлены задачи прежде всего обобщить литературу по проблемам данной теории, подготовить программу научных исследований, сформировать работоспособный авторский коллектив.

В соответствии с этим были подготовлены аналитический обзор чекистской литературы «Состояние научной разработки теории обеспечения государственной безопасности» (П. С. Коршиков), научное сообщение на ту же тему (Ю. В. Абрамов)[1], проект программы первоочередных научных исследований по данной теории (П. С. Коршиков).

Как показывает анализ чекистской литературы, идея разработки теории обеспечения государственной безопасности впервые в развернутом виде была сформулирована и обоснована в 1972 году Ю. Е. Булыгиным[2]. Отдельные же проблемы, относящиеся, по существу, к предмету этой теории, исследуются в чекистской литературе с 50-х годов. Раньше других обратился к указанным проблемам Е. И. Борисоглебский, предпринявший попытку дать определение государственной безопасности[3].

В числе первых работ, в которых рассматривались некоторые общетеоретические вопросы обеспечения государственной безопасности, следует назвать лекцию И. С. Розанова «Сущность и основные принципы организации и деятельности органов государственной безопасности СССР» (М., изд. ВШ КГБ, 1959). Довольно обстоятельно эти вопросы были изложены в вышедшей годом позже брошюре Е. Б. Пескова «Компетенция органов государственной безопасности СССР» (М., изд. ВШ КГБ, 1960). Заслуживают упоминания изданные в начале 60-х годов работа М. П. Третьякова и А. Д. Ионина «Органы государственной безопасности в механизме Советского Социалистического государства» (М., изд. ВШ КГБ, 1960), коллективная монография «Правовое положение органов го-

[1] Ю. В. Абрамов принимал участие в разработке программы исследования чекистской литературы, в подборе и анализе этой литературы. Эта программа затем в определенной степени использовалась также при разработке проекта программы первоочередных научных исследований по теории обеспечения государственной безопасности.

[2] См.: Булыгин Ю. Е. К вопросу о чекистской науке. — Сборник материалов о предмете и тематике исследования вопросов теории оперативной деятельности органов КГБ. М., изд. ВШ КГБ, 1972, с. 3—25.

[3] См.: Борисоглебский Е. И. К вопросу о содержании курса чекистских дисциплин (в порядке обсуждения). М., изд. ВШ КГБ, 1955, с. 13.

сударственной безопасности СССР» (М., изд. ВШ КГБ, 1963), лекция Б. П. Курашвили «Предмет, содержание и система специальных дисциплин» (М., изд. ВШ КГБ, 1963).

Важными вехами на пути исследования понятия и сущности государственной безопасности, а также ее обеспечения явились подготовка и издание Контрразведывательного словаря[4], выход в свет книг Л. А. Григоряна «Охрана государственной безопасности — функция социалистической государственной власти» (М., изд. ВШ КГБ, 1970), М. П. Карпушина «Государственная безопасность» (М., изд. ВШ КГБ, 1971), Сборника материалов о предмете и тематике исследования вопросов теории оперативной деятельности органов КГБ (М., изд. ВШ КГБ, 1972).

Из последующих работ следует отметить брошюры Ю. Т. Милько «Обеспечение государственной безопасности СССР и роль органов КГБ в ее осуществлении» (М., изд. ВШ КГБ, 1978), В. П. Ерошина «Некоторые вопросы теории обеспечения государственной безопасности в свете новой Конституции СССР» (М., изд. ВШ КГБ, 1979), монографию М. П. Карпушина «Государственная безопасность и уголовно-правовая борьба с государственными преступлениями» (Спецфонд ВШ КГБ, 1981, № 25739), Сборник материалов межкафедральной дискуссии на тему «Предмет и система специальных дисциплин» (Спецфонд ВШ КГБ, 1983, № 26551), монографию В. М. Колдаева «Политическая система советского общества и обеспечение государственной безопасности» (Спецфонд ВШ КГБ, 1985, № 27668).

В период 1972—1987 годов по этим вопросам были опубликованы статьи Б. С. Тетериным, Ю. Я. Коршуновым, Ю. Б. Долгополовым, С. В. Володиным, Ю. И. Авдеевым, П. С. Коршиковым, А. Н. Николаевым и некоторыми другими авторами.

Важные теоретические положения по вопросам обеспечения госбезопасности содержатся в изданных в Высшей школе учебниках «Специализированный курс советского административного права» (1982 год), «Теория государства и права» (1987 год), в некоторых других работах.

Определенный вклад в разработку теории обеспечения государственной безопасности был внесен участниками научной дискуссии, состоявшейся 13 июля 1988 года в Высшей школе КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского в связи с обсуждением указанных выше документов П. С. Коршикова и Ю. В. Абрамова (дискуссию вел К. Х. Ипполитов).

В ходе дискуссии отмечались сложность и неразработанность проблемы данной теории (В. П. Ерошин), слабый прогресс в ее исследовании, изучение преимущественно исходных

---

[4] Макет словаря был опубликован в 1969 г., а сам словарь издан в 1972 г.

понятий без раскрытия самого механизма обеспечения госбезопасности (Н. Д. Голованов). Была подчеркнута малая продуктивность разработки понятия государственной безопасности, указывалось, что предлагаемые в литературе понятия не опираются на соответствующую эмпирическую базу (В. Н. Струнников).

Ряд участников дискуссии обратили внимание на необходимость новых подходов к пониманию государственной безопасности в свете решений XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции, других документов КПСС. Так, В. П. Ерошин отметил, что ранее наши концепции страдали недооценкой внутренних условий, что государственная безопасность подвергается серьезной угрозе со стороны внутренних негативных процессов, особенно тех, которые деформируют политическую систему. Колоссальный ущерб государственной безопасности нанесли организованная преступность в СССР, и прежде всего та, которая имела поддержку влиятельных фигур наверху, коррупция государственного и партийного аппарата.

В. П. Ерошин выделил в качестве объекта государственной безопасности политическую систему, при этом он подчеркнул, что нужно проявлять осторожность в отношении сферы идеологии, поскольку ранее критические идеологические высказывания рассматривались как посягательства на государственную безопасность.

Позиция В. П. Ерошина о влиянии на государственную безопасность внутренних негативных процессов была поддержана М. П. Третьяковым. По мнению последнего, обеспечение государственной безопасности нельзя связывать только с борьбой на международной арене.

В ходе дискуссии были высказаны конкретные соображения по ряду проблем теории обеспечения государственной безопасности.

В. П. Ерошин подчеркнул, что проблема государственной безопасности имеет множество аспектов: философский, политологический, правовой, криминологический, морально-нравственный. Главный ее аспект — политологический. В. П. Ерошин обратил внимание на большие пробелы в правовом регулировании обеспечения государственной безопасности.

Свои соображения относительно объекта теории обеспечения государственной безопасности высказал М. П. Третьяков. Этим объектом он считает сферу общественных отношений, связанную с защитой закрепленной законом системы политической власти и социально-экономических основ этой власти от подрывной деятельности внутреннего и внешнего противника.

По мнению В. Д. Трофимова, предметом науки о государственной безопасности является специальная область политической сферы общественной жизни. В. Д. Трофимов подверг кри-

тике термин «государственная безопасность», поскольку последний неадекватен той действительности, которую он призван отразить. В. Д. Трофимов считает, что этим термином фактически обозначается одна из областей политики — специальная область, которая охватывает следующие явления: специальные политические субъекты (силы), их специальную политическую деятельность (в которой используются специальные средства, методы и конспиративные формы), специальные политические отношения, специальные политические объекты. Частные закономерности развития этой специальной области соответствуют общим закономерностям развития политической сферы общественной жизни. Содержание этой специальной области предстоит выяснить чекистской науке.

В. Н. Струнников говорил о важной для органов КГБ проблеме, связанной с несовпадением их компетенции с понятием государственной безопасности. Это несовпадение, отметил И. А. Бушуев, подталкивает органы к расширению сферы своей деятельности.

Своими соображениями о структуре теории обеспечения государственной безопасности поделился В. В. Мунтян. По его мнению, данная теория имеет три уровня: доктрина (что такое госбезопасность, компетенция органов КГБ, степень участия других органов в обеспечении госбезопасности); система знаний о подрывной деятельности противника; теория разведки и контрразведки.

Большое внимание было уделено поиску путей дальнейшей разработки теории обеспечения государственной безопасности. По словам В. Д. Трофимова, для того чтобы разобраться в какой-то теоретической проблеме, в частности в проблеме теории обеспечения государственной безопасности, необходимо ее поставить в систему координат существующей марксистско-ленинской науки о развитии общества. Все общественные науки можно классифицировать по сферам общественной жизни. Обеспечение госбезопасности лежит в сфере политики. Поэтому наука, изучающая это обеспечение, должна находиться в рамках марксистско-ленинской политологии, которая только начинает складываться.

В. Н. Комков высказал мысль о важном значении проблемы выбора теоретико-методологических оснований теории обеспечения государственной безопасности. По его мнению, разработка этой теории неразрывно связана с видением диалектики глобальной безопасности. Государственная безопасность есть элемент всеобщей безопасности, и ее обеспечение зависит от состояния экономической, военной, технологической, экологической и других видов всеобщей безопасности.

В. Н. Комков обратил также внимание на связь подходов к исследованию теории обеспечения госбезопасности с господ-

ствующими в обществе концепциями, на детерминированность чекистской науки общим уровнем развития общественных наук.

Ценность подхода к построению теории обеспечения госбезопасности с позиций политологии отметил К. Х. Ипполитов. Он указал также на большое значение для разработки этой теории концепции социалистического правового государства.

Н. Д. Голованов подверг критике содержащееся в аналитическом обзоре П. С. Коршикова положение о том, что переработка существующих в чекистской науке понятий, идей, гипотез и утверждений, наполнение их более широким содержанием может стать одним из магистральных направлений развития теории обеспечения госбезопасности. По его словам, необходимо повернуться лицом к действительности, а не к понятиям.

К большему реализму, к более взвешенному подходу к исследованию проблем теории обеспечения государственной безопасности призвал участников дискуссии В. Н. Струнников. Он выразил, в частности, сомнение в необходимости рассматривать проблемы этой теории во всех ее аспектах. Надо, считает он, определиться относительно того, что делать сотрудникам КГБ, установить функциональное назначение чекистских органов, отграничить обеспечение госбезопасности от других функций. Серьезное внимание надо уделить анализу и прогнозированию подрывной деятельности противника.

Участниками дискуссии было высказано много критических замечаний и полезных рекомендаций по доработке представленных на их обсуждение материалов. Развернутые предложения по структуре и содержанию программы научных исследований по теории обеспечения государственной безопасности были высказаны В. Н. Комковым, В. В. Мунтяном, В. К. Кленовым, некоторыми другими выступавшими.

Итоги дискуссии подвел С. В. Дьяков. В целом положительно оценив проделанную работу по обобщению имеющейся литературы и по подготовке программы научных исследований по проблемам теории обеспечения государственной безопасности, отметив недостатки и упущения в этой работе, он остановился на некоторых проблемах данной теории, развития чекистской науки.

Необходимо, подчеркнул он, прежде всего продолжить обобщение научной литературы, посвященной вопросам теории обеспечения госбезопасности, причем не только чекистской.

При исследовании проблем госбезопасности важно учитывать и анализировать источники опасности, не ограничивая их только лишь спецслужбами противника. Тщательного изучения заслуживают деятельность враждебных элементов, а также определенного рода негативные процессы внутри страны.

Подход к разработке теории обеспечения государственной безопасности должен быть многоаспектным (не следует забывать правовые, страноведческие и другие аспекты), исследова-

ния надо вести в широком контексте явлений и процессов в политической и иных сферах жизни общества. Тезис программы о том, что теория обеспечения госбезопасности находится в основном в рамках чекистской науки, вызывает сомнение. Вообще вопрос о взаимосвязях чекистской и других наук заслуживает самого серьезного внимания.

Развитие чекистской науки должно идти, как представляется, в двух основных направлениях: выяснение закономерностей, присущих только лишь деятельности органов государственной безопасности; ассоциативное использование данных фундаментальных наук в преломлении к решению задач обеспечения государственной безопасности. Последнее направление будет способствовать фундаментализации всей чекистской науки, ее специальных дисциплин, хотя бы частичному преодолению ее замкнутости.

Перед наукой стоит задача правильно отразить происходящие изменения и наметить пути совершенствования обеспечения государственной безопасности в новых условиях. Например, у нас хорошо представлена та сторона демократии, которая работает на защиту личности, а та сторона, которая обязывает к порядку, дисциплине, пониманию чувства долга, проработана очень слабо.

Требуется постоянное динамическое отслеживание процессов по важнейшим проблемам чекистской науки. Взять, например, традиционную проблему агентуры, главного нашего оружия. Ныне агентурная работа претерпела очень большие изменения, многие наши представления о ней устарели, и она требует серьезного переосмысления применительно к современным условиям. У нас же часто преобладает «взрывной» подход, работа над теми или иными проблемами ведется импульсивно. Это лишает нас возможности прогнозировать события. Пока не будет научного динамического отслеживания процессов, протекающих в жизни, пока не будут даны ответы на вопросы, которые ставит жизнь перед нашей теорией, мы будем топтаться на месте.

В научных исследованиях необходимо преодолеть кафедральную раздробленность, усилить их комплексность и практическую направленность, следует решительно уйти от игры в понятия, нужно отталкиваться прежде всего не от понятий, а от содержания. Понятия и термины обычно начинают формироваться тогда, когда для этого накоплен достаточный мыслительный материал, результаты конкретных исследований, в том числе в рамках комплексных программ.

Требуют серьезного осмысления проблема правового регулирования обеспечения государственной безопасности, вопросы места и роли органов КГБ в обеспечении госбезопасности в условиях правового социалистического государства, их компетенции.

Наука призвана разработать четкую систему комплексной правовой защиты государственной безопасности, используя для решения этой задачи возможности всех отраслей права. Нуждаются в глубоком исследовании такие проблемы, как применение институтов права в деятельности советской контрразведки, правовые основы профилактической деятельности органов КГБ, правовой механизм реабилитации по делам о государственных преступлениях.

Ученые-юристы не должны упустить возможности исторического этапа кодификации законодательства, в процессе которого можно реализовать выработанные концепции в области административного, уголовного, уголовно-процессуального, международного права.

Научно-исследовательский отдел
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Кандидат философских наук
старший лейтенант *М. Г. Дегтярев,*
подполковник *В. А. Волчанский*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЧЕКИСТСКОГО ЗНАНИЯ

Одна из задач, стоящих перед чекистским знанием на современном этапе, как это неоднократно указывалось руководством КГБ СССР, состоит в необходимости совершенствования планирования и управления контрразведывательной деятельностью органов КГБ.

Средством достижения указанной цели может быть метод моделирования контрразведывательных явлений и процессов, и в частности метод математического моделирования. Качество моделей, то есть их адекватность, полнота, надежность, в значительной мере обусловлены степенью полноты исходного информационного базиса моделируемого явления, чем и объясняется необходимость разработки методов, позволяющих точно регистрировать не только качественные, но и количественные факторы контрразведывательной деятельности.

Диалектико-материалистическое представление о единстве качественно-количественной определенности любых явлений действительности и гносеологическое требование выявления и формулирования количественных закономерностей деятельности органов государственной безопасности выдвигают на первый план проблему измерения в системе чекистского знания. Вместе с тем нельзя не отметить, что до недавнего времени категория «измерение» и связанная с нею проблематика были чужды контрразведке, да и в настоящее время в кругах теоретиков и практиков даже сам этот термин в ряде случаев вызывает недоумение и скепсис по поводу правомерности постановки проблемы измерения в системе соответствующего знания. Дело в том, что в развитии системы чекистского знания в отношении применяемых в ней средств и методов познания до сих пор преобладал, если можно так выразиться, «прагматистский подход» в рамках общего метода «проб и ошибок»: применялись, использовались и удовлетворяли те методы исследования, которые давали хоть какой-нибудь научно-практический результат. Возникает вопрос: «А разве это плохо?» Нет, это хорошо... Но хорошо лишь в рамках суммативной системы знаний. И явно недостаточно в рамках такой системы знаний, которая претендует на роль т е о р и и. В связи с этим актуальность методологического осмысления уже накопленного материала, имеющихся средств, методов его получения чрезвычайно возрастает.

Проблема измерения величин, характеризующих явления и процессы контрразведки, возникает в силу очевидного несоответствия: с одной стороны, достаточно четко воспринимаемые количественные различия на эмпирическом уровне познания, с другой — исключительная трудность их адекватного числового выражения на теоретическом этапе исследования. Самое элементарное представление о высокой работоспособности или низком уровне инициативности того или иного агента имеет абсолютное большинство оперработников, но они, как правило, менее ясно представляют, как измерить величину этой высокой работоспособности или низкой инициативности. Очевидно, что значимость решения задач такого рода не сводится лишь к познанию количественной определенности указанных или каких-либо других характеристик, что важно и само по себе. Другая, быть может, еще более актуальная задача измерения состоит в требовании различения (количественного и качественного), выделения одних характеристик среди других — родственных, подобных, связанных между собой, как в данном случае, но в конечном счете не тождественных друг другу. Научно-практическая значимость решения указанных задач, на наш взгляд, не подлежит сомнению.

Возрастающая математизация современных научных дисциплин, применение электронно-вычислительной техники, автоматизация ряда экспериментально-измерительных процедур, расширяющееся использование количественных методов исследования — все эти особенности современной науки обусловливают особую актуальность методологического анализа применения метода измерения, его структуры и функций для исследования проблем деятельности органов КГБ. Актуальность такого рода анализа вызывается и другим, еще более важным обстоятельством — необходимостью методологического осмысления, анализа всей системы чекистского знания, развитие которой в настоящий момент характеризуется тем, что на повестку дня встал вопрос о превращении ее в чекистскую науку, в теорию контрразведки.

К этому, пожалуй, следует добавить лишь то, что своего рода «бум», имевший место некоторое время назад и связанный с применением и определенной переоценкой количественных методов в теоретических исследованиях и практике, спал, а задача количественного выражения тех или иных характеристик контрразведывательной деятельности осталась. Это обстоятельство в свою очередь актуализирует методологический анализ проблемы измерения в плане преодоления имевших место недостатков и поиска возможных перспектив и стимулов эффективного применения количественных методов. В методологическом плане речь, собственно, должна идти о выяснении тех положений, на которых основывается применение количественных методов и которые не могут не исходить из определен-

ных предпосылок, будь то сознательно принятая философская теория или неосознанно используемая концепция, связанная с каким-либо философским направлением.

В рамках общего решения проблемы измерения вопросы применения количественных методов в контрразведке широко обсуждаются в чекистской литературе[1]. Однако общеметодологический уровень обсуждения порой страдает недостаточной конкретностью и четкостью используемого понятийного аппарата. Поэтому обсуждение проблемы измерения и связанных с ней вопросов часто приобретает не соответствующую ее содержанию форму и порождает противоречивое отношение к самой проблеме — от резко отрицательного до восторженного. Представляется, что и по этой причине логической разработке понятийного аппарата проблемы измерения следует уделять больше внимания, чем это делалось до сих пор.

Характерной особенностью проблемы измерения в системе чекистского знания является наличие целого ряда методологических вопросов, среди которых целесообразно выделить два круга проблем. *Первый* — это проблемы логико-методологического характера: что́ является объектом измерения при исследовании контрразведывательной деятельности, что́ представляет собой сама процедура измерения, что́ такое количественные и качественные методы такого исследования. *Второй круг* — проблемы философско-гносеологического характера; наиболее существенными здесь являются вопросы об объективных основаниях, границах применимости и возможностях метода измерения.

Анализу этих вопросов и посвящена данная статья, авторы которой сознательно исходили из тезиса о том, что решение методологических проблем — необходимое условие эффективного применения метода измерения и плодотворного использования на его основе средств математического, кибернетического анализа контрразведывательной деятельности. Справедливо сказано: «...Как только внимание к вопросам методологии снижается, так сразу же вакуум будет заполняться теоретическим

---

[1] См., например: Фролов А. П., Ведяев Ю. А. К вопросу о применении кибернетики в деятельности органов КГБ. — Труды ВШ КГБ, 1970, № 1, с. 171—182; Фролов А. П., Ведяев Ю. А. К вопросу о применении количественных методов в деятельности советской контрразведки.— Труды ВШ КГБ, 1972, № 5, с. 67—93; Ведяев Ю. А. Метод моделирования и его роль в выявлении агентуры империалистических разведок, действующей на территории Советского Союза. Автореф. канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1970; Пальчиков Ю. Д. К вопросу о статистических показателях, используемых при анализе и оценке агентурной деятельности. — Труды ВШ КГБ, 1979, № 19, с. 113—128; Пальчиков Ю. Д. О применении методов статистики в анализе и оценке отдельных сторон агентурной деятельности. — Труды ВШ КГБ, 1977, № 14, с. 35—46; Богомолов А. Г. О некоторых возможностях применения математических методов для оценки агентуры. — Труды ВШ КГБ, 1984, № 32, с. 163—170, и др.

суррогатом, далеким от диалектико-материалистического подхода...»[2]. По словам К. Маркса, «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»[3].

* *
*

В научной литературе существуют различные взгляды на объект измерения. Представители естественных наук считают таковым величины[4]. Этой же точки зрения придерживаются некоторые представители социальных наук, а также отдельные авторы в чекистской литературе[5]. Однако вряд ли можно считать, что само понятие величины, особенно в его применении к социально-политическим (в том числе и контрразведывательным) явлениям, выяснено окончательно.

Одни авторы утверждают, что измерению подвергаются свойства предметов. Другие полагают, что измерению подлежат не все свойства (при этом они не определяют, какие именно свойства составляют исключение)[6].

Наиболее правильным ответом на вопрос об объекте измерения независимо от его отнесенности к физическим или социальным явлениям, по нашему мнению, является следующий: объект измерения — это величины, которые представляют собой особые характеристики явлений действительности, а именно их количественные характеристики.

Устоявшееся мнение о принадлежности метода измерения к количественным методам исследования вызывает необходимость остановиться подробнее на видах или типах возможных характеристик объектов действительности.

Как известно, одна из задач научного познания — охарактеризовать, обобщить, выделить тот или иной объект исследования, то есть указать его признаки[7]. Признак — это любая возможная характеристика предмета, все, что можно осмысленно высказать о предмете. Вместе с тем в современной философии с самых общих позиций принято различать лишь качественные и количественные характеристики предметов, в со-

---

[2] Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., Юридическая литература, 1976, с. 123.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 7.

[4] Гутнер Л. М. Философские аспекты измерения в современной физике. Изд. ЛГУ, 1978; Маликов М. Ф., Тюрин Н. И. Введение в метрологию. М., Наука, 1965, и др.

[5] См., например: Фролов А. П., Ведяев Ю. А. К вопросу о применении кибернетики в деятельности органов КГБ. — Труды ВШ КГБ, 1970, № 1, с. 171—182.

[6] Утверждение Э. П. Андреева и Г. В. Осипова, что измеряют «не все свойства, а только те, которые можно измерить», едва ли можно считать удовлетворительным. (См.: Андреев Э. П., Осипов Г. В. Методы измерения в социологии. М., Наука, 1977, с. 55.)

[7] В логике признаком называется все то, в чем предметы сходны или различны между собой.

ответствии с этим и гносеологические акценты также оформились как качественные или количественные методы исследования.

Качественными характеристиками называют все то, что присуще предмету самому по себе. Так, например, качественными характеристиками агента являются его национальность, пол, семейное положение, образование, профессия, наличие связей, представляющих оперативный интерес, и т. д.

Свойство есть проявление некоторого качества во взаимодействии предмета с какими-либо другими предметами. Так, наличие определенного должностного положения агента из числа военнослужащих, например начальник штаба (его качественная характеристика, то есть качество), проявляется в таком свойстве, как его объективная возможность влиять на установление должного режима секретности. Лидирующее положение агента в неформальной группе (то есть его качество) проявляется, в частности, в наличии у него возможности оказывать позитивное влияние на негативные процессы в этой группе.

В методологическом плане качество, качественный подход, качественный метод означают такое изучение предмета, которое осуществляется без указания на степень проявления, интенсивность его возможных характеристик.

К количественным характеристикам предметов относятся, например, такие, как возраст, срок негласного сотрудничества агента с органами КГБ, число сообщений, представленных агентом, число проведенных с агентом встреч, количество поощрений и т. п., то есть все, что допускает сравнение типа «равно», «меньше», «больше» и в принципе может быть выражено числом с некоторой размерностью. Характеристики такого рода называются величинами. Важно отметить, что сравнения типа «равно», «неравно» как количественные характеристики следует отличать от внешне схожих с ними характеристик типа «тождественно», «нетождественно», которые являются качественными.

Величины как количественные характеристики явлений отличны от тех или иных свойств, которые, как было показано выше, представляют собой качественные характеристики явлений. Однако в литературе величины нередко отождествляются со свойствами. Это происходит потому, что величины как количественные характеристики представляют собой степени свойств, причем свойств определенного типа, а именно тех, которые обладают интенсивностью. Следовательно, те свойства, которые нельзя измерить, не имеют степеней, их можно назвать «исключительно качественными» (например, «быть оперативным работником», «являться агентом органов КГБ», «быть квадратом», «быть простым числом» и т. д.). Однако в методологической литературе распространено мнение, что лю-

бое свойство, любой признак (то есть качественные характеристики) объекта могут быть количественно охарактеризованы. «В познании любой признак исследуемого предмета имеет качественную и количественную определенность, и в конечном счете важно установление определенности обеих сторон»[8]. Сторонники этих взглядов видят онтологическое основание для такого рода утверждений в философском тезисе о единстве качественно-количественной определенности любых явлений и процессов окружающего мира, однако гносеологическая реализация этого фундаментального положения диалектико-материалистической философии, по нашему мнению, требует более тщательного анализа.

Очевидно, что объективное существование свойств, не имеющих степеней (количественно не определенных), вовсе не опровергает упоминавшийся тезис философии, а свидетельствует о необходимости более детального подхода к его трактовке. В нем речь идет о единстве качественно-количественной определенности любых объектов действительности. Перенос же его и на любые свойства этих объектов является несостоятельным, хотя бы потому, что сами объекты и свойства, которыми они обладают, — это вещи разные.

Итак, **объектом измерения** являются величины, которые представляют собой степени свойств и относятся к количественным характеристикам предметов.

В методологическом плане количество, количественный подход, количественный метод означают такого рода изучение предметов, которое осуществляется с целью указания интенсивности, степеней проявленности его возможных характеристик.

Указывая на методологические различия качественных и количественных методов исследования, мы должны помнить, что основания этих различий лежат в самом объективном мире, в онтологическом различии качества и количества. Это необходимо потому, что абсолютизация указанных методологических подходов может привести к крайне субъективной трактовке категорий качества и количества, что и наблюдается в методологии позитивизма (Р. Карнап). С другой стороны, не менее важно сознавать, что онтологическое различие категорий качества и количества не означает отсутствия их единства, которое проявляется в том, что количественной определенностью могут обладать лишь качественно определенные объекты действительности. Четкое и правильное представление о соотношении философских категорий «качество» и «количество» играет важную роль для системы чекистского знания при решении вопроса о существовании так называемых «чисто коли-

[8] Тимофеев И. С. Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М., Наука, 1972, с. 42.

чественных» методов в исследовании ее проблем[9]. Такая точка зрения не выдерживает критики, если принять во внимание, что величины (количественные характеристики) представляют собой степени свойств (качественных характеристик), то есть не может быть степеней свойств вне существования самих свойств. Следовательно, указывая (так или иначе) на количественную определенность того или иного объекта исследования, мы одновременно указываем и на его качественную определенность. Таким образом, различие качественных и количественных методов исследования деятельности органов КГБ заключается в том, что, если в первом случае мы ограничиваемся лишь указанием на наличие или отсутствие того или иного свойства, во втором случае мы, кроме того, указываем на степень интенсивности свойства, уровень его проявления в том или ином объекте исследования[10].

Вместе с тем понятие «чисто количественный метод исследования» не лишено определенного смысла, ибо категории «качество» и «количество» синтезируются в категории «мера» и объективно отражают то обстоятельство, что в пределах меры количественные характеристики могут существенно изменяться, варьироваться без существенного изменения качественной определенности объекта. А соответствующие методы, фиксирующие лишь количественные изменения в пределах меры, и получили название «чисто количественных методов». Некоторые исследователи воспринимали подобные объективные факты неадекватно, что нередко способствовало превращению настороженного отношения к количественным методам в нигилистическое, отрицающее их эвристическую ценность, которая проявляется хотя бы уже в том, что эти методы способны наметить количественные границы качественной определенности исследуемого объекта.

Важность адекватных представлений о философских категориях «качество» и «количество» обусловливается также тем обстоятельством (имеющим принципиальное значение для избежания неопределенности, ведущей, по крайней мере, к недоразумениям), что в чекистской литературе термины «качество», «качественный» употребляются не только для обозначения соответствующей философской категории при ее применении в практике научных исследований, но и для обозначения своей противоположности (количества, количественной характеристики). Такое употребление термина «качество» наблюдается в основном тогда, когда речь идет об оценках (критериях) уровней, степеней, интенсивностей функционирования, соответствия, состояния и т. п. какого-либо объекта, то есть тогда,

---

[9] Такое мнение усматривается в некоторых работах С. С. Филиппова и отдельных статьях, опубликованных в Сборнике КГБ.

[10] Вопрос о способах, уровнях такого указания излагается ниже.

когда, по существу, речь идет о некоторого рода количественных характеристиках.

Примером употребления термина «качество» в первом (качественном) смысле может служить следующая дефиниция: «Качество — это определенность системы, неразрывно связанная с ней, выражающая ее отличие от других объектов и связи с ними»[11].

Примером употребления этого термина во втором смысле (количественном) является рассмотрение И. И. Грабко качества контрразведывательной деятельности как совокупности «характеристик, показывающих степень соответствия (выделено нами. — **Авт.**) этой деятельности определяющим ее требованиям ЦК КПСС и Советского правительства, законам и подзаконным актам Советского государства, приказам и указаниям руководства КГБ в обеспечении государственной безопасности»[12]. В одном из органов КГБ под качественной характеристикой агентурного аппарата понимается «процент содержания в нем ценных агентов, способных наиболее полно выполнять контрразведывательные задачи»[13].

Ясно, что в такого рода контекстах, по существу, речь идет о некоторого рода количественной определенности тех или иных объектов, систем и т. д., хотя и употреблен термин «качество».

Итак, следует подчеркнуть, что попытки ответа на частные вопросы проблемы измерения (например, объект измерения) приводят к необходимости исследования более общих проблем методологии науки, что, безусловно, свидетельствует о философском статусе проблемы измерения в системе чекистского знания.

* *
*

Что касается определения самой процедуры измерения, то, несмотря на длительную историю данного метода познания и практику широкого применения в различных науках, в литературе до сих пор нет общего, признанного всеми определения измерения как количественного метода исследования. Более того, у некоторых представителей чекистского знания, работающих с количественными методами в прикладном плане, часто возникает вопрос: а есть ли необходимость в выработке подобных определений? И на этот вопрос очень часто дается отрицательный ответ. Заметим, что, на наш взгляд, подобная пози-

---

[11] Рамеев О. А., Федчуков В. П., Толстов В. Г. Основы теории управления и информации. М., изд. ВШ КГБ, 1983, с. 76.

[12] Грабко И. И. Проблемы отчетности в контрразведывательной деятельности особых отделов КГБ при Совете Министров СССР. Автореф. канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1976.

[13] Фонд спецбиблиотеки ВКВК КГБ СССР. Документ, инв. № 121000, с. 6.

ция является следствием упомянутого прагматистского, в значительной мере инструменталистского, подхода (быть может, не осознанного) в интерпретации средств познания, применяемых для исследования контрразведывательной деятельности. При таком подходе, такой методологической установке в конечном счете, как известно, неадекватно решается вопрос об объективности нашего знания, и, кроме того, это не позволяет в каком-либо обобщенном виде аккумулировать наши представления о том или ином методе исследования, что в свою очередь затрудняет ви́дение недостатков и возможных перспектив его применения, ограничивая его удовлетворительной ситуацией лишь сегодняшнего дня.

В чекистском знании измерение определяется как процедура сравнения с некоторым эталоном (критериями, моделью, целью, набором признаков и т. п.), как оценка, вычисление, шкалирование, ранжирование, приписывание чисел по определенным правилам и т. д.[14]

Наличие различных точек зрения на определение метода измерения, различных подходов к определению количественных оценок, количественных выражений тех или иных характеристик контрразведывательной деятельности, а также мнений об их возможностях и границах применения является отображением, спецификацией той дискуссии по указанным проблемам, которая ведется в социологии и других общественных науках[15].

Так, многие авторы считают: решительно все, даже самые сложные, социальные явления могут быть измерены; что же касается реализации данной возможности, то она целиком зависит «от нашего умения найти или изобрести надежную измерительную процедуру»[16]. Другие придерживаются мнения, что «язык математики, каким бы совершенным он ни был, ни сейчас, ни в обозримом будущем не в состоянии выразить и смоделировать опыт, интуицию, способность к предвидению, чувства и волю людей, их творческие способности»[17]. Третьи подчеркивают: «Опыт свидетельствует, что даже такие тонкие характеристики, как мнение людей друг о друге, уровень интеллектуальных, моральных, деловых, волевых качеств, могут быть выражены в количественной форме»[18].

---

[14] См., например, работы А. П. Фролова, Ю. А. Ведяева, О. А. Рамеева, В. П. Федчукова и В. Г. Толстова, М. З. Бандуристого и С. В. Корнакова, С. С. Филиппова, Ю. Д. Пальчикова и др.

[15] См., например, работы Г. В. Осипова, Э. П. Андреева, В. А. Ядова, А. Г. Здравомыслова и др.

[16] Ядов В. А. Социологическое исследование. М., Мысль, 1972, с. 78.

[17] Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М., Политиздат, 1981, с. 223.

[18] Аганбегян А. Г., Шубкин В. Н. Социальные исследования и количественные методы. — В сб.: Количественные методы в социологии. М., Наука, 1966, с. 18.

Аналогичные полярные мнения высказываются и в чекистской литературе[19].

Избежать подобных «дискуссий» можно, если соотносить возможности метода измерения с определенными уровнями измерения, поставив вопрос на четкой логико-методологической основе. Иначе говоря, следует решить: что означает «можно измерить, нельзя измерить, можно выразить (оценить) количественно, нельзя или трудно количественно выразить (оценить)» ту или иную характеристику того или иного объекта исследования, в том числе и в чекистском знании? Важность четкого, последовательного уяснения этого вопроса и возможных ответов на него обусловливается следующими обстоятельствами.

Исходя из вышеизложенного понимания категорий «качество» — «количество», мы видим, что, говоря «работоспособность агента «Иванова» не равна работоспособности агента «Петрова», мы, безусловно, даем количественную характеристику. С другой стороны, говоря, что инициативность агента «Иванова» больше (или меньше) инициативности агента «Петрова», мы также даем количественную характеристику. Наконец, указывая, что с агентом «Ивановым» проведено явок на 7 больше, чем с агентом «Петровым», мы тоже характеризуем это количественно. И наконец, констатируя, что агент «Иванов» получил в два раза больше заданий в отношении конкретных лиц, мы и в этом случае даем количественную характеристику интересующих нас объектов исследования.

Очевидно, что все приведенные характеристики агентов «Иванова» и «Петрова» обладают определенной общностью, а именно являются количественными в указанном смысле характеристиками. Тем не менее нельзя не видеть, что эти количественные характеристики существенно различаются по степени точности, по полноте информации. В первом случае мы отвечаем на вопрос «равно или не равно», во втором — «больше или меньше», в третьем — «на сколько (больше или меньше)», в четвертом — «во сколько (больше или меньше)» значение одной величины по сравнению с другой (однородной с ней) величиной. Встает вопрос, что же означает «можно или нельзя количественно выразить (оценить, измерить) то или иное свойство какого-либо объекта»? Ответ на него невозможен без рассмотрения проблемы измерения в рамках системы более абстрактных понятий, что обусловливает необходимость подойти к решению этой проблемы с некоторой общей точки зрения. Можно предположить, что в свете относительно абстрактных понятий многие частные вопросы проблемы измерения будут более конкретными, ибо такой характер абстракции, ведущей к воз-

---

[19] См., например, статьи А. П. Фролова, Ю. А. Ведяева, В. С. Рыжова, С. В. Корнакова, С. С. Филиппова, В. Ф. Шмелева и др.

растающему числу опосредований и определений, к возрастающей конкретности, — общая черта диалектического анализа.

Необходимость такого подхода обусловливается, кроме того, еще и тем, что изначально само понятие «измерение» было сформулировано в результате анализа измерительных процедур в естественных науках и в его содержании зафиксированы специфические особенности лишь этого вида измерений и не вскрываются некоторые существенные, на наш взгляд, черты метода измерения, возникающие при его применении в социально-политических науках, в частности в системе чекистского знания.

Следовательно, задача — найти экспликацию понятия «измерение», которая была бы адекватна современным методологическим представлениям об этом методе. Такое истолкование, по существу, должно выполнять роль обобщенного представления о методе измерения, одна из главных гносеологических характеристик которого состоит в направленности на познание количественной определенности объектов действительности. Научно-практическая ценность подобной экспликации состоит в том, что она позволяет классифицировать имеющиеся частные количественные методы познания с единой позиции. Это в свою очередь послужило бы методологической основой для правильной организации и проведения социологических исследований деятельности органов КГБ, а также для адекватной интерпретации результатов этих исследований, поскольку они в значительной степени связаны с задачей измерения (количественного выражения) величин, характеризующих явления и процессы контрразведки.

Среди множества подходов к экспликации понятия «измерение» наиболее оптимальным, на наш взгляд, является подход С. С. Стивенса—П. Суппеса—Дж. Зинеса, получивший название «общая теория измерения»[20]. Общность рассмотрения проблемы в концепции указанных авторов состоит в том, что они трактуют измерение как определенную математическую операцию, а именно как отображение некоторой эмпирической системы в числовую. Основываясь на идеях С. С. Стивенса о том, что в самом широком смысле измерение есть приписывание чисел объектам или событиям и возможно прежде всего потому, что существует некоторого рода изоморфизм эмпирических отношений между объектами и свойствами формальной числовой системы[21], П. Суппес и Дж. Зинес трактуют измерение как установление соответствия (изоморфизма, гомоморфизма) между эмпирической и числовой системами с отно-

---

[20] См.: Стивенс С. С. Математика, измерение и психофизика. — В кн.: Экспериментальная психология. М., Иностранная литература, 1960, с. 19—89; Суппес П., Зинес Дж. Основы теории измерений. — В кн.: Психологические измерения. М., Мир, 1967, с. 9—110.

[21] Стивенс С. С. Математика, измерение и психофизика, с. 19—89.

шениями. Числовой системой называется система с отношениями $<A, R_1, \ldots R_n>$, у которой область A — некоторое множество действительных чисел. Эмпирические системы — это те системы, области которых являются множеством «таких элементов, как веса, предметы, состояния»[22].

Анализируя ряд примеров, авторы приходят к выводу, что множество конкретных процедур измерения может быть разбито на существенно различные типы, каждый из которых относится к той или иной шкале. Шкала определяется как кортеж длины три $<U, L, f>$, где U — эмпирическая система с отношениями, L — числовая система с отношениями, f — функция, которая изоморфно (гомоморфно) отражает U в L. Тип шкалы определяется свойствами единственности отображения f, а последнее — определенным типом математических преобразований, которые называются допустимыми преобразованиями шкалы. Авторы показывают, какие именно преобразования (линейные, монотонные и др.) определяют тип шкалы, причем множеством типов преобразований определяется множество типов шкал. Шкалы — это своего рода уровни измерения в том смысле, что каждый тип шкалы определяет интуитивно непротиворечивое применение тех или иных математических операций.

Таким образом, инвариантность установленного соответствия между эмпирической и числовой системами относительно некоторых видов преобразований приводит к различным шкалам, понимаемым как уровни измерения: указывая для каждой шкалы ее допустимые преобразования, мы указываем и тот тип математического аппарата, который является допустимым для обработки числовой информации, полученной в этой шкале.

На основе анализа С. С. Стивенс пришел к выводу, что измерение (приписывание чисел по определенным правилам) тех или иных характеристик того или иного объекта есть определенное (математическое) моделирование самого объекта, а в процессе этого моделирования различение различных правил приписывания чисел играет существенную роль, ибо помогает определить, в какой мере математическая модель соответствует тому, что она представляет. А это, как справедливо считает С. С. Стивенс, очень важно, ибо «если это соответствие между формальной моделью и эмпирическим объектом, который она репрезентирует, оказывается строгим и точным, то мы можем раскрыть истину относительно самого предмета изучения, исследуя лишь его модель»[23].

Необходимо отметить, что предложенную П. Суппесом экспликацию понятия «измерение» нельзя признать вполне удовлетворительной: она не полностью адекватна содержатель-

[22] Суппес П., Зинес Дж. Основы теории измерений, с. 9—110.
[23] Стивенс С. С. Математика, измерение и психофизика, с. 19—89.

ному пониманию **метода измерения** как метода познания, связанного с выяснением количественной определенности явлений действительности. Это в первую очередь касается вопроса об объекте измерения. Согласно характеристикам понятия объекта измерения в шкальной модели измерением является и простое приписывание чисел предметам любого множества: нумерация призывников, зданий, футболистов и т. д. Это, естественно, вызывает справедливую критику, поскольку подобные операции не связаны в гносеологическом плане с выяснением количественной определенности объектов исследования. Дело в том, что при таком определении измерения любой акт различения любых объектов отождествляется с измерением, что, конечно, неверно, ибо не соответствует методологическому пониманию измерения как метода, направленного на познание, фиксацию количественной определенности объектов действительности. В более узком смысле речь идет о методологическом понимании функций чисел в познании: об их использовании в количественном смысле (для обозначения величин) и в качественном (в функции меток, идентификаторов объектов). Безусловно, использование чисел для обозначения величин предполагает различение объектов, обладающих ими, но, что принципиально, измерение не сводится к этой процедуре, которая является лишь необходимым условием измерения. В рассмотренной же концепции это условие в конечном счете трактуется и как достаточное (в шкалах наименований и порядка) условие.

Сторонники рассматриваемой концепции могут возразить (и возражают), что такое понимание измерения введено по определению. С такого типа аргументацией (конвенционалистской) на первый взгляд спорить трудно. И единственный выход — показать упомянутую выше неадекватность принятого определения. Она уже была показана нами, заметим лишь, что рассматриваемое в гносеологическом плане понимание измерения «снимает» вопрос объективного существования качественной и количественной определенности объектов действительности, объявляя его псевдопроблемой, и неправомерно в философском плане, сводя **онтологическое различие** категорий «качество» и «количество» к **различию применяемого инструментария** при познании этих категорий.

Неясность в вопросе об объекте измерения проявляется у авторов анализируемой концепции также и в трактовке понятия «эмпирической системы с отношениями», служащей основой измерения, как множества таких предметов, как веса, предметы, состояния.

Исходя из изложенного понимания величины (как объекта измерения), эмпирическую систему с отношениями (как основу измерительных процедур), на наш взгляд, следует рассматривать как множество классов эквивалентностей — **классов явлений** с одинаковыми степенями интересующего нас свойст-

ва (в плане измерения). С гносеологической точки зрения эмпирическая система с отношениями представляет собой результат определенной классификации и упорядочения явлений по интенсивности характеризующих их свойств.

С другой стороны, трактовка П. Суппесом и Дж. Зинесом измерения как установления изоморфизма (гомоморфизма) между эмпирической и числовой системами с отношениями, будучи верной в принципе, требует, на наш взгляд, дальнейших уточнений (наряду с приведенными выше), а в определенном смысле — и пересмотра.

Дело в том, что определение шкал (уровней) измерения на основе характера (типа) допустимых математических преобразований, являющееся, по мнению авторов шкальной модели, естественным и простым подходом к решению задачи, в полной мере таковым не является. Точнее говоря, такой подход эффективен постольку, поскольку может быть эффективным лишь **необходимое условие** определения уровня измерения. В подходе П. Суппеса из множества процедур отображения эмпирических систем в числовые, как было показано, не выделяются те операции, которые связаны с выяснением количественной определенности элементов эмпирических систем, то есть связаны с измерением.

Кроме того, принимая во внимание исключительно большую мощность множества отношений, которые мы можем выделить (задать) в системе с непустым множеством объектов, а также множество различных интерпретаций каждого из них (принадлежащих к одному и тому же типу), можно заключить, что установление изоморфизма (гомоморфизма) излишне — ибо нас интересуют не все возможные, а лишь некоторые отношения. Интересно, что на это указали и сами авторы рассматриваемой концепции, отмечая, что на практике эти отношения исчерпываются классом некоторых простых отношений, но «не так уж важно указать какую-нибудь числовую систему, изоморфную эмпирической, значительно важнее выбрать ее так, чтобы она содержала некоторые простые и понятные отношения»[24].

Как следует из практики осуществляемых в настоящее время измерений, из общей теории измерений как таковой, из анализа ряда шкал и конкретных примеров, для измерения существенны не все возможные отношения в реляционных системах, а лишь некоторые из них, которые, на наш взгляд, и реализуются в понятиях о шкалах и уровнях измерения.

Из-за отсутствия возможности подробного рассмотрения этих отношений ограничимся перечислением их типов: эквивалентность, порядок, равенство интервалов, равенство пропорций. Установление этих отношений в эмпирических системах

---

[24] Суппес П., Зинес Дж. Основы теории измерений, с. 9—110.

(на множестве классов эквивалентностей), а также их отображение в числовые системы репрезентируют (соответственно) получаемую количественную информацию в ответах на вопросы: равны ли значения однородных величин; больше (меньше) ли значение одной величины по сравнению с другой (однородной с ней) величиной; насколько больше (меньше); и наконец, во сколько больше (меньше) значение одной величины по сравнению с другой (однородной с ней) величиной?

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что **измерение** есть **построение числовой модели эмпирической системы посредством установления определенного соответствия между эмпирической и числовой системами. Это соответствие осуществляется отображением определенных отношений в эмпирической системе в числовую систему. При этом уровни измерения (шкала измерения) определяются в зависимости от того, какое из отношений отображается в числовую систему: эквивалентность, порядок, равенство интервалов, равенство пропорций.**

Детальное рассмотрение выделяемых уровней измерения, то есть уровней представления количественной информации об объектах, не входит в задачу настоящей работы, поэтому отметим лишь наиболее существенные моменты.

Одним из широко распространенных недостатков многих исследований в чекистской литературе, посвященных методу измерения и вообще количественным методам, является то, что, определяя их как методы получения «точной», «адекватной», «строгой» количественной информации, авторы не определяют, что́ следует понимать под подобной информацией. И, к сожалению, она очень часто отождествляется с «количественной информацией, выраженной в числовой форме», что нередко ведет к пагубным последствиям, связанным с неадекватной трактовкой числовых данных, числовых результатов, показателей и т. д.

Уровневая экспликация понятия «измерение» делает очевидным тот факт, что числа как репрезентанты соответствующих эмпирических объектов — величин мы можем приписывать на всех уровнях измерения, но лишь на некоторых уровнях (шкала интервалов и отношений) числа необходимым образом связаны с величиной. Кроме того, **числа, употребляемые на всех уровнях, обладают различным количественным содержанием на различных уровнях**[25]. По существу, речь здесь идет

[25] Заметим, что в литературе, посвященной проблеме измерения, первые два уровня измерения (шкалы наименований и порядка) принято называть качественным измерением, а шкалы интервалов и отношений (пропорций) — количественным измерением. На наш взгляд, следует учитывать, что термины «качественный» и «количественный» в такого рода контекстах употребляются в метафорическом смысле, а не в строгом соответствии с философским содержанием этих категорий, поскольку и то и другое изме-

о соотношении понятий «количество», «число», «величина». Их соотношение таково, что количественная определенность явлений находит свое выражение в величинах, а последние — в числах, причем на существенно различных уровнях, что принципиально важно. И фактически именно это и следует иметь в виду, говоря о «точности», «строгости» количественной информации, в том смысле, что получить точную информацию, строгую, адекватную количественную информацию о величине, характеризующей то или иное явление контрразведывательного процесса, значит не только ответить на вопрос о том, является ли значение той или иной величины равным ее значению в некотором частном случае, бóльшим или меньшим в другом случае, но и решить вопрос «на сколько?» и «во сколько?» одно значение превосходит другое. В терминах предлагаемой нами уровневой модели измерений это значит иметь информацию о величине в шкалах интервалов и отношений, ибо именно они обусловливают осмысленность (правомерность) ответов на последнюю группу вопросов[26].

Предлагаемый уровневый подход к экспликации измерения, на наш взгляд, с очевидностью свидетельствует о **некорректности — в методологическом плане** — поставленных выше вопросов: «можно или нельзя количественно выразить (оценить, измерить) то или иное свойство какого-либо объекта? Выражена ли количественно та или иная характеристика или нет?» Их следует формулировать следующим образом: **на каком уровне, в пределах какой шкалы измерена, выражена, определена количественная характеристика того или иного свойства объекта исследования?**

* *
*

Уровневый подход к экспликации понятия «измерение», на наш взгляд, имеет ту практическую ценность, что может быть использован для адекватной оценки «измерительного статуса» тех или иных количественных методов исследования явлений и процессов контрразведки. В частности, в теоретических работах и на практике данные, представляющие измерение на одном уровне, нередко трактуются с помощью математического аппарата так, как если бы они были измерены на другом, бо-

---

рения являются разновидностями (уровнями) одного метода исследования — количественного и представляют собой не самостоятельные градации, а градации в рамках единого количественного метода познания — метода измерения.

[26] Легко убедиться, что предлагаемое понимание «точности количественной информации» отлично от стандартной (физико-метрологической) экспликации этого понятия тем, что исходит из определенного уровня устанавливаемых отношений между эмпирической и числовой системами, в то время как физико-метрологическое понимание этого понятия исходит из детализации (уточнения) уже установленных отношений между системами.

лее высоком уровне, что ведет к оперированию с имеющейся числовой информацией не в соответствии с ее действительным содержанием: построив, например, порядковую шкалу для множества степеней (величин) интересующего свойства, исследователь в ходе дальнейшего анализа «забывает» о действительно установленных отношениях и переносит на эмпирическую систему отношения, присущие только числовой системе. А так как каждое отношение служит основой для правомерного применения своего типа математического аппарата, это влечет за собой оперирование с полученной числовой информацией не в соответствии с ее действительным количественным содержанием.

Общая теория измерения, представленная в трудах С. С. Стивенса, П. Суппеса, И. Пфанцагля, непосредственным образом запрещает применение к данным шкал низшего уровня математического аппарата, предназначенного для анализа данных, полученных в шкалах более высокого уровня; специалисты, работающие в области прикладной статистики, подчеркивают: арифметические операции «не сохраняют своего смысла при преобразовании порядковых шкал, поэтому желательно ими не пользоваться»[27].

Мы придерживаемся следующей точки зрения: дело не в том, чтобы **запрещать** или **разрешать** применение того или иного аппарата, а в том, чтобы не забывать, какому уровню изначально соответствует полученная информация[28].

Например, при изучении в процессе конкретного социологического исследования удовлетворенности агентов своим негласным сотрудничеством с органами КГБ не следует допускать ошибку при подсчете среднего значения этой характеристики (свойство — «удовлетворенный»), утверждая, что в нынешнем году она повысилась на 0,1 или на 10%, и считать, что в этом суждении мы точным, количественным образом отображаем реальное положение дел:

такого рода «точность» и «количественность» все же не выходит за уровень порядковой точности (порядковой шкалы), поскольку за этот уровень не выходят сами данные, к которым применяется метод вычисления средней арифметической.

Приписывая различным степеням (величинам) соответствующего свойства («вовсе не удовлетворен», «не удовлетворен», «скорее не удовлетворен, чем удовлетворен», «скорее удовлетворен, чем не удовлетворен», «удовлетворен», «вполне удовлетворен») соответственно числа 1, 2, 3, 4, 5, 6, мы установим некоторое соответствие между эмпирической и числовой система-

---

[27] Айвазян С. А., Енюков И. С., Мешалкин Л. Д. Прикладная статистика. М., Финансы и статистика, 1983, с. 329.

[28] Хотя бы уже потому, что в связи с необычайно широкой практикой его стихийного применения на сегодняшний день не представляется возможным решить, как это сделать.

ми. Встает вопрос: относительно каких отношений установлено это соответствие? Очевидно, что относительно двух: а) эквивалентности (каждые два из элементов как той, так и другой системы попарно различны); б) порядка (как величина «вполне удовлетворен» больше всех остальных, так и число 6 больше других чисел и т. д.). Очевидно, однако, что числовая система удовлетворяет также и отношению равенства интервалов (то есть 6—5=5—4=4—3=3—2=2—1), что вряд ли можно сказать об эмпирической системе: величины, в отличие от представляющих их чисел, не будут удовлетворять этому отношению так как едва ли кто согласится с мнением, что разница в удовлетворенности у агентов, попавших в класс «вполне удовлетворенных» и «удовлетворенных», будет равна разнице в удовлетворенности у агентов, попавших в классы «скорее удовлетворен, чем неудовлетворен» и «скорее неудовлетворен, чем удовлетворен». Далее, относительно чисел можно утверждать, что 6 в три раза больше 2, однако было бы, по-видимому, нелепо сказать, что агенты, попавшие в класс «вполне удовлетворенных», в три раза больше удовлетворены своим негласным сотрудничеством, чем агенты, попавшие в класс «неудовлетворенных». Это свидетельствует о том, что установленное соответствие (измерение) не выходит за уровень порядкового. Таким образом, утверждение «удовлетворенность повысилась на 10%» не отражает действительных количественных различий в степени удовлетворенности агентов своим негласным сотрудничеством. Единственное, что истинно в этом суждении, это то, что удовлетворенность во втором случае (в нынешнем году) повысилась; если и в следующем году она «повысится на 10%», то верно будет лишь то, что она стала еще выше, и т. д. В такого рода ситуациях мы не выходим за уровень шкалы порядка (какой бы математический аппарат ни применялся!) и, следовательно, не имеем единицы измерения; это и не позволяет получить правильный ответ на вопрос: насколько увеличилась удовлетворенность агентов своим негласным сотрудничеством?

Ошибка, совершаемая в аналогичных рассуждениях, заключается в том, что за такого рода единицы измерения степени удовлетворенности агентов иллюзорно принимаются фигурирующие в «вычислениях» проценты. Однако они, как показывает несложный содержательный анализ, не являются единицами измерения удовлетворенности агентов негласным сотрудничеством. Предполагая обратное, мы с необходимостью должны будем заключить, что если в этом году по сравнению с прошлым годом удовлетворенность выросла на 10%, а в следующем станет на 20% больше, то она повысится в два раза. Это суждение едва ли кто сможет рассматривать как истинное, а между тем оно — следствие предыдущих, причем, как известно, настолько распространенных, что невольно вспоми-

нается: «Мы так привыкли применять арифметику лишь тогда, когда она применима, что забываем о существовании случаев, когда она неприменима»[29].

Таким образом, различение уровней измерения (уровней количественного представления информации о явлениях) должно выполнять существенную роль в оценке измерительного статуса тех или иных количественных методов. Важность и актуальность уровневой экспликации измерения приобретают особую значимость, если учесть, что в системе чекистского знания разнообразные проблемы, связанные с методом измерения, лишь начинают разрабатываться, в то время как в исследованиях и на практике количественные методы находят широкое применение. Причем в целом ряде исследований есть и такие, которые осуществляются в духе, так сказать, «фетишизации числа», где в ряде случаев числовые и количественные выражения тех или иных характеристик отождествляются[30]. В теоретическом плане это приводит к поспешным и неоправданным выводам о сущности, возможностях применения количественных методов в контрразведке, а в практическом — нередко и к искажению картины реального положения дел на том или ином участке деятельности органов КГБ.

* * *

Оценивая достигнутый на сегодняшний день уровень измерения социально значимых показателей деятельности органов КГБ с позиции предложенного нами подхода, следует подчеркнуть, что в основном он не выходит за уровень порядковой шкалы. С другой стороны, этот уровень достаточен для решения многих актуальных задач системы чекистского знания, в частности для фиксирования диалектики развития, тенденций изменения того или иного явления или процесса контрразведывательной деятельности, выделения критериев ее оценки. Необходимыми условиями получения более точной и богатой ко-

---

[29] Лебег А. Об измерении величин. М., Учпедгиз, 1960, с. 21.

[30] Так, например, С. С. Филиппов писал: «Символическая запись показателей достигнутых результатов агентурной деятельности посредством математического аппарата открывает возможность количественного выражения качественных признаков...» (См.: Филиппов С. С. Критерии оценки агентурной деятельности контрразведывательных аппаратов органов КГБ. Рукопись. Фонд спецбиблиотеки ВКВК КГБ СССР, инв. № 11826, с. 44.)

Заметим, что такая постановка вопроса («символическая запись... открывает возможность количественного выражения...»), кроме того, ставит проблему количественного выражения интересующих нас признаков с ног на голову: «символическая запись» — не условие количественного анализа, а его следствие. По существу, в таких ситуациях речь идет о символизации, об использовании математических объектов в качестве меток, идентификаторов и т. д., а не о количественном исследовании интересующих нас явлений, которое в таком случае не продвигается вперед.

личественной информации об этих явлениях и процессах, на наш взгляд, является совершенное овладение средствами общей теории измерений, в особенности теми ее разделами, где рассматриваются многомерные и производные измерения в рамках общей теории распознавания образов. Важнейшую роль в этой перспективе должна занять методологическая проблематика, разработка которой в свою очередь является необходимым условием корректного применения математического аппарата в исследовании контрразведывательной деятельности.

Заканчивая рассмотрение некоторых актуальных, на наш взгляд, проблем измерения в системе чекистского знания для решения насущной задачи — совершенствования планирования и управления контрразведывательной деятельностью и отмечая особую значимость адекватного решения логико-методологических проблем, связанных с применением количественных методов, хотелось бы подчеркнуть следующее. Очевидно, что в рамках предложенного подхода решение вопроса о том, как произвести измерение на практике, отлично от решения вопроса об определении уровня уже произведенного измерения. Но если принять за истину тот факт, что все исследователи, работающие с количественными методами, делятся на тех, которые «измеряют, не размышляя», и тех, которые «размышляют, не измеряя»[31], то авторы настоящей статьи сознательно встали на позицию последних.

Подведем итоги:

совершенствование планирования и управления контрразведывательной деятельностью обусловливает необходимость построения прогностических моделей явлений и процессов контрразведки;

качество моделей зависит от полноты исходного информационного базиса, что требует адекватного выражения количественной определенности исследуемых объектов. Этим объясняется актуальность проблемы измерения в системе чекистского знания;

проблема измерения является частью общей методологической проблематики системы чекистского знания на пути ее превращения в теорию контрразведки;

проблему измерения отличает большой круг методологических вопросов, затрагивающих фундаментальные проблемы философской науки;

наиболее плодотворным подходом к решению проблемы измерения в системе чекистского знания является шкальная концепция измерения С. Стивенса — П. Суппеса, которая, однако, требует некоторого пересмотра и уточнения;

---

[31] Андреева Г. М. Вступительная статья. — В кн.: Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., Прогресс, 1980, с. 8.

анализ шкальной концепции измерений показывает, что вследствие методологически несостоятельного решения некоторых проблем возникает возможность неадекватной интерпретации числовой информации, получаемой с использованием средств шкальной модели. Эти недостатки преодолеваются в уровневой экспликации понятия «измерение», которая может быть использована для адекватной оценки «измерительного статуса» тех или иных количественных методов, применяемых для исследования контрразведывательной деятельности;

одним из стимулов дальнейшего развития системы чекистского знания на пути превращения ее в теорию является не только все более широкое применение методов математического анализа, но и логико-методологическое осмысление уже накопленного материала и средств, методов его получения.

Рекомендована кафедрой
философии и научного коммунизма
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук
полковник Ю. А. Ведяев

Кандидат юридических наук
подполковник *А. Л. Грамотин*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦСЛУЖБ ГЛАВНОГО ПРОТИВНИКА ПО ДОБЫВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Практика работы органов безопасности СССР и других социалистических стран и анализ документальных материалов противника показывают, что экономическая разведка, промышленный и научно-технический шпионаж являются важной составной частью общей системы разведывательно-подрывной деятельности международного империализма во главе с США и их специальных служб, которые в конечном итоге преследуют политические цели. А именно: путем подрывной деятельности ослабить и дискредитировать социалистическую экономическую систему и производственные отношения, инспирировать негативные процессы, которые могут дестабилизировать социалистическую экономику, возбудить у широких масс трудящихся недоверие к социально-экономической политике коммунистических и рабочих партий, а в конечном итоге путем экономических подрывных средств ослабить общественный и государственный строй, подорвать единство стран социалистического содружества.

На XXVII съезде КПСС отмечалось, что «основным объектом устремлений разведок империалистических государств, различных зарубежных подрывных центров и организаций являются Советский Союз и другие социалистические страны. Наши враги не отказались от намерений ликвидировать социализм как общественную систему. Спецслужбы США, ряда других стран НАТО предпринимают настойчивые попытки компрометации внутренней и внешней политики СССР, осуществления акций, направленных на подрыв советской экономики. Они рвутся к нашим политическим, военным, экономическим и научно-техническим секретам, стремятся проникнуть в государственные уч-

реждения, на важные оборонные объекты и в научно-исследовательские институты»[1].

На майском (1986 г.) Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ также отмечалось, что все более активное участие спецслужб империалистических государств в решении задач экономической разведки обусловлено возрастающими потребностями правящих кругов США и их западно-европейских союзников иметь достоверную экономическую и научно-техническую информацию. Она необходима им для организации крупномасштабных торгово-экономических диверсий, для достижения военно-технологического превосходства, введения экономических санкций, объявления эмбарго, товарных бойкотов и кредитных блокад, а также для последующей оценки и анализа эффективности проводимых подрывных операций.

Учитывая роль экономического фактора в противоборстве двух общественно-политических систем, президент США Р. Рейган в марте 1983 г. подписал директиву № 75, в которой сформулирована торгово-экономическая стратегия США и которая провозглашает экономическую войну против Советского Союза и других стран социалистического содружества в качестве официального курса американской администрации.

И это не случайно. Именно в области экономики закладывается фундамент решения социальных задач, укрепления обороноспособности нашей страны, фундамент активной внешней политики.

Подрывная стратегия противника находит отражение как в разведывательной доктрине США, так и в нормативных актах американской разведки и в ее практической подрывной деятельности.

Так, в меморандуме директора Центральной разведки и ЦРУ США под названием «Перспективы разведывательной деятельности» прямо констатируется: «СССР будет по-прежнему являться главным объектом нашей разведки. От разведки ожидают представления точных данных о военном потенциале Советского Союза, о его экономической деятельности и его усилиях, направленных на приобретение новейших научных и технических знаний для повышения своего военного и экономического потенциала»[2].

В целом же роль и значение экономической разведки определяется теми задачами, которые с ее помощью решает противник для реализации своих планов и достижения стратегических целей.

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС. Стенографический отчет. М., Политиздат, 1987, т. 1, с. 346—347.

[2] Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.

В свою очередь эти цели обусловлены классовыми интересами правящих кругов империалистических государств и монополистической буржуазии.

Не так давно был предан огласке интересный документ — Меморандум государственного департамента США А-2251. В нем говорится: «Первоочередные потребности правительства США в экономической разведывательной информации, касающейся иностранных государств, определяются важными интересами Соединенных Штатов и стратегией, принятой в целях защиты или реализации этих интересов»[3].

Содержание меморандума свидетельствует, что правительство США придало экономической разведке и сбору экономической информации характер важного стратегического направления подрывной деятельности.

В указанном меморандуме определены конкретные задачи и сформулированы приоритетные направления деятельности в области добывания экономической информации. «Главный интерес, — говорится в нем, — представляют мотивы и оценки изменений, которые произошли в намерениях, планах и возможностях других стран в экономической области. В частности, необходимы сведения о том, в каких отношениях внутренняя и внешняя экономическая политика и программы страны пребывания совпадают или расходятся с политикой и программами Соединенных Штатов. Эти первоочередные задачи касаются всех дипломатических, консульских и иных представительств США за границей»[4].

О значении экономических и научно-технических разведывательных данных свидетельствует и тот факт, что в настоящее время ведению экономической разведки в США придан статус общегосударственной проблемы национальной безопасности.

С учетом интересов военно-промышленного комплекса (ВПК) и американских транснациональных корпораций (ТНК) в США разработана и задействована специальная долговременная «Объединенная программа подготовки экономической информации», в реализации которой принимают непосредственное участие свыше 200 государственных и частных как специальных, так и неразведывательных органов, учреждений и организаций.

И поскольку американским спецслужбам через их организующие и координирующие функции принадлежит доминирующая роль в области экономической разведки, то именно подрывная деятельность разведывательного сообщества США является наиболее опасной и требующей глубокого и всестороннего изучения и исследования.

Опыт свидетельствует, что американская разведка всегда придавала и придает исключительно важное значение добыва-

---

[3] Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.

[4] Там же.

нию разведывательной информации по широкому кругу экономических и научно-технических проблем. Естественно, что все возрастающая потребность в такой информации не только стимулировала дальнейшее совершенствование механизма по ее добыванию, но и нашла свое выражение в разведывательной доктрине и задачах спецслужб США.

Так, бывший заместитель директора ЦРУ Рассел Смит в своем докладе, озаглавленном «Разведывательное обеспечение внешней политики на будущее», следующим образом определяет разведывательные задачи: «Закрытые экономические общества коммунистических стран, наших политических и потенциальных военных противников, сделали необходимым... проникать в экономические пружины экономического могущества коммунистов... Стало неизбежным, чтобы разведка также пристально наблюдала за той международной экономической деятельностью, в которой коммунистические страны имеют важные интересы»[5].

В уже упоминавшемся меморандуме директора Центральной разведки и ЦРУ США перед американскими разведорганами, в том числе и зарубежными резидентурами, в качестве особо важной ставится задача информационного освещения характера сотрудничества и возможных разногласий СССР с другими социалистическими странами. При этом важное значение придается добыванию экономической и научно-технической информации о любой стране — участнице Варшавского Договора.

«Восточная Европа, — говорится в меморандуме, — будет постоянным объектом добывания разведывательной информации и составления оценок с целью определения стабильности в районе, где нарушение внутреннего порядка или серьезные расхождения с Москвой могли бы вызвать серьезную политическую ситуацию. Все возрастающая необходимость приспособления американской политики к специфике каждой восточноевропейской страны требует улучшения информационного обеспечения, и особенно выявления важных тенденций к реформам или слабых мест в экономике»[6].

Усилиями органов безопасности социалистических стран выявлены конкретные задачи и соответствующие им разведывательные устремления ЦРУ США в отношении СЭВ, его экономической политики и функционирования.

Анализ показывает, что противник стремится получить информацию по вопросам согласования стратегии и тактики стран—членов СЭВ в области развития экономических, торговых и кооперационных связей с отдельными капиталистическими государствами, по проблемам специализации и стандартизации в СЭВ, об экспортно-импортных планах и возможностях, о платежных балансах и потребностях в энергоносителях и сырье.

---

[5] Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.
[6] Там же.

Важное значение придается добыванию информации о влиянии на советскую экономику оказания помощи Польше, Афганистану и ряду развивающихся стран, а также о размерах внешней финансовой задолженности стран социалистического содружества.

Суммируя результаты анализа разведывательных устремлений спецслужб империалистических государств, и прежде всего США, можно сделать вывод, что практическая реализация задач в области экономической разведки в отношении стран—членов СЭВ сводится в основном к добыванию информации по следующим вопросам:

реальное состояние и перспективы выполнения комплексной программы социалистической экономической интеграции и отдельных целевых программ в области современной энергетики, промышленного и сельскохозяйственного производства;

основные направления экономической стратегии и согласованная торгово-экономическая политика на международной арене;

уровень и масштабы сотрудничества в области кооперации и стандартизации;

объем и размеры взаимной торговли, а также формы товарообмена с расчетами в конвертируемой валюте;

валютно-финансовое положение отдельных стран—членов СЭВ и взаимное предоставление кредитов;

существующие трудности и возможные разногласия, которые могут принять устойчивый и долговременный характер;

перспективы развития деловых отношений с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) и т. д.

По имеющимся в органах госбезопасности достоверным данным, в последнее время противник резко усилил свою деятельность по добыванию разведывательной информации о проводимых в ряде социалистических стран, и прежде всего в СССР, экономических реформах, их результатах и эффективности, а также об их возможных последствиях для интеграционных процессов в рамках СЭВ.

Кроме того, перед разведками империалистических государств поставлены задачи по добыванию информации как об отдельных отраслях народного хозяйства и экономики социалистических стран, так и о конкретных объектах промышленности, транспорта, связи и науки. Как правило, это те объекты, которые имеют важное народнохозяйственное или оборонное значение.

Вместе с тем противник уделяет большое внимание добыванию достоверной информации о действующих, строящихся и проектируемых в СССР предприятиях, особенно с использованием западной техники и технологии, добыче полезных ископаемых, стратегического сырья, золота, состоянии и перспективах развития атомной энергетики, нефтегазовой промышленности и космической связи.

Помимо экономической информации общесоюзного характера противника интересуют и региональные вопросы экономического развития Средней Азии, республик Закавказья и Прибалтики, районов Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера и Арктики.

В области научно-технической разведки задачи противника сводятся в основном к добыванию сведений о тех объектах или направлениях научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), которые определяют оборонный потенциал, а также научно-технический прогресс в СССР и в других странах социалистического содружества.

Основные цели и задачи научно-технической разведки четко сформулированы в ряде нормативных документов спецслужб США. В одном из них говорится: «Эффективность исследований, разработок, испытаний и сравнительных оценок, проводимых армией США, в большей степени зависит от наличия точной и своевременной информации об успехах иностранной науки и техники.

При разработке вооружения, систем оружия, средств МТО армия США должна тщательно изучать характеристики, возможности, преимущества и недостатки боевой техники потенциального противника.

Оригинальные идеи, новые технические решения и интересные способы использования материальной части — все это должно быть учтено, так как позволит выиграть значительное время при разработках новейшей американской боевой техники и сократить до минимума расходы на разработки.

Вот почему развединформация, касающаяся разработок систем оружия и средств МТО за рубежом, играет такую большую роль в процессе выработки оптимальных решений на всех уровнях руководства»[7].

А в инструкции № 705—5 для военного разведывательного сообщества США прямо констатируется: «В целях обеспечения оперативного превосходства поступающей на вооружение армии США военной техники и систем оружия следует во время всего цикла разработки тщательно следить за иностранными научно-техническими достижениями и вытекающими из них потенциальными возможностями противника превзойти тактико-технические показатели существующих и разрабатываемых армией США средств МТО»[8].

Как для теории, так и для практики важно знать, что во многих случаях задачи спецслужб по добыванию экономической и научно-технической информации отражают потребности американских ТНК. Поэтому в указаниях ЦРУ своим зарубежным резидентурам прослеживается увязка его задач с экономической

---

[7] Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.
[8] Там же.

и внешнеторговой политикой американских ТНК, особенно в сфере торговли с Советским Союзом и другими социалистическими странами передовой технологией, продуктами химии и сельского хозяйства.

Тесное переплетение интересов и задач американских ТНК и спецслужб США находит свое отражение не только в их совместной разведывательно-подрывной деятельности, но и в директивных указаниях и нормативных актах правительства.

Так, в президентской директиве № 12333 от 4 декабря 1981 г. под названием «Разведывательная деятельность Соединенных Штатов» впервые в истории США в правовом порядке закреплены и регламентированы некоторые аспекты «особых» взаимоотношений спецслужб и ТНК.

Например, пункт 1.1.(с) директивы возлагает на ЦРУ обязанность защищать интересы и обеспечивать безопасность американских ТНК за рубежом. А пункт 2. 3.(в) обязывает разведорганы США добывать, хранить и распространять экономическую и научно-техническую информацию в интересах не только правительственных учреждений, но и частных корпораций.

В свою очередь и государственные учреждения, и ТНК обязаны предоставлять для разведчиков и агентов ЦРУ прикрытия как внутри страны, так и в загранпредставительствах, а также создавать другие благоприятные условия для их эффективной работы[9].

В целях информационного обеспечения своей заграничной деятельности ТНК решают целый комплекс разведывательных задач, которые по своему характеру и содержанию, а также по методам и способам их реализации сходны с аналогичной деятельностью спецслужб. В частности, чтобы избежать риска, гарантировать надежность размещения капиталов и обеспечить высокую норму прибыли, ТНК и спецслужбы собирают сведения о конъюнктуре международного рынка и возможных конкурентах, об источниках сырья и рабочей силе, экономической и социальной структуре той или иной страны, ее политической стабильности, возможности смены власти и т. п.

Таким образом, совпадение классовых интересов, целей и задач спецслужб противника и ТНК, а также их совместная разведывательно-подрывная деятельность подтверждают актуальность положений марксистско-ленинской теории о срастании монополистического капитала с государством. Поэтому в лице ТНК и разведок империалистических государств органы безопасности социалистических стран имеют опасного двуединого противника.

На основании изложенного можно сделать вывод, что разведывательные устремления и практическая деятельность спец-

---

[9] Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.

служб противника по указанной проблеме сводятся к реализации следующих основных задач:

добывание разведывательной информации об экономическом и научно-техническом потенциале СССР и других социалистических стран, их готовности и возможности выдержать бремя военных расходов и гонку вооружений;

добывание в целях обеспечения собственного военно-технологического превосходства разведывательной информации о новейших научно-технических достижениях социалистических стран;

добывание разведывательной информации о наиболее важных объектах науки, промышленности, транспорта и связи, которые рассматриваются противником как первоочередные цели для нанесения ракетно-ядерного удара;

добывание разведывательной информации в целях планирования, организации и осуществления операций по подрыву экономического, научно-технического и военного потенциала СССР и других социалистических стран;

добывание разведывательной информации для последующей оценки и анализа эффективности проводимых подрывных операций.

Необходимо подчеркнуть, что указанные задачи спецслужб противника, являясь важным элементом содержания его подрывной деятельности, вытекают из стратегических целей правящих кругов империалистических государств. В свою очередь сами цели обусловлены классовыми интересами военно-промышленного комплекса.

В силу указанных причин как задачи, так и устремления спецслужб империалистических государств являются динамичными категориями. Они постоянно конкретизируются или корректируются в зависимости от текущих или перспективных разведывательно-информационных потребностей противника.

Исходя из интересов и потребностей монополистической буржуазии, а также собственных целей и задач, противник организует деятельность по добыванию экономической и научно-технической информации и создает структуру добывающего механизма.

С точки зрения организации этот механизм представляет собой своеобразную разведывательную подсистему, состоящую из правительственных и ведомственных, центральных и периферийных, государственных и частных, военных и гражданских учреждений и спецслужб, которые организуют, руководят и управляют разведывательно-информационным процессом или непосредственно осуществляют разведывательные операции и мероприятия. Кроме того, в этой подсистеме есть органы, которые специализируются исключительно на добывании, анализе, оценке или распространении разведывательной информации.

Глобальность указанной подсистемы обусловила для противника возможность комплексного подхода к решению разведывательно-информационных задач, вследствие чего он использует практически все виды организации подрывной деятельности: легальную, агентурную и техническую разведки.

Такое положение в свою очередь определяет возможность и необходимость тотального и массированного использования разведывательно-подрывных сил и средств. Как показывает опыт, в области добывания экономической и научно-технической информации противник активно использует кадровых разведчиков и агентуру, дипломатов, бизнесменов, ученых, специалистов, туристов, студентов, стажеров и т. д.

Так, в настоящее время в Советском Союзе находится свыше двухсот торговых, коммерческих и банковских представительств капиталистических стран, а также более 80 тыс. иностранных специалистов. Кроме того, нашу страну ежегодно посещают свыше 100 тыс. бизнесменов и около 2 млн. туристов. Это обстоятельство создает для противника объективно благоприятные возможности и предпосылки для ведения экономической разведки.

Какие руководящие, координирующие или исполнительные спецслужбы, учреждения и организации стран главного противника задействованы в области добывания экономической и научно-технической информации?

В начале 70-х гг. для удовлетворения интересов и запросов «Вашингтонского экономического сообщества»[10], а также для координации работы по сбору экономической информации, разработки приоритетов и разведзаданий при директоре Центральной разведки США был создан *Комитет по экономической разведке*. Вся работа этого комитета строится в соответствии со специальной «Объединенной программой подготовки экономической информации».

В составе комитета учрежден подкомитет по разведывательным задачам и координации, в функции которого входит разработка приоритетных направлений экономической разведки в отношении восьми регионов мира. Этот подкомитет готовит так называемый «Список первоочередных задач по сбору экономической информации об СССР». Его рекомендации являются обязательными для всех учреждений, ведомств и спецслужб, участвующих в реализации уже упоминавшейся

---

[10] Это сообщество возникло в США к концу 60-х гг. В него вошли потребители экономической разведывательной информации. Помимо американских спецслужб, входящих в Центральную разведку, его членами являются: госдепартамент, министерства (торговли, энергетики, труда, сельского хозяйства, внутренних дел и транспорта), а также административно-бюджетное управление, федеральное резервное управление, агентство по контролю за вооружениями и разоружением, комиссия по вопросам международной торговли, экспортно-импортный банк США.

«Объединенной программы подготовки экономической информации».

О важности экономической информации и о повышении роли экономической разведки свидетельствует тот факт, что уже в 1967 г. при ЦРУ США был создан *Отдел экономических исследований.* Специалисты этого отдела объединены по «группам экономических проблем» и делегированы в региональные отделы Оперативного управления ЦРУ и его зарубежные резидентуры.

В этом отделе существует секция советских ресурсов, где работают высококвалифицированные специалисты по энергетике, сельскому хозяйству, металлургии и др. Секция ежедневно получает советские, а также иностранные периодические и специальные издания, которые тщательно исследуются и анализируются.

Указанный отдел ЦРУ ежегодно разрабатывает планы-задания по получению информации об экономике Советского Союза и других социалистических стран. Эти задания направляются в оперативные подразделения американской разведки, в резидентуры в третьих странах и являются строго обязательными для исполнения.

Для проведения некоторых исследований по экономическим проблемам отдел привлекает частные организации и отдельных специалистов. Он же ведет учеты лиц из академических и деловых кругов, которые способны оказать помощь ЦРУ в качестве экономистов-аналитиков.

В 1981 г. по личному распоряжению президента США Р. Рейгана в ЦРУ был создан *Центр по оценке экспорта технологии,* в задачу которого входит анализ возможных потребностей СССР в американской технологии и определение вероятных путей ее получения.

В структуре центра имеется сектор анализа разведданных, в функции которого входит оценка и анализ открытой и секретной информации, которая прямо или косвенно указывает на возможность утечки технологии в социалистические страны, и прежде всего в Советский Союз. Указанная информация поступает не только из разведывательного сообщества США, но также из различных министерств, ведомств и частных корпораций[11]. Естественно, что исследовательской базой для этого центра является экономическая и научно-техническая разведывательная информация.

В области экономической разведки задействован и ряд ведомственных спецслужб, входящих в состав разведывательного сообщества США. Так, *спецслужба министерства энергетики США* занимается добыванием и сбором экономической и научно-технической информации о новейших открытиях и последних достижениях в других странах в области атом-

[11] Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.

ной энергетики и производства новых энергоносителей, а также в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по созданию и испытанию термоядерного и лазерного оружия и по широкому кругу вопросов ядерной технологии.

В структуре министерства финансов США имеется *Управление разведывательной поддержки,* в функции которого входит не только сбор разведывательных сведений, касающихся международных финансов, кредитования и торговли, но и добывание многоаспектной экономической информации.

Активная роль принадлежит госдепартаменту США, в структуре которого находится *Управление разведки и исследований.* Как уже отмечалось, недавно достоянием гласности стало содержание конфиденциального меморандума, разосланного в 1973 г. тогдашним госсекретарем США Г. Киссинджером дипломатическим и консульским представительствам США в других странах, о направлении в Вашингтон экономических сведений разведывательного характера.

Этим меморандумом предусматривалось резко активизировать сбор экономической информации не только в странах социалистического содружества, но и в отношении европейских союзников США, а также Японии.

В целях оказания содействия американским ТНК в их усилиях по расширению сферы своего влияния во всем мире, исполнительным распоряжением Рейгана № 12395 от 20 ноября 1982 г. учрежден специальный *Комитет по международному частному предпринимательству,* в который входят назначаемые президентом США доверенные лица «из числа лидеров частного сектора». Этот комитет разрабатывает для американских ТНК общегосударственную торгово-экономическую стратегию, вырабатывает приоритеты в области добывания экономической и научно-технической информации и координирует согласованную политику правительственных учреждений и ТНК.

Важные разведывательно-информационные задачи возложены на министерство торговли США, в рамках которого в 1980 г. создано специальное подразделение — *Заграничная служба.* Эта служба руководит работой 162 американских торговых атташе за границей, которые ранее подчинялись госдепартаменту.

В соответствии со статусом этой службы все ее представители в посольствах и миссиях США за границей не только должны оказывать американским бизнесменам практическую помощь по широкому кругу вопросов коммерческой деятельности, но и обязаны организовать постоянный сбор торгово-экономической информации как в стране пребывания, так и в сопредельных странах.

Характерно, что Заграничная служба имеет 6 зарубежных региональных резидентур, на которые замыкаются ее

торговые представительства в Европе, Азии, Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке. По имеющимся данным, в этих резидентурах работают по найму более 500 сотрудников из числа местных граждан, способных добывать и анализировать экономическую, а также научно-техническую информацию, в которой заинтересованы правительство США и американские ТНК.

По имеющейся оперативной информации, подтвержденной просочившимися в западную прессу сведениями, в настоящее время по инициативе и на средства ТНК создана Международная частная служба по сбору и анализу разведывательной информации для частных предпринимателей[12].

Руководство этой службой, являющейся, по существу, аналогом ЦРУ в частном секторе, осуществляет консультативный совет, в который входят бывший премьер-министр Великобритании Эдвард Хит, бывший министр обороны США Роберт Макнамара, видный американский издатель Антони Стаут и др. Ее штат укомплектовывается высококвалифицированными аналитиками и специалистами по сбору и оценке экономической и научно-технической информации. В этих целях названная служба имеет в разных странах мира 96 «корреспондентов», а в США специальное аналитическое подразделение, в штате которого насчитывается свыше 50 специалистов.

Кроме того, во многих крупных как американских, так и иностранных корпорациях имеются специальные подразделения, которые не только выполняют контрразведывательные функции по борьбе с промышленным шпионажем, но и решают разведывательные задачи по добыванию экономической и научно-технической информации.

Характерно, что по мере расширения масштабов финансовой и торгово-экономической экспансии ТНК за рубежом резко активизируется деятельность организаций, заграничные филиалы которых находятся в торговых или банковских представительствах, в том числе и на территории социалистических стран.

Организованный и строго централизованный характер добывания экономической и научно-технической информации присущ не только американским спецслужбам и ТНК, но и разведкам союзных США стран по блоку НАТО, и прежде всего Великобритании и ФРГ.

Так, до уровня общегосударственного межведомственного органа в механизме управления деятельностью разведывательного сообщества Великобритании поднят статус *Комитета по внешней экономической разведке,* который руководит и координирует деятельность всех спецслужб страны в области добывания экономической и коммерческой информации[13].

---

[12] См.: New York Times, 1983, January 30.
[13] См.: Спецвыпуск «Р», 1983, № 3, с. 22.

О роли и значении этого комитета свидетельствует и тот факт, что в его состав входят руководители всех основных спецслужб Великобритании, а также представители ряда заинтересованных министерств и ведомств.

Общегосударственный характер и глобальные масштабы экономической разведки отражает и то обстоятельство, что даже в структуре разведывательной службы министерства обороны Великобритании имеются *директораты экономической и научно-технической разведки.*

По имеющимся достоверным данным, на территории социалистических стран функции экономической разведки осуществляют не только подразделения посольской резидентуры СИС, но и отделы по науке посольств Великобритании. Эти отделы укомплектованы специалистами в области экономики, науки и техники, которых рекомендовала разведслужба министерства обороны. Под прикрытием таких отделов действуют и кадровые разведчики, которые ведут работу по подбору и изучению советских граждан из числа ученых и специалистов в целях их возможной вербовки и привлечения к сотрудничеству[14].

Аналогичные или весьма схожие по своим задачам и функциям органы по добыванию экономической и научно-технической информации имеются в структуре спецслужб практически всех империалистических государств, в том числе Франции, Италии, Японии и др., а также в составе их посольских резидентур на территории социалистических стран.

Кроме того, в составе спецслужб империалистических государств имеются органы или подразделения, которые также привлечены к добыванию научно-технической информации. К ним относятся, например, в США: *директорат научно-технической разведки ЦРУ; Управление научно-технической разведки РУМО; Агентство национальной безопасности; Национальное управление воздушно-космической разведки; спецподразделения НАСА, разведок армии, ВВС и ВМС США.*

В английских спецслужбах — это *Штаб-квартира правительственной связи;* во французских — *Управление научно-технической разведки* и т. д.

Поскольку в области добывания экономической и научно-технической информации комплексно задействованы силы и средства легальной, агентурной и технической разведок, автор не рассматривает в данной статье эти виды организации подрывной деятельности спецслужб противника.

Таким образом, анализ организационных аспектов подрывной деятельности спецслужб главного противника в области добывания экономической и научно-технической информации позволяет выявить ряд устойчивых тенденций, а именно:

---

[14] Материалы 2-го Главного управления КГБ СССР.

придание экономической разведке глобального и тотального характера, что выражается в комплексном использовании сил и средств легальной, агентурной и технической разведок, а также каналов торгово-экономических связей и научно-технического сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами;

проведение согласованной разведывательной стратегии в рамках Объединенной комплексной программы экономической разведки, промышленного и научно-технического шпионажа, что выражается в координации подрывной деятельности, распределении задач-функций, а также в объединении сил и средств спецслужб империалистических государств;

интенсификация экономической разведки, что сопровождается резкой активизацией разведывательной деятельности, расширением и углублением взаимодействия спецслужб империалистических государств при одновременном усилении организующей и координирующей роли американской разведки;

интеграция разведывательно-подрывных ресурсов спецслужб и ТНК, что обусловлено совпадением их классовых интересов, целей и задач. Эта тенденция стала одной из особенностей современной американской доктрины «национальной безопасности», которая призвана обеспечить глобальные интересы ВПК и правящих реакционных кругов США;

централизация руководства и управления экономической разведкой на правительственном уровне и повышение ее статуса до межведомственного и общегосударственного уровня;

широкомасштабное использование «глубоких» прикрытий, что обеспечивает существенное расширение оперативных возможностей, повышение эффективности разведывательно-подрывной работы, усиление конспирации и собственной безопасности при проведении разведывательных операций и мероприятий.

Таким образом, можно сделать вывод, что добывание экономической и научно-технической информации об СССР и других странах социалистического содружества является одним из основных направлений разведывательно-подрывной деятельности спецслужб и ТНК империалистических государств, прежде всего США.

Важность и опасность роли, которая отводится экономической разведке странами Запада, выдвигает перед органами безопасности СССР и других социалистических стран конкретные задачи борьбы с ней, обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования всех форм сотрудничества и взаимодействия.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в настоящее время противник пытается активно использовать в своих разведывательно-подрывных целях проводимые в СССР экономические реформы, процессы демократизации и гласности, новые формы торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с нашей страной, деятельность совместных фирм со смешанным

капиталом, упрощение порядка выезда советских граждан за границу, предоставление всем министерствам и ведомствам права самостоятельного выхода на рынки капиталистических стран, а также кооперацию оборонной промышленности СССР с народнохозяйственными отраслями при создании новейших образцов вооружений и военной техники.

Кроме того, возникла принципиально новая политическая и оперативная ситуация, связанная с советско-американским договором по РСМД, долговременными программами взаимного контроля и обеспечения мер доверия, что создает для противника объективно новые разведывательные возможности.

Вследствие этого существенно меняются условия обеспечения сохранности государственной и военной тайны, что требует новых подходов к деятельности органов КГБ, нового качественного состояния чекистской работы, гибкости, изобретательности и оперативного искусства.

С одной стороны, мы не должны позволить противнику паразитировать на процессах перестройки, с другой — не должны создавать помех при реализации курса партии на осуществление социально-экономических реформ. Мы обязаны, как того требуют установки руководства КГБ, органически вписать свою деятельность в эти процессы.

Представляется также, что в целях повышения эффективности борьбы с экономической и научно-технической разведкой противника необходимо разработать долговременные комплексные программы экономической безопасности СССР, в том числе по защите особо охраняемых секретов и приоритетных научных разработок.

Рекомендована спецкафедрой № 6
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
полковник *В. П. Федянин*

Полковник *В. Ф. Блинков*,
кандидат технических наук
подполковник *В. Н. Суриков*

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РАДИОРЕЛЕЙНОЙ СВЯЗИ СПЕЦСЛУЖБ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

В условиях современной войны, одной из особенностей которой будет большой пространственный размах, спецслужбами капиталистических государств для связи с агентами, действующими на территории противника, помимо радиосвязи прямой видимости будет использоваться радиорелейная связь. В этом случае сообщения будут передаваться через один или несколько ретрансляционных пунктов, развертываемых на стационарных или подвижных объектах, а также на воздушных и космических летательных аппаратах.

Рассмотрим некоторые особенности радиорелейной связи «агент — центр» при различных вариантах размещения ретрансляционного оборудования. В настоящее время наиболее известным и распространенным является вариант размещения ретрансляционного оборудования на наземных средствах. В этом случае ближайший к агенту узел ретрансляции должен находиться на сравнительно небольшом расстоянии (5—50 км), определяемом высотой подъема антенн над поверхностью земли. Кроме того, при наземном размещении ретрансляционной аппаратуры между агентом и ближайшим к нему узлом ретрансляции не должно находится радиоэкранирующих препятствий (зданий, сооружений), иными словами, должна обеспечиваться прямая радиовидимость. Очевидно, в условиях военных действий это возможно лишь в прифронтовой зоне, но в этом случае более эффективной с точки зрения оперативности и мобильности является прямая радиосвязь между агентом и центром.

Существенно увеличить (до 1000 км) расстояние от агента до первого ретрансляционного пункта можно путем размещения последнего на летно-подъемных средствах. Устойчивость связи при этом в значительной мере зависит от стабильности положения летательного аппарата в пространстве. По этой причине использование самолетов и вертолетов нецелесообразно, к тому же барражирующий самолет и особенно вертолет являются довольно уязвимой мишенью для средств ПВО.

В настоящее время в ряде капиталистических стран разрабатываются и принимаются на вооружение многоцелевые беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Так, Израиль производит малоразмерный БПЛА «Пионер», способный нести 45 кг полезной нагрузки на высоте до 4 км в течение 6—9 часов. Размещение ретрансляционного оборудования на таких БПЛА

может обеспечить радиорелейную связь с зафронтовым агентом по нежесткому расписанию. Большой интерес представляют БПЛА нового поколения, называемые иногда «летающими роботами», которые могут поднимать 90 кг полезной массы на высоту до 4—6 км и обеспечивать полет в заданном районе в течение 12 час. (БПЛА «Скай-ай», США) или даже нескольких суток (БПЛА «Феникс», Великобритания). При необходимости обеспечения связи на значительном расстоянии между агентом и ретрансляционным пунктом могут использоваться БПЛА с высотой подъема до 21 км (БПЛА «Эмбер», США).

Общим для всех типов БПЛА является их сравнительно малая стартовая масса (38—450 кг), оперативность развертывания, возможность запуска с необорудованных площадок, высокая скрытность от средств радиолокации, так как БПЛА оборудованы маломощными двигателями с низкой скоростью вращения винтов, а при изготовлении корпусов и их элементов широко применяются неотражающие композиционные материалы. Трехмерная стабилизация в полете и остронаправленная передающая антенна обеспечивают излучение сигнала в заданном направлении. Названные факторы определяют перспективность использования БПЛА в качестве носителей ретрансляционной аппаратуры в системах радиорелейной связи с зафронтовыми (закордонными) агентами.

Другим возможным средством размещения ретрансляционной аппаратуры на больших высотах являются аэростаты. По способу удержания в заданном районе пространства различают привязные, свободные и радиоуправляемые аэростаты. Привязные аэростаты с ретрансляционным оборудованием могут подниматься на высоту до 4,5 км и нести большой объем аппаратуры приема, передачи и обработки сигналов. Радиорелейные системы с аэростатным размещением ретрансляционного оборудования создаются и эксплуатируются в Великобритании, Франции и США. Аэростатная система ТКОМ (США) совместима с существующими системами наземной радиорелейной, кабельной и спутниковой связи, вследствие чего суммарная дальность связи между агентом и центром практически не ограничена.

Наряду с привязными для обеспечения радиорелейной связи имеются свободные и управляемые аэростаты. В США осуществлялись полеты свободных аэростатов продолжительностью около 100 час., при этом ретрансляционная аппаратура массой 900 кг доставлялась на высоту до 40 км. В результате проведенных исследований специалистами выявлены закономерности перемещения воздушных потоков. Использование знания этих закономерностей позволит продлить время полета до 100 суток[1].

[1] См.: Зарубежное военное обозрение, 1985, № 2, с. 67.

Для фиксации положения аэростата в пространстве могут использоваться силовые установки малой мощности, которые работают по командам, получаемым с Земли. Такие управляемые аэростаты совершают продолжительные полеты в заданном районе на высоте до 20—25 км, поднимая ретрансляционное оборудование массой около 100 кг. В США ведутся разработки высотной платформы, способной поднимать мощную ретрансляционную аппаратуру массой 6000 кг на высоту до 21,3 км. Предполагается использовать эту платформу в качестве промежуточного ретранслятора для обеспечения радиорелейной связи между наземными объектами через искусственный спутник Земли (ИСЗ).

Существенным недостатком аэростатного базирования ретрансляционной аппаратуры является уязвимость аэростатов для средств ПВО, что в условиях ведения боевых действий резко снижает живучесть, а следовательно, и эффективность связи.

Наибольшей эффективностью среди всех радиорелейных систем агентурной связи обладает, по-видимому, система с базированием ретрансляционного оборудования на ИСЗ. Такие системы разрабатываются и эксплуатируются уже более 25 лет.

Спутниковые системы связи (ССС) могут различаться по видам орбит используемых в них ИСЗ. Представляется целесообразным рассмотреть возможность организации радиорелейной системы связи при размещении ИСЗ с ретрансляционной аппаратурой на следующих трех орбитах.

Низкая круговая орбита характеризуется почти равными высотами апогея и перигея (порядка 200—300 км). Ретрансляция сообщения с помощью такого спутника-ретранслятора должна производиться кратковременно по жесткому расписанию, так как время полета ИСЗ над районом действия агента исчисляется минутами. Наиболее часто применяется способ ретрансляции с промежуточным накоплением, когда сообщение от агента принимается и запоминается на борту ИСЗ при пролете спутника над районом действия агента, а впоследствии, при пролете над районом центра, передается с борта на Землю.

Высокая эллиптическая орбита характеризуется существенной разницей высот апогея и перигея (около 40 000 км в апогее и 2000 км в перигее). Вследствие большой высоты в апогее время обслуживания значительных по площади районов (до 10 000 кв. км) измеряется часами, что снижает жесткие требования к расписанию связи, однако круглосуточное обслуживание района действия агента одним ИСЗ обеспечить невозможно. Кроме того, из-за большой протяженности трассы распространения сигнала ухудшаются энергетические характеристики линии связи.

Геостационарная орбита представляет собой круговую орбиту высотой около 36 000 км, лежащую в плоскости экватора.

Размещение на ней ИСЗ-ретранслятора обеспечивает непрерывное круглосуточное обслуживание связью района действия агента. Выведенный на эту орбиту спутник почти неподвижен относительно Земли, так как период его обращения равен земным суткам.

Энергетика линии связи в данном случае почти такая же, как при высокой эллиптической орбите, что повышает требования к мощности передатчиков и чувствительности приемников. Тем не менее существенное достоинство — непрерывная круглосуточная связь в пределах района, соответствующего 1/3 земной поверхности, делает размещение ИСЗ-ретрансляторов на геостационарной орбите весьма перспективным.

В настоящее время на геостационарной орбите размещено около 300 ИСЗ, обеспечивающих связью различные ведомства 182 стран, из которых 29 имеют национальные ССС[2]. Наиболее активно используют спутниковые системы связи США. Достаточно отметить, что министерство обороны США эксплуатирует сегодня три крупных глобальных ССС (DSCS — стратегическая ССС министерства обороны США, Афсатком — ССС ВВС США, Флитсатком — ССС ВМС США) и ведет разработку новой ССС «Милстар», которая будет обладать повышенной живучестью. Эта система предназначена (по проекту) для обеспечения связью 4000 абонентов стратегического и тактического звеньев управления. Приемопередающие станции системы планируется установить на самолетах, подводных лодках, наземных стационарных и подвижных объектах[3].

Средствами ретрансляции сигналов, размещенными на ИСЗ, пользуются также агенты спецслужб США. Уровень развития техники связи США позволяет создавать компактные, сравнительно легкие (1—3 кг) переносные радиостанции спутниковой связи. Станциями подобного типа пользовались сотрудники спецслужб США на Кубе и американский дипломат-разведчик Осборн в СССР.

Рассмотрим несколько подробнее перспективы развития агентурной радиорелейной связи с использованием ИСЗ-ретрансляторов. Как отмечалось выше, круглосуточная связь с ИСЗ-ретранслятором, размещенным на геостационарной орбите, достигается ценой ухудшения энергетических характеристик линии связи. Для преодоления данного препятствия можно либо увеличить мощность передатчика, что не всегда достижимо в условиях жесткого ограничения массогабаритных показателей и энергопотребления радиоаппаратуры, либо повысить коэффициент усиления антенны. Последний зависит от соотношения геометрических размеров антенны и длины волны. Следовательно, повысить коэффициент усиления антенны без существен-

---

[2] См.: Telecommunication Journal, 1986, vol. 53, VI (ITU, Geneva).

[3] См.: Зарубежное военное обозрение, 1984, № 2, с. 12—16.

ного увеличения ее габаритов можно путем уменьшения длины волн, что прослеживается на примере американских военных ССС, используемых и для целей агентурной связи. Так, если более 5 лет назад связь осуществлялась на длине волны порядка 1 м, то сейчас в стадии ввода в эксплуатацию находятся ССС, работающие на длине волны около 1 см.

Одновременно с освоением новых диапазонов совершенствуются способы формирования сигналов и их кодирования. Применение микропроцессорной обработки для реализации сложных алгоритмов помехоустойчивого кодирования позволяет достичь уровня ошибок не выше 10^{-5} при искажении до 13% переданного сообщения. Такая система функционирует сейчас в ССС Флитсатком, охватывающей зоны Атлантического и Индийского океанов[4].

В этой системе используется принцип множественного доступа к ИСЗ-ретранслятору с временным разделением каналов и предоставлением канала по запросу абонента. Типовое время реакции системы на запрос составляет 10 сек. Абонентам предоставляется телефонная и телеграфная связь, а также возможность обмена данными в автоматизированных системах. Последнее является сравнительно новым в агентурной связи, поэтому рассмотрим несколько подробнее вопросы автоматизации обработки сообщений.

Широкое внедрение средств автоматизации во все сферы человеческой деятельности не обошло стороной и такие отрасли, как разведка и связь. В последние годы за рубежом, и особенно в США, разработаны системы обработки сообщений, базирующиеся на элементах «искусственного интеллекта». Для функционирования таких систем требуется существенное увеличение вычислительных мощностей, которое достигается коллективным использованием территориально разнесенных средств вычислительной техники. С этой целью разработаны и эксплуатируются сети межкомпьютерной связи министерства обороны США — Автодин-2 и «Арпанет». Доступ отдельным пользователям к коммутационным центрам сети «Арпанет» может предоставляться по каналам ССС Флитсатком[5]. Абонент, находящийся практически в любой точке земного шара (между 70° северной широты и 70° южной широты), с помощью индивидуального терминала за 10 сек. подключается не только к вычислительным ресурсам, но и к базам данных и системам автоматической обработки сообщений, что резко повышает оперативность доставки сообщений в центр и получения указаний центра в любое удобное для агента время.

Завершая рассмотрение современного состояния и тенденций

---

[4] См.: Зарубежная радиоэлектроника, 1987, № 5, с. 41—49.
[5] См.: Зарубежное военное обозрение, 1984, № 3, с. 72—74.

развития средств специальной радиорелейной связи, сформулируем некоторые выводы.

Радиорелейная связь между зафронтовым (закордонным) агентом и центром в условиях современной войны или кризисных ситуаций позволит решить задачу оперативной доставки сообщений от агента в центр (и обратно).

Учитывая существенные сложности оперативного характера, возникающие при использовании ретрансляционных средств наземного базирования, основное внимание следует сосредоточить на организации радиорелейной связи с использованием ретрансляционного оборудования воздушного и космического базирования.

Летно-подъемные средства в виде БПЛА могут быть использованы для ретрансляции сигналов агентурной связи в сравнительно небольшие промежутки времени (8—24 час.), что приемлемо только в случаях ожидания особо важных сообщений. Аэростатные средства подъема ретрансляционного оборудования также могут рассматриваться лишь как вспомогательные, так как продолжительность их функционирования также невелика (до нескольких суток).

Размещение ретрансляционной аппаратуры на ИСЗ обусловливает существенное усложнение техники связи, однако при этом повышается оперативность и достоверность передачи сообщений. Использование ИСЗ-ретрансляторов на низкой круговой орбите позволяет обойтись сравнительно простыми и маломощными радиопередатчиками, но это сопряжено с необходимостью строгого соблюдения расписания связи, что в условиях военного времени может явиться существенным ограничивающим фактором. И наконец, осуществление радиорелейной агентурной связи с использованием ретрансляционного оборудования, находящегося на ИСЗ, размещенном на геостационарной орбите, обладая лишь одним недостатком — низкой энергетикой радиолинии, позволяет достичь:

практически глобального охвата территории и, как следствие, доставки сообщений в кратчайший срок, измеряемый секундами;

высочайшей оперативности, то есть круглосуточного доступа к каналу в любое удобное агенту время;

полной автоматизации маршрутизации и обработки сообщения, немедленной, при необходимости, реализации разведывательных сведений.

В качестве перспективных направлений развития радиорелейной агентурной связи с использованием геостационарных ИСЗ-ретрансляторов отметим:

расширение диапазона частот в сторону их увеличения до нескольких десятков Гигагерц (миллиметровые длины волн), что позволяет уменьшать габаритные размеры антенн и мощности радиопередатчиков;

внедрение цифровых методов передачи, позволяющих повысить эффективность использования ретранслятора, интегрировать передачу речевых, текстовых сообщений и данных для компьютерной обработки по одним и тем же каналам со стойким засекречиванием, а также реализовать высокую помехозащищенность, в том числе и по отношению к преднамеренным воздействиям;

развитие принципов пакетной коммутации, обеспечивающих адаптивную маршрутизацию, что повышает гибкость и живучесть системы в целом, а также сокращает среднее время доставки сообщений.

Исходя из изложенного, отметим, что развитие агентурной связи идет разными путями, среди которых можно выделить два магистральных — непосредственную радиосвязь между агентом и центром по каналу ВЧ—ОВЧ диапазона волн и радиорелейную связь с использованием ИСЗ-ретрансляторов.

Рекомендована спецкафедрой «М»
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор доктор военных наук, профессор
***полковник** А. И. Цветков*

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Кандидат физико-математических наук, доцент
полковник *О. А. Рамеев*,
капитан *Л. П. Бабков*

ЭТАПЫ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ОБРАБОТКИ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ НА КАНАЛЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

Расширение научно-технических связей Советского Союза с капиталистическими государствами создает определенные возможности для разведывательной и иной подрывной деятельности противника. Информация, получаемая органами КГБ за последнее время, заставляет по-новому взглянуть на международное научно-техническое сотрудничество и, в частности, на канал научно-технической переписки советских ученых с заграницей, работа на котором обычными традиционными методами становится все труднее.

В Приказе председателя КГБ СССР отмечается, что продолжают иметь место случаи утечки важной научно-технической информации через открытую печать, в процессе контактов советских ученых и специалистов с иностранными гражданами, при осуществлении патентования за границей, ведении переговоров о продаже лицензий партнерам и т. д.[1]

Разведки противника придают большое значение деловым и личным контактам ученых разных стран как одному из перспективных каналов получения секретных сведений. Эти сведения они добывают в процессе деловых встреч ученых, международного распространения научных периодических изданий и монографий, современных программ исследований, проводимых научными центрами, на международных конференциях, конгрессах, симпозиумах, из научной переписки ученых[2].

Приведем пример. В настоящее время научно-техническую переписку с капиталистическими странами поддерживают свы-

[1] См.: Приказ председателя КГБ СССР № 00120 от 2 сентября 1987 г.
[2] См.: Информационно-аналитический бюллетень (по материалам иностранной печати). Серия «Т», 1973, № 1, с. 8; 1975, № 11, с. 3—14.

ше 700 ученых Азербайджанской ССР. В свою очередь, более 1000 фирм и научных центров из разных стран осуществляют сбор информации о научном потенциале республики (из них около 430 — учреждения США, 380 — ФРГ). Примерно 90 фирм и научных центров подозреваются в связях со спецслужбами[3].

Анализ информации, полученной на этом участке оперативной деятельности, показал, что поток корреспонденции как со стороны советских ученых, так и со стороны иностранцев постоянно увеличивается, а это в свою очередь дает возможность спецслужбам противника осуществлять сбор разведывательной научно-технической информации более активно.

В связи с вышеизложенным возникает задача повышения эффективности работы контрразведывательных подразделений на канале научно-технической переписки. Одним из наиболее перспективных путей повышения эффективности контрразведывательной деятельности является, на наш взгляд, автоматизированная обработка информации, проводимая с помощью специально разрабатываемых человеко-машинных систем[4].

Данная статья посвящена дальнейшему развитию идеи автоматизированного контрразведывательного поиска объектов[5], представляющих оперативный интерес для органов КГБ. В ней рассматриваются вопросы технологии контрразведывательной деятельности на канале научно-технической переписки советских ученых с заграницей и вопросы разработки соответствующего информационного обеспечения при автоматизации обработки данных.

Накапливаемые в автоматизированной системе (АС) данные не будут подменять и дублировать оперативные учеты и материалы, имеющиеся в номенклатурных делах по линиям работы. Автоматизированная система будет служить средством автоматизированного поиска объектов, представляющих оперативный интерес для органов КГБ, и, следовательно, не должна рассматриваться и использоваться в качестве общесправочного учета[6].

Автоматизированный контрразведывательный поиск должен быть при этом человеко-машинным, так как решаемые задачи требуют непосредственного участия человека при отборе информации, ее вводе, управлении ходом решения задач, анализе

---

[3] Материалы 6-го отдела КГБ АзССР, лит. д. № 997, т. 1.

[4] См.: Денинг В., Эссиг Г., Маас С. Диалоговые системы «Человек—ЭВМ». Адаптация к требованиям пользователя. М., Мир, 1984, с. 112.

[5] См.: Бабаев В. В., Сомик К. В. Методика постановки и решения задач контрразведывательного поиска с использованием интегральной АИС контрразведки.— Труды ВШ КГБ, 1984, № 32, с. 289; Дмитриев П. С., Удилов В. Н., Фролов А. П. Системный подход и его применение в выявлении вражеских агентов. Монография. М., изд. ВШ КГБ, 1982, с. 164.

[6] См.: Указание председателя КГБ СССР № 26с от 5 апреля 1985 г.; Указание председателя КГБ СССР № 26с от 23 апреля 1983 г.

результатов, корректировке исходных данных. Часть этапов обработки информации возлагается при этом на ЭВМ, а часть — на человека (работника оперативного подразделения).

Разработка технологии автоматизированного контрразведывательного поиска объектов, представляющих оперативный интерес, проводилась с учетом существующих методик контрразведывательного поиска, работы по сигналам и делам оперативного учета (ДОУ). Понятие объектов, представляющих оперативный интерес и выявляемых в результате работы автоматизированной системы, отличается от обычного понятия объектов, представляющих интерес для органов КГБ, тем, что первичная информация на них поступает не из оперативных источников, а формируется в самой системе на основе анализа и автоматизированной обработки имеющихся массивов данных.

Для разработки человеко-машинных систем необходимо проанализировать решаемые задачи, выделить этапы, подлежащие автоматизации, и определить информацию, необходимую для решения задач на каждом этапе.

Рассмотрим данную технологию более подробно. Она включает в себя следующие этапы:

1. Сбор, обработка и оценка первичной информации.
2. Проверка объектов, представляющих интерес для органов КГБ.
3. Анализ и оформление результатов работы по объектам, представляющим оперативный интерес.
4. Работа по делам оперативного учета, анализ и оформление результатов.

На первом этапе осуществляется получение первичной информации об объектах, ведущих научно-техническую переписку, ее обработка и оценка в диалоговом режиме на ЭВМ в обезличенном виде. Обработка и оценка включают в себя сужение массива объектов, на которых имеются первичные данные, и выделение классов объектов, представляющих оперативный интерес. Данный этап предполагает выделение информативных признаков, разработку формализованного документа для сбора первичной информации и ввода ее в ЭВМ, разработку моделей и методов отбора объектов, представляющих оперативный интерес, а также моделей и методов классификации.

На втором этапе производится проверка объектов, выделенных на первом этапе. Проверку осуществляет оперативный сотрудник имеющимися силами и средствами. Обработка информации, полученной на втором этапе, ведется в диалоговом режиме на ЭВМ и включает в себя:

анализ сферы деятельности объекта;

определение научного потенциала объекта и перспектив его научного роста;

установление возможного попадания объекта в поле зрения спецслужб противника по другим каналам (исключая переписку);

выявление связей объекта, представляющих оперативный интерес.

На третьем этапе по результатам обработки принимаются решения о продолжении, а также и о видах дальнейшей работы контрразведывательных подразделений; в случае необходимости заводятся ДОУ. Проводится также работа по оформлению результатов, полученных на предыдущих этапах.

На четвертом этапе проводится работа по делам оперативного учета и оформление результатов по ним. В случае необходимости возможны переходы с текущего этапа на предыдущие для пополнения информации и корректировки результатов. Общая технологическая схема этапов обработки информации на канале научно-технической переписки изображена в приложении 1.

Рассмотрим перечисленные этапы более подробно.

Сбор, обработка и оценка первичной информации. Основными источниками первичных данных служат следующие информационные массивы: картотека формы ОК-80 (6-е отделение оперативно-технического отдела — ОТО), картотека лиц, выезжающих за границу, и дела их спецпроверки (4-е отделение 2-го отдела), картотека лиц, допущенных к секретным работам и документам (1-е отделение 6-го отдела). Полученная из указанных источников информация на объекты, ведущие переписку с заграницей, концентрируется в форме № 1 «Первичные данные», которая включает в себя следующие параметры: возраст; место рождения; сфера деятельности; место работы; должность; степень допуска к секретам; ученая степень; ученое звание; страны переписки; страны выезда; длительность переписки; инициатор переписки; характер переписки; стажировка за границей; оперативные данные на иностранца.

Для каждого из параметров формы № 1 разработаны шкалы с градациями, упорядоченными по возрастанию значений с точки зрения потенциального интереса спецслужб противника.

Форма № 1, как и все последующие формы фиксации информации, разработана на основе экспертного опроса, который проводился с целью выявления информативных признаков и их значений. При этом в роли экспертов выступали опытные оперативные сотрудники.

Массив первичных данных, который образуется в результате заполнения формы № 1, вводится в ЭВМ. Затем в режиме диалога оперативного сотрудника с ЭВМ осуществляется его сужение по следующему алгоритму:

1. Задание «весов важности» признаков.
2. Приписывание шкальным значениям баллов.

3. Выбор критерия сужения массивов и задание его параметров.

4. Классификация объектов и нахождение эталонов в классах.

5. Отбор информативных признаков для описания классов.

6. Выявление взаимосвязей между признаками.

7. Анализ результатов и корректировка исходных данных.

В результате работы алгоритма часть массива, не удовлетворяющая критерию сужения, отсеивается, а другая часть — суженный массив — поступает на дальнейшую обработку. Отсеянный массив, назовем его условно категорией № 1, вводится в рабочий (аналитический) подмассив данных для дальнейшего обогащения информацией из первичных источников и повторной обработки.

На данном этапе проводится также разработка общих моделей объектов, представляющих оперативный интерес как для органов КГБ, так и для спецслужб противника. Суженный массив классифицируется и по каждому классу выдаются рекомендации для дальнейшей работы. Получив разбитые на классы объекты, оперативный сотрудник принимает решение о проверке тех объектов, которые с наибольшей степенью вероятности могут представлять оперативный интерес, и ставит их на учет в информационно-контрольную систему «Сигнал» (ИКС «Сигнал»). Он уведомляет об этом оперативные подразделения, которые должны заниматься их проверкой, и осуществляет координацию взаимодействия между ними. Остальные объекты (категория № 2) вводятся в рабочий (аналитический) подмассив данных для решения других контрразведывательных и аналитических задач. Общая схема первого этапа изображена в приложении 2, а форма № 1 приведена в приложении 3.

Проверка объектов, представляющих интерес для органов КГБ. После ввода данных в ИКС «Сигнал» оперативный сотрудник в зависимости от класса, к которому принадлежит объект, составляет план его проверки по формам № 2, 3, 4, 5. Рассмотрим эти формы более подробно.

В форме № 2 «Сфера деятельности объекта» содержатся параметры, которые дают, по мнению экспертов, достаточно полное представление о сфере деятельности объекта и позволяют после обработки полученной информации оценить и сопоставить состояние дел в этой области науки в СССР и в капиталистических странах. В данной форме указываются следующие параметры: место работы; режимность учреждения, в котором работает объект; должность; сфера научной деятельности; прикладное значение тематики; состояние дел у противника в аналогичной области науки.

Форма № 3 названа «Научный потенциал объекта». Информация, получаемая по параметрам формы № 3, позволяет вы-

явить научный потенциал объекта в различные периоды его научной деятельности и перспективы его роста в будущем. Кроме того, можно определить, представляет ли он интерес для спецслужб противника или нет. В форме № 3 указываются следующие параметры: возраст; тип лаборатории, в которой работает проверяемый объект; наличие в лаборатории ученых со степенью; должность; ученая степень; ученое звание; количество публикаций; научная ценность опубликованных работ; уровень как ученого.

Форма № 4 «Попадание объекта в поле зрения спецслужб противника» дает возможность установить попадание объекта в поле зрения спецслужб противника. В форме указываются следующие параметры: выезды за границу; контакты с иностранцами на территории СССР; выступления объекта по телевидению, радио, в прессе, и др.; выступления об объекте телевидения, радио, прессы и др.; связи объекта.

По форме № 5 «Связи объекта» собирается информация о связях объекта, через которые спецслужбы теоретически могли бы получить информацию об объекте или сам объект мог бы осуществлять сбор интересующей противника информации. В ней содержатся следующие параметры: гражданство; место работы; режимность учреждения, в котором работает объект; должность; степень допуска к секретам; контакты с иностранцами на территории СССР; выезды за границу; наличие компрометирующих материалов; переписка с лицами, проживающими за границей.

Наряду с проверкой конкретных объектов на данном этапе разрабатываются частные модели, соответствующие различным оперативным версиям в отношении проверяемых объектов. Массивы оперативных данных, полученных по формам № 2, 3, 4, 5, вводятся в ЭВМ и обрабатываются в режиме диалога по алгоритмам частных моделей. После обработки оперативных данных на ЭВМ оперативный сотрудник формирует решение о продолжении работы или ее прекращении, то есть переходит к следующему этапу. Общая схема второго этапа изображена в приложении 4, а формы № 2, 3, 4, 5 приведены в приложениях 5—8.

Третий и четвертый этапы представляют собой стадии формирования возможных проблемных ситуаций, которые могут возникнуть в ходе реализации материалов по объектам, поставленным на учет в ИКС «Сигнал», по делам оперативного учета, и решений по этим ситуациям. Следует отметить, что на первых двух этапах получения и обработки информации решения формулирует оперативный сотрудник, а в роли лица, принимающего решение (ЛПР), выступает его непосредственный начальник. На последующих этапах решение формулирует начальник отделения, а в роли ЛПР выступает руководство от-

дела или Комитета республики. Рассмотрим третий и четвертый этапы более подробно.

Анализ и оформление результатов работы по объектам, представляющим оперативный интерес (приложение 9). Установив, что проверяемый объект представляет оперативный интерес, ЛПР принимает решение о реализации материалов по объекту и вводит его в ИКС «Сигнал».

Результатом реализации являются меры, принятые по материалам проверки. К ним относятся[7]:

профилактика гласными методами;

профилактика негласными методами;

оперативное предупреждение и пресечение подрывной деятельности;

уголовно-процессуальные меры предупреждения и пресечения подрывной деятельности;

мероприятия по повышению политической бдительности населения;

административно-правовые меры предупреждения и пресечения подрывной деятельности;

заведение дел оперативного учета;

направление информации об объекте в партийные, советские, хозяйственные и другие органы;

вербовка, и др.

Если проверяемый объект не представляет оперативного интереса, то принимается решение о прекращении работы, а результаты ее вводятся в ИКС «Сигнал».

Работа по делам оперативного учета, анализ и оформление результатов (приложение 10). На этом этапе осуществляется моделирование возможной шпионской деятельности проверяемого объекта. Модели разрабатываются с учетом имеющегося в советской контрразведке опыта работы по делам оперативного учета, по которым проходили ученые, подозреваемые в связях со спецслужбами противника. Полученная в ходе проверки оперативная информация обрабатывается на ЭВМ. По завершении проверки принимается решение по результатам работы. К мерам, принятым по результатам проверки ДОУ, относятся[8]:

арест;

другие уголовно-процессуальные меры предупреждения и пресечения подрывной деятельности;

профилактика гласными и негласными методами;

административно-правовые меры предупреждения и пресечения подрывной деятельности;

---

[7] См.: Словари ЕСИОК, ч. 2, словарь № 30 «Меры, принятые по материалам проверки сигнала», с. 225.

[8] См.: Словари ЕСИОК, ч. 2, словарь № 18 «Мероприятия органов КГБ, принятые меры», с. 45.

оперативное предупреждение и пресечение подрывной деятельности;

вербовка, и др.

Анализ рассмотренной технологии контрразведывательной деятельности на канале научно-технической переписки позволил выделить следующие основные классы задач, связанных с использованием разрабатываемой человеко-машинной системы:

1. Контрразведывательные задачи:

выявление агентуры спецслужб противника из числа ученых, ведущих научно-техническую переписку с заграницей;

выявление контингента ученых, представляющих интерес для спецслужб противника, с целью обеспечения их контрразведывательной защиты;

выявление устремлений противника к важным фундаментальным и прикладным работам;

приобретение оперативных источников для получения информации.

2. Управленческие задачи:

организация контрразведывательной деятельности на канале научно-технической переписки;

разработка технологий и планов деятельности в различных ситуациях;

контроль хода реализации мероприятий;

оценка эффективности контрразведывательной деятельности.

3. Информационные задачи:

организация массивов данных для решения контрразведывательных и управленческих задач;

получение данных для отчетов;

разработка процедур информирования заинтересованных подразделений.

4. Аналитические задачи:

выявление признаков, необходимых для решения контрразведывательных задач;

построение моделей объектов, представляющих оперативный интерес;

пополнение значений признаков у отдельных объектов;

классификация объектов на канале научно-технической переписки;

разработка моделей и методов обработки информации.

Разработка общих и частных моделей работы по объектам на канале научно-технической переписки с заграницей по перечисленным задачам, а также математического и программного обеспечения соответствующей АС в настоящее время ведется в КГБ Азербайджанской ССР и на СК-15 Высшей школы в рамках научно-исследовательской работы «Спектр-2».

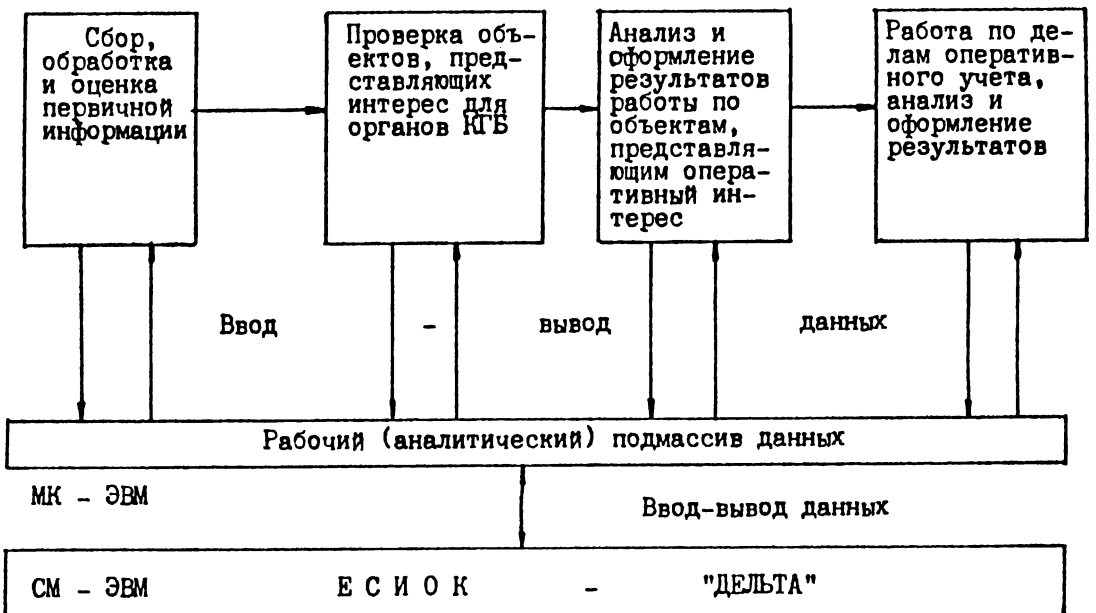
В заключение следует отметить, что разработка человеко-машинных систем, аналогичных обсуждаемой в работе, может служить основой для создания гибких автоматизированных комплексов, настраиваемых в режиме диалога на информацию и характеристики конкретных оперативных задач, имеющих технологии, сходные с технологией обработки информации задачи, рассмотренной выше. Для создания таких комплексов необходимо проводить работу по анализу задач оперативной практики, разработке технологий обработки информации, выявлению общих и специфичных этапов обработки информации с применением ЭВМ, разработке средств автоматизации и объединению их в настраиваемые на технологию решения задач комплексы.

Рекомендована спецкафедрой № 15
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

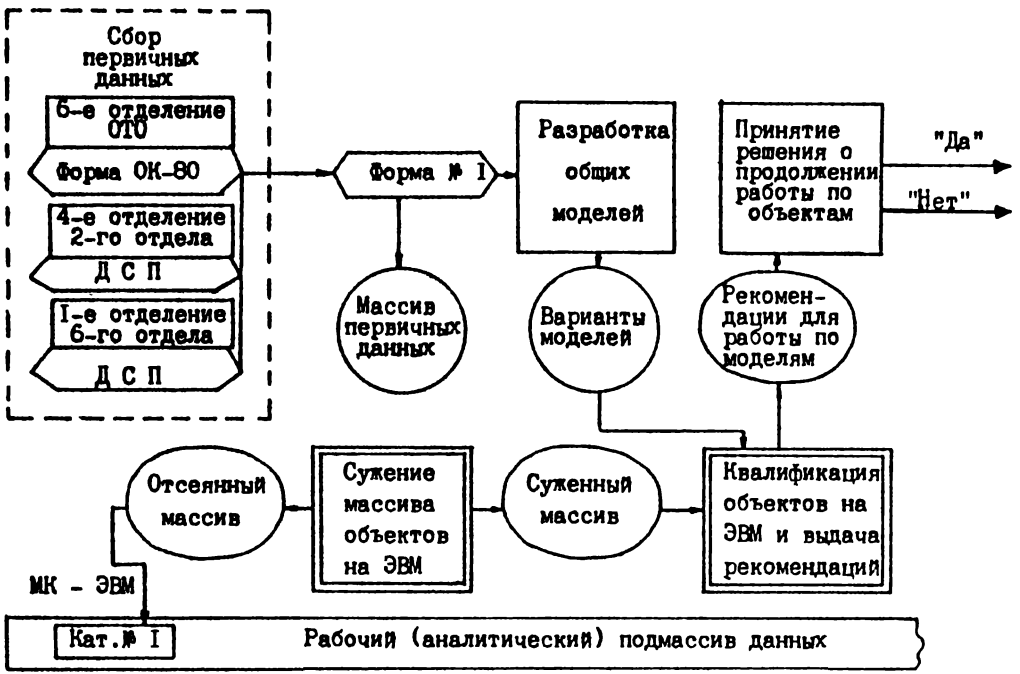
Научный редактор кандидат технических наук, доцент
полковник А. А. Остроумов

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБЩАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА ЭТАПОВ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ НА КАНАЛЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

СБОР, ОБРАБОТКА И ОЦЕНКА ПЕРВИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Форма № 1

ПЕРВИЧНЫЕ ДАННЫЕ
(нужное подчеркнуть, недостающее вписать)

Индекс объекта _____

Возраст: до 30 лет, 30—34 года, 35—39 лет, 40—44 года, 45—49 лет, 50—54 года, свыше 55 лет.

Место рождения _____

Сфера деятельности _____

Место работы _____

Должность _____

Степень допуска к секретам: имеет допуск по форме № 1, 2, не имеет.

Ученая степень: кандидат наук, доктор наук, нет.

Ученое звание: ст. научный сотрудник, доцент, профессор, академик, нет.

Страны выезда _____
_____

Страны переписки _____
_____

Длительность переписки _____

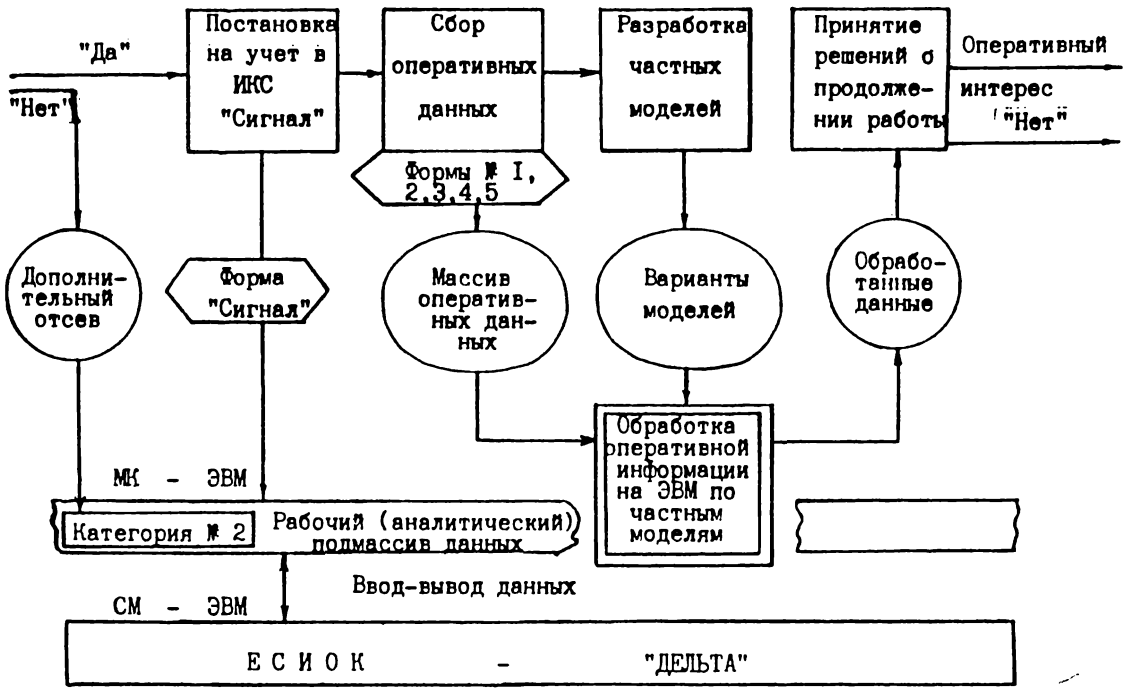
Инициатор переписки _____

Характер переписки _____

Стажировался ли объект за границей: да, нет.

Оперативные данные на иностранца: нет, есть.

ПРОВЕРКА ОБЪЕКТОВ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ИНТЕРЕС ДЛЯ ОРГАНОВ КГБ

Форма № 2

СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЪЕКТА
(нужное подчеркнуть, недостающее вписать)

Индекс объекта _____

Место работы _____

Режимность учреждения, в котором работает объект: особорежимное, режимное, частично режимное, нережимное, открытое для посещения иностранцев.

Должность _____

Сфера научной деятельности (тема, направление) _____

Прикладное значение тематики (оценивается экспертами):
имеет оборонное значение (указать конкретную область) _____

имеет народнохозяйственное значение (указать конкретную область) _____

Состояние дел у противника в аналогичной области науки (оценивается экспертами):
существуют ограничения в обмене идеями, при передаче технологии в СССР и другие социалистические страны _____

стремится к расширению контактов с СССР и другими социалистическими странами _____

Форма № 3

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЪЕКТА
(нужное подчеркнуть)

Индекс объекта _____

К началу проверки.

Возраст: до 30 лет, 30—34 года, 35—39 лет, 40—44 года, 45—49 лет, 50—54 года, свыше 55 лет.

Работает в лаборатории, ведущей: фундаментальные исследования, прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки, другое.

Сотрудников лаборатории со степенью кандидата или доктора наук: до 25%, 25%—50%, свыше 50%, нет.

Должность _____

Ученая степень: кандидат наук, доктор наук, нет.

Ученое звание: ст. научный сотрудник, доцент, профессор, академик, нет.

Количество публикаций (включая депонированные работы): до 5, 5—10, 11—20, 21—50, свыше 50.

Научная ценность опубликованных работ (оценивается экспертами): низкая, средняя, высокая.

Уровень как ученого (оценивается экспертами): низкий, средний, высокий.

К началу установления переписки.

Возраст: до 30 лет, 30—34 года, 35—39 лет, 40—44 года, 45—49 лет, 50—54 года, свыше 55 лет.

Работает в лаборатории, ведущей: фундаментальные исследования, прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки, другое.

Сотрудников лаборатории со степенью кандидата или доктора наук: до 25%, 25%—50%, свыше 50%, нет.

Должность _____

Ученая степень: кандидат наук, доктор наук, нет.

Ученое звание: ст. научный сотрудник, доцент, профессор, академик, нет.

Количество публикаций (включая депонированные работы): до 5, 5—10, 11—20, 21—50, свыше 50.

Научная ценность опубликованных работ (оценивается экспертами): низкая, средняя, высокая.

Уровень как ученого (оценивается экспертами): низкий, средний, высокий.

Ко времени защиты кандидатской диссертации.

Возраст: до 30 лет, 30—34 года, 35—39 лет, 40—44 года, 45—49 лет, 50—54 года, свыше 55 лет.

Работает в лаборатории, ведущей: фундаментальные исследования, прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки, учится в аспирантуре, другое.

Сотрудников лаборатории со степенью кандидата или доктора наук: до 25%, 25%—50%, свыше 50%, нет.

Должность _____

Количество публикаций (включая депонированные работы): до 5, 5—10, 11—20, 21—50, свыше 50.

Научная ценность опубликованных работ (оценивается экспертами): низкая, средняя, высокая.

Уровень как ученого (оценивается экспертами): низкий, средний, высокий.

На время выезда за границу (заполняется на каждый выезд).

Возраст: до 30 лет, 30—34 года, 35—39 лет, 40—44 года, 45—49 лет, 50—54 года, свыше 55 лет.

Работает в лаборатории, ведущей: фундаментальные исследования, прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки, другое _____

Сотрудников лаборатории со степенью кандидата или доктора наук: до 25%, 25%—50%, свыше 50%, нет.

Должность _____

Ученая степень: кандидат наук, доктор наук, нет.

Ученое звание: ст. научный сотрудник, доцент, профессор, академик, нет.

Количество публикаций (включая депонированные работы): до 5, 5—10, 11—20, 21—50, свыше 50.

Научная ценность опубликованных работ (оценивается экспертами): низкая, средняя, высокая.

Уровень как ученого (оценивается экспертами): низкий, средний, высокий.

Форма № 4

ПОПАДАНИЕ ОБЪЕКТА В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ СПЕЦСЛУЖБ ПРОТИВНИКА
(нужное подчеркнуть, недостающее вписать)

Индекс объекта _____

Выезды за границу (страны, каналы, сроки) _____
_____
_____

Контакты с иностранцами на территории СССР (официальные, неофициальные, место, дата) _____
_____
_____

Выступление объекта по телевидению, радио, в прессе и др. (месяц, год, тема) _____
_____
_____

Выступления об объекте телевидения, радио, прессы и др. (месяц, год, тема) _____
_____

Связи объекта _____

Форма № 5

СВЯЗИ ОБЪЕКТА
(нужное подчеркнуть, недостающее вписать)

Индекс объекта _____ Связь _____

Гражданство _____

Место работы _____
_____

Режимность учреждения, в котором работает объект: особо режимное, частично режимное, режимное, нережимное, открытое для посещения иностранцев.

Должность _____

Степень допуска к секретам:
имеет допуск по форме № 1, 2, не имеет;
фактическая осведомленность соответствует форме, превышает форму, не осведомлен.

Контакты с иностранцами на территории СССР (официальные, неофициальные, место, дата) _____
_____
_____

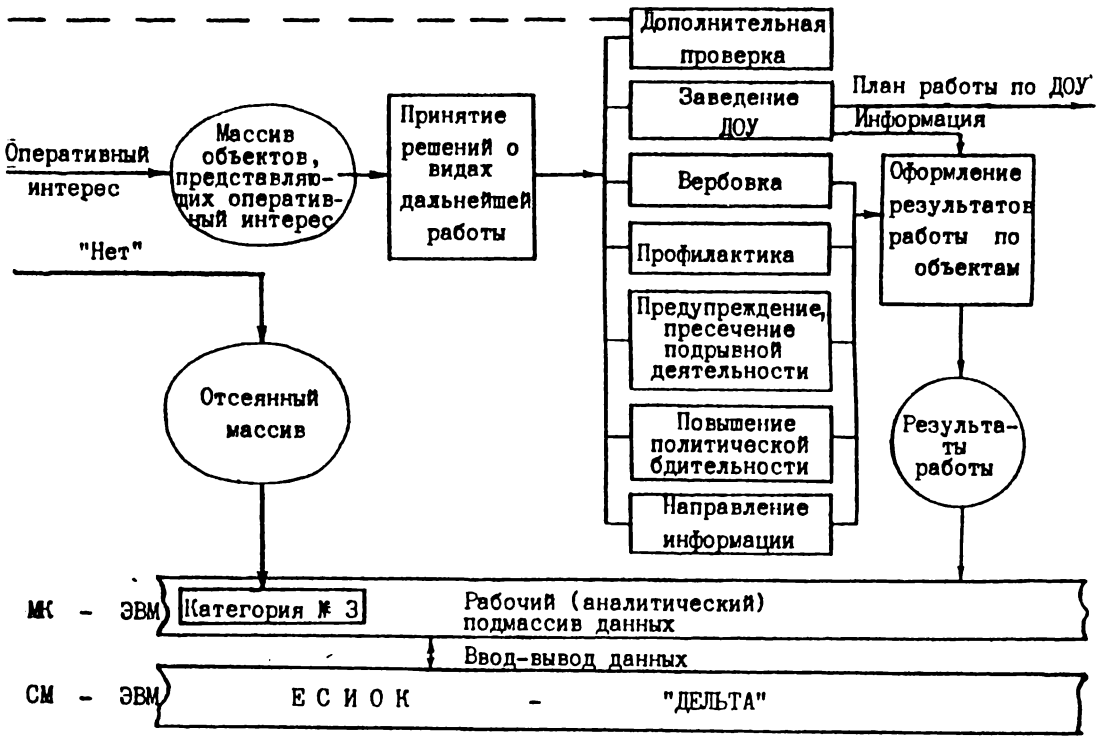
Выезды за границу (страны, каналы, сроки) _____
_____
_____

Наличие компрометирующих материалов _____
_____

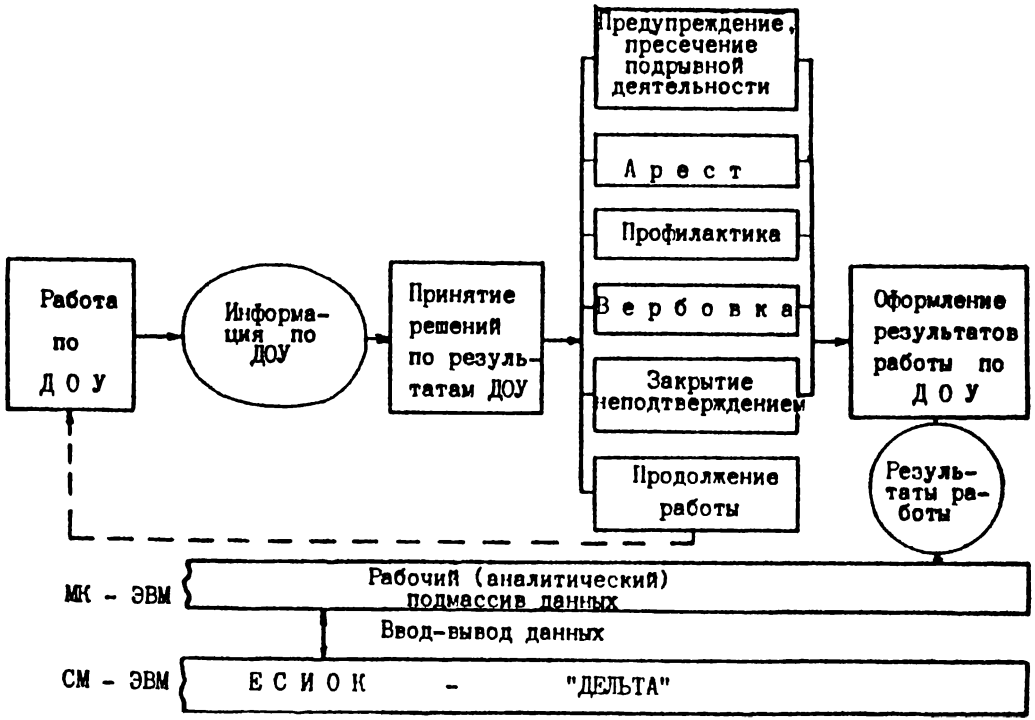
Переписка с лицами, проживающими за границей _____
_____

Секретно
Приложение 9

АНАЛИЗ И ОФОРМЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ РАБОТЫ ПО ОБЪЕКТАМ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНЫЙ ИНТЕРЕС

РАБОТА ПО ДЕЛАМ ОПЕРАТИВНОГО УЧЕТА, АНАЛИЗ
И ОФОРМЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Кандидат исторических наук
полковник *А. В. Грицаенко,*
подполковник *В. А. Новиков*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ОРГАНОВ КГБ СССР ПРИ РОЗЫСКЕ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ ЗВЕНЬЕВ ЦЕРКОВНО-СЕКТАНТСКИХ ОБЩИН

На Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР (май 1986 г.) отмечалось, что противник существенно изменил подрывную работу по идеологическому проникновению в СССР и активизировал ее. Он не отказался от попыток создания в нашей стране антисоветского подполья и легальной оппозиции. Им ведется настойчивый поиск лиц, которых можно было бы использовать в противодействии новому курсу партии, намеченному XXVII съездом КПСС, осуществлению кардинальных преобразований во всех сферах общественной жизни.

Следует отметить, что прежде всего в таком виде идеологической диверсии, как разведывательно-организационная антисоветская деятельность, осуществляемая империалистическими спецслужбами, зарубежными антисоветскими центрами и организациями, а также отдельными враждебными элементами, в том числе некоторыми церковниками и сектантами под прикрытием национализма и клерикализма, в последние годы имели место факты нелегального распространения на территории Советского Союза литературы националистического, клеветнического и религиозно-пропагандистского содержания.

Изучение накопленного оперативной практикой опыта свидетельствует о том, что центры идеологической диверсии стремятся перенести основную часть подрывной деятельности на территорию СССР, сплотить отдельных враждебно настроенных лиц из числа советских граждан, создать из них «оппозицию» существующему строю. Для реализации этой цели противник стремится установить с ними конспиративные контакты, нелегальные каналы связи, по которым можно будет оказывать им всяческую моральную и материальную помощь, направленную на создание в СССР глубоко законспирированных нелегальных печатных звеньев (нелегальные типографии, нелегальные печатные точки и т. п.). Они явились бы центром организационной и пропагандистской деятельности планируемого антисоветского подполья. То, что противник делает ставки на нелегальное изготовление и распространение в нашей стране антисоветской, клеветнической, националистической и религиозно-пропагандистской литературы, объясняется рядом причин.

Во-первых, идеологическое воздействие на сознание советских людей с помощью печатной продукции считается более

эффективным, чем распространение антисоветских, клеветнических и религиозных предрассудков в устной форме, поскольку сам факт ее распространения создает у отдельных советских людей мнение о наличии на территории СССР нелегальной «оппозиции», располагающей возможностями для борьбы с существующим общественным строем, и подталкивает отдельных враждебно настроенных лиц к активизации подрывной деятельности; печатная продукция может быть использована для длительного воздействия на сознание отдельных советских граждан с целью формирования у них враждебных и политически вредных установок и подталкивания их к совершению соответствующих действий; печатная продукция может служить основой для распространения изложенной в ней информации как в письменной, так и в устной форме.

Во-вторых, враждебно настроенные главари церковно-сектантских формирований заинтересованы в нелегальном изготовлении литературы на созданных ими печатных точках, чтобы привлечь к себе внимание зарубежных центров идеологической диверсии, показать им значимость своей работы с целью личной наживы за счет денежных и иных поступлений от них.

Анализ оперативно-следственных материалов, полученных в процессе розыска и ликвидации нелегальных печатных точек, свидетельствует о том, что незаконное изготовление и распространение враждебной и иной политически вредной литературы характерно в основном для националистически и клерикально настроенных лиц. В этих целях ими создаются нелегальные печатные точки и типографии. По нашему мнению, к нелегальной типографии следует относить издательские звенья, созданные враждебными элементами в специально оборудованных для изготовления и подготовки к распространению печатной продукции помещениях. А нелегальная печатная точка — это специально созданное антиобщественными или враждебными элементами временное место работы печатного станка (множительной техники).

После ликвидации ряда нелегальных типографий враждебные элементы все активнее используют нелегальные печатные точки. Это обусловлено прежде всего меньшей вероятностью их обнаружения органами государственной безопасности, значительным уровнем конспирации работы, мобильностью. Общественная опасность нелегальной издательской деятельности антиобщественных и других враждебных элементов состоит в том, что она может быть направлена на вызов недовольства верующих политикой партии и правительства по отношению к религии, инспирацию антиобщественных проявлений в их среде, подталкивание верующих к конфронтации с государством. При этом нелегальные печатные точки уже сами по себе являются готовой формой для проведения организованной антисоветской

деятельности[1], ее ядром и организующим началом. В этой связи розыск и ликвидация нелегальных печатных точек, создаваемых враждебными и иными антиобщественными элементами, является одной из важных задач контрразведывательных аппаратов органов КГБ СССР.

Целью данной статьи является попытка исследовать некоторые вопросы информационного обеспечения взаимодействия[2] оперативных подразделений, участвующих в розыске и ликвидации нелегальных печатных точек, показать значение взаимодействия в повышении эффективности этих мероприятий. Это объясняется и тем, что нелегальные печатные точки, как правило, располагаются в различных регионах страны и для их выявления требуется особое взаимодействие всех контрразведывательных аппаратов органов КГБ СССР. Как известно, пытаясь создать на территории нашей страны сеть нелегальных печатных точек, противник прежде всего опирается на нелегальные религиозные объединения[3], которые стремятся подтолкнуть официальные религиозные формирования к конфронтации с Советской властью.

Лица, организующие работу нелегальных печатных точек, как правило, являлись объектами дел оперативного учета органов КГБ. Они зачастую осведомлены о некоторых методах нашей работы и поэтому тщательно конспирируют свою противоправную деятельность, связанную с нелегальным изготовлением и распространением соответствующей литературы, стремятся выявить среди своего окружения агентов органов КГБ и т. п. Поиск и ликвидация нелегальных печатных звеньев религиозных общин является одной из наиболее сложных задач. При ее решении необходимо идти «не на ощупь», а на основе хорошо продуманной тактики действий[4]. В этой связи вопросы информационного обеспечения проводимых оперативных мероприятий по их розыску приобретают все большую значимость.

Изучение истории развития и совершенствования информационного обеспечения оперативной деятельности в органах КГБ

---

[1] См.: Авдеев Ю. И. К вопросу о развитии понятийного аппарата специальной дисциплины 5. — Труды ВШ КГБ, 1984, № 32, с. 277.

[2] Под взаимодействием понимается единство действий различных подразделений советской контрразведки при решении общей задачи, которое выражается в обмене информацией, совместном планировании деятельности, взаимном использовании сил и средств, а также в совместном осуществлении контрразведывательных мероприятий и операций (см.: Рыкунов В. А. Координация и взаимодействие в деятельности контрразведывательных подразделений территориальных органов КГБ СССР по защите советской экономики от подрывной деятельности противника. — Труды ВШ КГБ, 1985, № 35, с. 352).

[3] На территории СССР с нелегальных позиций действует: баптистов-раскольников — около 25 тыс.; пятидесятников — около 40 тыс.; адвентистов-реформистов около 3 тыс. (Материалы 5-го Управления КГБ СССР, документ № 5/4—857 от 30 мая 1985 г.).

[4] См.: Сборник КГБ СССР, № 111, с. 19.

дает основание говорить о том, что с начала 80-х годов в связи с качественными изменениями в политической и оперативной обстановке на международной арене и внутри страны, соответствующим им ростом сложности и объема задач, решаемых контрразведывательными аппаратами, к информационному обеспечению в органах госбезопасности, в том числе и в пятых подразделениях, предъявляются новые требования. Главным из них является требование достижения такого уровня информационного обеспечения процесса управления, который в современных условиях борьбы с подрывной деятельностью противника позволил бы руководящему и оперативному составу принимать эффективные решения. Как известно, в последние годы в вопросах информационного обеспечения чекистской практики сделано немало и работа по созданию современных информационных систем как нового средства информационного обеспечения продолжается.

Определенный вклад в это направление чекистской деятельности внесла и чекистская теория[5]. Например, Б. С. Тетерин указывает, что информационная работа включает в себя две группы операций, одной из которых является создание информационного фонда (отбор информации для включения ее в фонд, накопление этой информации в фонде в специально организованном виде). А. Н. Яцушко рассматривает информационную работу как средство создания качественной информационной основы для принятия научно обоснованных управленческих решений по вопросам контрразведывательной деятельности[6]. Как видно, эти взгляды не противоречат друг другу, а дополняют и развивают понятие «информационное обеспечение».

По мнению авторов статьи, информационное обеспечение взаимодействия подразделений органов КГБ, участвующих в розыске нелегальных печатных точек, представляет собой обмен информацией между соответствующими подразделениями органов госбезопасности на уровне их информационных систем по вопросам тактики нелегальной издательской деятельности с целью совместной организации борьбы с этим видом подрывной деятельности.

---

[5] Каждый автор трактует понятие «информационная работа», исходя из интересов своей непосредственной деятельности, но, очевидно, что одни авторы понимают под информационной работой процессы, без которых невозможно функционирование систем, другие — процесс выдачи информационными системами необходимой информации потребителям (см.: Швец С. М. Понятие и содержание информационного обеспечения координации и взаимодействия органов советской контрразведки. — Труды ВШ КГБ, 1984, № 31, с. 144—153).

[6] См.: Тетерин Б. С. Теоретические вопросы информационной и аналитической работы в советской контрразведке. Докт. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1976, с. 221; Яцушко А. Н. Управление контрразведывательной деятельностью областных аппаратов органов КГБ СССР. Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1974, с. 74—87.

В современных условиях борьба с идеологической диверсией противника нуждается в постоянном совершенствовании информационного обеспечения, способного систематизировать разрозненную оперативную информацию так, чтобы каждая заслуживающая внимания единица информации обрела связь с предшествующими и последующими единицами. Это вызвано тем, что потребности информационного обеспечения особенно возросли из-за усиления централизации контрразведывательной работы по розыску нелегальных печатных точек и из-за возрастания роли в организации этой работы линейных подразделений центрального аппарата КГБ СССР.

Известно, что традиционной формой информационного обеспечения контрразведывательных аппаратов, проводящих мероприятия по розыску нелегальных печатных точек, до настоящего времени еще является ведение дел оперативного учета. Оперативная информация о нелегальной издательской деятельности, добываемая в процессе розыска нелегальных печатных точек, отражалась в соответствующих оперативных (в сводках службы НН, меморандумах ПК), аналитических, следственных документах, которые в соответствии с установленными правилами систематизируются в делах оперативного учета под конкретные функциональные и управленческие задачи.

Дела оперативного учета, в которых накапливается закрепленная в документах информация, необходимая для решения возложенных на данное подразделение задач, фактически являются локальными информационными системами. Указанные дела ведутся должностными лицами соответствующих подразделений, хранятся в этих подразделениях, а после окончательного решения задач, для достижения которых информация добывалась, дела сдаются на хранение в архив или уничтожаются[7].

Эти формы накопления информации дополняются некоторыми информационными возможностями учетно-архивных подразделений КГБ СССР. Однако в целом оперативные подразделения не всегда могут в достаточной мере использовать информацию, полученную другими органами КГБ. Существенным недостатком действующих систем накопления данных является то, что потребителю выдается подробная, но несистематизированная, без логической последовательности информация, что, безусловно, создает трудности для ее анализа и использования в оперативных мероприятиях. Так, закладка информации о подрывной деятельности враждебных элементов, связанной с созданием и использованием нелегальных печатных точек, в ЕСИОК «ДЕЛЬТА» осуществляется на основании кодов, информацион-

---

[7] См.: Швец С. М. Информационное обеспечение координации и взаимодействия в деятельности советской контрразведки. Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1980, с. 72.

ное состояние которых носит общий характер и охватывает широкий диапазон вопросов.

Например, в словаре системы информационного обеспечения контрразведывательной деятельности «ДЕЛЬТА» (том 1) используются такие коды, как 05044 — создание и совместное использование отдельными антисоветскими организациями или группами нелегальных печатных точек на территории СССР; 05055 — обучение иностранцем враждебных элементов методам конспирации, правилам использования средств связи, множительной техники и типографского оборудования; 05056 — нелегальная засылка в СССР множительных средств; 05057 — засылка и ввоз иностранцем в СССР в целях подрывной деятельности множительной аппаратуры, материальных средств.

Специальных же кодов, которые дробили бы информацию о нелегальной издательской деятельности, проводимой враждебными элементами на территории СССР, для более оперативного розыска контрразведывательными аппаратами нелегальных печатных точек, в информационной системе «ДЕЛЬТА» нет, что создает определенные трудности в их выявлении.

Для устранения указанных недостатков и повышения эффективности агентурно-оперативных мероприятий по розыску нелегальных печатных точек представляется целесообразным в информационной системе «ДЕЛЬТА», где сосредоточиваются сведения о враждебных и политически вредных проявлениях на территории Советского Союза, об антисоветской деятельности конкретных советских граждан, осуществлять накопление в соответствующем фонде в специально организованном виде данных о нелегальных печатных точках. С этой целью в систему «ДЕЛЬТА» необходимо ввести отдельный блок данных, в котором полученная и подготовленная на местах информация в виде агентурных сообщений, справок, обобщенных документов будет обрабатываться и фиксироваться в соответствующих массивах по следующим аспектам:

1. Место дислокации нелегальной печатной точки (нелегальной типографии и т. п.).

2. Категория враждебных и иных антиобщественных элементов, создавших нелегальную печатную точку (баптисты-раскольники, иеговисты, адвентисты-реформисты и т. п.).

3. Характеристика печатной продукции, издаваемой конкретной нелегальной печатной точкой (по форме и по содержанию).

4. Масштабы и география распространения нелегальной печатной продукции (общесоюзного, регионального, межобластного, областного значения).

5. Способы (по видам) печати (высокая, офсетная, фотоспособ и т. п.).

6. Мобильность нелегальной печатной точки (стационарная, подвижная и т. п.).

7. Значимость нелегальной печатной точки (основная, резервная, законсервированная)[8].

8. Характеристика множительной техники, использовавшейся на выявленной нелегальной печатной точке (типографии).

9. Способы распространения литературы, изготовленной на нелегальной печатной точке (типографии).

10. Наличие каналов связи нелегальной печатной точки (типографии) с зарубежными подрывными центрами (непосредственная или опосредованная связь). В практике работы органов КГБ СССР не выявлены факты установления прямых (непосредственных) каналов связи зарубежных центров идеологической диверсии с нелегальными печатными точками (типографиями), по которым осуществлялась бы передача множительной техники, типографских средств, различных инструкций по проведению антиобщественной и враждебной деятельности и т. п. Очевидным является то, что связь между нелегальными печатными точками и зарубежными центрами идеологической диверсии существует в опосредованной форме, через сложную систему различных легальных и нелегальных церковно-сектантских звеньев, их руководителей, курьеров, эмиссаров и т. п. Результатом таких связей является антиобщественная идейная направленность размножаемой на нелегальных печатных точках литературы, доставленной из-за границы в СССР, наличие на ликвидированных печатных точках множительной техники, типографских средств, изготовленных за границей и доставленных в СССР по нелегальным каналам, направление за границу (в центры идеологической диверсии) материалов, изготовленных на нелегальных печатных точках (например, «Хроника католической церкви Литвы», «Вестник истины СЦ ЕХБ»).

На основании предлагаемой классификации нелегальных печатных точек (типографий) центральным аппаратом КГБ СССР могут быть подготовлены ориентировки, которые будут способствовать более эффективному решению контрразведывательными аппаратами на местах следующих вопросов:

1) определение более типичных мест (населенных пунктов и помещений), используемых антиобщественными и враждебными элементами для размещения нелегальных печатных точек (типографий);

2) определение облика лиц, работающих в нелегальных печатных точках (организаторами нелегального изготовления соответствующей литературы, как правило, являются руководители «областных» и «межобластных» советов сектантских формирований):

---

[8] Основная действующая нелегальная типография в случае возможной угрозы ее обнаружения консервируется и возобновляет свою работу при благоприятных условиях. Поэтому нелегальная печатная точка (типография) в течение определенного времени может быть одновременно и основной, и резервной.

печатники преимущественно молодые люди, в основном вышедшие из сектантских семей, с задатками литераторов, художников-графиков. Среди работающих в нелегальных условиях имеются больные люди (хромые, горбатые и т. п.). Женщины-печатницы у баптистов-раскольников всегда носят головной платок, украшениями, ювелирными изделиями не пользуются. Печатники и печатницы общин баптистов-раскольников осуществляют отправление основного своего праздника «хлебопреломления» отдельно, как правило, после всех «братьев» и «сестер»;

курьерами (связниками) нелегальных печатных звеньев, как правило, являются молодые сектанты, владеющие на правах личной собственности автотранспортом, приобретенным на церковные деньги или полученным из-за границы; сектанты, имеющие возможность выезжать с постоянного места жительства и отсутствовать по нескольку суток, а иногда вообще нигде не работать; сектанты, которые работают истопниками, разъездными фотографами, дворниками, экспедиторами, сторожами, рабочими строительных бригад;

3) обеспечение непрерывным, комплексным оперативным наблюдением той категории лиц, которая наиболее вероятно может иметь отношение к нелегальной издательской деятельности (организаторы, исполнители и т. п.);

4) установление мест (республика, край, область, район, предприятие) приобретения множительной техники, полиграфических средств (бумаги, типографской краски и т. п.);

5) выявление особенностей использования нелегальных печатных точек в процессе проведения отдельными лицами антиобщественной и враждебной деятельности;

6) определение степени реальной и потенциальной опасности той или иной нелегальной печатной точки (типографии) для государственной безопасности СССР и т. п.;

7) выработка управленческих решений по организации контрразведывательной работы среди враждебных элементов, занимающихся нелегальным изготовлением печатной продукции идейно вредного характера.

Информационная работа, направленная на создание условий для наиболее эффективного использования сведений, добываемых или получаемых в ходе контрразведывательной деятельности, охватывает не только подрывную деятельность противника, враждебных элементов на территории страны, но и деятельность органов госбезопасности по ее выявлению, предупреждению и пресечению как взаимосвязанную систему элементов, влияющих друг на друга (противник — враждебные элементы — органы КГБ СССР и наоборот). Поэтому сосредоточиваемая в информационно-поисковых системах 5-го Управления КГБ СССР информация о деятельности органов госбезопасности (контрразведывательных аппаратов) в области борьбы с идеологической диверсией, в частности с подрывной деятельностью враждебных

элементов, создающих и использующих нелегальные печатные точки, должна, как представляется, быть упорядочена в целях облегчения ее анализа.

При изучении конкретных фактов выявления и ликвидации нелегальных печатных точек выясняется, что важная роль в этом принадлежит агентуре, службе наружного наблюдения, оперативно-техническим, аналитическим подразделениям. В повышении эффективности работы этих подразделений по розыску и ликвидации нелегальных печатных точек определенную роль может сыграть обмен информацией между соответствующими подразделениями КГБ СССР:

о намерениях враждебных элементов создать нелегальную печатную точку (типографию);

о подготовке условий для работы нелегальной печатной точки (типографии);

о функционировании нелегальных печатных точек;

о силах и средствах контрразведывательных аппаратов, используемых в розыске нелегальных печатных точек;

о методах выявления нелегальных печатных точек (агентурное проникновение в нелегальные печатные звенья, оперативные комбинации и т. п.);

о методах предупреждения и пресечения подрывной деятельности враждебных элементов, создающих и использующих нелегальные печатные точки (склонение к отказу от проведения подрывной деятельности, снижение ее эффективности, лишение средств совершения подрывной деятельности, компрометация и разоблачение враждебных элементов и т. п.).

Обмен информацией в соответствии с этим перечнем окажет действенную помощь как оперативным подразделениям, так и другим службам, участвующим в розыске нелегальных печатных точек. Одновременно эта же информация должна закладываться и в 5-м Управлении КГБ СССР для последующего анализа и выработки конкретных рекомендаций.

Следующим направлением совершенствования информационного обеспечения мероприятий по розыску нелегальных печатных точек, проводимых контрразведывательными аппаратами, как нам представляется, является определение сфер деятельности взаимодействующих подразделений (органов контрразведки между собой, между контрразведывательными аппаратами и органами МВД), о результатах которой целесообразно взаимное информирование. Это объясняется тем, что если пятыми подразделениями советской контрразведки, непосредственно ведущими розыск нелегальных печатных точек, перечень вопросов, по которым необходимо взаимное информирование, разработан, то между другими подразделениями такое взаимодействие требует дальнейшего совершенствования, и прежде всего в области отбора необходимой информации и доведения ее до заинтересованных исполнителей.

Авторы не ставили перед собой цель дать исчерпывающий перечень информации, которой должны обмениваться между собой перечисленные выше подразделения, они лишь попытались определить основные направления этой работы, способствующие решению двуединой задачи: своевременному выявлению и ликвидации нелегальных печатных точек и постоянному совершенствованию агентурного аппарата, задействованного в этой сфере деятельности органов госбезопасности.

Пятым подразделениям рекомендуется осуществлять между собой обмен следующими сведениями:

подробными автобиографическими данными с описанием внешности по правилам словесного портрета, в том числе с указанием особых примет, фотокарточками, информацией о маршрутах поездок и другими данными о лицах, причастных к созданию и использованию нелегальных печатных точек во враждебных целях;

данными о транспортировке полиграфических средств и печатных материалов, о курьерах, секретарях, водителях, реакционно настроенных церковно-сектантских авторитетах, а также о их личном транспорте, используемом в миссионерских целях (марка автомашины, модель, год выпуска, цвет, государственный номерной знак, показатели спидометра за определенное время, дата приобретения и установочные данные на бывших владельцев);

данными о тактике выявления враждебными элементами сил и средств контрразведывательных аппаратов, используемых в розыске нелегальных печатных точек и их технической вооруженности в процессе противоборства с советской контрразведкой.

Систематическое накопление такой информации и ее анализ позволит усовершенствовать подход оперативных подразделений к подбору, изучению и вербовке агентов для участия в разработке враждебных элементов из числа церковно-сектантских авторитетов, расширить их возможности по проведению активных чекистских мероприятий по подставе и внедрению оперативных источников в их нелегальные издательские звенья. В этих же целях должны осуществляться обмен, накопление и систематизация информации о возможных каналах связи религиозных экстремистов с зарубежными клерикальными подрывными центрами и организациями или лицами, имеющими к ним отношение (миссионеры, связники и т. п.).

Поскольку процесс создания и использования нелегальных печатных точек антиобщественными и другими враждебными элементами затрагивает безопасность объектов оперативного обслуживания многих контрразведывательных подразделений КГБ СССР, прямо или косвенно принимающих участие в розыске и ликвидации нелегальных печатных точек (нелегальных печатных звеньев) в объеме, обусловливаемом характером под-

рывной деятельности противника и особенностями оперативной обстановки на конкретных линиях и объектах оперативного обслуживания, то, по мнению авторов, обмен информацией между подразделениями органов госбезопасности, участвующими в розыске и ликвидации нелегальных печатных точек, должен происходить на уровне их информационных систем по следующему образцу:

1. 2-е Главное управление КГБ СССР и его подразделения на местах в случае необходимости информируют 5-е Управление КГБ СССР и его подразделения о следующих имеющихся у них сведениях: об иностранцах, прибывающих в СССР с эмиссарскими или миссионерскими целями, их контактах с советскими гражданами в процессе передвижения по стране; о структуре зарубежных клерикальных центров, специализирующихся на инспирировании нелегальной издательской деятельности в СССР, их планах, исполнителях, каналах заброски множительной техники и т. п.

2. 3-му Главному управлению КГБ СССР и органам военной контрразведки на местах целесообразно информировать 5-е Управление КГБ СССР и его соответствующие подразделения о следующих имеющихся у них сведениях: о зарубежных клерикальных центрах, их эмиссарах, проявляющих интерес к военным объектам; о лицах, проживающих в окружении военных объектов и проявляющих повышенный интерес к возможностям приобретения множительной техники и полиграфических средств, фактах их хищения на объектах Министерства обороны; о фактах появления на объектах оперативного обслуживания нелегально изданной клерикально-подрывной литературы; о контактах военнослужащих с лицами, проживающими в окружении военных объектов и подозреваемыми в издании и распространении нелегальной литературы; о рабочих и служащих из числа сектантов, предпринимающих попытки устроиться на работу, связанную с доступом к множительной технике, а также об изучении и вербовке призванных на воинскую службу верующих с перспективой их последующего использования по линии борьбы с враждебной деятельностью сектантов, занимающихся созданием и использованием нелегальных печатных точек[9]; о результатах выполнения заданий агентами из числа церковников и сектантов, маршрутируемыми по согласованию с пятыми подразделениями органов КГБ СССР в соответствующие места

---

[9] Например, Особым отделом КГБ СССР по Московскому военному округу был привлечен к негласному сотрудничеству военнослужащий срочной службы Карпов, являвшийся до службы в СА членом секты СЦ ЕХБ. По просьбе КГБ Чувашской АССР он маршрутировался в г. Чебоксары, где с его помощью была выявлена нелегально действующая печатная точка секты, приспособленная отцом агента для переплета религиозно-пропагандистской литературы (см.: Клиндухов В. Некоторые профилактические мероприятия завершились вербовками. — Сборник КГБ, 1975, № 3, с. 16—18).

для возможного выявления лиц, причастных к нелегальной издательской деятельности, и мест дислокации нелегальных печатных точек.

3. Управление «В» 3-го Главного управления КГБ СССР и его подразделения на местах при необходимости информируют 5-е Управление КГБ СССР, его подразделения на местах о следующих имеющихся у них сведениях (используя и информацию, полученную от органов МВД): о лицах, отбывающих наказание в ИТК МВД СССР, которые причастны к нелегальной издательской деятельности, их связях и единомышленниках, находящихся на свободе, а также о результатах агентурно-оперативных мероприятий, проводимых в отношении перечисленных лиц, с целью выхода на нелегальные печатные точки; о фактах хищения множительной техники, типографских средств (бумаги, типографской краски и т. п.) на соответствующих предприятиях, учреждениях, складах; о фактах приобретения на торговых базах, в типографиях, соответствующих магазинах в большом количестве писчей бумаги и иных принадлежностей для печатания, брошюрования литературы; о маршрутах и периодичности поездок сектантов, имеющих автотранспорт; о фактах изготовления специальных устройств (тайников) в автомашинах для перевозки типографских средств и печатной продукции; о фактах обнаружения во время осмотра автотранспорта множительной техники, полиграфических средств, нелегально изготовленной печатной продукции антисоветского, клеветнического и религиозно-пропагандистского характера; о фактах приобретения в большом количестве продуктов долговременного хранения для питания нелегалов, работающих на печатных точках; о подозрительном переустройстве частных домов некоторыми сектантами (возведение дополнительных пристроек, переоборудование чердачных помещений и т. п.); о лицах, проживающих у сектантов без регистрации в паспортном столе; о сектантах, допустивших административные и уголовно-процессуальные правонарушения.

4. 4-му Управлению КГБ СССР и его подразделениям на местах целесообразно информировать пятые подразделения КГБ СССР по следующим вопросам: о лицах из числа церковников и сектантов, а также их связях, использующих работу на железнодорожном, автомобильном, морском транспорте для перевозки множительной техники, типографского шрифта, полиграфических средств, печатной продукции; о фактах перевозки на различных видах транспорта (в тайниках) множительной техники, полиграфических средств и распространения на транспорте враждебной и политически вредной литературы; о попытках враждебных элементов установить контакт с зарубежными центрами идеологической диверсии, специализирующимися на нелегальном ввозе в СССР множительной техники, и т. п.

5. 6-е Управление КГБ СССР и его органы на местах в случае необходимости информируют пятые подразделения:

о фактах изготовления в заводских условиях (на промышленных предприятиях и т. п.) отдельными лицами из числа враждебно настроенных церковно-сектантских элементов и их связей множительной техники, отдельных узлов и деталей для печатных средств; о лицах из числа церковников и сектантов и их связях, работающих на промышленных предприятиях и распространяющих литературу враждебного и политически вредного содержания.

6. 7-е Управление КГБ СССР и его органы на местах, выполняя задания пятых подразделений, ориентируют заинтересованные подразделения контрразведки о всех фактах и признаках в действиях проверяемых и разрабатываемых лиц, которые свидетельствуют о их возможном участии в создании нелегальных печатных точек и в организации их работы. Успешное решение этой задачи службой наружной разведки возможно только в том случае, если пятые подразделения своевременно будут информировать их об особенностях тактики нелегальной издательской деятельности антиобщественных и враждебных элементов, ее изменениях, особенностях подготовки условий для работы нелегальных печатных точек, поддержании таких условий, режиме работы печатных точек, особенностях транспортировки и распространения печатной продукции, приемах, применяемых сектантами для выявления сил и средств контрразведывательных аппаратов. Незнание таких особенностей сотрудниками наружной разведки зачастую приводит к расшифровке проводимых ими совместно с контрразведывательными аппаратами оперативно-технических мероприятий, к передислокации (консервированию) нелегальной печатной точки, возобновлению ее работы в другом месте.

7. 6-й отдел ОТУ КГБ СССР и его подразделения на местах в оперативно оправданных случаях информируют пятые подразделения об имеющейся у них информации об условностях, ухищрениях, применяемых отдельными церковно-сектантскими элементами в переписке между собой, которые свидетельствуют о причастности некоторых из них к нелегальной издательской деятельности. Так, по материалам ПК на внутрисоюзном почтовом канале в Казахской ССР, Краснодарском крае выявлены следующие условности, применяемые баптистами-раскольниками в переписке между собой:

«портная» (печатница, переплетчица);

«кто пишет, кто читает» (идет процесс изготовления матриц);

«путевка на отдых закончилась», «работа подходит к концу», «портная переходит на другую работу» (речь идет о передислокации печатной точки, типографии и т. п.);

«в нашей семье 5—7 человек» (количество лиц, находящихся на нелегальном положении и занимающихся нелегальным издательским делом);

«курорт» (исправительно-трудовое учреждение);

«дома долго не буду, пиши, я получу» (передислокация нелегальной печатной точки заканчивается);

«уже все освоила» (находится на нелегальном положении и занята нелегальной издательской деятельностью);

«братья передают привет, говорят, что со здоровьем у нее плохо» (арест, идет следствие);

«брат наш М. передал привет» (как правило, один привет означает 1000 рублей);

«брат навещает, чувствует себя не совсем хорошо» (находится под наблюдением органов КГБ);

«братья подозревают ослиные уши» (подозревают проведение органами госбезопасности оперативно-технических мероприятий);

«пришли прибор для тех, кто не слышит, у нас опять его забрали» (прибор для обнаружения оперативной техники слухового контроля);

«сестренки молодцы, я все получил» (как правило, это сообщение о доставке необходимых принадлежностей для печати);

«выехать на труд божий» (перейти на нелегальное положение для работы на нелегальных печатных точках) и т. п.[10]

8. ЦНИИСИ ОТУ КГБ СССР по заданию 5-го Управления КГБ СССР проводит комплексное криминалистическое исследование нелегально изданной литературы, полученной из различных регионов страны в процессе розыска нелегальных печатных точек. При этом определяются:

1. Вид бумаги, красителей и прочих материалов, использованных для изготовления образцов, возможный регион распространения через государственную оптовую и розничную торговую сеть, предприятия их изготовления, возможные потребители.

2. Виды (типы) типографских и других шрифтов, использованных в процессе печати.

3. Каким способом отпечатаны (размножены) представленные образцы?

4. На каком (кустарном, заводского или зарубежного производства) печатном (множительном) оборудовании изготовлены образцы?

5. Какие из представленных образцов напечатаны (размножены) на одном и том же оборудовании?

6. Каким способом (кустарным или промышленным) производилась обрезка, брошюровка и переплет литературы?

7. Какие из представленных образцов обрезаны, сброшюрованы и переплетены на одном и том же оборудовании?

Освещаются также вопросы, которые, по мнению специали-

[10] См.: Кафедральный фонд СК-5 ВШ КГБ СССР, инв. № 29/0646—86 г., инв. № 29/0647—86 г.

стов ЦНИИСИ ОТУ КГБ СССР, могут иметь значение для розыска нелегальных печатных точек[11].

В свою очередь 5-е Управление КГБ СССР и пятые подразделения на местах, являющиеся организаторами и координаторами розыска нелегальных печатных точек, сообщают имеющуюся информацию о подрывной деятельности враждебных элементов, занимающихся нелегальной издательской деятельностью, другим органам госбезопасности в таком объеме, какой необходим тому или иному органу контрразведки для выработки управленческих решений.

Особенность информирования пятыми подразделениями соответствующих подразделений контрразведки по вопросам борьбы с нелегальной издательской деятельностью заключается в том, что этот процесс должен иметь обратную связь, то есть, информируя тот или иной контрразведывательный орган, пятые подразделения поручают ему провести в порядке взаимодействия определенную контрразведывательную работу по тем аспектам, которые представляют интерес для розыска конкретных нелегальных печатных точек.

Итак, информационное обеспечение взаимодействия контрразведывательных аппаратов, участвующих в борьбе с подрывной нелегальной издательской деятельностью церковно-сектантских элементов, является частью общей проблемы борьбы советской контрразведки с враждебными элементами на территории страны. И в этой связи значение информационного обеспечения оперативных мероприятий по розыску нелегальных печатных точек приобретает значение основы для выработки и принятия наиболее оптимальных управленческих решений в области борьбы с нелегальным изготовлением антисоветской и политически ущербной литературы.

Как представляется, успешное решение контрразведывательными аппаратами задач розыска и ликвидации нелегальных печатных точек будет зависеть от правильного выбора оснований, позиций, по которым должен осуществляться отбор информации о нелегальных печатных точках. Для более детальной систематизации такой информации целесообразно в информационной системе «ДЕЛЬТА» разработать отдельный блок информации для накопления сведений о нелегальных печатных точках.

Рекомендована спецкафедрой № 5
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат исторических наук, доцент
полковник В. А. Золототрубов

[11] Материалы 5-го Управления КГБ СССР, лит. д. № 1097, т. 190.

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ И ПСИХОЛОГИИ В РЕШЕНИИ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ

Кандидат юридических наук, доцент
полковник *В. Н. Горбачев*

СУЩНОСТЬ ЛЕГАЛИЗАЦИИ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ДАННЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Наряду с проблемой получения оперативных (негласных) данных существует и проблема их использования, которая наиболее остро стоит при расследовании преступлений, подследственных органам КГБ. Как в теории, так и на практике вопросы использования оперативных данных обычно связывают с мероприятиями по их легализации.

Наиболее полно вопросы легализации оперативных данных получили отражение в работах Б. С. Тетерина, В. В. Назарова, С. Е. Мартиросова, В. П. Жиромского и др. Предлагаемые указанными авторами подходы к понятию и сущности легализации и ее месте в проблеме использования оперативных данных не могут быть признаны бесспорными и достаточно убедительными. Сущность, цели и границы этого мероприятия трактуются неоднозначно, часто с явной тенденцией представить легализацию в качестве основной и универсальной формы использования оперативных данных вообще и в процессе предварительного расследования в частности. Такое положение можно объяснить прежде всего тем, что в специальной юридической литературе нет общепризнанного понятия легализации, характеристики ее сущности. Эти обстоятельства побуждают нас высказать некоторые соображения в отношении сущности легализации и определить свою позицию в данном вопросе. От правильного ответа на него во многом зависит и правильное определение места легализации в общей проблеме использования оперативных данных в процессе предварительного расследования.

Одни и те же факты, свидетельствующие о преступной и иной подрывной деятельности проверяемых или разрабатываемых органами государственной безопасности лиц, могут получить отражение как в негласных (оперативных), так и в гласных

источниках, запечатлевших эти факты в результате естественного хода событий и появившихся независимо от контрразведывательной деятельности органов КГБ. Бесспорно, что наличие таких открытых источников и получение от них информации, аналогичной оперативной, естественно, облегчает использование последней, позволяет зашифровать оперативные источники.

Однако естественный ход событий не всегда рождает и оперативных, и гласных носителей информации. Многие преступные действия носят латентный характер, совершаются тайно, конспиративно, их следы и улики тщательно маскируются. Они могут быть уничтожены или могут выйти за пределы нашей юрисдикции (например, при следовании уликового письма за границу или в иностранное посольство и т. п.), и в силу объективных обстоятельств сведения о них могут получить отражение только в негласных источниках, в оперативной информации. Наличие одних лишь оперативных носителей информации при отсутствии открытых, гласных может в будущем затруднить или сделать невозможным использование оперативной информации в интересах предварительного расследования, значительно осложнить процесс уголовно-процессуального доказывания.

Поэтому в этих и аналогичных им ситуациях органы КГБ вынуждены проводить мероприятия по созданию таких условий, в которых интересующие их факты были бы восприняты не только оперативными, негласными источниками, но и открытыми, гласными, чтобы при необходимости иметь возможность получить от последних официальную информацию, в том числе и в форме доказательств по уголовному делу. Совокупность таких мероприятий, в результате которых появляются открытые носители интересующей органы КГБ информации, есть легализация.

В процессе легализации обязательно присутствуют следующие элементы: создание условий для восприятия фактов, интересующих органы КГБ, нейтральными лицами; восприятие ими этих фактов. Результатом легализации является появление нейтрального[1] носителя информации.

При легализации факты, как правило, воспринимаются нейтральным лицом, то есть лицом, не имеющим отношения к легализуемым фактам, к оперативным источникам и к производству предварительного расследования. Оперативный работник, следователь, агент и разрабатываемый не могут быть субъектами восприятия фактов при легализации.

Утверждение, что совокупность контрразведывательных мероприятий по созданию условий, обеспечивающих появление

[1] Применительно к легализации в литературе обычно употребляют термины «открытые источники», «гласные источники», «посторонние лица». Однако к открытым, гласным источникам относятся и лица, причастные к подрывной, преступной деятельности. Представляется, что для описания процесса легализации более удачен и приемлем термин «нейтральные источники».

нейтрального (наряду с оперативным) носителя информации о фактах подрывной, в том числе и преступной, деятельности составляет содержание процесса легализации, не является новым или спорным. Эти мероприятия относят к легализации Б. С. Тетерин[2], В. П. Жиромский[3], В. В. Назаров[4] и др. Поэтому в этой части следует признать, что высказанные нами соображения не содержат ничего нового и отражают лишь имеющуюся в литературе точку зрения.

Спорный характер носят другие аспекты сущности легализации. Большинство авторов рассматривают создание условий и появление нейтрального носителя информации как один из способов легализации, относя к последней и ряд других, различных по своей сущности мер, либо как только часть, определенный ее этап, не исчерпывающий всего процесса легализации в целом.

Так, Б. С. Тетерин относит к легализации мероприятия по поиску и обнаружению (установлению) любых открытых источников полученных оперативным путем сведений о фактах[5]. Как легализацию рассматривает поиск нейтральных источников и В. В. Назаров. Он пишет, что «сущность легализации состоит в том, чтобы *найти* (выделено нами. — **В. Г.**) такой источник сведений, который не относился бы к негласным оперативным средствам...»[6]. На аналогичной позиции стоит В. П. Жиромский[7] и некоторые другие авторы.

По нашему мнению, в данном случае без достаточных теоретических обоснований в одной плоскости в качестве однопорядковых рассматриваются глубоко различные по своей сущности явления. Общее здесь можно найти только в том, что в обоих явлениях мы имеем дело с нейтральными (открытыми) источниками, наличие которых дает нам возможность получить аналогичные оперативным гласные данные об одних и тех же фактах. Сконцентрировав внимание на чисто внешнем сходстве, вышеназванные авторы игнорируют существенные и принципиальные различия, которые позволяют разграничить легализацию и нелегализацию. Существенное и принципиальное различие между ними заключается в условиях появления тех и других нейтральных носителей информации. Первые сформировались сами по

---

[2] См.: Тетерин Б. С. Легализация оперативных данных при подготовке гласных мер пресечения подрывной деятельности противника. М., изд. ВШ КГБ, 1967, с. 19.

[3] См.: Жиромский В. П. Вопросы доказывания по делам оперативного учета органов государственной безопасности. Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1970, с. 277.

[4] См.: Назаров В. В. Оперативное документирование преступной деятельности и некоторые вопросы легализации данных, полученных из оперативных источников. — В сб.: О доказательствах в оперативной и следственной работе органов государственной безопасности. М., изд. ВШ КГБ, 1966, с. 109.

[5] См.: Тетерин Б. С. Указ. соч., с. 22, 35, 36.

[6] Назаров В. В. Указ. соч., с. 110.

[7] См.: Жиромский В. П. Указ. соч., с. 296.

себе, в силу естественного стечения обстоятельств, независимо от деятельности контрразведывательных подразделений, без каких-либо мер со стороны органов КГБ. Вторые родились благодаря комплексу мероприятий контрразведывательных подразделений, в силу определенного влияния и содействия их появлению со стороны органов КГБ. Чтобы проиллюстрировать позицию указанных выше авторов, можно описать следующие две ситуации.

Первая — когда имеющие значение для дела рукописи случайно потеряны разрабатываемым и случайно найдены установленным органами КГБ прохожим. Вторая — когда проводится комплекс целенаправленных мер, в результате которых рукопись будет потеряна не случайно и закономерно обнаружена нейтральным лицом. Утверждение, что в первой и во второй ситуации мы имеем дело с различными способами осуществления одного и того же мероприятия, а именно — легализации, нельзя признать убедительным хотя бы потому, что в первой ситуации ничего не предпринимается для появления нейтрального носителя информации. Рассмотрение аналогичных этим ситуаций в одном плане — как процесса легализации — вряд ли оправдано как с теоретической, так и с практической точки зрения, поскольку такой подход отождествляет обычные мероприятия по установлению источников гласной информации с таким сложным и далеко не обычным мероприятием, каким является легализация.

Нельзя упускать из виду следующие два обстоятельства. Во-первых, поиск и установление нейтральных источников могут осуществляться не только оперативным работником в рамках его контрразведывательной деятельности, но и следователем в рамках его уголовно-процессуальной деятельности. Определять эти действия как легализацию и таким образом придавать им уголовно-процессуальный характер, по нашему мнению, нельзя. Во-вторых, мы вряд ли найдем существенные различия в мероприятиях по поиску нейтральных источников по фактам, отразившимся в оперативных данных, и по фактам, не получившим в них отражения. В том и другом случае сущность этих мероприятий одинакова.

Вышеприведенные соображения позволяют прийти к выводу, что сами по себе мероприятия по поиску и обнаружению нейтральных источников информации по фактам, имеющим значение для органов КГБ, не могут быть отнесены к легализации. При легализации задача поиска и установления нейтрального источника обычно не возникает, поскольку сам этот процесс и появление нейтрального носителя информации происходят под контролем органов КГБ.

В научных публикациях как обязательный этап легализации обычно рассматривается и процесс получения сведений от нейтральных источников. При этом авторы исходят из того, что,

пока информация из таких источников органами КГБ не получена, легализация не может считаться законченной, а следовательно, само по себе появление нейтрального источника — это еще не легализация, а только ее часть, первый этап. «Необходимо, — пишет В. В. Назаров, — еще из этих открытых источников получить фактические данные. Без этого нет легализации»[8]. Б. С. Тетерин прямо указывает, что получение информации составляет главный момент легализации[9].

В общем виде концепция, утверждающая, что получение из нейтральных источников фактических данных является обязательной составной частью легализации, разделяется большинством авторов. Размежевание точек зрения происходит при решении вопроса, в рамках какой деятельности органов КГБ может осуществляться эта часть легализации.

Одни авторы считают легализацию законченной, если эти сведения получены в форме судебных доказательств. Следовательно, процедура легализации обязательно включает в себя и уголовно-процессуальную деятельность. Так, В. В. Назаров пишет: «Сущность легализации оперативных данных состоит в том, чтобы получить сведения о преступной деятельности разрабатываемых из источников, предусмотренных уголовно-процессуальным законом»[10]. С уголовно-процессуальной формой связывает получение сведений из открытых источников и Б. С. Тетерин. Он подчеркивает, что легализацию невозможно осуществить, используя только оперативную или уголовно-процессуальную деятельность. Ее осуществления можно добиться, лишь используя обе деятельности в комплексе. Причем основным Б. С. Тетерин считает этап уголовно-процессуальной деятельности, так как именно на этом этапе, по его мнению, решаются задачи легализации[11].

Другие авторы придерживаются точки зрения, что легализация целиком и полностью есть оперативное мероприятие и осуществляется от начала и до конца в рамках контрразведывательной деятельности, не переходя границы уголовного процесса. «Процесс легализации кончается там, — отмечает С. Е. Мартиросов, — где начинаются действия следователя»[12]. Исследуя этот вопрос, В. П. Жиромский делает вывод, что процесс получения информации из открытых (нейтральных) источников может рассматриваться как этап легализации, если он идет в рамках опе-

---

[8] Назаров В. В. Указ. соч., с. 109.

[9] См.: Тетерин Б. С. Указ. соч., с. 35, 36.

[10] Назаров В. В. Некоторые вопросы легализации данных, полученных из негласных источников. — Сборник КГБ, 1966, № 3, с. 42.

[11] См.: Тетерин Б. С. Указ. соч., с. 23.

[12] Мартиросов С. Е. Некоторые вопросы легализации оперативных данных и использование их при собирании вещественных доказательств по делам о государственных преступлениях. — Вестник Высшей школы КГБ, 1969, № 20, с. 53.

ративной деятельности, не являясь компонентом легализации, и если это делает следователь[13].

Мы разделяем точку зрения последних авторов в той части, что легализация есть мероприятие оперативного, контрразведывательного характера. Следователь не осуществляет в процессе предварительного следствия никакой легализации, а при необходимости он лишь использует ее результаты. Вместе с тем нельзя признать до конца последовательной и безупречной и эту точку зрения.

Непоследовательность выражается прежде всего в том, что в одних случаях получение сведений от нейтральных источников рассматривается как легализация, а в других — нет. В результате трудно объяснить, почему получение официального заявления или объяснения от нейтрального источника оперативным работником — элемент легализации, а следователем — нет. Почему в одних случаях получение информации — обязательный элемент легализации, а в других случаях она может быть и без этого элемента.

Представляется, что применительно не только к уголовно-процессуальной, но и к контрразведывательной деятельности процесс получения от нейтральных источников информации выходит за рамки легализации. Легализация должна считаться законченной, если в результате созданных органами КГБ условий имеющие для них значение факты восприняты нейтральным лицом. Появление такого носителя информации свидетельствует об успешном окончании процесса легализации. Получение же из этого источника информации выходит за пределы легализации и осуществляется в рамках документирования — контрразведывательного или уголовно-процессуального. Документация имеет дело не с легализацией, а с ее результатами. Мы можем в процессе документации не воспользоваться результатами легализации, не получить информации от появившегося в результате легализации источника, однако это не означает, что легализации не было или она не завершена. Поэтому применительно к действиям как следователя, так и оперативного работника процесс получения сведений от нейтрального источника не может рассматриваться как часть или этап легализации.

Спорным является вопрос о непосредственных целях и задачах мероприятий по легализации. Так, Б. С. Тетерин видит основную цель и назначение легализации в зашифровке оперативных источников органов КГБ. Исходя из этой цели, он пытается дать понятие легализации. «Под легализацией фактических данных, полученных оперативным путем, — пишет Б. С. Тетерин, — следует понимать мероприятия органов государственной безопасности по зашифровке негласных оперативных источников осве-

---

[13] См.: Жиромский В. П. Указ. соч., с. 278, 280, 284.

домленности»[14]. Полемизируя по этому вопросу с Б. С. Тетериным, В. В. Назаров выступает против отождествления легализации и зашифровки и в этой связи подчеркивает: «Что же касается зашифровки негласных средств, то работники органов государственной безопасности обязаны это делать во всех случаях, а не только при легализации»[15].

Безусловно, поскольку легализация является контрразведывательным мероприятием, она должна проводиться с соблюдением конспирации. Поэтому зашифровка оперативных источников в ходе ее проведения должна рассматриваться как одно из обязательных требований, предъявляемых к легализации. Именно об этом говорит В. В. Назаров[16]. С этим нельзя не согласиться. Однако, как нам представляется, Б. С. Тетерин ставит вопрос в несколько иной плоскости, рассматривая зашифровку как задачу легализации, усматривая в этом ее основное назначение, ее смысл.

С такой трактовкой цели легализации согласиться нельзя. Не потребность в зашифровке вызывает легализацию. Лучшим средством зашифровки оперативных источников является отказ от легализации вообще. Вряд ли Б. С. Тетерин согласится с утверждением, что целью ввода агента в разработку является его зашифровка.

В. П. Жиромский видит цель легализации в обеспечении открытого использования фактических данных, полученных из негласных источников осведомления[17]. Представляется, что непосредственная и специфическая цель легализации иная. Как отмечено выше, потребность в легализации возникает тогда, когда имеющие значение для органов КГБ факты отразились только в оперативных источниках и необходимо их параллельно отразить в нейтральных. Поскольку это так, то непосредственная цель легализации — создание нейтрального носителя такой информации. Легализация считается законченной, если эта цель достигнута.

Бесспорно, что само по себе появление в результате легализации такого нейтрального носителя информации создает благоприятные предпосылки для обеспечения открытого использования оперативных данных, зашифровки оперативных средств и методов, так как в дальнейшем позволяет получить и открыто использовать эти сведения, оставляя в тени оперативные источники нашей исходной осведомленности. Но для легализации эти

---

[14] Тетерин Б. С. Указ. соч., с. 21.
[15] Назаров В. В. Указ. соч., с. 110.
[16] См. там же.
[17] См.: Жиромский В. П. Указ. соч., с. 276, 285.

и другие цели являются лишь стратегическими и поэтому достигаются путем использования результатов легализации.

Для обозначения рассматриваемого нами процесса в литературе обычно употребляют словосочетания «легализация оперативных данных», «легализация оперативных материалов» и т. п., которые нельзя признать удачными, поскольку они создают неправильное впечатление, что объектом легализации являются негласные, оперативные данные или материалы. В действительности объектом легализации выступают различные факты: преступные и иные подрывные действия, их отдельные следы, последствия преступления, орудия его совершения и др. Легализация направлена на то, чтобы скрытые, законспирированные факты, относящиеся к преступной и иной подрывной деятельности, стали открытыми, легальными, то есть известными нейтральным лицам, информация которых может служить основанием для применения закона и пресечения незаконной деятельности. Легализация всегда опирается на оперативные данные, которые, не являясь объектом легализации, служат ориентирующим, исходным основанием для ее проведения. Поэтому, на наш взгляд, более логично и правильно называть это мероприятие «легализацией фактов подрывной (преступной) деятельности».

Таким образом, **легализация — это проводимое на основе оперативных (негласных) данных контрразведывательное мероприятие, заключающееся в создании условий для восприятия нейтральными лицами отдельных фактов преступной и иной подрывной деятельности и появления в итоге нейтрального носителя информации, имеющей значение для органов КГБ.**

Легализацию нельзя отождествлять с так называемой «трансформацией оперативных данных, оперативных материалов». Под последней понимается процесс придания негласным данным силы и значения судебных доказательств в соответствии с процедурой, установленной уголовно-процессуальным законом[18]. Трансформация и легализация — это самостоятельные, независимые друг от друга, глубоко различные по своей природе и сущности явления. Эти различия можно свести к следующим основным моментам.

Во-первых, при трансформации мы имеем дело с одним носителем информации, который служит источником как оперативных данных, так и доказательства по уголовному делу. При легализации параллельно оперативному источнику появляется новый, не оперативный носитель информации, благодаря которому мы имеем возможность получить официальные сведения о фактах, имеющих значение для органов КГБ, в том числе и

---

[18] Более подробно о трансформации см.: Жиромский В. П. Указ. соч.; Горбачев В. Н. Тактика использования оперативной информации при расследовании государственных преступлений. Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1973.

в форме доказательства по уголовному делу, не прибегая к оперативным источникам.

Во-вторых, различны непосредственные цели трансформации и легализации. Цель трансформации — преобразовать в соответствии с законом оперативные данные (материалы) в доказательство по уголовному делу. Цель легализации, как мы уже отмечали, создать условия для появления нейтрального носителя информации о фактах, имеющих значение для органов КГБ.

В-третьих, легализация как контрразведывательное мероприятие не связана с уголовно-процессуальной деятельностью лиц, ведущих предварительное следствие. Легализацию всегда осуществляет оперативный работник. Трансформацию же всегда осуществляют в рамках уголовного процесса лица, ведущие предварительное следствие.

В-четвертых, существует закономерная несовместимость непосредственных объектов трансформации и легализации. Это значит — то, что поддается трансформации, нельзя легализовывать. И наоборот, то, что можно легализовывать, нельзя трансформировать в доказательство по уголовному делу. Эта несовместимость потенциально позволяет правильно определить, какие объекты поддаются трансформации, а какие легализации.

Отсутствие в теории чекистской деятельности ясности относительно сущности, целей и границ легализации породило у некоторых ученых отрицательные выводы о законности и возможности использования ее результатов для получения доказательства по уголовному делу. В основе таких выводов лежит неправильное представление о том, что легализация преследует цель искусственно подогнать оперативные данные к требованиям уголовно-процессуального закона, подменить источники фактических данных, что неизбежно приводит и к фальсификации самого доказательства. И исходя из этого делается вывод: результаты легализации не могут быть использованы для получения доказательств[19].

На наш взгляд, прежде всего неверно положение, что при использовании результатов легализации мы имеем дело с оперативными материалами вообще и с «подогнанными» в частности. Легализация как раз и позволяет избежать использования в предварительном расследовании оперативных данных за счет формирования неоперативных. Следует также иметь в виду, что в результате легализации появляется не мнимый, а действительный носитель информации, воспринявший факты, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Он существует объективно, параллельно и независимо от оперативных

---

[19] См.: Малаховская Н. Т. Использование оперативной техники в деятельности советской милиции в борьбе с преступностью. Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1965, с. 30.

источников. Таким образом, при легализации никакой подмены с оттенком фальсификации нет.

В связи с этим нельзя признать легализацией те сомнительные с точки зрения закона исключения, когда появление в уголовном деле тех или иных фактических данных связывают с источником, которого нет вообще или который в действительности не воспринимал то, о чем сообщает. Однако такая фальсификация источника не имеет ничего общего с легализацией и поэтому не может служить аргументом для компрометации последней.

В специальной литературе обращалось внимание на то, что методы и способы легализации не должны приводить к фальсификации источника и к искажению фактических данных. Поэтому к мероприятиям по легализации предъявляют ряд жестких и обязательных требований[20]. При их соблюдении результаты легализации могут быть использованы и для получения доказательств по уголовным делам.

Высказанные выше соображения о сущности легализации позволяют сделать выводы о ее месте в общей проблеме использования оперативных данных при расследовании государственных преступлений. Во-первых, использование оперативных данных в целях легализации, как и сама легализация, осуществляется за пределами уголовного процесса, то есть за рамками предварительного расследования. Следователь имеет дело не с использованием оперативных данных, а с использованием результатов легализации. Во-вторых, легализация не является формой использования оперативных данных в предварительном расследовании. Легализация и использование оперативных данных в интересах предварительного расследования являют собой два самостоятельных по своей сущности процесса, и их отождествление недопустимо.

Рекомендована спецкафедрой № 4
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
Е. А. Митрус

[20] См.: Тетерин Б. С. Указ. соч., с. 28—34; Жиромский В. П. Указ. соч., с. 290—295.

Подполковник юстиции *М. Ф. Георгица*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ КОНТРАБАНДИСТОВ

В криминалистике, как и во всех юридических науках (криминологии, уголовном праве, исправительно-трудовом праве и др.), типологический подход является одним из методологических принципов изучения личности преступника. Он опирается на положение о том, что, хотя лица, совершающие преступления, и отличаются друг от друга множеством индивидуальных особенностей, вся их совокупность может быть разбита на определенные типы[1] на основании признаков, которыми одни объекты данного рода отличаются от других[2].

В соответствии с указанным принципом преступник рассматривается как особый социальный тип личности — носитель существенных и относительно устойчивых свойств и черт, закономерно сформировавшихся под воздействием негативных обстоятельств социальной среды[3]. К. Маркс по этому поводу сказал, что «сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*»[4].

Процесс криминалистического изучения конкретной личности преступника несколько отличается от других видов правового исследования субъекта преступления. Он происходит в рамках расследования дела и в сжатые сроки следствия, и поэтому ему свойственны значительная гибкость и динамичность. Криминалистическое изучение, как правильно отмечает Ф. В. Глазырин, нередко начинается при минимуме информации и часто осуществляется в конфликтной ситуации[5].

Лица, совершающие преступления, условно разделены советскими учеными на определенные типы, категории, группы, однако при решении данного вопроса высказывались самые

---

[1] Типология — слово греческого происхождения («typos»), обозначающее образ, тип, отпечаток (см.: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1976, т. 25, с. 564).

Тип личности представляет собой образ, содержащий характерные, обобщенные черты какой-нибудь группы людей (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., Русский язык, 1978, с. 733; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., Русский язык, 1978, т. IV, с. 406, и др.).

[2] См.: Личность преступника. М., Юридическая литература, 1975, с. 46; Майоров Н. И., Образцов В. А. К вопросу о типологии личности преступника в криминалистике.— Труды ВНИИ МВД СССР, 1978, № 47, с. 82.

[3] См.: Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974, с. 4.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 242.

[5] См.: Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973, с. 14.

разнообразные мнения[6]. Наиболее правильной представляется точка зрения С. К. Питерцева, согласно которой «тип преступника» есть обобщенный образ, который выражает то главное, то «самое существенное», что свойственно каждому без исключения преступнику именно как правонарушителю[7]. Такими признаками, выделяющими умышленных преступников, на наш взгляд, являются наличие у них антиобщественной установки, противоправного поведения и негативного отношения к существующему правопорядку.

На основе криминологической типологии преступников и с учетом полученных в результате исследования данных автором предпринята попытка показать криминалистическую типологию контрабандистов.

Криминалистическое изучение личности контрабандиста, как и других преступников, осуществляется в целях получения необходимых данных для успешного раскрытия преступления, применения наиболее эффективных тактических приемов расследования, для оказания на преступника нужного воспитательного воздействия, а также предотвращения совершения аналогичных действий со стороны других лиц.

Изучение личности контрабандиста представляет интерес прежде всего в связи с тяжестью самого преступления, а также с широкими возможностями использования спецслужбами противника данной категории лиц для совершения особо опасных государственных и иных тяжких преступлений. Контрабандист является объектом постоянного исследования советской криминалистики также вследствие большой распространенности этого правонарушения. Сведения о его типологических свойствах представляют собой важный элемент криминалистической модели[8] данного преступления.

---

[6] См.: Научная классификация преступников и задачи исправительно-трудового права. Материалы теоретической конференции, посвященной вопросам советского исправительно-трудового права и советской исправительно-трудовой политики. Л., 1958; Теоретические проблемы учения о личности преступника. Сборник научных трудов. Саратов, 1979; Беляев Н. А. Классификация преступников и ее задачи. — Вестник ЛГУ, 1965, № 5; Личность преступника. М., Юридическая литература, 1975; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Изд. ЛГУ, 1968; Криминология. М., Юридическая литература, 1979; Курс советской криминологии. М., Юридическая литература, 1985, и др.

[7] См.: Питерцев С. К. Типология преступников как система.— Правоведение, 1978, № 1, с. 101.

[8] В криминалистической литературе по данному вопросу высказаны различные точки зрения. Многие авторы это понятие называют криминалистической характеристикой вида преступления. Однако более правильно представляется называть его криминалистической моделью (см.: Криминалистическая характеристика преступлений. Сборник научных трудов. М., изд. Прокуратуры СССР, 1984; Георгица М. Ф. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений.— Сборник рефератов и научных сообщений на теоретическом семинаре преподавателей и аспирантов СК-4. М., изд. ВШ КГБ, 1988, вып. 6, с. 6—19).

От уровня научного познания личности контрабандиста в немалой степени зависит успех борьбы с данным преступлением, в том числе криминалистическими методами и средствами. Следует согласиться с Ю. М. Антоняном, который указывает, что «нельзя разрабатывать эффективные приемы и способы раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, чем призвана заниматься криминалистика, специально не изучая личность того, кто совершил или может их совершить»[9].

Результаты исследований свидетельствуют о том, что уголовные дела о контрабанде в 94% возбуждались в отношении конкретных преступников[10]. Из привлеченных к уголовной ответственности за данное преступление лиц 86% являлись гражданами СССР, 14% — иностранными гражданами или лицами без гражданства. Чаще всего контрабанду совершали лица в возрасте от 30 до 40 лет — 51%; далее возрастные группы были такими: от 18 до 30 лет — 27%; от 40 до 50 лет — 16% и свыше 50 лет — 6%. Подавляющее большинство преступников составляли мужчины — 96,3%, женщины — только 3,7%. Социальное положение преступников было таково: 62% преступлений совершалось служащими, в том числе военнослужащими — 51%; 32% — рабочими и колхозниками; 5% — лицами без определенных занятий; 1% — пенсионерами или домохозяйками. Основная масса преступников имела среднее специальное и высшее образование — 57%, среднее образование имели 36%, начальное и неполное среднее образование — 6% и лишь 0,5% контрабандистов были неграмотными или малограмотными. Среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности за контрабандные действия, 6% ранее были судимы за аналогичную деятельность. В 96 случаях из 100 указанное преступление совершалось в корыстных целях. В 72 случаях преступниками незаконно перемещались через Государственную границу СССР различные промышленные товары или ценности, а в 28 — оружие и наркотики[11].

Анализ практики показывает, что около 76% контрабандистов совершали преступления в составе организованных групп. Такие группы, как правило, занимались противоправной деятельностью на протяжении определенного (порой длительного) периода, иногда совершали различные по составу преступления. Например, участники преступной группы, которую возглавлял

---

[9] Антонян Ю. М. Изучение личности преступника. М., изд. ВНИИ МВД СССР, 1982, с. 13.

[10] Здесь и далее, если не оговорено иное, приводятся обобщенные данные, полученные автором в результате исследования имеющихся в Следственном отделе КГБ СССР сведений об осужденных за последние 10 лет контрабандистах.

[11] Указанные статистические данные несколько отличаются от сведений, приведенных в работе Н. В. Качева, в связи с несовпадением объема и периода исследований (см.: Качев Н. В. Некоторые вопросы криминологического изучения контрабанды.— Труды ВШ КГБ, 1984, № 31, с. 234—245).

Гончаренко, за 5 лет совершили 40 крупных контрабандных операций, переместив через Государственную границу СССР товаров и ценностей на сумму свыше 4 миллионов рублей. Контрабандная группа Чоудури за год и четыре месяца осуществила 38 контрабандных операций, в результате которых через границу были незаконно перемещены промышленные товары и иные ценности на общую сумму свыше 1 миллиона рублей. Помимо того, на их счету многие другие тяжкие преступления.

В каждом случае расследования преступной деятельности группы лиц, занимающихся контрабандой, возникает необходимость установить и исследовать не только их противоправную деятельность, но и организационные, преступные связи[12], что позволит отнести каждого контрабандиста к тому или иному типу преступников.

Типология контрабандистов представляет собой результат разделения всех преступников на «качественно однородные совокупности»[13]. Для определения их типов, подтипов в качестве основы автором были выбраны признаки, характеризующие: преступную ориентацию личности контрабандиста и ее отношение к содеянному; направленность преступного посягательства контрабандистов; степень общественной опасности контрабандистов и характер совершаемых ими действий (бездействий) при незаконном перемещении товаров или иных ценностей через Государственную границу СССР.

Если говорить о преступной ориентации личности контрабандиста, то она достаточно хорошо прослеживается в мотиве и цели преступления, проявляется в том, что такому преступнику присущи, как правило, достаточно выраженные антиобщественные взгляды и устремления, последовательная корыстная направленность[14]. Например, он настойчиво добивается поступления на работу в организацию, связанную с выездами за границу (Министерство внешнеэкономических связей, МИД СССР, Совтрансавто и др.), или систематически обращается за получением туристических путевок, разрешений на выезд по частным делам, с тем чтобы использовать заграничные поездки в корыстных целях. Именно корысть, жажда наживы стимулируют его активную контрабандную деятельность. Лица с такой ориентацией умеют создавать условия, а также использовать имеющиеся возможности для незаконного перемещения

---

[12] См.: Георгица М. Ф. Некоторые особенности расследования уголовных дел о контрабанде, связанной с другими преступлениями.— Труды ВШ КГБ, 1984, № 33, с. 223—238.

[13] См.: Игошев К. Е. Указ. соч., с. 55.

[14] С. В. Дьяков говорит о корыстно-стяжательской направленности (установке) личности преступника (см.: Дьяков С. В. Причинность в механизме совершения особо опасных государственных преступлений. Автореферат докт. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1987, с. 15).

товаров или иных ценностей через Государственную границу СССР.

Направленность преступного посягательства при контрабанде проявляется также в характере перемещаемых товаров или иных ценностей. В одних случаях контрабандистами перемещаются товары или ценности, обладающие потребительной стоимостью, которая выражается в розничных ценах СССР. В других — преступниками через Государственную границу Советского Союза перемещаются запрещенные или ограниченные для гражданского оборота товары — взрывчатые, наркотические, сильнодействующие, радиоактивные или ядовитые вещества, оружие, боеприпасы или воинское снаряжение.

Если в первом варианте в основе направленности посягательства заложено стремление контрабандиста получить конкретную материальную выгоду, то во втором — он может еще преследовать цель нанесения нашему государству, обществу иного ущерба.

Установление общественной опасности личности контрабандиста, ее степени и стойкости должно рассматриваться как обстоятельство, подлежащее доказыванию по каждому уголовному делу (ст. 68 УПК РСФСР).

О степени общественной опасности преступников можно судить по совокупности признаков объективной и субъективной сторон, проявляющихся как в процессе подготовки и совершения контрабанды, так и в поведении контрабандиста в момент обнаружения преступления и в ходе расследования уголовного дела. Кроме того, на степень общественной опасности иногда указывают сами предметы преступления.

О стойкости общественной опасности контрабандиста обычно свидетельствует неоднократное незаконное перемещение им через Государственную границу СССР товаров или иных ценностей, в том числе и совершение действий, наказуемых в административном порядке, а также негативное поведение преступника на следствии, отрицание им своей вины и т. д.

Способ совершения контрабанды и прием перемещения товаров или ценностей через Государственную границу СССР рассматривается как комплекс действий, осуществляемых конкретным субъектом при подготовке, совершении и сокрытии преступления. Эти обстоятельства входят в объективную сторону состава преступления и являются частью предмета доказывания по делу. Как обстоятельства предмета доказывания они имеют важное значение для установления степени общественной опасности не только деяния, но и личности контрабандиста. Практика показывает, что опытные контрабандисты, как правило, применяют усовершенствованные способы этого преступления, хорошо маскируют свои преступные действия, а во время незаконного перемещения товаров или ценностей через границу прибегают к различным ухищрениям и уловкам. Характер пре-

ступных действий контрабандиста, естественно, отражает его общественную опасность.

Четко выраженная преступная ориентация контрабандиста, специфика примененных предметов преступного посягательства, характер совершенных им действий по незаконному перемещению товаров или иных ценностей через Государственную границу СССР, а также степень его общественной опасности являются веским показателем глубины криминогенной зараженности личности.

В отличие от исследований смежных наук в криминалистическом исследовании личности контрабандиста необходимо выделить два специфических направления.

Первое направление — непосредственное изучение личности установленного преступника с целью получения исчерпывающей информации, дающей возможность достоверной криминалистической оценки его действий. В этих целях наряду с данными о предметах преступления, примененном способе, приеме, канале незаконного перемещения через границу товаров или иных ценностей, а также используемых при этом ухищрениях представляется целесообразным собрать полные сведения о жизненной установке контрабандиста, его связях, положении в обществе, особенностях поведения до и во время совершения преступления, а также в процессе следствия. Такая информация обычно помогает следователю в сборе материалов для типологической классификации контрабандиста, установлении надлежащего психологического контакта с ним, способствует изобличению преступника, когда он не дает правдивых показаний, а также позволяет определить наиболее оптимальные приемы и методы дальнейшего расследования.

Второе направление — получение данных о личности неизвестного контрабандиста по оставленным им следам материального и идеального характера.

Следственная практика убедительно показывает, что характер совершаемых контрабандных проявлений всегда находится в прямой связи с личностью преступника, его типологическими признаками, чертами. В этом случае следы неизвестного преступника в той или иной мере проявляются в выборе предмета посягательства, в механизме общественно опасного деяния, ухищрениях, преступных умениях, навыках и других особенностях. Своеобразие поведения контрабандиста в свою очередь вносит изменения в обстановку совершения указанного преступления. Получение данных об этом при обнаружении факта контрабанды иногда позволяет сделать некоторые выводы о лице или круге лиц, среди которых необходимо искать преступника, о месте возможного его нахождения, работы, о следах, которые могли остаться на нем или на других объектах. Определенную часть криминалистической информации о личности контрабандиста можно почерпнуть из свидетельских показаний,

некоторых документов, но в основном по такой разновидности уголовных дел о контрабанде данные о типологических свойствах преступника необходимо собирать на месте происшествия «по горячим следам».

В результате проведенного исследования были установлены два относительно часто встречающихся типа лиц, совершающих незаконные действия по перемещению через Государственную границу СССР товаров или иных ценностей. Они условно названы нами злостными и ситуативными контрабандистами[15].

Злостный контрабандист — тип личности преступника, занимающегося незаконным перемещением через Государственную границу СССР товаров или иных ценностей, отличающийся ярко выраженной противоправной ориентацией корыстного или враждебного характера, достаточно значительной степенью общественной опасности.

Само понятие «злостный» («исполненный зла, злых умыслов... сознательно недобросовестный... закоренелый в чем-нибудь дурном»[16]) говорит о том, что такая личность занимает устойчивую антисоциальную позицию, направленную на игнорирование советских законов, свидетельствует о ее нежелании ответить за содеянное, то есть указывает на повышенную степень общественной опасности преступника.

По мнению многих ученых, понятие «злостность» выступает не только как признак состава отдельных преступлений (уголовно-правовое значение понятия), но и как оценочное понятие, вводимое для обозначения неоднократности нарушений установленных законом норм, является «качественной характеристикой поведения лица... свидетельствующей об упорном нежелании виновного подчиниться соответствующим правилам»[17].

Злостный контрабандист во всех случаях сам создает предпосылки и изыскивает возможности для совершения преступления, лично выступает активным создателем и участником криминальной ситуации, вовлекает других лиц в преступную деятельность, а нередко и руководит деятельностью контрабандной группы.

---

[15] В советской криминологии используются различные классификации преступников по степени (глубине и стойкости) антисоциальной направленности и ценностных ориентаций личности. Разными авторами названы категории злостных, случайных и других преступников (см. Личность преступника, с. 52—54; Дагель П. С. Проблемы типологии и классификации личности неосторожных преступников. – Вопросы борьбы с преступностью. М., Юридическая литература, 1978, вып. 28, с. 3—14; Дьяков С. В. Указ. соч., с. 16, и др.).

[16] Ожегов С. И. Словарь русского языка, с. 214.

[17] Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., Юридическая литература, 1972, с. 134—143. Аналогичную точку зрения см.: Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, изд. ВШ МВД СССР, 1973, с. 97, 108; Трубников В. М. Уголовная ответственность за нарушение правил административного надзора. Автореферат канд. дис. Харьков, 1975, с. 8, и др.

Ярко выраженная антиобщественная ориентация злостного контрабандиста является именно тем фактором, который на практике нередко выражается в систематическом личном перемещении через границу товаров или иных ценностей, налаживании организованной контрабандной деятельности либо незаконного перемещения изъятых из гражданского оборота товаров.

Решимость совершить контрабанду у злостных контрабандистов высока и основана обычно на тщательном изучении обстоятельств, в которых они действуют, глубоком анализе и учете объективных и субъективных факторов и условий на границе, а нередко также на использовании личного преступного опыта.

Названная разновидность преступников (она составляет 63% из общего числа контрабандистов) отличается постоянной внутренней готовностью к правонарушению. На пути к обогащению или достижению желаемых результатов преступники подобного типа не останавливаются ни перед какими препятствиями или нарушением нравственных норм. Они проявляют большое самообладание не только при совершении преступления, но и в ходе расследования. При этом злостные контрабандисты, как правило, отличаются достаточной выдержкой и упорством в отрицании своей вины. В начале следствия злостные контрабандисты часто пытаются выяснить, какие доказательства их вины имеются в распоряжении следствия. Однако большинство из указанных преступников, убедившись в бесполезности запирательства, после правильной оценки ситуации, в которой они оказались, становятся на путь признания своей вины и дачи подробных показаний по обстоятельствам совершенной контрабанды.

Например, занимавшаяся контрабандной деятельностью в составе двух различных преступных групп, нарушениями правил о валютных операциях и спекуляцией в крупных и особо крупных размерах Киртбая в течение двух месяцев после ареста упорно отрицала свою вину по всем инкриминируемым ей деяниям. На допросах она неоднократно пыталась выяснить, кто еще из соучастников арестован, дают ли они показания, какие ее контрабандные и иные преступные операции известны следствию и чем это подтверждено. Только убедившись в невозможности получения от следователя ответов на интересующие ее вопросы, Киртбая стала давать правдивые показания.

Результаты исследования свидетельствуют, что из злостных контрабандистов в начале следствия примерно 80% полностью отрицают содеянное. Однако в результате разъяснительной работы следователя и под давлением улик большинство обвиняемых указанной категории признают свою вину и дают относительно полные и правдивые показания о своей и других лиц преступной деятельности по незаконному перемещению товаров

или иных ценностей через Государственную границу СССР. Лишь около 8% злостных контрабандистов частично признают себя виновными, а 2% преступников полностью отрицают предъявленное им обвинение не только на предварительном следствии, но и в суде.

В зависимости от характера и направленности совершенных незаконных действий, поведения в ходе расследования злостные преступники в свою очередь могут быть, по нашему мнению, подразделены на следующие подтипы: последовательно корыстный и социально враждебный.

Последовательно корыстный контрабандист — подтип личности преступника, стремящегося к максимальному обогащению путем систематического незаконного перемещения товаров или иных ценностей через Государственную границу СССР. В этих целях он активно участвует в создании благоприятной для него криминальной ситуации и использует ее возможности в корыстных целях.

У подобной личности корыстная установка возникает и укрепляется обычно в результате недостаточной воспитательной работы, в процессе систематической безнаказанной деятельности. Она накладывает отрицательный отпечаток на весь образ жизни и поведения преступника. Свои непомерно возросшие материальные потребности последовательно корыстные контрабандисты реализуют, как правило, в форме накопления денег или других материальных ценностей.

Материальные ценности для указанной категории преступников, составляющих 54% из общего числа контрабандистов, служат не средством существования, а становятся целью. Поэтому, даже оказавшись лишенными свободы, последовательно корыстные контрабандисты упорно не хотят расставаться с преступно нажитыми средствами. Большинство из них, признавая факт получения нетрудовых доходов и свою вину в содеянном, часто пытаются занижать действительные суммы наживы по некоторым преступным операциям, с тем чтобы в итоге уменьшить общий размер исчисляемой по эпизодам наживы. Так, обвиняемая Абдулбариева лишь после длительных колебаний стала правдиво рассказывать о совершенных как лично, так и в составе группы контрабандно-спекулятивных операциях, однако полученные в результате отдельных сделок суммы уменьшались ею в 3—4 раза. Пришлось потратить много времени на установление фактически полученной Абдулбариевой наживы. Для этого потребовались дополнительные допросы других обвиняемых по данному вопросу, производство ряда очных ставок с ее участием, а также длительная разъяснительная работа с Абдулбариевой.

Лишь в результате целеустремленной работы следователя с подобными преступниками удается склонить их не только к даче объективных показаний о полученной наживе, но и к доб-

ровольной выдаче значительных материальных ценностей, нажитых преступным путем. Положительным примером в этом отношении может служить работа следователя со злостным контрабандистом и спекулянтом валютными ценностями Рувиновым. Установив надлежащий психологический контакт с обвиняемым, следователь получил от него подробные и объективные показания о многочисленных преступных эпизодах, а затем и о преступно нажитых средствах. В ходе следствия Рувинова удалось убедить в необходимости возмещения материального ущерба. В итоге он добровольно выдал государству преступно нажитые ценности на сумму более 400 тыс. рублей, в том числе и хранившиеся в тайниках.

Социально враждебный контрабандист — это подтип личности преступника, незаконно перемещающего запрещенные или ограниченные в гражданском обороте товары, иные ценности через Государственную границу СССР прежде всего из-за негативного отношения к Советской власти либо вследствие выполнения задания специальных служб противника, зарубежных антисоветских центров или организаций. Корыстные мотивы у такого преступника находятся на втором плане либо отсутствуют вообще.

Указанная категория контрабандистов составляет 9% от общего их числа и имеет особо устойчивую антиобщественную ориентацию, а также ярко выраженную негативную направленность. При обнаружении у них предметов преступления подобные лица ведут себя неискренне, любыми путями пытаются уйти от ответственности. Характерно, что показания они дают только под давлением неопровержимых улик, а иногда отрицают и очевидное.

В Советский Союз этими преступниками ввозятся средства подрывной деятельности (оружие, боеприпасы, взрывчатые, наркотические, сильнодействующие и ядовитые вещества, враждебная литература, множительная техника и т. п.), а из СССР за рубеж они могут вывозить различные идейно ущербные материалы, образцы военного оружия и т. д.

Каждому из названных подтипов злостного контрабандиста свойственны указанные выше социально-психологические и криминалистические особенности, которые должны быть основой выбора соответствующих тактических приемов допроса подозреваемых (обвиняемых), а также производства с их участием иных следственных действий.

Ситуативный контрабандист — тип личности преступника, совершающего вследствие сложившихся условий или обстоятельств незаконное перемещение через Государственную границу СССР товаров или иных ценностей и характеризующийся обычно временными отклонениями в общей положительной установке. Такой преступник отличается тем, что совершает

преступления вследствие создавшейся ситуации: из-за соблазна получить определенные материальные блага, возможности и желания оказать услугу другим лицам, в результате угроз, материальной или иной зависимости и т. д.

Решимость совершить противоправные действия у ситуативного контрабандиста созревает обычно накануне следования через государственную границу в силу сложившихся обстоятельств, как результат борьбы мотивов и иных сопутствующих факторов. Подобные преступники выделяются обычно неопытностью, отсутствием ухищрений, применением общеизвестных и несложных способов перемещения товаров или иных ценностей через Государственную границу СССР. Для ситуативных контрабандистов, составляющих 37% этих преступников, характерно также то, что сами они специально не создают благоприятной криминальной ситуации, а лишь используют сложившиеся условия и по различным причинам, мотивам приспосабливаются к сопутствующим обстоятельствам либо следуют воле других лиц. Так, супруги Лебешовы, положительно характеризовавшиеся по местам жительства и работы, получив разрешение на выезд по частным делам в Турцию и узнав из бесед с лицами, ранее выезжавшими за границу о возможности выгодно перепродать там валютные ценности, приняли решение использовать поездку в корыстных целях. При выезде из СССР они были задержаны с контрабандой в крупных размерах. Золотые ювелирные изделия и советская валюта у Лебешовых были обнаружены в предметах ручной клади и одежде.

При обнаружении преступления и в процессе расследования ситуативный контрабандист, как правило, критически оценивает свои неправомерные действия, сразу признает свою вину и, раскаявшись в содеянном, активно способствует установлению всех обстоятельств, имеющих значение для дела. Такие лица обычно выступают в качестве непосредственных исполнителей преступления либо второстепенных членов контрабандных групп. В структуре нравственно-психологических качеств ситуативного контрабандиста над негативными часто преобладают положительные качества и черты, а противоправные действия выступают средством получения незначительных материальных благ либо способом выполнения просьб, оказания услуг и т. д.

Практика свидетельствует, что противоправные действия у названной категории лиц часто объясняются вдруг открывшейся возможностью извлечения личной выгоды из зарубежной поездки, из занимаемого должностного положения, соблазном незаконного перемещения через Государственную границу СССР престижных предметов для личного пользования, а также желанием не выделяться среди других лиц или оказать услугу товарищу, сослуживцу, необходимостью выполнить волю других. Решение совершить контрабанду подобные преступники иногда принимают не задумываясь о материальном или моралъ-

ном ущербе, который они наносят государству, либо о последствиях для себя.

Для ситуативных контрабандистов характерно совершение преступления без глубокой связи с устойчивыми чертами личности. Названный тип преступников среди советских граждан складывается, на наш взгляд, вследствие недостаточной разъяснительной работы на канале туристских, частных или служебных выездов, при слабой воспитательной работе в коллективах, связанных с зарубежными поездками либо осуществляющих контрольные функции на Государственной границе СССР, где контрабандные действия не находят должной принципиальной оценки сослуживцев, а также соответствующих руководителей.

Прослеживается такая закономерность: ситуативными контрабандистами становятся обычно люди, отличающиеся легкомысленным отношением к себе и окружающим, слабоволием, бесхарактерностью и легко поддающиеся чужому влиянию. Оказавшись в той или иной криминальной ситуации, такие лица часто становятся соучастниками злостных контрабандистов или сами совершают преступление.

Ситуативный контрабандист при определенных условиях, в частности в случае «удачного» перемещения контрабанды, а также под влиянием других лиц может трансформироваться в злостный тип преступника.

При общей положительной направленности и установке личности ситуативного контрабандиста его характеризуют обычно лишь временные отклонения в сфере общественных интересов нравственного и эмоционально-волевого порядка. С учетом характера и направленности преступных деяний, поведения ситуативных контрабандистов их, по нашему мнению, можно подразделить на следующие подтипы: противоречиво-корыстный и импульсивный.

Противоречиво-корыстный контрабандист — это подтип личности преступника, воспользовавшегося благоприятно сложившимися обстоятельствами в целях незаконного перемещения товаров или иных ценностей через Государственную границу СССР.

У названной категории преступников, составляющих 33% от общего числа контрабандистов, отсутствуют явно выраженные антиобщественные взгляды и позиции, но это в принципе не исключает возможность совершения ими разовых или эпизодических контрабандных действий в корыстных целях. Их преступные действия часто выступают средством достижения определенных, понимаемых как безобидные или положительные личных целей. Осуществление недозволенных действий «за компанию» либо перемещение на небольшую сумму товаров, престижных предметов или ценностей через границу — характерный момент в личностной установке противоречиво-корыстных контрабандистов.

Решение преступить закон у названных лиц обычно основывается на личных корыстных мотивах вследствие объективно складывающейся благоприятной ситуации.

Будучи пойманными с поличным, противоречиво-корыстные контрабандисты с самого начала следствия, как правило, признают свою вину и правдиво рассказывают об обстоятельствах подготовки и совершения преступления.

Импульсивный контрабандист — подтип личности преступника, незаконно перемещающего товары или иные ценности через Государственную границу СССР в силу сложившихся благоприятных условий. Указанная разновидность преступников, составляющая 4% от общего числа контрабандистов, близка к противоречиво-корыстному подтипу, но у них часто отсутствует личный корыстный мотив. Для совершения преступления такой личностью ей обычно необходимо воздействие побудительных сил извне. Это могут быть просьбы, поручения друзей, знакомых, родственников, сослуживцев, угрозы, материальная или иная зависимость и т. д. Подобные преступники — легко поддающиеся внушению люди, они трусливы и опасны тем, что при определенных условиях под влиянием других лиц могут совершить не только контрабандные действия, но и более тяжкие преступления.

При обнаружении преступления импульсивные контрабандисты, как правило, сразу не говорят правды в силу того, что боятся назвать организаторов контрабанды. Лишь после соответствующей разъяснительной работы следователю удается склонить их к даче правдивых показаний.

Выяснение действительного типа каждого контрабандиста — важная задача следствия. Злостный и ситуативный контрабандисты, а также их разновидности хорошо известны следственной практике. В ходе расследования по каждому делу необходимо самым тщательным образом исследовать степень общественной опасности преступника, его отношение к содеянному, мотивы преступления и иные вопросы, имеющие значение для раскрытия преступления. Эти данные обычно находят отражение в процессуальных и иных документах уголовного дела. Полную характеристику личности контрабандиста, его условное отнесение к тому или иному типу (подтипу) следователь обычно отражает в обвинительном заключении, а затем суд — в приговоре.

Предлагаемая криминалистическая типология контрабандистов, на наш взгляд, поможет успешнее решать проблемы оптимизации процесса раскрытия незаконного перемещения товаров или иных ценностей через Государственную границу СССР.

Рекомендована Следственным отделом КГБ СССР

Научный редактор доцент
Ю. Н. Поляков

Кандидат философских наук
полковник *Л. М. Двугрошев*

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТИ СЛУШАТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ

На XXVII съезде КПСС, февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что перестройка общества неразрывно связана с воспитанием личности.

Воспитание человека — процесс сложный и многоэтапный. Для успешного его осуществления необходимо прежде всего изучить индивидуальные особенности воспитуемого. Первый этап воспитания всегда должен быть диагностическим. Его задача — распознать отдельные качества человека, оценить их уровень, действенность, устойчивость, широту и интенсивность. Данные качества рассматриваются в диалектическом единстве, в их взаимосвязи и развитии. Это позволяет перейти к следующему этапу воспитания, к проектированию, мысленному построению конечного результата воспитания и определению его главного стратегического принципа.

Основной недостаток воспитательной работы заключается в том, что она нередко осуществляется в отрыве от самого воспитуемого, без учета направленности его интересов, опыта, закономерностей психического процесса и т. п. Психологическая диагностика — один из важнейших факторов преодоления этого недостатка. Перестройка идейно-воспитательной работы в Высшей школе КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского связана с требованием создания и апробации «портативных» методик, позволяющих в сжатые сроки получить первичную информацию об особенностях личности[1]. В получении данной информации заинтересованы не только педагоги, но и сами слушатели. (Например, для того, чтобы лучше использовать свои индивидуальные особенности в учебной деятельности, чтобы знать, как работать над собой в Высшей школе и после ее окончания.)

В течение 1986—1987 годов нами были проведены исследования на факультетах № 3 и 9 Высшей школы с использованием некоторых методик по психологической диагностике слушателей и слушательского коллектива. Задача данной статьи — показать отдельные возможности этих методик.

Методика 1. Социометрический выбор. Слушателям 1-го курса было предложено выполнить следующее задание.

---

[1] Советские ученые активно разрабатывают методы диагностики личности (см.: Общая психодиагностика. Под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. Изд. МГУ, 1987; Богданов В. А. Систематическое моделирование личности в социальной психологии. Изд. ЛГУ, 1987; Емельянов Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение. Изд. ЛГУ, 1985; Лисовский В. П., Дмитриев А. В. Личность студента. Изд. ЛГУ, 1974).

1. Выбрать конкретного слушателя своего факультета, с которым испытуемый имеет или хотел бы иметь дружеские отношения, и отметить пять наиболее ярких черт его характера.

2. Выбрать конкретного слушателя своего факультета, к которому испытуемый не питает симпатий, и отметить пять его черт. (Если испытуемый считает, что на его факультете нет лиц, к которым он относится с неприязнью, он может не выполнять эту часть задания.)

3. Отметить пять наиболее характерных положительных и пять наиболее характерных отрицательных черт, присущих самому испытуемому.

4. В каждой части задания пронумеровать эти пять черт характера в порядке их значимости для испытуемого[2].

В результате были получены данные о том, какие черты характера представляют наибольшую ценность для слушателей, какие у них преобладают, какие вызывают наиболее отрицательную реакцию.

Анализ материалов исследования позволяет сделать вывод о состоянии нравственного сознания слушателей, уровне развития межличностных отношений и нравственном климате в коллективе, уровне навыков и умений испытуемых оценивать другую личность. Это дает возможность внести необходимые коррективы в воспитательный процесс и оказать помощь слушателям в составлении программы самовоспитания. Кроме того, само участие в исследовании, анализ собственных положительных и отрицательных качеств, сопоставление их с чертами характера сокурсников оказывают на слушателей воспитательное воздействие.

В ходе выполнения задания слушатели многократно обращались с просьбами пояснить содержание, значение определений тех или иных черт личности. Можно сделать вывод, что слушатели 1-го курса еще недостаточно понимают содержание определения многих качеств личности. Выполнение задания помогает им получить определенные знания в области психологической диагностики и выработать способность к анализу самых разнообразных качеств личности.

В задании подчеркивалось, что, оценивая своих друзей или тех сокурсников, с кем слушатель хотел бы иметь дружеские отношения, он по своему усмотрению может отмечать как положительные, так и отрицательные их качества. Тем не менее отрицательных качеств у своих друзей не отметил никто. Вместе с тем социограмма взаимоотношений, которая выборочно была сделана нами в одной из учебных групп, где проводилось исследование, показала, что отдельные члены коллектива, которые, по мнению одних слушателей, имеют исключительно положи-

---

[2] В помощь слушателям был предоставлен алфавитный список черт личности (см.: Ожегов С. М. Словарь русского языка. М., 1952).

тельные качества, по мнению других, наряду с положительными обладают и ярко выраженными отрицательными чертами характера. Это свидетельствует о том, что необходимо научить слушателей оценивать людей в совокупности их положительных и отрицательных качеств.

Наивысшую оценку получили черты характера, выражающие отношение к людям и делу. Из черт характера, выражающих отношение личности к себе, отмечены лишь самокритичность, опрятность и скромность. Совсем не упомянуты качества, характеризующие отношение к вещам.

Из качеств личности, выражающих отношение к людям и делу, выше ценятся черты, отражающие отношение к людям. Первое место занимает честность. Это качество отметили у своих сокурсников более 75 процентов слушателей. Далее следуют: доброжелательность, общительность, выдержанность и отзывчивость; их отметили свыше 35 процентов слушателей.

В середине списка оказались качества, характеризующие уровень психических процессов и состояний личности: решительность, оптимизм, сообразительность, эрудиция, целеустремленность. Их выделили у своих товарищей свыше 20 процентов слушателей.

Лишь 18 процентов отметили у своих товарищей трудолюбие, 10 процентов — инициативность, менее 7 процентов — идейность. В самом конце списка оказались самокритичность, ответственность, дисциплинированность, справедливость.

Данная методика позволяет сравнить и уровень проявления отмеченных качеств у самих слушателей. Например, никто не поставил на первое место такие черты товарищей, как эрудиция, дисциплинированность, опрятность, справедливость, самокритичность. По мнению слушателей, только у одного их сокурсника наиболее ярко выраженным качеством является скромность, у одного — решительность, у одного — порядочность. Лишь у двоих слушателей на первое место были поставлены инициативность и ответственность.

Почему же не были отмечены важнейшие черты чекистского характера? Как выяснилось из бесед, часть слушателей недостаточно высоко ценит данные черты, а многие считают, что черты чекистского характера у товарищей еще не развиты.

Целесообразно, на наш взгляд, сравнить и результаты исследования, полученные в ходе оценок слушателями своих товарищей, с результатами их оценок своих положительных качеств.

В иерархическом распределении качеств наблюдаются некоторые изменения. Себя слушатели считают более эрудированными, сообразительными и скромными, чем своих товарищей по учебе. Такие черты личности, как самокритичность, справедливость, порядочность, им самим, по их мнению, присущи в большей степени, чем сокурсникам. В то же время слушатели

считают, что по сравнению с товарищами у них недостаточно развиты общительность, выдержанность, решительность.

Интересно сравнить с этими данными мнение слушателей о качествах сокурсников, к которым они не испытывают симпатий.

Если в предыдущем исследовании никто из слушателей не отметил отрицательных качеств у своих друзей, то в данном исследовании 14 человек отметили положительные качества у некоторых из своих сокурсников, к которым они не питают симпатий. Девятнадцать слушателей отметили только по четыре отрицательных качества у своих сокурсников.

Наибольшее количество опрашиваемых высказали свое отрицательное отношение к таким чертам своих сокурсников, как заносчивость, грубость, угодливость, неуравновешенность, нечестность, хитрость. Как и в предыдущем исследовании, они обратили внимание прежде всего на те качества личности, которые характеризуют отношение к людям.

Из черт личности, выражающих отношение к делу, отмечены лень, пассивность, равнодушие, бездеятельность.

Среди положительных качеств личности не были указаны те, которые характеризуют отношение к вещам. Среди отрицательных черт выделены корыстолюбие, жадность, меркантильность.

Анализ результатов исследования самооценки отрицательных качеств показал, что абсолютное большинство слушателей самокритично отнеслись к оценке собственных негативных качеств. За исключением 10 человек, все отметили у себя по пять отрицательных черт. Наибольшее число слушателей указали такие качества, как лень, неуравновешенность, повышенная эмоциональность, пассивность, пессимистичность, равнодушие, неорганизованность, забывчивость.

Многие слушатели отметили у сокурсников угодливость (42 человека), завистливость (17 человек), глупость (13 человек), корыстолюбие (9 человек). У себя они этих качеств не отметили.

Слушатели считают, что им в значительно меньшей степени, чем сокурсникам, присущи заносчивость, эгоистичность, хитрость, злопамятность, но в большей степени — нерешительность, слабоволие, недостаточная эрудиция, рассеянность.

В ходе обсуждения результатов выполнения задания слушателям были даны следующие рекомендации:

1. Завести дневник самонаблюдения и постоянно записывать в него свои действия и поступки (с их детальным анализом). Отмечать в дневнике все критические замечания в свой адрес, которые высказываются на собраниях или в беседах. Особое внимание обратить на замечания, которые делаются в неформальной обстановке.

2. Начать систематические упражнения по развитию навыков общения, воспитания воли. (Даны рекомендации по методике самовоспитания.)

3. Еще раз глубоко проанализировать свои положительные качества и определить, не поспешно ли были сделаны выводы и не завышена ли самооценка.

4. Повторить исследование через год, но уже по другой методике, которая заключается в следующем: учебная группа разбивается на три подгруппы; готовятся списки членов учебной группы в трех экземплярах (по одному для каждой подгруппы); списки разрезаются таким образом, чтобы на каждом листке была написана только одна фамилия, затем листки перемешиваются. Все члены группы берут по три листка. Задача: написать на каждом листке по пять положительных и по пять отрицательных качеств того члена слушательского коллектива, чья фамилия написана на листке. Затем листки собираются и раздаются тем слушателям, чьи фамилии на них написаны. Получив оценку своей личности из трех источников, слушатель имеет возможность сравнить мнение о себе своих товарищей с самооценкой и внести коррективы в самовоспитание. Обиды, как правило, не возникает, так как неизвестно, кто делал оценку. Подобную работу желательно проводить один раз в год. Это позволит слушателям периодически получать оценочную информацию со стороны и явится определенным стимулом к самовоспитанию. Исследование может проводиться в присутствии преподавателя, но может быть организовано и самими слушателями. Они, естественно, могут вносить изменения в предложенную методику.

Исследование положительных и отрицательных качеств слушателей было повторено на 5-м курсе, но с измененной методикой.

Методика 2. Слушателям 5-го курса было предложено выполнить следующее задание.

1. Выбрать одного из своих друзей и отметить пять наиболее ярко выраженных качеств, которые были ему присущи (по годам, начиная с 1-го по 5-й курс).

2. Выбрать одного из слушателей своего факультета, к которому испытуемый не питает симпатий, и отметить пять наиболее ярко выраженных качеств, которые были ему присущи (по годам, с 1-го по 5-й курс).

3. Отметить (по годам, с 1-го по 5-й курс) пять наиболее ярко выраженных качеств, присущих самому слушателю.

4. В каждой части задания (за каждый год) пронумеровать все черты характера в порядке их значимости для слушателя.

5. После выполнения каждого задания сделать короткие комментарии или выводы (по усмотрению слушателя).

Настоящая методика в отличие от предыдущей позволяет проследить динамику развития качеств с 1-го по 5-й курс (по

годам), а также более подробно ознакомиться с мнением слушателей при выполнении каждой части задания.

Сделаем некоторые выводы:

качества, отмеченные слушателями 5-го курса, не очень значительно отличаются от качеств, отмеченных слушателями 1-го курса. Слушатели 5-го курса (так же, как и слушатели 1-го курса) не могут объяснить содержание определения целого ряда качеств личности;

из всех личных качеств слушателей, отмеченных на 1-м курсе, около 35 процентов — положительные, а остальные — отрицательные; это позволяет сделать вывод о развитой самокритичности слушателей. К 5-му курсу количество отмеченных положительных качеств увеличилось до 40 процентов, а отрицательных — соответственно уменьшилось. На наш взгляд, это незначительные изменения. Вероятно, в течение всего обучения слушатели мало работают над тем, чтобы избавиться от отрицательных качеств.

К 5-му курсу у них развиваются такие качества, как идейность, уверенность в себе, целеустремленность, дисциплинированность. Они занимают уже более высокие места в иерархической таблице их значимости для слушателей (по сравнению с первыми двумя курсами). Из тех качеств, которые не были изжиты, наибольшее количество слушателей отметили неуравновешенность, пассивность, эмоциональность, забывчивость.

Так же, как и в исследованиях по первой методике, слушатели почти не указали отрицательных качеств своих друзей. 9 процентов испытуемых отметили отдельные отрицательные качества своих друзей на одном из курсов; на 5-м курсе эти качества не выделялись. 4 процента слушателей не отмечали отрицательных качеств у своих друзей на первых трех курсах и отметили по одному-два отрицательных качества на 5-м курсе. Видимо, к 5-му курсу некоторые слушатели становятся более требовательными в оценке своих друзей. Однако, анализируя иерархию качеств, можно заметить, что такие качества друзей, как недисциплинированность, равнодушие, не являются для испытуемых весьма значимыми.

Лишь 20 процентов слушателей отметили отдельные положительные качества у лиц, к которым они не питают симпатий. Остальные указали только отрицательные качества. На 5-м курсе в значительно меньшем количестве (по сравнению с 1-м курсом) отмечены зависть, лень, нечестность. Можно предположить, что к окончанию Высшей школы слушатели избавляются от этих отрицательных качеств. Вместе с тем, по мнению испытуемых, такие качества, как заносчивость, угодничество, грубость, у абсолютного большинства слушателей, имеющих эти отрицательные качества, не исчезают к 5-му курсу.

Таким образом, симпатии и антипатии, как правило, устанавливаются у слушателей на 1-м курсе и не меняются к

5-му курсу. Многие слушатели считают, что бóльшая часть их сокурсников, имеющих ярко выраженные отрицательные качества, не избавляются от них к 5-му курсу, а лишь начинают скрывать их от коллектива, и в определенной ситуации эти качества могут проявиться вновь. Из комментариев видно, что многие слушатели за пять лет учебы ни разу не ставили перед собой задачу глубоко анализировать и оценивать качества своих товарищей по учебе и сравнивать их со своими качествами.

Некоторые слушатели в своих комментариях предложили создать в Высшей школе постоянно действующий кабинет психорегуляции. Поскольку многие отрицательные качества, отмеченные у себя испытуемыми, возможно устранить лишь в процессе систематических тренировок, это предложение заслуживает внимания.

Исследование качеств характера даст более подробную характеристику личности, если оно проводится наряду с исследованием ее жизненных ценностей и устремлений. Мы проводили подробное исследование по следующей методике.

Методика 3. Слушателям 4-го курса было предложено выполнить следующее задание.

1. Выбрать и записать желательное место своей предстоящей работы: за границей, в Москве или столице республики, на периферии.

2. Пронумеровать в порядке значимости для испытуемого отдельные жизненные ценности. (Был предложен перечень.)

3. Пронумеровать этот перечень в порядке значимости жизненных ценностей для большинства сокурсников.

4. Вспомнить и записать в порядке значимости для слушателя по пять примеров оказания ему помощи со стороны разных людей в течение жизни.

5. Вспомнить и записать в порядке значимости для слушателя по пять примеров помощи, которую он оказывал другим людям в течение жизни.

6. Оценить по пятибалльной системе свое отношение к себе, товарищам по учебной группе, учебе, вещам (отдельно за каждый год учебы в Высшей школе). Отличное отношение — 5, хорошее — 4, удовлетворительное — 3, плохое — 2, крайне отрицательное — 1.

7. Записать социальную роль родителей: руководящий работник, служащий, рабочий, крестьянин.

Данное исследование позволяет не только определить, какие жизненные ценности наиболее значимы для слушателей, но и соотнести иерархию этих ценностей с социальным происхождением испытуемых и их настроениями, возникающими в сфере разнообразных отношений.

В нашем исследовании большинство детей рабочих выразили желание работать на периферии, большинство детей крестьян — в Москве или в столицах республик. Более 50 процен-

тов желающих работать за границей — дети руководящих работников и служащих.

Выводы по сумме первых пяти мест: самая значимая ценность для слушателя — добиться в будущем высокого профессионального уровня оперативной работы. Далее следуют: стремление создать семью, добиться высоких результатов в саморегуляции психической деятельности, желание развивать свой ум, совершенствовать знание языка.

На последнем месте стоят: занятия спортом, партийной или комсомольской работой, приобретение дачи.

Представляет интерес сравнение иерархии жизненных ценностей испытуемых с иерархией жизненных ценностей, которые, по их мнению, являются значимыми для товарищей по учебе.

Слушатели считают, что самым значимым для их сокурсников является желание иметь человека, который помогал бы сделать карьеру. Далее следуют: высокая заработная плата, стремление к совершенствованию в оперативной деятельности, стать руководителем. Как видно, имеются различия в оценке собственных интересов и интересов товарищей по учебе. Наблюдения и беседы со слушателями показывают, что в коллективах, где проводилось исследование, к истине ближе оценка испытуемыми значимости своих жизненных ценностей. Следовательно, надо научить слушателей давать своим товарищам более объективную оценку.

Анализ ответов на вопрос о взаимопомощи показал, что больше ценится помощь материальная: дал взаймы, помог снять комнату, достал нужную вещь и т. п. Примерно 85 процентов отметили только материальную помощь — как себе, так и свою помощь другим. 17 процентов опрошенных привели по пять примеров помощи им, но не отметили, какую помощь они сами оказывали другим людям. 19,5 процента отметили только ту помощь, которую они оказывали другим людям.

Анализ оценки отношения испытуемых к себе, группе, учебе, вещам (по годам) показал, что с каждым годом у слушателей растет уверенность в себе, с каждым годом несколько повышается и оценка отношения к вещам. Вместе с тем на 3-м курсе заметен спад оценки отношения слушателей к учебе. Беседы со слушателями подтверждают этот вывод.

Если сравнить результаты выполнения задания по всем позициям настоящей методики, то можно получить новые данные о каждом слушателе и наметить соответствующие воспитательные меры.

Дополнительные сведения о жизненных ценностях и устремлениях личности можно получить и благодаря исследованиям, проводимым по следующей методике.

Методика 4. Слушателям 2-го и 3-го курсов предлагалось выбрать из программы телевидения на неделю по пять интересующих их телепередач, записав их в порядке значимости, при-

чем передачи одной тематики можно было отметить только один раз.

Выяснилось, что слушателей в первую очередь интересуют спортивные передачи. Далее идут передачи о международном положении, внутриполитической жизни страны, развлекательные и художественные кинофильмы. Крайне незначителен интерес слушателей к передачам по проблемам философии, права, морали, науки, истории нашей страны.

Анализ отмеченных передач по какой-либо отдельной тематике также дает возможность сделать определенные выводы. Так, все слушатели отметили те или иные передачи, освещающие международную жизнь, однако лишь 8 процентов проявили интерес к передаче о стране, по которой они специализируются.

Следует подчеркнуть, что исследование по данной методике не может дать материала для однозначного вывода о духовных интересах личности. Тот факт, что телепередачи о международной жизни и внутренней политике страны по значимости оказались после спортивных передач, может свидетельствовать как об интересах слушателей вообще, так и об интересе лишь к определенному виду телепередач: ведь интерес к международной и внутренней политике государства удовлетворяется не только посредством телепередач, но и с помощью многих других источников — газет, радио, политинформаций, лекций и т. п. Тем не менее исследование с помощью предложенной методики может дать хороший вспомогательный материал для проведения воспитательной работы.

Методика 5. Слушателям 4-го и 5-го курсов было предложено сочинить рассказ, в котором герои переживают острую психологическую ситуацию, проявляют те или иные ярко выраженные черты характера. В другом варианте слушателям было дано задание составить задачу, которую можно было бы предложить для решения товарищам по учебе на практических занятиях, посвященных проблемам воспитания.

Исследование позволило получить определенные данные о восприятии испытуемого, уровне его мышления, воображения, настроения, нравственной направленности. С помощью контент-анализа можно также получить и другие психологические характеристики личности.

В этом исследовании приняли участие 147 слушателей, 57 из них сочинили рассказы, а остальные — задачи. Мы сделали следующие выводы.

У 47 процентов опрошенных — эмоциональный тип восприятия, у 34 — абстрактный, у 19 — конкретный. У 73 процентов преобладает абстрактно-логический вид мышления, у 27 — наглядно-образный. Тип восприятия и вид мышления определялся после разделения рассказа на смысловые части, выделения опорных (ведущих) слов и сопоставления их друг с другом.

52,6 процента слушателей сочинили рассказы, основанные на жизненных ситуациях, связанных с прошлым; 15,8 процента — основанные на ситуациях, связанных с учебой в Высшей школе; 23,1 процента придумали ситуации, которые могут возникнуть в их будущей деятельности. Лишь 5 процентов слушателей сочинили рассказ, в котором прослеживается связь жизненной ситуации с прошлым, настоящим и будущим. 3,5 процента не смогли выполнить задание.

62,2 процента слушателей составили задачи, связанные с оперативной практикой. Примечательно, что 33,9 процента представили задачи, в которых ставятся вопросы интимных взаимоотношений между оперативным работником и агентом-женщиной, 12,2 процента представили задачи, в которых отражаются взаимоотношения, складывающиеся в Высшей школе, 11 процентов — задачи, содержание которых связано со службой в армии, 14,4 процента — задачи из жизненных ситуаций, возникающих в семье.

Анализ содержания рассказов и задач позволяет сделать вывод, что прежде всего слушателей волнуют проблемы честности во взаимоотношениях и в выполнении долга, поиска решений в экстремальных ситуациях, вопросы интимной жизни.

Методика 6. Слушателям 5-го курса были предложены для решения одиннадцать педагогических задач, в которых ставились разнообразные вопросы, связанные с отклоняющимся поведением личности. Каждая задача имеет несколько вариантов решений, выбор которых зависит от оценочных позиций и качеств слушателя. О каждом из слушателей известны следующие данные: возраст, успеваемость (средний балл), служебное положение родителей (руководящий работник, служащий, рабочий), темперамент, уровень общительности (экстраверт, интроверт), преобладающий тип восприятия (конкретный, абстрактный, эмоциональный). Данные о психологических особенностях были получены предварительно при проведении специальных исследований.

Анализ решений конкретных педагогических ситуаций позволяет сделать вывод о развитии отдельных качеств слушателя, его настроении. Сопоставление решений, принятых всеми участниками исследования, дает возможность составить представление о морально-психологическом климате в коллективе. Кроме того, материалы исследования позволяют также обнаружить корреляционные связи между принятыми решениями и социально-психологическими особенностями принимающего решения. Так, оказалось, что 60 процентов опрошенных склонны к максимализму в оценке нравственного поведения людей; около 70 процентов слушателей, проявивших в оценках крайний максимализм, являются детьми руководящих работников. Вместе с тем наблюдение за этими слушателями и беседы с ними позволяют сделать вывод об отсутствии у них подобного макси-

мализма в оценке собственного поведения. Слушатели с высоким баллом успеваемости (4,8 и выше) в отличие от слушателей с более низким баллом (до 4) считают, что к нарушителям дисциплины сразу необходимо применять самые строгие средства воспитания независимо от мотива и степени тяжести проступка. Среди слушателей, считающих, что к лицам с отклоняющимся поведением кроме официальных санкций (обсуждение на собрании, освещение в стенной печати, выговор и т. п.) следует широко применять и санкции неофициальные (создание напряженности в межличностных отношениях, высказывание неодобрения в адрес нарушителя во внеучебной, бытовой обстановке и т. п.), оказалось больше экстравертов. 35 процентов опрошенных полагают, что основной причиной неуспеваемости некоторых из них является плохая организация учебного процесса, низкая требовательность преподавателей и неумение педагогов заинтересовать предметом. Следует отметить, что при решении задач с экстремальной педагогической ситуацией (когда она глубоко затрагивает интересы большинства членов коллектива) происходит колебание от абстрактного типа восприятия к конкретному или эмоциональному. При решении подобных задач проявляется склонность делать обобщения не на основе всестороннего анализа ситуации, а на основе эмоций или крайне ограниченного количества информации.

На заключительной стадии исследования в группах был проведен широкий обмен мнениями и поиск коллективного решения задач. Организация подобного обсуждения, на наш взгляд, способствует сближению точек зрения, поиску оптимальных решений, воспитанию его участников.

В связи с тем что возможности составления задач (в зависимости от цели исследования) безграничны, настоящая методика может быть использована практически во всех сферах психологической диагностики и формирования личности.

Следует отметить, что диагностические методики не раскрывают каких-то неизменных особенностей личности. Воспитуемый постоянно совершенствуется, находится в развитии. Следовательно, и методика психологической диагностики в воспитательной работе должна постоянно развиваться и совершенствоваться.

Рекомендована спецкафедрой № 12
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат педагогических наук
подполковник А. С. Анистратов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Кандидат юридических наук, доцент
А. Ф. Козыкин

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ, МОТИВАХ И ПОРЯДКЕ КРАТКОВРЕМЕННОГО ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦ, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В связи с осуществляемой в стране перестройкой огромное внимание уделяется строгому соблюдению социалистической законности в деятельности правоприменительных органов. В постановлении «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» от 20 ноября 1986 года ЦК КПСС потребовал «решительно покончить с проявлением предвзятости, тенденциозного подхода при проведении дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства, волокиты, черствости, безразличия к судьбе людей. Должны быть полностью исключены факты необоснованных задержаний и арестов, незаконного привлечения к уголовной ответственности. Каждый такой случай следует расценивать как чрезвычайное происшествие»[1].

На совещании руководящего состава, секретарей парткомов и партбюро подразделений центрального аппарата КГБ СССР (8 июля 1987 года) было обращено особое внимание на необходимость соблюдения социалистической законности, повышения правовой культуры работников КГБ. «...Нынешний политический момент остро поставил перед чекистами задачу — работать безукоризненно четко, не допуская ни малейших отступлений от требований законов и других нормативных актов»[2].

Изучение материалов практики задержания в органах КГБ показывает, что в большинстве случаев данный институт применяется в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом и активно используется для пресечения преступлений и успешного расследования уголовных дел.

---

[1] Правда, 1986, 30 ноября.
[2] Сборник КГБ, 1987, № 118, с. 21.

Вместе с тем имеют место случаи неправильного понимания задержания как уголовно-процессуального действия, оснований и мотивов задержания. Допускаются ошибки в определении круга необходимых участников данного следственного действия и в толковании закона о их правовом положении, в исчислении сроков задержания и в документальном оформлении. В органах госбезопасности стало правилом, что задержание всегда предшествует избранию меры пресечения заключение под стражу.

Так, в ряде органов при задержании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, в качестве оснований ссылаются на: необходимость избрания меры пресечения заключение под стражу; противоречивые показания подозреваемого лица о совершении преступления и отрицательное воздействие на него соучастников; отказ прокурора в санкции на арест; акт о сдаче и приемке нарушителя государственной границы; объявление в розыск; отказ подозреваемого лица выполнить требование следователя и т. д.

Даже беглое сравнение перечисленных оснований с основаниями задержания, указанными в ст. 32 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и в ст. 2 Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления[3], свидетельствует о том, что между ними нет ничего общего.

Отдельные следователи производят задержание с участием понятых, хотя такого требования в уголовно-процессуальном законе нет. При этом в качестве понятых нередко используют сотрудников КГБ, в том числе из негласного состава.

Допускаются случаи, когда заподозренное лицо, доставленное в органы КГБ для задержания, вначале допрашивается в качестве свидетеля для получения показаний о совершенном им преступлении, и только после получения таких показаний принимается решение о его задержании.

В органах пограничной охраны имеют место факты последовательного применения двух видов задержания нарушителей государственной границы: вначале лицо подвергается административному задержанию, а по истечении его срока и в связи с возбуждением уголовного дела — задержанию в соответствии с уголовно-процессуальным законом. Такая практика позволяет существенно увеличить срок кратковременного лишения свободы при задержании, что является грубым нарушением социалистической законности.

При документальном оформлении задержания некоторые следователи, да нередко и оперативные работники, не имеют чет-

---

[3] В дальнейшем Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик будут именоваться Основами, а Положение о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления,— Положением.

кого представления о том, в каких случаях необходимо выносить постановление о задержании (и что в нем отражать), а когда ограничиваться только составлением протокола задержания.

В протоколах задержания порой или вовсе не указываются основания и мотивы задержания, или делаются записи, которые не являются основаниями и мотивами задержания. Например, делаются ссылки на статью УК, предусматривающую уголовную ответственность за совершенное преступление.

Сложилось неправильное, на наш взгляд, мнение, что протокол задержания обязательно должен быть подписан задержанным, в противном случае он якобы является неполноценным в правовом отношении документом. В связи с этим задержанных настойчиво убеждают поставить свою подпись на протоколе.

Указанные недостатки и побудили автора написать данную статью.

Задержание как уголовно-процессуальная мера принуждения в юридической и специальной литературе толкуется по-разному.

Одни авторы считают задержание разновидностью ареста[4]. Другие рассматривают его как краткосрочную изоляцию[5]. Третьи полагают, что данная мера есть не что иное, как кратковременное лишение свободы, осуществляемое следователем, органом дознания[6].

Мы разделяем третью точку зрения и считаем, что отождествлять задержание с арестом нельзя. Это две разные меры уго-

---

[4] См.: Коркия П. П., Сергеев К. И. Советский уголовный процесс. Учебное пособие. М., изд. ВШ КГБ, 1967, с. 223; Научно-практический комментарий к УПК РСФСР. Под ред. Л. Н. Смирнова. М., Юридическая литература, 1970, с. 176; Уголовный процесс. Под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькинд. М., Юридическая литература, 1972, с. 282; Советский уголовный процесс. Под ред. А. С. Кобликова. М., изд. ВПА им. В. И. Ленина, 1972, с. 257; Комментарий к УПК РСФСР. Под ред. А. К. Орлова. М., Юридическая литература, 1976, с. 193; Жуков В. Ф. Правовые основы и тактика ареста по делам о государственных преступлениях. Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1986, с. 41.

[5] См.: Андрусив Г. О процессуальном задержании подозреваемого.— Сборник КГБ, 1985, № 108, с. 75.

[6] См.: Цыбов С., Дорохов В. О практике задержания. — Сборник КГБ, 1964, № 3/24, с. 93; Уголовный процесс. Под ред. М. А. Чельцова. М., Юридическая литература, 1969, с. 195; Попов Б. В., Быстров Е. А. О правовом регулировании мероприятий, связанных с задержанием лиц, пытающихся передать секретные сведения противнику. М., изд. ВШ КГБ, 1970, с. 7; Клюков Е. М. Задержание подозреваемого по советскому уголовно-процессуальному праву. Автореф. канд. дис. Изд. МГУ, 1972, с. 8; Советский уголовный процесс. Под ред. Н. Ф. Чистякова, В. Я. Дорохова. М., изд. ВШ КГБ, 1973, с. 315; Советский уголовный процесс. Под ред. Л. М. Карнеевой, П. А. Лупинской, И. В. Тыричева. М., Юридическая литература, 1980, с. 232; Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. М., изд. Академии МВД СССР, 1980, с. 7; Комментарий к УПК РСФСР. Под ред. А. М. Рекункова и А. К. Орлова. М., Юридическая литература, 1985, с. 218.

ловно-процессуального принуждения, которые существенно отличаются друг от друга не только по основаниям и целям, но и по процессуальной форме.

Арест — мера пресечения заключение под стражу, что подтверждают ст. 54 Конституции СССР, ст. 6 Основ и ст. 11 УПК РСФСР. Если лицо может быть задержано следователем, органом дознания без санкции прокурора, то арест согласно указанным выше статьям может быть применен только на основании судебного решения или с санкции прокурора. Никаких исключений из этого конституционного правила законодатель не допускает.

Нельзя согласиться и с тем, что задержание — это краткосрочная изоляция подозреваемого лица.

Изоляция и задержание — явления не однозначные. Изолированное лицо может содержаться в больнице, в приемнике, в различного рода профилакториях. Основанием для такой изоляции обычно являются административные правонарушения.

Задержание — это кратковременное лишение свободы лица, обоснованно подозреваемого в совершении преступления, которое осуществляется органом дознания, следователем без санкции прокурора в целях пресечения преступления, выяснения причастности задержанного к преступлению и создания необходимых условий для применения к нему меры пресечения заключение под стражу.

Задержание представляет собой неотложное следственное действие, содержанием которого является решение компетентного органа о кратковременном лишении свободы подозреваемого лица и фактическое водворение под стражу.

Физический захват заподозренного и доставление его в органы КГБ или в милицию еще не являются задержанием. Эти действия, как правило, предшествуют задержанию, однако их может и не быть. Например, лицо, совершившее преступление, явилось к следователю или в орган дознания КГБ и рассказало о своей преступной деятельности. В связи с этим было принято решение о его задержании.

Физический захват, доставление в компетентный орган будут составной частью задержания только в двух случаях: во-первых, если его осуществил орган дознания или следователь, выполняя свои функции; во-вторых, если указанные органы произвели задержание по письменному поручению органа дознания, следователя, прокурора.

Применение задержания допустимо только по возбужденному уголовному делу. Это положение в юридической литературе и в практике правоприменительных органов рассматривается по-разному. Одни ученые и практические работники считают, что задержание может иметь место в стадии возбуждения уголовного дела, и, следовательно, допускают применение задер-

жания до принятия решения о возбуждении уголовного дела[7], ссылаясь при этом на практическую значимость данного исключения.

Другие утверждают, что задержание может иметь место только при наличии уголовного дела[8].

Мы разделяем вторую точку зрения.

Основы и УПК союзных республик до возбуждения уголовного дела допускают только осмотр места происшествия. Других исключений закон не делает. И это совершенно правильно.

Расширительное толкование соответствующих норм уголовно-процессуального закона, касающихся неприкосновенности и свободы граждан, чревато серьезными правовыми последствиями и может повлечь за собой грубое нарушение социалистической законности.

При решении вопроса о задержании подозреваемого в совершении преступления необходимо руководствоваться правилом: если нет основания для возбуждения уголовного дела, нет основания и для задержания.

Задержание лица с целью получения уликовых материалов, необходимых для возбуждения уголовного дела, недопустимо.

В правоприменительной практике нередки случаи, когда компетентное лицо принимает решение о возбуждении уголовного дела и решение о задержании одновременно, что не противоречит закону.

Правом на задержание в органах КГБ наделены: начальники органов дознания[9], следователи, а также начальники следственных отделов, если в их производстве находится уголовное дело[10].

Возникает вопрос: может ли оперативный работник самостоятельно задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления?

Четкого ответа на данный вопрос в соответствующих нормативных актах мы не находим.

Уголовно-процессуальный закон наделяет органы КГБ правами органа дознания. Инструкция органам дознания КГБ СССР по делам, отнесенным законом к их ведению, утвержденная и введенная в действие Приказом председателя КГБ СССР

---

[7] См.: Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., Юридическая литература, 1965, с. 19; Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, Вышейшая школа, 1969, с. 97; Клюков Е. М. Меры процессуального принуждения. Изд. Казанского университета, 1974, с. 34.

[8] См.: Гуткин И. М. Актуальные вопросы..., с. 29—30; Советский уголовный процесс. Под ред. С. В. Бородина и И. Д. Перлова. М., изд. ВШ МООП СССР, 1968, с. 142; Уголовный процесс. Под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькинд, с. 284; Советский уголовный процесс. Под ред. Н. Ф. Чистякова, В. Я. Дорохова, с. 316.

[9] Перечень оперативных подразделений, наделенных правами органа дознания, дан в пункте 1.1. названной Инструкции.

[10] Прокурор, по нашему мнению, также имеет право на задержание.

№ 0400 от 27 июля 1981 года, дает перечень подразделений, которые являются органами дознания.

В указанном документе оперативный работник как орган дознания не назван.

Несмотря на это, мы считаем, что оперативный работник, занимающийся агентурно-оперативной работой, в случае крайней необходимости и при наличии достаточных оснований может задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, если он самостоятельно возбудил уголовное дело.

Оперативный работник входит в структуру органа дознания и, следовательно, является его частью. Учитывая специфику деятельности оперативного работника, в целях успешной борьбы с особо опасными преступлениями председатель КГБ СССР в Приказе № 0400 в порядке исключения предоставил оперативным работникам право возбуждать уголовные дела при чрезвычайных происшествиях и в других случаях, не терпящих отлагательства, если нет начальника органа дознания или следователя.

Как сказано в Инструкции, оперативный работник, возбудив уголовное дело и приняв его к производству, приступает к проведению неотложных следственных действий, к числу которых согласно части 1 ст. 119 УПК РСФСР относится и задержание.

Правда, в Инструкции прямо не сказано, что оперативный работник имеет право на задержание, однако это вытекает из его права на возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий. Лишение оперативного работника права на задержание свело бы на нет его право на возбуждение уголовного дела.

Задержание является исключительной мерой уголовно-процессуального принуждения и может быть применено только к лицу, подозреваемому в совершении преступления[11], и при наличии оснований, указанных в законе.

Согласно ст. 32 Основ и ст. 2 Положения основаниями задержания являются следующие обстоятельства: 1) когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда очевидцы, в том числе потерпевшие, прямо укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления; 4) иные данные, позволяющие подозревать лицо в совершении преступления.

В первом пункте речь идет о задержании в момент совершения преступления. Задержание может иметь место и во время

[11] Автор разделяет точку зрения И. М. Гуткина о том, что обвиняемого подвергать задержанию нельзя (см.: Гуткин И. М. Актуальные вопросы..., с. 8).

совершения подготовительных действий, если они наказуемы уголовным законом.

Однако нельзя подвергать задержанию лицо в период временного или постоянного прекращения преступных действий. В этом случае отсутствуют экстремальные условия, что позволяет избрать в обычном порядке меру пресечения заключение под стражу.

Задержание лица непосредственно после совершения преступления, в том числе и при преследовании по горячим следам, может иметь место только в течение времени, установленного ст. 122 УПК РСФСР.

Во втором пункте речь идет о заявлениях лиц, являвшихся свидетелями — очевидцами преступления или потерпевшими. В качестве заявителей могут также выступать лица, совершившие преступление, и их соучастники. Такие заявления обычно оформляются протоколом явки с повинной.

При получении заявлений в отношении лиц, совершивших преступление, тщательной проверке подлежат как сведения, так и сам заявитель.

На основании поступившего заявления заподозренное лицо может быть задержано только в том случае, если сведения о совершенном им преступлении не вызывают сомнений.

В качестве заявителей не могут выступать агенты и сотрудники наружного наблюдения, выполнявшие задания в отношении заподозренного лица.

Если заявление очевидца преступления, в том числе потерпевшего, не свидетельствует об экстремальной ситуации и позволяет без ущерба для безопасности и предварительного следствия получить санкцию на арест, к задержанию прибегать нельзя.

В третьем пункте говорится о следах преступления, обнаруженных на подозреваемом, на его одежде, в его вещах, жилище, при поимке с поличным.

Следы могут быть найдены как при производстве следственных действий (осмотр места происшествия, обыск, освидетельствование), так и в результате административной деятельности компетентных органов (досмотры, осуществляемые органами милиции и КГБ в связи с административными правонарушениями; досмотры таможенной службы, органов пограничной охраны, органов милиции на контрольно-пропускных пунктах в аэропортах; административные задержания).

Под жилищем следует понимать не только квартиру, комнату, в которой проживает заподозренное лицо, но и все вспомогательные помещения, принадлежащие ему, например хозяйственный сарай, складское помещение, крыльцо, веранду и т. д.

Поимка заподозренного лица с поличным может иметь место

как в результате проведенных агентурно-оперативных мероприятий, так и в связи с деятельностью других должностных лиц и граждан.

Задержание недопустимо на основании только предположения, что у заподозренного лица при себе или в его жилище имеются материалы, свидетельствующие о совершении им преступления. В этом случае необходимо создать условия для обнаружения представляющих интерес материалов оперативным путем (например, гражданами, органами милиции или другими учреждениями). И только после их обнаружения они могут лечь в обоснование решения о задержании подозреваемого лица.

Оперативные сведения о материальных следах преступления не могут без их легализации стать основанием для задержания по пункту 3 части 1 ст. 32 Основ и ст. 2 Положения.

В четвертом пункте речь идет об иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления.

Относительно источников получения иных данных в юридической литературе существуют две точки зрения.

Одни юристы считают, что иные данные могут быть получены только из источников, названных в уголовно-процессуальном законе, то есть из доказательств, отвергая при этом возможность задержания по агентурно-оперативным материалам[12].

Другие юристы под иными данными понимают не только сведения, полученные из доказательств, но и сведения, взятые из других источников (в том числе оперативного характера)[13].

Мы разделяем вторую точку зрения. Ограничение иных данных только доказательствами существенно затруднит пресечение преступлений и расследование по делу. Как уже отмечалось, в практике имеют место случаи, когда решение о возбуждении уголовного дела и решение о задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, принимаются одновременно или с небольшим разрывом во времени. В подобной ситуации следователь, орган дознания, как правило, располагают только опе-

---

[12] См.: Гуткин И. М. Актуальные вопросы..., с. 35; Галкин И. С., Кочетков В. Г. Процессуальное положение подозреваемого. М., Юридическая литература, 1968, с. 17; Сергеев А. И. Гарантии неприкосновенности личности, связанные с задержанием и предварительным заключением под стражу в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дис. ВШ МВД СССР, 1971, с. 8; Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Изд. Саратовского университета, 1978, с. 88.

[13] См.: Советский уголовный процесс. Под ред. Н. Ф. Чистякова, В. Я. Дорохова, с. 315; Попов Б. В., Быстров Е. А. О правовом регулировании мероприятий..., с. 18—19; Клюков Е. М. Меры процессуального принуждения, с. 52; Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе, с. 89; УПК Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев, Политическая литература Украины, 1974, с. 142.

ративными и другими материалами, а доказательств или нет вообще, или их очень мало.

Возникает вопрос: сколько иных данных необходимо иметь для задержания подозреваемого лица?

Количественного критерия нет и установить его не представляется возможным. Все зависит от содержания информации, ее достоверности, от доброкачественности источника осведомления. Но во всех случаях иные данные должны быть вескими, достоверными и свидетельствовать о том, что лицо подозревается в совершении преступления обоснованно и оставление его на свободе опасно для общества или может существенно затруднить расследование уголовного дела.

Задержание по агентурно-оперативным материалам допустимо только в тех случаях, когда они легализованы или в них имеются сведения об источниках обвинительных доказательств. В противном случае органы предварительного расследования будут испытывать серьезные затруднения в получении доказательств, необходимых для изобличения подозреваемого в совершении преступления и получения у прокурора санкции на арест.

Содержание части 2 ст. 32 Основ и части 2 ст. 2 Положения свидетельствует о том, что законодатель строго ограничивает случаи задержания по данному основанию. Так, при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано только в том случае, если подозреваемое лицо покушалось на побег, или оно не имеет постоянного места жительства, или не установлена его личность.

Это ограничение является дополнительной гарантией против необоснованных задержаний и подтверждает, что законодатель допускает получение иных данных из непроцессуальных источников.

Под покушением на побег понимается попытка скрыться с места жительства, перейти на нелегальное положение или бежать за границу.

Постоянным местом жительства считается место постоянной или временной прописки и фактического проживания по данному адресу. Но наличие прописки не всегда свидетельствует о постоянном месте жительства, если в действительности лицо не проживает по данному адресу. Отсутствие же у лица прописки всегда следует рассматривать как отсутствие постоянного места жительства.

Личность считается неустановленной, если у заподозренного гражданина нет никаких документов, удостоверяющих его личность, или подлинность документов вызывает сомнение, например имеется обоснованное подозрение, что документы фальшивые, поддельные, чужие, или отсутствуют лица, которые могли бы удостоверить личность заподозренного.

При решении вопроса о задержании подозреваемого лица наряду с основаниями задержания должны быть и соответствующие мотивы.

Понятия мотивов задержания законодатель не дает. Нет единой точки зрения по данному вопросу и в юридической литературе.

Одни авторы под мотивами понимают факты, обстоятельства, данные, обосновывающие необходимость задержания[14]. Другие считают, что мотивы «вытекают из тех целей, для достижения которых предусмотрено задержание»[15]. В. А. Стремовский в понятие мотивов задержания включает необходимость производства неотложных следственных действий[16]. В. Рощин мотивы задержания отождествляет с преступным деянием, в совершении которого подозревается лицо[17]. По мнению П. М. Давыдова и П. П. Якимова, мотивы необходимы только при задержании по иным данным (при этом они отождествляют мотивы и условия задержания)[18]. В. М. Корнуков полагает, что «мотивы задержания близки к целям, хотя и не сливаются с ними»[19]. В. Ф. Жуков мотивы задержания определяет «через обстоятельства, побуждения, свидетельствующие о необходимости производства этого действия»[20].

У нас нет возможности анализировать в данной статье все точки зрения на понятие мотивов задержания. Мы считаем, что мотивы задержания — категория субъективная, которая неразрывно связана, с одной стороны, с целью задержания, с другой стороны, с фактическими данными, положенными в основу задержания.

Значимость фактических данных, выступающих в качестве основания задержания, определяет и соответствующие мотивы.

В качестве мотивов задержания могут выступать: пресечение преступной деятельности подозреваемого и недопущение возобновления ее; воспрепятствование уклонению подозреваемого лица от предварительного расследования; недопущение со

---

[14] См.: Комментарий к УПК РСФСР. Под ред. А. М. Рекункова и А. К. Орлова, с. 220; Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе, с. 99; Куцова Е. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. Изд. МГУ, 1973, с. 167.

[15] Гуляев А. П., Комаров Б. В., Малиновкин С. М. Комментарий к Положению о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления. М., Юридическая литература, 1982, с. 12.

[16] См.: Стремовский В. А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Изд. Ростовского университета, 1966, с. 94.

[17] См.: Рощин В. Задержание подозреваемого. — Советская милиция, 1961, № 8, с. 78.

[18] См.: Давыдов П. М., Якимов П. П. Применение мер процессуального принуждения по Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Изд. Свердловского университета, 1961, с. 68.

[19] Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения..., с. 89.

[20] Жуков В. Ф. Правовые основы и тактика ареста..., с. 27.

стороны подозреваемого действий, препятствующих установлению истины по расследуемому уголовному делу[21].

Уголовно-процессуальный закон не предусматривает участия понятых при производстве задержания. И это не пробел в законе. Понятые здесь просто не нужны.

В соответствии с частью 3 ст. 135 УПК РСФСР понятой обязан удостоверить факт, порядок производства и результаты следственных действий, преследующих цель получения доказательств.

Задержание — это в первую очередь решение компетентного лица о водворении подозреваемого под стражу, которое не нуждается в удостоверении понятыми.

Внимательное ознакомление с рекомендациями о целесообразности привлечения понятых к задержанию позволяет сделать вывод, что в большинстве случаев речь идет об участии понятых в физическом захвате подозреваемого лица с поличным. Научные и практические работники, дающие такие рекомендации, отождествляют понятого и свидетеля.

Понятой — это не свидетель. В отличие от свидетеля, как сказано выше, он призван удостоверить производство отдельных следственных действий и их результаты. Свидетель же является носителем информации о фактах, обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Фактические данные он обычно воспринимает как бы стихийно, не будучи специально подготовленным.

Понятые, привлеченные к задержанию, перед физическим захватом подозреваемого инструктируются. А это означает, что все факты, обстоятельства, касающиеся поведения подозреваемого во время захвата, они воспринимают «глазами» следователя или оперативного работника, что может обусловить искажение информации. Немаловажно и то обстоятельство, что в качестве понятых при задержании часто используются сотрудники КГБ, в том числе из негласного аппарата, у которых возможно присутствие ведомственной заинтересованности в исходе расследуемого дела.

Следует отметить особо, что привлечение понятых к задержанию существенно затрудняет физический захват подозреваемого с поличным и создает опасность для жизни и здоровья граждан, выступающих в этом качестве.

Но как быть, если подозреваемое лицо во время физического захвата выбросило имеющиеся при нем материалы, свидетельствующие о его преступной деятельности?

Данный факт подлежит доказыванию в обычном порядке, как и другие факты, обстоятельства, имеющие значение для

---

[21] Б. В. Попов и Е. А. Быстров указанные мотивы называют целями задержания (см.: Попов Б. В., Быстров Е. А. О правовом регулировании мероприятий..., с. 8). Такой же точки зрения придерживаются С. Цыбов и В. Дорохов, полагая, что мотивы и цели задержания — это одно и то же (см.: Цыбов С., Дорохов В. О практике задержания, с. 97).

дела. Лица, участвовавшие в захвате подозреваемого, исключая следователя и оперативного работника, ведущего дознание, должны быть допрошены в качестве свидетелей. К тому же сами материалы и имеющиеся на них следы нередко бесспорно свидетельствуют о их принадлежности задержанному.

Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, должно быть оформлено протоколом задержания. В отдельных случаях наряду с протоколом выносится также постановление о задержании.

Протокол задержания — это разноплановый документ, содержащий, с одной стороны, решение о задержании подозреваемого и фактическом водворении его под стражу, с другой стороны, сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, полученные в момент физического захвата (например, объяснения задержанного, попытка уничтожить уликовые материалы, попытка бегства, оказание сопротивления).

В первом случае протокол подменяет собой постановление о задержании и доказательством не является.

Во втором случае протокол задержания выступает не только как решение о кратковременном лишении свободы, но и как доказательство по делу.

Мы считаем, что соединение в одном документе различных по своей процессуальной природе материалов является необоснованным и противоречивым.

Законодателю целесообразно было бы внести в Основы, Положение и УПК союзных республик необходимые изменения, согласно которым задержание во всех случаях должно оформляться только постановлением о задержании. Протокол же должен являться только средством фиксации фактических данных, полученных в момент физического захвата, если таковые имели место.

Протокол задержания следует составлять в двух экземплярах. В нем необходимо указать основания задержания с учетом требований уголовно-процессуального закона, мотивы задержания, объяснения задержанного и все сведения, о которых было сказано выше.

Если в физическом захвате и доставлении подозреваемого в компетентный орган участвовали граждане, сотрудники милиции или КГБ, они должны быть упомянуты в протоколе (с указанием необходимых сведений о них).

Протокол подписывает следователь или лицо, ведущее дознание. Во втором случае требуется также подпись начальника органа дознания, который или утверждает протокол, или указывает, что с задержанием согласен.

Если уголовное дело в порядке исключения возбудил оперативный работник и он же осуществил задержание, то протокол подписывает только оперативный работник, принявший данное решение. Начальник органа дознания обязан утвердить про-

токол задержания, если о задержании ему стало известно до истечения срока задержания и он согласен с решением оперативного работника. В случае несогласия с решением оперативного работника он должен немедленно освободить задержанного из-под стражи.

Протокол задержания может быть также подписан задержанным и лицами, принимавшими участие в физическом захвате и доставлении задержанного. Но эти подписи необязательны, отсутствие их на протоколе не умаляет его правовой силы и не может быть расценено как нарушение уголовно-процессуального закона.

Наряду с протоколом о задержании в двух случаях должно быть вынесено также постановление о задержании[22]: 1) при задержании по поручению следователя, органа дознания, прокурора; 2) при задержании военнослужащего, а также военнообязанного, совершившего преступление во время прохождения учебных сборов[23].

В первом случае постановление заранее выносится тем должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело и которое приняло решение о поручении задержания другому органу[24].

Во втором случае постановление выносится при помещении задержанного на гауптвахту.

В обоих случаях постановление должно быть составлено в двух экземплярах, один из которых направляется исполнителю для задержания или на гауптвахту вместе с задержанным.

В нем должно быть указано: когда, где и кем оно вынесено и по какому уголовному делу; основания и мотивы задержания; решение о задержании подозреваемого и водворении его в следственный изолятор, ИВС или на гауптвахту; необходимые установочные данные на подозреваемого. Если постановление выносится в связи с дачей поручения о задержании, в нем должно быть также отмечено, кому поручается задержание осуществить.

Задержание в порядке исполнения поручения может иметь место только по основаниям, указанным в пунктах 2 и 3 части 1 и в части 2 ст. 32 Основ.

Согласно требованию уголовно-процессуального закона задержанное лицо должно быть допрошено в качестве подозревае-

---

[22] Постановление о задержании в отличие от протокола о задержании доказательством по делу не является.

[23] В соответствии со статьей 156 Устава гарнизонной и караульной службы Вооруженных Сил СССР от 30 июля 1975 года военнослужащий, задержанный по подозрению в совершении преступления, может быть помещен на гауптвахту только на основании постановления органа дознания или следователя (см.: Общевоинские уставы Вооруженных Сил СССР. М., Воениздат, 1986, с. 281).

[24] В данном случае исполнитель поручения составляет только протокол задержания.

мого немедленно или не позднее двадцати четырех часов, если его состояние не позволяет осуществить допрос сразу.

Допрос лица до задержания в качестве свидетеля с целью получения показаний о совершенном им преступлении и решения вопроса о его задержании является незаконным, ибо правовое положение свидетеля и подозреваемого в уголовном процессе неодинаково. Свидетель обязан давать показания. В связи с этим он несет уголовную ответственность за уклонение, отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Подозреваемый же имеет право, но не обязан давать показания, и, следовательно, уголовной ответственности как свидетель он не несет.

Можно ли допрашивать заподозренное в совершении преступления лицо в качестве свидетеля до задержания?

Да, можно. Но целью допроса должно быть не изобличение свидетеля в совершении преступления, а получение сведений о других лицах, заподозренных в совершении преступления, а также о фактах, обстоятельствах преступления, о которых свидетель может быть осведомлен.

Постановка перед свидетелем вопросов, ответы на которые грозят ему привлечением к уголовной ответственности, неправомерна. В этих случаях отказ свидетеля давать показания или дача им заведомо ложных показаний не может быть основанием для возбуждения в отношении свидетеля уголовного дела и привлечения его к уголовной ответственности по статьям 182, 181 УК РСФСР.

В практике правоприменительных органов имеют место случаи, когда вызванный на допрос свидетель сообщает о своей преступной деятельности.

Эти данные могут быть основанием для задержания. Но после задержания такое лицо сразу же должно быть допрошено в качестве подозреваемого.

Максимальный срок задержания составляет семьдесят два часа. Продлению он не подлежит никем, в том числе и прокурором. Срок исчисляется с момента доставления подозреваемого лица к следователю, прокурору или в орган дознания. Если лицо задерживается по поручению, срок исчисляется с момента фактического задержания, то есть физического захвата подозреваемого исполнителем поручения. В срок задержания не засчитывается час доставления подозреваемого в компетентный орган или час фактического задержания; срок исчисляется со следующего часа.

Пребывание задержанного в состоянии алкогольного или наркотического опьянения не является основанием для продления срока задержания.

Нередки случаи, когда возбуждению уголовного дела предшествует административное задержание лица с длительным

сроком пребывания под стражей. Например, по делам о нарушении государственной границы срок административного задержания может быть до десяти суток.

Административное задержание в принципе не должно перерастать в задержание, предусмотренное уголовно-процессуальным законом, так как это влечет за собой незаконное увеличение срока пребывания под стражей в порядке задержания.

Но если в силу сложившейся обстановки возникла необходимость задержать лицо согласно ст. 2 Положения, к которому было применено административное задержание, общий срок пребывания задержанного под стражей (включая срок административного задержания) не должен превышать семидесяти двух часов.

Согласно ст. 4 Положения орган дознания или следователь обязан в течение двадцати четырех часов сделать письменное сообщение прокурору о задержании лица, подозреваемого в совершении преступления.

В юридической литературе высказано мнение, согласно которому следователь и орган дознания имеют право задерживать только на двадцать четыре часа. Задержание на остальные сорок восемь часов находится в компетенции прокурора[25].

Из этого делается вывод о том, что следователь и орган дознания, задержав подозреваемого, обязаны в течение двадцати четырех часов представить прокурору постановление об избрании меры пресечения заключение под стражу и необходимые доказательства.

Мы с данной точкой зрения не согласны. Анализ ст. 32 Основ и ст. 4 Положения дает основание утверждать, что законодатель предоставил следователю и органу дознания право при необходимости содержать задержанного под стражей в течение семидесяти двух часов. Правда, содержание задержанного под стражей в последние сорок восемь часов осуществляется под контролем прокурора.

Конечно, лучше, если следователь, орган дознания в течение двадцати четырех часов смогут собрать необходимые доказательства и поставить вопрос перед прокурором о даче санкции на арест задержанного. Но в практике имеют место случаи, когда органы предварительного расследования не успевают это сделать в столь короткий срок.

---

[25] См.: Цыбов С., Дорохов В. О практике задержания, с. 98; Чувилев А. А. Институт подозреваемого в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дис. М., изд. Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступлений, 1968, с. 11; Денежкин Б. А., Якрен Ю. И. Надзор прокурора за обеспечением прав подозреваемого.— В сб.: Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Изд. Саратовского университета, 1974, с. 46—47; Жуков В. Ф. Правовые основы и тактика ареста..., с. 24.

Ограничение задержания двадцатью четырьмя часами существенно осложнит решение задач предварительного расследования.

Вследствие этого мы считаем, что при необходимости органы предварительного расследования могут ходатайствовать перед прокурором о даче санкции на избрание в отношении задержанного меры пресечения заключение под стражу не только в течение двадцати четырех часов, но и всего срока задержания[26].

Рекомендована кафедрой
советского уголовного права и процесса
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
И. Н. Рыжков

---

[26] Данную точку зрения разделяют Б. В. Попов, Е. А. Быстров (см.: Попов Б. В., Быстров Е. А. О правовом регулировании мероприятий..., с. 41), И. М. Гуткин (см.: Гуткин И. М. Актуальные вопросы..., с. 55).

Кандидат юридических наук
подполковник *Н. А. Духно*

ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Проблема форм использования специальных знаний в советском уголовном процессе — это, по своей сути, нерешенные вопросы практического применения достижений научно-технического прогресса при раскрытии преступлений и изобличении виновных.

Применение специальных знаний в расследовании уголовных дел существенно повышает качество уголовного судопроизводства. Производительность труда следователя, как и любого другого труда, определяется «уровнем развития науки и степенью ее технологического применения»[1]. Из этого теоретического положения следует, что качество деятельности следователя должно определяться двумя основными факторами: современными достижениями научно-технического прогресса и выработанным порядком применения научных знаний в уголовном судопроизводстве.

Научно-технический прогресс порождает мощный поток самой разнообразной информации. Она воплощается в разнообразные формы, материализуется и накапливается в массивах, образуя обширные фонды информации. Один человек не может знать абсолютно все. Поэтому и усиливается интерес к интеграции информационных процессов, основное содержание которых раскрывается в формах использования уже существующих научных знаний для достижения поставленной цели.

Внедрение научных знаний в практическую деятельность стало настоятельной необходимостью каждого следователя. Большой ценой приходится расплачиваться нам за действия в отношении граждан, осуществляющиеся на основе неверных решений. Правильные выводы могут делаться только на базе правильных фактических данных. Но для их получения требуются умения и навыки. С учетом сложностей и многообразия познаваемых объектов формируются приемы и методы познания. Владеют ими соответствующие специалисты. Когда перед следователем появляется неизвестный ему предмет, например новое техническое средство для передачи шпионской информации, то без соответствующих специалистов фактические данные будут формироваться не только неправильно, но и неполно. Практика расследования дел по фактам чрезвычайных происшествий (взрывы, пожары, аварии, катастрофы) подсказала необходи-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 48.

мость участия в осмотре места происшествия и в других первоочередных неотложных следственных действиях группы разных специалистов. По таким делам перед следователем возникают самые необычные обстоятельства. Обнаружить, познать, обезвредить и изъять их без помощи специалистов бывает невозможно. Учитывая особую важность применения специальных знаний при расследовании дел, возбужденных по фактам с признаками особо опасных государственных преступлений, Коллегия КГБ СССР указала на необходимость широкого использования специалистов разных отраслей знания[2]. Это требование нашло свое дальнейшее развитие в Типовой инструкции постоянно действующим нештатным оперативно-следственным группам подразделений центрального аппарата КГБ СССР, органов КГБ на местах по расследованию чрезвычайных происшествий[3]. Требования указанной инструкции предполагают разные формы применения специальных знаний в ходе расследования чрезвычайных происшествий, хотя сами формы не называются и не раскрываются. Вместе с тем при расследовании любого уголовного дела перед следователем возникает множество вопросов в ходе выдвижения следственных версий, при планировании, при получении оснований для производства следственных действий, при собирании, проверке и оценке разных видов доказательств. Большинство трудностей появляется от недостатка у следователя знаний в различных областях, с которыми соприкасаются обстоятельства совершенного преступления. Восполнение их может происходить за счет различных форм применения специальных знаний. Практика внедрения этих форм не порождала бы серьезных проблем, если бы они были определены, их применение надлежащим образом регламентировано и были бы выработаны рекомендации по правильному и единообразному их использованию. Однако теоретическая разработка форм использования специальных знаний в процессе доказывания пока остается недостаточной. Сейчас назрела острая необходимость в усиленном обучении слушателей Высшей школы КГБ, оперативных работников и следователей органов КГБ комплексному использованию достижений научно-технического прогресса в процессе доказывания по уголовным делам и при выявлении тех или иных обстоятельств в ходе агентурно-оперативной деятельности. В Высшей школе КГБ пока нет исследований форм применения специальных знаний при расследовании дел о государственных преступлениях. Эти причины и диктуют необходимость проведения исследований, выработки обоснованных рекомендаций по написанию пособий, лекций и других учебных материалов для обучения слушателей и практических работников органов КГБ использованию достижений

---

[2] См.: Приказ КГБ СССР № 0302 от 24 апреля 1984 г.

[3] См.: Приказ КГБ СССР № 0598 от 24 сентября 1985 г.

научно-технической революции в процессе доказывания по уголовным делам.

Анализ открытой юридической литературы свидетельствует, что в теории советского уголовного процесса пока не определены критерии выделения форм применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве вообще и в процессе доказывания в частности. Внимание ученых-юристов к формам использования специальных знаний в советском уголовном процессе особенно обострилось после того, как в процессуальном законе появился термин «специалист». Это произошло после реформы уголовного судопроизводства 1958 года[4]. Но в начале 60-х годов оставались ученые, которые все еще считали экспертизу единственной формой использования специальных знаний в уголовном процессе (М. М. Гродзинский, И. Л. Петрухин и др.). Не все верили в новые формы применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве. В числе первых ученых-юристов, кто горячо отстаивал новые формы, следует по праву назвать А. А. Эйсмана. Он в 1962 году убеждал теоретиков и практиков в том, что кроме экспертизы нужны и другие формы «привлечения специалистов к участию в производстве расследования»[5]. В тот период А. А. Эйсман считал, что кроме экспертизы в уголовном судопроизводстве должны существовать следующие формы привлечения специалистов: техническая помощь специалиста; консультация специалиста; ревизия; техническое обследование. Не предрешая вопроса о том, насколько полно и обоснованно выделены названные формы, нужно отметить основное — сам факт иллюстрации разных форм использования специальных знаний при расследовании уголовных дел был пронизан заботой ученого о расширении возможностей применения знаний из различных областей и о решении более широкого круга задач по сравнению с теми, которые позволяла решить экспертиза.

В 70-е годы и в первой половине 80-х годов формам использования специальных знаний было уделено немало внимания учеными-юристами[6]. Споры в основном шли вокруг количества

---

[4] Этому периоду характерно бурное развитие прежде всего советской теории доказательств на основе марксистско-ленинской гносеологии. Вскрывались ошибочные концепции, родившиеся под давлением взглядов А. Я. Вышинского. Справедливая критика положений, оторванных от ленинской теории отражения, создавала условия для широкого научного творчества.

[5] Эйсман А. А. Критерии и формы использования специальных познаний при криминалистическом исследовании в целях получения судебных доказательств.— Вопросы криминалистики, 1962, № 6—7, с. 41.

[6] См.: Любавин А. А. Процессуальные формы использования специальных познаний.— В сб.: Внедрение научных методов и криминалистической техники в практику расследования. М., 1973, с. 120; Глотов О. М. Формы использования специальных познаний в уголовном процессе должны быть расширены.— В сб.: Вопросы экспертизы в работе защитника. Л.,

этих форм. Высказывались разные мнения. Одни ученые считали, что таких форм должно быть не более двух, другие выделяли по 6—8 форм внедрения достижений научно-технического прогресса в уголовное судопроизводство. Стремление ученых увеличить количество форм можно объяснить их озабоченностью проблемой создания условий для максимального использования мощного потенциала научно-технической революции при раскрытии преступлений. Но для этого еще предстоит выработать определенные критерии, в соответствии с которыми каждая форма выражала бы адекватное ей содержание, что и сделало бы ее надежным инструментом, облегчающим труд следователя. В каждой форме следователи должны увидеть организованную надлежащим образом деятельность, способную обеспечить воплощение специального знания в решение задачи по расследованию уголовного дела. Для формирования такого видения нужны соответствующие научные разработки в теории уголовного процесса. Пока их нет. Предлагаемые формы не рассматриваются с порядком производства конкретных следственных действий. Остается неясным, какую из предложенных форм следует считать процессуальной, а какую — нет. Выделяемые в юридической литературе формы излагаются в смешанном виде. Они не отражают своих связей с уголовно-процессуальной деятельностью, с учетом характера которой можно правильно оценить результат применения специальных знаний и использовать его по назначению в определенном правовом режиме.

Общую картину, иллюстрирующую ситуацию, сложившуюся в теории советского уголовного процесса в вопросе внедрения специальных знаний при расследовании дел, следует дополнить отдельными нетрадиционными и спорными взглядами некоторых ученых-юристов. К ним относится интересное предложение В. И. Шиканова. Он советует выделить «три основные сферы» применения специальных знаний: сферу принятия решений, связанных с возбуждением уголовного дела; сферу предварительного расследования; сферу судебного разбирательства[7]. Действительно, у каждой из указанных стадий имеются свои особенности. На каждой стадии знания воплощаются в искомый результат при разном порядке деятельности специалистов и субъектов, ведущих уголовный процесс. Каждую форму применения специальных знаний должны предопределять: установленный порядок деятельности специалиста; правовое положение специалиста и субъектов, ведущих уголовный процесс (органа

1970, с. 45—52; Лисиченко В. К. Использование данных естественных и технических наук в следственной и судебной практике. Киев, 1979; Сорокотягин И. Н. Специальные познания в расследовании преступлений. Ростов-на-Дону, 1984, и др.

[7] См.: Шиканов В. И. Использование специальных познаний при расследовании убийств. Иркутск, 1976, с. 6.

дознания, следователя, прокурора, суда). Важен также и правовой режим преобразования знаний специалиста в определенную материальную форму. Специалисты могут преобразовывать свои знания в устную или письменную речь, воплощать их в материальные объекты (снятие слепков, изъятие образцов, применение технических средств и т. п.). Если бы В. И. Шиканов выделил эти компоненты, то появилась бы возможность дифференцированного вычленения форм использования специальных знаний в уголовном процессе. В. И. Шиканов пошел по иному пути. Он не стал учитывать особенности деятельности специалистов и лиц, ведущих уголовное дело, а выделил общие для всех стадий уголовного процесса формы использования специальных знаний. К ним он отнес: непосредственное применение специальных знаний следователем; использование специальных знаний сведущих лиц без привлечения их к участию в следственных действиях; использование результатов несудебных (ведомственных, административных) расследований, а также результатов исследования отдельных объектов; использование специальных знаний сведущих лиц, призванных к выполнению процессуальных функций специалиста (ст. 133[1] УПК РСФСР); использование специальных знаний сведущих лиц, призванных к выполнению процессуальных функций судебного эксперта (ст. 78 УПК РСФСР); использование специальных знаний переводчиков; назначение ревизий; производство по заданию следователя технических и иных обследований[8].

Анализ выделенных В. И. Шикановым форм дает основание для следующих выводов.

1. Такие формы, как производство по заданию следователя технических и иных обследований, использование специальных знаний сведущих лиц без привлечения последних к участию в следственных действиях, входят в одну непроцессуальную форму применения специальных знаний. Специалисты в данном случае действуют не в рамках уголовного судопроизводства, а за его пределами. В зависимости от того, какими правами и обязанностями (по ведомственным актам) наделяются специалисты и какой правовой режим приобретает полученный ими результат, определяется разновидность непроцессуальной формы использования специальных знаний.

2. Об использовании результатов несудебных расследований (обследований) можно говорить при условии видения их материальной формы и представления о характере работы участвовавших в них специалистов. Они, как правило, оформляют полученные результаты обследований письменными документами. При получении и рассмотрении таких документов следователю важно сосредоточить внимание не только на их содержании, но

---

[8] См.: Шиканов В. И. Указ. соч., с. 7—8.

и на таких обстоятельствах, как правовой режим деятельности специалистов, гарантии получения и удостоверения сведений, форма их закрепления. Если следователь установит, что документ соответствует требуемой нормами права форме, составлен компетентными лицами, удостоверяет факты, имеющие значение для дела, и нет сомнений в его юридической предназначенности, то он может признать документ доказательством. При отсутствии у документа свойств, характеризующих его как доказательство, содержащиеся в нем сведения могут использоваться следователем в качестве информации для ориентирования процесса доказывания.

3. Производство ревизии также относится к непроцессуальной деятельности специалиста-ревизора. Каких-либо существенных отличий ревизии от других ведомственных обследований не установлено, и для того чтобы выделять ее в самостоятельную форму, нужны веские аргументы, которых в работе В. И. Шиканова нет.

4. Нет достаточных оснований для выделения такой формы, как использование специальных знаний переводчика. Переводчик тоже специалист, и если он участвует в следственном действии, то наделяется определенными процессуальными правами и обязанностями для решения поставленных перед ним задач. Различие в процессуальном положении, задачах, приемах, используемых специалистами, участвующими в следственных действиях, свидетельствует о разновидностях одной формы применения специальных знаний. Результаты деятельности специалиста, участвующего в следственном действии, используются непосредственно при формировании доказательства. Непосредственное применение специальных знаний означает, что эта деятельность включается в уголовное судопроизводство. Отношения специалиста со следователем являются процессуальными. Когда же специалист действует за пределами уголовного процесса, то возможно только опосредствованное использование его знаний.

Творческий подход к выделению форм применения специальных знаний в уголовном процессе был присущ В. Д. Арсеньеву. В одной из последних своих работ он писал, что научная классификация таких форм может быть проведена по различным основаниям. К ним он относил обязательность привлечения сведущих лиц при производстве следственных действий (при экспертизе — ст. 78 УПК РСФСР; при осмотре трупа — ст. 180 УПК РСФСР; при допросе несовершеннолетних — ст. 159 УПК РСФСР; при допросе лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство,— ст. 17 УПК РСФСР). Основанием классификации, по мнению В. Д. Арсеньева, является факультативное использование специальных знаний при освидетельствовании (ст. 181 УПК РСФСР), а также при осмотре, след-

ственном эксперименте и других следственных действиях[9].

Выделение форм использования специальных знаний В. Д. Арсеньев поставил в зависимость от права и обязанности следователя привлекать специалиста к участию в следственных действиях. Но данный критерий никак не характеризует содержания самой формы применения специальных знаний. Содержание деятельности специалиста зависит от многих факторов. Среди них можно назвать такие, как уровень знаний специалиста, порядок действий специалиста, правовой режим применения знаний специалистом и т. д. Требование закона о привлечении следователем при определенных условиях сведущих лиц для участия в следственных действиях является обязательным и направлено на создание дополнительных гарантий защиты интересов граждан, но оно не является основанием выделения форм использования специальных знаний. В. Д. Арсеньев проводил классификацию форм использования специальных знаний и по такому основанию, как характер их применения. Такой подход заслуживает внимания потому, что в нем прослеживается тенденция к четкому отграничению процессуальных форм от непроцессуальных. В. Д. Арсеньев близко подошел к решению этой проблемы, но не решил ее. Он предложил следующую классификацию: 1) применение специальных знаний в рамках следственных действий (привлечение к производству по делу экспертов, специалистов, педагогов, переводчиков); 2) использование специальных знаний при иных процессуальных действиях[10].

В. Д. Арсеньев разделял точку зрения тех ученых, которые считают, что кроме следственных действий существуют и иные процессуальные действия — требования о проведении ревизии; истребование и представление документов. Такая позиция является весьма спорной, и в защиту ее пока нет серьезных аргументов. Остается неясным, что вкладывается в содержание процессуальных действий и какой форме деятельности они соответствуют. Выделение процессуальных действий и противопоставление их следственным влечет за собой и необходимость изменения представления о процессе доказывания. Его процессуальная форма раздваивается: одна соответствует следственным действиям, другая — процессуальным действиям. Однако если процессуальные действия представить как способы собира-

---

[9] См.: Арсеньев В. Д., Заболоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Изд. Красноярского государственного университета, 1986, с. 5—6.

Данная работа была написана В. Д. Арсеньевым еще в 1983 г. и направлена им в издательство «Юридическая литература». По неизвестным причинам указанное издательство работу не опубликовало. После смерти В. Д. Арсеньева его ученик В. Г. Заболоцкий взял на себя труд опубликовать эту работу в Красноярском государственном университете. В 1986 г. работа В. Д. Арсеньева (с незначительными изменениями текста автора) была издана.

[10] См.: Арсеньев В. Д., Заболоцкий В. Г. Указ. соч., с. 6.

ния доказательств, то они полностью отвечают общим требованиям, предъявляемым к следственным действиям. Конечно, проведение ревизии до возбуждения уголовного дела — это способ получения фактических данных, не обладающих свойствами судебного доказательства, а требование о проведении ревизии по уголовному делу — способ собирания доказательств, осуществляемый в уголовно-процессуальной форме, именно в той форме, в которую облечены все следственные действия. Требование о проведении ревизии или иного ведомственного обследования — это разновидность тех следственных действий, которые пока не получили достаточной регламентации в процессуальном законе. Проведение таких следственных действий обусловливается необходимостью более широкого использования потенциала различных областей знаний для установления искомых фактов по уголовному делу. Назначая ревизию или иное ведомственное обследование, следователь действует в рамках уголовного процесса. Он процессуальным путем привлекает соответствующих специалистов. Последние применяют свои знания за пределами уголовного судопроизводства, они работают в рамках своих ведомственных правил, установленных различными нормативными актами. Полученные результаты специалисты оформляют специальными письменными актами и направляют следователю для рассмотрения. Если бы такие знания применялись специалистами, наделенными уголовно-процессуальными полномочиями, то речь шла бы о непосредственных формах использования специальных знаний (экспертиза, участие специалистов в следственных действиях). Но когда специалист выполняет поручение следователя за пределами уголовного процесса и передает для уголовного дела документ, рассматриваемый как доказательство, то речь может идти только об опосредствованной форме использования специальных знаний.

В юридической литературе существуют разные мнения о «показаниях сведущих свидетелей». Некоторые ученые называют их самостоятельной формой применения специальных знаний[11]. В советском уголовно-процессуальном законодательстве институт сведущих свидетелей и их допрос не предусмотрены. В уголовном процессе отдельных социалистических стран регламентировано такое действие, как допрос сведущих свидетелей[12]. Простое заимствование такого порядка использования специальных знаний не будет оправдано до тех пор, пока отсутствуют научные разработки, обосновывающие необходимость выделения этой формы применения специальных знаний. Допрос све-

---

[11] См.: Любавин А. А. Указ. соч., с. 120; Арсеньев В. Д., Заболоцкий В. Г. Указ. соч., с. 6—40; Махов В. Специалист в суде.— Советская юстиция, 1973, № 3, с. 27.

[12] См., например, § 35 УПК ГДР. В нем указано, что свидетель-специалист на основе специальных знаний дает по интересующему следствие вопросу квалифицированное разъяснение.

дущих лиц, по существу, сводится к получению сведений от специалиста. Причем эти сведения не образуют содержания показаний свидетеля. Специалист допрашивается не для получения сведений о фактах, воспринятых им и связанных с совершенным преступлением, а для получения данных консультативного, справочного характера. Такие данные часто необходимы следователю, например, для понимания специальной терминологии, для того, чтобы разобраться в существе какого-либо нового технического устройства, и т. д.

В советском уголовном процессе для получения консультаций специалиста имеются как процессуальные, так и непроцессуальные возможности. При участии в следственном действии специалист обязан не только указывать на конкретные обстоятельства, но и давать пояснения (ст. 133[1] УПК РСФСР). Таким образом, закон дает следователю реальную возможность для получения консультаций, разъяснений от специалистов в пределах уголовно-процессуальной деятельности. Когда следователю необходимо использовать специальные знания при выдвижении следственных версий, планировании, получении оснований для производства следственных действий, а также для проведения отдельных профилактических мер, он может воспользоваться консультациями различных специалистов и за рамками уголовного судопроизводства. Указанные возможности исключают необходимость допрашивать специалиста.

Правильное представление о потребности в той или иной форме применения специального знания невозможно выработать без раскрытия ее связей с процессом доказывания. В историческом аспекте развитие и совершенствование процесса доказывания всегда было связано с включением в него приемов применения специальных знаний, соответствующих уровню развития науки. Качественный скачок в развитии процесса доказывания произошел, когда была установлена оценка доказательств по внутреннему убеждению органов расследования и суда. В России — это вторая половина XIX столетия. В законодательных актах все шире представляются институты привлечения сведущих лиц, экспертизы.

На основе преемственности и дальнейшего развития этих институтов проходило совершенствование процесса доказывания и в советском уголовном судопроизводстве. В настоящее время процесс доказывания связан с различными по своему характеру формами применения специальных знаний. Одни из них образуют приемы, включенные в процесс доказывания, в его отдельные части. Другие не входят в процесс доказывания, но тесно связаны с ним. Чтобы раскрыть те и другие, необходимо исходить из общего представления о форме применения специальных знаний. Вообще любая такая форма предполагает взаимодействие двух субъектов: специалиста, действующего в определенном порядке при решении поставленной перед ним

задачи; и лица, использующего результат применения знания специалистом. Но для раскрытия характера формы применения специальных знаний требуется и анализ порядка деятельности специалиста. Если специалист участвует в уголовном процессе, то применение им знаний подчинено уголовно-процессуальному порядку. В этом случае отношения следователя со специалистом являются только уголовно-процессуальными. В их рамках могут использоваться непосредственно процессуальные формы применения специальных знаний. К ним относятся экспертиза и участие специалистов в следственных действиях, связанных с собиранием доказательств. Обе формы непосредственно связаны со способами собирания доказательств. Деятельность специалиста подчинена порядку следственного действия, в котором он участвует. Деятельность эксперта тоже происходит в рамках уголовного судопроизводства, но она имеет особенности, которые определяются свойствами способа получения доказательства, именуемого в законе производством экспертизы. Основными его свойствами являются: тесная связь с разными следственными действиями; возможность проведения исследований одним экспертом без присутствия других участников следственных действий; участие эксперта в производстве различных следственных действий.

Со специалистами, действующими за пределами уголовного процесса, отношения следователя могут быть разными. Следователь имеет возможность привлекать их для оказания помощи в решении вспомогательных по отношению к процессу доказывания задач. Такой порядок охватывается непроцессуальной формой применения специальных знаний. Она дает следователю возможность значительно расширить использование специальных знаний для получения таких данных, которые выступают средствами активизации раскрытия преступлений; существенно обогатить и конкретизировать сведения, служащие основой для выдвижения следственных версий; увеличить объем добротных полных сведений для использования их в качестве оснований для производства следственных действий; создать дополнительные условия для всесторонней и полной проверки доказательств; получить дополнительные сведения, имеющие значение для контрразведывательной, в том числе и профилактической, деятельности органов КГБ.

Не все следователи имеют полное представление о возможностях этой формы. Из 50 опрошенных следователей органов КГБ одна половина считает, что нет необходимости в помощи специалистов при планировании расследования и при выдвижении следственных версий. Другая половина затрудняется в оценке результатов, которые можно получить от специалистов при такой форме сотрудничества с ними. Следователь должен постоянно быть ориентирован на внедрение в процесс доказывания научных отраслевых знаний как средства, способствующего

быстрому и полному раскрытию преступлений. Консультации со специалистами во многом облегчают выбор правильного пути к истине. Специалист-консультант не ограничен в своих действиях процессуальными санкциями. Он действует вне рамок процессуальных полномочий. Такое положение дает ему возможность более широко, без процессуальных ограничений использовать свои знания для объяснения следователю сложных в научном, техническом, инженерном отношении обстоятельств, специальных терминов; для разъяснения ведомственных требований по эксплуатации и содержанию тех или иных механизмов; для дачи рекомендаций по специальным вопросам. Конечно, все сведения, исходящие от специалиста, должны быть критически оценены следователем. Следователь обязан дать им правовую оценку, чтобы определить их пригодность как ориентирующей информации.

Многие из опрошенных следователей не учитывают возможности использования помощи специалистов и отдают предпочтение экспертизе. Между тем выявленная тенденция к увеличению количества экспертиз по уголовным делам пока еще не дает оснований утверждать, что применение достижений научно-технического прогресса ускорило процесс расследования преступлений. Даже при сравнительно небольшом количестве дел их расследование осуществляется довольно длительное время — от 6 до 9 месяцев[13]. При этом большинство следователей при расследовании дел работают больше чем по 8 часов в день. А выборочные исследования показывают, что на производство следственных действий по уголовному делу следователи затрачивают от 25 до 50% своего рабочего времени. Конечно, работа следователя по уголовному делу не сводится к производству только следственных действий. Но их качество и результативность во многом зависят от того, насколько умело следователь распорядится оставшимся временем для получения полных фактических данных. Пока проверками уголовных дел устанавливаются факты поверхностного формирования фактических данных при производстве следственных действий[14]. Если эти факты сопоставить с отношением следователей к формам использования специальных знаний, то сразу возникает вопрос об уровне внедрения достижений научно-технического прогресса в расследование преступлений. Это диктует необходимость совершенствовать процесс доказывания путем разработки и внедрения в него приемов применения научных знаний.

Бесспорно, совершенствованию подлежит и процессуальный закон как регулятивный механизм, определяющий порядок применения специальных знаний в процессе доказывания. Но пока в следственной практике нужно полнее использовать возмож-

[13] См.: Информационный бюллетень 3-го Главного управления КГБ СССР, 1987, № 3(115), с. 16.

[14] См. там же.

ности действующей формы процессуального доказывания. Это относится и к институту истребования документов (ст. 70 УПК РСФСР). Им охватывается и деятельность следователя по привлечению специалистов, выполняющих различные задачи за пределами уголовного процесса для формирования документов на основе специальных знаний. В этом случае специалисты не наделяются процессуальными полномочиями. Но, рассматривая полученный от специалиста документ, следователь действует в пределах уголовно-процессуального доказывания. Знания специалиста воплощаются в документе, входят в процесс доказывания опосредованно. Такой порядок взаимодействия следователя со специалистами является опосредованной формой применения специальных знаний в процессе доказывания.

К разновидности этой формы относится ревизия, производимая по требованию следователя. У него есть возможность привлекать не только ревизора, но и других специалистов для проведения разнообразных ведомственных обследований. В нашем государстве кроме контрольно-ревизионных управлений, где в основном сосредоточены специалисты-ревизоры, существует множество самых разнообразных государственных инспекций. В 1985 году их было свыше 40[15]. Нормативные акты, регламентирующие правовой статус государственных инспекций, закрепляют за ними конкретные полномочия. В зависимости от полномочий специалисты-инспекторы наделяются правом на производство соответствующих ведомственных обследований. Поэтому если по уголовному делу возникнет потребность в получении данных о работе, эксплуатации, техническом состоянии какого-либо объекта, то следователь может потребовать от определенного компетентного инспектора произвести техническое обследование этого объекта и представить об этом письменный акт. Этот документ может рассматриваться как доказательство при условии, если он отвечает всем требованиям, предъявляемым к такому виду доказательств, как иной документ.

Основное место в рассмотрении документа занимает оценка. Эта часть логической деятельности следователя входит в процесс собирания доказательств. На этом этапе оценке подлежат сведения о содержании и форме документа. Следователь оценивает их с учетом требований норм доказательственного права, правовых идей о таком виде доказательства, как иной документ, сведений об обстоятельствах расследуемого дела. Только так можно правильно определить, будет полученный документ доказательством или нет. Кроме того, признанный доказательством документ предстоит всесторонне и глубоко проверить.

---

[15] См.: Студеникина М. С. Государственные инспекции в СССР. М., 1987, с. 14.

К числу таких документов относятся и те, которые по требованию следователя формируются специалистами с применением различных систем электронно-вычислительных машин (ЭВМ). Способы получения, проверки и оценки машинных документов пока ждут своей разработки. Потребность в этом все более усиливается. В современных условиях активного совершенствования технологических операций по обработке, хранению и выдаче различных сведений создаются информационные системы на базе ЭВМ. Такие информационные системы образованы и совершенствуются и в органах КГБ[16].

В КГБ СССР создан Центральный банк оперативных данных (ЦБД), являющийся основной подсистемой Единой системы информационного обеспечения контрразведки (ЕСИОК). Согласно Инструкции по организации и эксплуатации Центрального банка оперативных данных ЕСИОК (утверждена Приказом КГБ СССР № 0571 от 10 октября 1986 года) информация ЦБД выдается только оперативному составу. О праве следователя на получение данных из ЕСИОК конкретного указания в инструкции не содержится. Но разносторонние сведения, накапливаемые в банке, могут быть полезными и для расследования дел о государственных преступлениях. Они могут использоваться следователем как ориентирующая информация при выдвижении следственных версий, при получении оснований для производства допросов, осмотров, выемок и т. д. С учетом дальнейшего развития и совершенствования ЦБД такая информация может увеличиваться. Кроме того, в инструкции предусмотрены и некоторые правовые гарантии обеспечения доброкачественности информации. Например, сведения о гражданах СССР вводятся в ЦБД при условии их достоверности. Этими обстоятельствами обусловливается необходимость решения вопроса о порядке получения данных из ЕСИОК следователями органов КГБ, если возникнет в этом потребность в связи с расследованием уголовных дел. Общие требования инструкции о порядке использования информации из ЕСИОК должны быть распространены и на следователей органов КГБ.

Такой правовой режим использования информации предотвратит применение ее в качестве доказательств, исключит принятие ограничительных мер в отношении граждан СССР. Для следователей появится возможность получать необходимые данные, которые помогут скорректировать путь доказывания, наметить производство первоочередных следственных действий и т. д. Следователи КГБ могли бы стать и поставщиками информации,

---

[16] Приказом КГБ при СМ СССР № 0395—69 г. в контрразведывательных подразделениях были созданы информационно-аналитические подразделения, на которые возложено обеспечение заинтересованных служб различными сведениями. В КГБ СССР проведена большая работа по созданию различных информационных систем, которые теперь входят в ЕСИОК.

накапливаемой в ЦБД; ведь нормативные акты КГБ СССР обязывают следователей выявлять в процессе расследования дел о государственных преступлениях данные, имеющие значение для разведывательной и контрразведывательной деятельности. Централизованное накопление такой информации дало бы возможность для анализа соотношения сведений, подлежащих накоплению и выявленных следователями и оперативными работниками органов КГБ; служило бы одним из средств для поиска новых резервов совершенствования процесса получения и проверки оперативных данных; способствовало бы решению отдельных вопросов взаимодействия между следователями и оперативными работниками через посредство ЭВМ.

Данные, полученные из различных источников (оперативных и процессуальных), позволят расширить постановку и решение информационно-логических задач. Кроме того, связь следователей с ЦБД породит необходимость форсировать освоение компьютерной обработки (через доступные классы ЭВМ) уголовно-процессуальной информации как по расследуемым, так и по архивным уголовным делам.

Обилие разных по характеру и уровню знаний, которыми должен обладать следователь, существенно меняет его социально-психологический облик. Ему необходимы условия для творческой переработки такого объема знаний. Его перестают удовлетворять устаревшие способы обработки информации. Ему нужны современные методы получения, анализа, накопления растущего объема сведений, с которыми соприкасается следователь. Потому так остро стала проявлять себя потребность замены «ручного» труда следователя автоматизированным. Назрела необходимость использовать в процессе доказывания компьютеры. С их внедрением можно будет решать многие проблемы обработки, накопления, поиска, а также быстрого и полного использования доказательственной информации. С учетом того что поток машинных документов будет увеличиваться и они все больше станут вытеснять традиционные документы, перед следователями возникнет проблема умелого использования возможностей информационных систем. В разных случаях может возникнуть потребность для обращения к информационным фондам ведомственных научно-исследовательских институтов, таких, например, как ЦНИИБ, НИОПИК, ВНИИНП, НИХФИ и др.[17] По требованию следователя они могут представлять различные документы, формирующиеся на основе накопленных научных данных.

Истребовать для уголовного дела можно и документы, которые формируются специалистами без поручения следователя.

[17] В ЦНИИСИ ОТУ КГБ СССР используются информационные фонды указанных головных организаций (см.: Жилкин И. М. Роль банков данных при криминалистическом исследовании материалов, веществ и изделий.— Информационный сборник ОТУ КГБ СССР, 1985, вып. 5, с. 32—37).

К таким документам относятся разнообразные акты, составленные на основе ведомственных расследований чрезвычайных происшествий на транспорте, производстве, объектах связи и т. д. Обязанность и порядок производства таких расследований регламентируются ведомственными нормативными актами. Функциональные особенности того или иного ведомства обусловливают потребность вырабатывать свои правила расследования чрезвычайных происшествий. На железнодорожном транспорте расследование чрезвычайных происшествий осуществляется по правилам, установленным Инструкцией о порядке служебного расследования крушений на железных дорогах (утверждена заместителем министра путей сообщения 27 февраля 1981 года). Авиационные происшествия и повреждения воздушных судов на земле расследуются комиссиями в соответствии с требованиями Положения о классификации и расследовании авиационных происшествий в Гражданской авиации СССР (утверждено решением президиума Государственной комиссии по безопасности полетов Гражданской авиации от 29 июня 1981 года). Кораблекрушения расследуются ведомственными комиссиями с привлечением соответствующих специалистов на основе Положения о порядке расследования аварий морских судов от 12 февраля 1957 года. Если авария произошла на реках, озерах и других внутренних судоходных путях, то комиссия по расследованию назначается по правилам, установленным Инструкцией о классификации, порядке расследования и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судовых путях РСФСР от 9 апреля 1971 года. Это лишь часть ведомственных нормативных актов, устанавливающих порядок расследования наиболее часто происходящих чрезвычайных происшествий.

Ведомственные расследования проводятся комиссиями с привлечением компетентных специалистов. Результаты расследования оформляются различными документами. Те из них, которые формируются с определенными правовыми гарантиями и отражают факты, имеющие отношение к уголовному делу, могут рассматриваться на предмет допустимости их в качестве доказательств. Но при процессуальной оценке нужно иметь в виду, что формируются они не по требованию следователя, а в связи с ведомственными нормативными предписаниями. Такой документ содержит не относящиеся к делу сведения, а те данные, которые имеют значение для дела, могут быть неполными. В документах такого характера кроме сведений о фактах содержатся выводы специалистов и других членов комиссии, которые не могут составлять содержание такого вида доказательств, как иной документ. Выводные данные следователь может использовать при корректировке плана расследования, при выдвижении следственных версий и т. д. Содержательная сторона этих документов дает следователю возможность получить сведения о фактах, о существовании которых он сам мог и не предполагать.

Таким образом, на предварительном следствии в процессе доказывания могут использоваться следующие формы применения специальных знаний: 1) экспертиза; 2) участие специалистов в следственных действиях; 3) истребование документов, изготовленных на основе специальных знаний за рамками уголовного процесса; 4) непроцессуальная форма использования специальных знаний для решения вспомогательных по отношению к процессу доказывания задач. Каждая из указанных форм имеет свои разновидности. Но раскрыть их содержание и показать их роль в процессе доказывания представится возможным только на основе исследования каждой формы применения специальных знаний. Такое исследование также необходимо для выработки научных концепций, содержащих правовые идеи совершенствования доказательственного права, прогнозирования новых приемов внедрения научных знаний в процесс расследования уголовных дел.

Рекомендована кафедрой
уголовного права и уголовного процесса
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук
майор Л. Н. Башкатов

Кандидат юридических наук
подполковник юстиции *В. М. Городилов*

К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИИ И ПОРЯДКЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Коммунистическая партия в современных условиях указывает не необходимость перестройки и совершенствования деятельности всех звеньев нашей политической системы, всемерного повышения эффективности их функционирования. XXVII съезд КПСС, последующие Пленумы ЦК КПСС нацелили все звенья аппарата государственной власти и управления на интенсификацию работы, ее постоянное совершенствование. Это требование партии в полной мере может быть отнесено и к институту прекращения уголовных дел в советском уголовном судопроизводстве. Он также нуждается в определенном совершенствовании в соответствии с требованием времени.

В каком направлении должна вестись эта работа, по нашему мнению, лучше всего может подсказать опыт истории возникновения и развития данного института, при этом изучению подлежит как собственный опыт дореволюционного и советского времени, так и опыт развития института прекращения уголовных дел в других сранах. Поэтому целью данной статьи является освещение некоторых вопросов истории развития института прекращения уголовных дел. Ввиду ограниченности ее объема мы сначала кратко остановимся на формах прекращения уголовных дел и на том, как они складывались в пореформенной России, потом покажем их формирование и эволюцию в советский период, а затем рассмотрим некоторые вопросы, требующие своего разрешения при прекращении дел по действующему законодательству.

I. Обращаться к формам прекращения уголовных дел, сложившимся в России в результате судебной реформы 1864 г., приходится прежде всего потому, что именно в этот период в России взамен великого множества разъяснений и постановлений, сводов, уставов и узаконений был принят единый Устав уголовного судопроизводства, не только сконцентрировавший в себе основные сложившиеся и проверенные практикой положения уголовно-процессуального законодательства, но и отразивший передовую юридическую мысль того времени[1]. Не случайно поэтому формы прекращения уголовных дел, установленные Уставом, оказали существенное влияние на форми-

[1] См.: Объяснительная записка к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. СПб, 1904; Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Под ред. С. Г. Щегловитова. СПб., 1902; Кони А. Ф. Введение к Уставу уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Под ред. М. Н. Гернета. М., 1914, т. 1, с. 1—30.

рование и развитие соответствующих процессуальных форм советского уголовного процесса в первые годы Советской власти.

В ст. 16 Устава был дан перечень оснований, по которым уголовное дело не могло быть возбуждено, а начатое подлежало прекращению. Дело прекращалось: 1) за смертью обвиняемого; 2) за истечением срока давности; 3) за примирением обвиняемого с обиженным в указанных законом случаях; 4) за высочайшим указом или общим милостивым манифестом, дарующим прощение[2]. Кроме того, из содержания ст. 277 Устава усматривалось, что уголовные дела можно было прекращать «по отсутствию в исследуемом деянии признаков преступления или проступка, или же по причине необнаружения виновного, или ввиду совершенной недостаточности собранных улик». К числу других оснований относились «случайность, ошибка или возможность вменяемости (малолетство, умопомешательство...), добровольная уплата виновным денежной пени»[3].

В соответствии с Уставом расследование уголовных дел проводилось судебным следователем или прокурором, но прекратить его в любой стадии имел право **только суд.** В ст. 277 было прямо указано: «Производство следствия может быть прекращено только судом...» Что же касается прекращения дела иными органами, то в комментарии к этой статье, на наш взгляд, очень удачно было сформулировано следующее: «На практике весьма часто могут быть случаи, что судебный следователь, начав производство следствия, не найдет основания продолжать его — по недостатку ли улик, или потому, что происшествие, подавшее повод к следствию, не имеет преступного характера. Между тем прекращение производства следствия не может быть предоставлено усмотрению следователя, от которого во многих случаях зависит и самое начатие дела, потому что **сосредоточение такой власти в одних руках было бы небезопасно»**[4] (здесь и далее выделено нами, если не оговорено иное. — **В. Г.**).

Прогрессивные дореволюционные юристы совершенно справедливо считали, что именно суду, правосудию должно принадлежать решающее слово как в случаях признания обвиняемого виновным и назначения ему соответствующей меры наказания, так и в тех случаях, когда уголовное дело должно разрешаться путем его прекращения и реабилитации обвиняемого лица. К любому из этих решений они считали необходимым предъявлять единые требования. Поэтому, полагали они, должны быть, в сущности, и **единые (одинаковые) гарантии,**

---

[2] См.: Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.

[3] Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб, 1910, т. 2, с. 52.

[4] Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Под ред. С. Г. Щегловитова, с. 313.

необходимые для принятия этих решений. И виновность, и невиновность одинаково должны были удостоверяться не иначе как решением суда, вступившим в законную силу. Эта мысль была достаточно ясно выражена в самом Уставе уголовного судопроизводства (ст. 277), в комментариях к нему, а также в работах многих юристов того времени. Например, известный русский юрист В. К. Случевский писал, что никто не может быть наказан за преступление или проступок, подлежащий судебному ведомству, иначе как по приговору надлежащего суда, вошедшему в законную силу[5].

Царская Россия располагала громадным чиновничье-бюрократическим аппаратом, в котором юстиция занимала важное место. Она стояла на страже интересов господствующего класса, верша правосудие в интересах этого класса. В конечном счете Устав, как и все тогдашние законы, определил общественные отношения, которые сложились в России на тот период. В. И. Ленин отмечал, что буржуазные чиновники и адвокаты умеют «истолковать законы так, что рабочему и среднему крестьянину никогда не прорваться через проволочные заграждения этих законов»[6].

Естественно, что прогрессивная юридическая мысль не могла мириться с таким положением. Она и в этих условиях настойчиво искала пути обуздания произвола и беззаконий, творимых царской юстицией и чиновничье-бюрократическим аппаратом царизма. В качестве одной из важнейших гарантий соблюдения требования законности и элементарной справедливости в уголовном судопроизводстве прогрессивные юристы с давних пор считали установление надлежащей судебной процедуры не только для решения вопроса о виновности обвиняемого и назначения виновному соответствующей меры уголовного наказания путем вынесения обвинительного приговора, но и для решения вопроса о его невиновности и реабилитации, в том числе и путем прекращения производства по уголовному делу.

Определенное значение имело и требование ст. 524 и 525 Устава в отношении действий прокурора. В соответствии с ними прокурор вместе с заключением о прекращении или приостановлении дела обязан был передать суду «подлинное следствие», то есть материалы уголовного дела в полном объеме. Суд имел возможность исследовать собранные к моменту прекращения дела доказательства, а также проверить правильность выбора основания для прекращения.

Прокурору было предоставлено исключительное право входить с предложениями о прекращении уголовного преследо-

---

[5] См.: Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. СПб, 1913, с. 15.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 285.

вания в суд непосредственно, притом как по юридическим, так и по фактическим основаниям[7].

Важно отметить и то, что в ст. 528[1] Устава, принятой 3 мая 1883 г. в его дополнение[8], нашел отражение принцип гласности. Суд, прекратив своим определением уголовное дело, составлял объявление, которое прибивалось у дверей суда. Желающие могли с ним ознакомиться, и, естественно, в их глазах лицо, в отношении которого было выдвинуто обвинение, реабилитировалось.

Разумеется, что ни прогрессивные законодательные нововведения судебной реформы 1864 г., ни тем более благие пожелания в данном отношении либеральных юристов не могли в условиях царского абсолютизма сколько-нибудь существенно влиять на процесс демократизации российского уголовного судопроизводства и обеспечить в стране режим желаемой ими законности. Тем не менее сама идея о необходимости введения **судебных гарантий, надлежащей судебной процедуры** не только для вынесения обвинительного приговора, но и для оправдания обвиняемого, признания его невиновным и реабилитации в любой форме (в том числе и путем прекращения производства по уголовному делу), несомненно, была прогрессивной. Не случайно вокруг этой идеи, в сущности, никогда не прекращалась борьба между представителями прогрессивной политической и юридической мысли, с одной стороны, и всякого рода консерваторами и реакционерами — с другой. Не случайно также, что эта идея была фактически сразу же взята на вооружение молодой Советской Республикой.

II. Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила прогнивший буржуазный аппарат царской России, в том числе аппарат царской юстиции, и с первых же дней Советской власти начала закладывать фундамент своего, советского суда, основанного на принципах подлинной демократии и действительного равенства граждан перед законом. Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 г.[9] и Декретом о суде № 2 от 17 марта 1918 г.[10] были упразднены институты судебных следователей, прокуратуры и присяжных, частной адвокатуры. Предварительное следствие было возложено на специально учрежденный для этого коллегиальный орган — следственную комиссию, состоявшую из пяти человек, избираемых Советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

Принятое 30 ноября 1918 г. Положение о народном суде[11] возлагало на следственную комиссию обязанность возбуждать

---

[7] См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства, с. 54.

[8] См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Под ред. М. Н. Гернета. М., 1914, с. 885.

[9] См.: СУ, 1917, № 4, с. 50.

[10] См.: СУ, 1918, № 26, с. 420.

[11] См.: СУ, 1918, № 85, с. 889.

или прекращать следствие. Вынесенное комиссией постановление о прекращении уголовного дела направлялось в народный суд, который решал, согласиться с ним или отклонить его. В ст. 36 и 37 Положения было особо отмечено, что постановление о прекращении уголовного дела должно быть мотивированным и направляться в народный суд вместе со всем делопроизводством. Окончательное решение вопроса о прекращении дела принадлежало суду. Таким образом, суду был предоставлен контроль за правильностью ведения следствия и прекращения дел. Это же было закреплено в ст. 9 Положения о революционных трибуналах: «Постановления следственных комиссий об арестах, выемках, обысках, освобождении арестованных, равно как постановления о прекращении дел и привлечении новых лиц в качестве обвиняемых, проводятся в порядке существующих постановлений через соответствующие органы. Вопрос о прекращении дела или изменении меры пресечения решается только самим трибуналом»[12].

В 1920 г. институт следственных комиссий был заменен институтом народных следователей. Принятое в связи с этим 21 октября 1920 г. Положение о народном суде[13] возложило производство предварительного следствия на народных следователей. В ст. 31 Положения перечислялись требования, которым должен удовлетворять следователь, а в ст. 35—37 среди прочих прав и обязанностей народному следователю предоставлялась возможность прекращать уголовные дела. Однако вынесенное им постановление о прекращении дела, во-первых, должно было быть мотивированным и, во-вторых, вместе со всем делопроизводством передано в народный суд для **окончательного разрешения.**

Этот порядок сохранялся вплоть до принятия третьей сессией ВЦИК 25 мая 1922 г. первого Уголовно-процессуального кодекса РСФСР[14] и 28 мая 1922 г. Положения о прокурорском надзоре[15]. Данными законодательными актами компетенция прекращения уголовных дел была разделена. Так, ст. 207 УПК РСФСР требовала, чтобы после окончания предварительного следствия и при наличии основания для прекращения уголовного дела следователь направлял его вместе с мотивированным постановлением о прекращении в суд для разрешения, но обязательно уведомлял об этом прокурора. В свою очередь прокурор, получив от следователя уведомление и найдя, что дело прекращению не подлежит, выходил в суд со своим возражением и мог, если признавал нужным, поддерживать лично свое возражение в распорядительном заседании суда (ст. 230 УПК РСФСР 1922 г.).

---

[12] СУ, 1919, № 13, с. 132.
[13] См.: СУ, 1920, № 83, с. 407.
[14] См.: СУ, 1922, № 20—21, с. 320.
[15] См.: СУ, 1922, № 36, с. 424.

Прокурор наделялся правом единолично прекращать уголовные дела, предварительное расследование по которым осуществляли органы дознания, не ставя об этом в известность суд.

Принятая 15 февраля 1923 г. постановлением ВЦИК вторая редакция УПК РСФСР[16] в точности повторила все положения кодекса 1922 г., касающиеся прекращения дел, и на тот период ничего нового практически не внесла.

С образованием в 1924 г. Союза ССР появилась необходимость издания единого общесоюзного уголовно-процессуального законодательного акта и 31 октября того же года постановлением ЦИК СССР были приняты Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик[17].

В ст. 6 Основ был дан исчерпывающий перечень оснований прекращения уголовных дел: а) за смертью обвиняемого; б) за истечением срока давности; в) за примирением обвиняемого с потерпевшим в случаях, особо предусмотренных законодательством союзных республик; г) за отсутствием жалобы потерпевшего, если дело может быть возбуждено не иначе как по такой жалобе, за исключением случаев, когда прокуратура признает необходимым возбудить дело по собственной инициативе; д) при отсутствии признаков общественно опасных деяний в действиях, приписываемых обвиняемому; е) вследствие акта об амнистии Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и Центральных Исполнительных Комитетов союзных республик или акта о помиловании в отношении отдельных лиц или прекращения дела о них постановлениями тех же органов власти Союза ССР или союзных республик в пределах предоставленных им полномочий.

Кроме того, в ст. 9 Основ подчеркивалось, что никто не может быть лишен свободы иначе как в случаях и порядке, указанных в законе.

III. Сложившийся порядок прекращения уголовных дел только в суде в целом действовал и применительно к следствию, проводимому в органах ВЧК—ОГПУ. В дальнейшем, и в частности в 20-е гг., в силу ряда причин, которые требуют специального исследования, институт прекращения уголовных дел претерпел существенные изменения. Постепенно роль суда в контролировании решений о прекращении дел была сужена и тем самым расширена компетенция органов расследования. Внесудебный порядок прекращения уголовных дел был закреплен и в Основах уголовного судопроизводства, принятых в 1958 г. Количество органов и должностных лиц, получивших право самостоятельно прекращать уголовные дела, было зна-

---

[16] См.: СУ, 1923, № 7, с. 106.

[17] См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу, организации суда и прокуратуры. М., Госюриздат, 1955, с. 367—371.

чительно расширено и, следовательно, большое число уголовных дел прекращалось без контроля суда и без судебных гарантий.

В новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом КПСС, подчеркнуто, что предметом постоянной заботы партии было и остается «**укрепление правовой основы государственной и общественной жизни**, неуклонное соблюдение социалистической законности и правопорядка, улучшение работы органов правосудия, прокурорского надзора, юстиции и внутренних дел»[18].

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии также говорилось, что предстоит улучшать качество советских законов, всемерно способствовать проведению в жизнь принципов социальной справедливости. В докладе указано и основное направление совершенствования этих законов. В частности, отмечено, что строжайшим образом должны соблюдаться демократические принципы правосудия, равенства граждан перед законом, другие гарантии, обеспечивающие защиту интересов государства и каждого гражданина, что необходимо решительно поднять роль прокурорского надзора, совершенствовать работу судов и адвокатуры[19].

В принятом 26 ноября 1986 г. постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» подчеркнута необходимость перестройки работы судов, прокуратуры, других правоохранительных органов, с тем чтобы они надежно обеспечивали защиту интересов государства и прав граждан, служили подлинным образцом строжайшего соблюдения законности. Из практики работы правоохранительных органов должны быть полностью исключены факты необоснованных задержаний и арестов, незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности[20].

В свете этих решений предъявляются и новые требования к институту прекращения уголовных дел.

Сложившееся в настоящее время положение, когда подавляющее большинство дел прекращается, минуя суд, вряд ли соответствует политическим установкам XXVII съезда КПСС. Дела в ряде случаев прекращаются в единоличном порядке, что чревато ошибками и создает благоприятные условия для злоупотреблений. Кроме того, прекращение уголовных дел вне судебного порядка не обеспечивает достаточно стабильно права лица, в отношении которого прекращено дело. Действительно, если дело прекращено судом, то затем по действующему зако-

---

[18] Программа КПСС (новая редакция). М., Политиздат, 1986, с. 48.

[19] См.: Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXVII съезду КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 78.

[20] См.: Правда, 1986, 30 ноября.

нодательству оно не может быть возбуждено никем без отмены этого судебного решения, в то время как прекращение дела органами расследования не создает таких гарантий, так как в соответствии с п. 10 ст. 5 УПК РСФСР уголовное дело, прекращенное органом дознания, следователем, прокурором, не лишает суда права вновь возбудить его.

Проблема передачи полномочия на прекращение уголовных дел суду, как это уже имело место в процессе развития данного института, и на сегодняшний день остается нерешенной. Принятая в 1977 г. Конституция СССР позволила взглянуть на эту проблему несколько иначе и определить ее значение для теории и практики. На наш взгляд, основательное изучение и разработка данной проблемы могут дать определенный материал для рассмотрения института прекращения уголовных дел с позиций перестройки, расширения гласности и демократизации. Мы же в этой части статьи попытаемся рассмотреть только некоторые стороны этой проблемы, как нам кажется, наиболее ярко демонстрирующие преимущество суда над органами предварительного следствия при решении вопроса о прекращении уголовного дела.

В соответствии со ст. 151 Конституции СССР правосудие в СССР осуществляется только судом. Это означает, что любая форма правосудия, в том числе и по уголовным делам, возложена на суд как специально на то уполномоченный орган государства. В этой связи стоит обратиться прежде всего к ст. 160 Конституции СССР, которая однозначно устанавливает: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». В данном положении заложен основной смысл всего правосудия по уголовному делу: вопрос о виновности и мере наказания лица подлежит разрешению исключительно судом и никакой иной орган государственной власти, управления, должностное лицо, общественная организация не вправе вмешиваться в его деятельность. Судом же в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством разрешаются и другие наиболее важные вопросы по уголовному делу, такие, например, как предание обвиняемого суду в судах первой инстанции, проверка законности и обоснованности приговоров, определений, постановлений суда в судах второй инстанции и т. п.

Наделяя суд широкими полномочиями и правами, законодатель учел в первую очередь его исключительное положение по сравнению с иными правоприменительными и правоохранительными органами государства. Эта исключительность определяется наличием надежных судебных гарантий и характером решаемых судом вопросов, имеющих важную юридическую и социально-политическую значимость и являющихся для государства особым объектом охраны, в содержание которого вхо-

дят высшие социальные ценности жизнь, честь и достоинство граждан, их права и свободы (ст. 54—58 Конституции СССР).

Высокая надежность судебных гарантий обеспечивается прежде всего устройством и организацией суда. Так, в соответствии со ст. 152 Конституции СССР все суды в нашей стране образуются на началах **выборности** судей и народных заседателей, а рассмотрение дел во всех судах осуществляется **коллегиально.** Коллегиальное начало последовательно осуществляется в судах кассационной и надзорной инстанций, а также при решении вопросов возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. С учетом того что выборность и коллегиальность как принципы организации суда в юридической литературе исследованы довольно обстоятельно и на практике особых вопросов не вызывают, мы не будем останавливаться на них подробно.

Далее, в отношении судей и народных заседателей действует положение об их **независимости** и **подчиненности только закону** при осуществлении правосудия. В соответствии с этим положением предполагается создание судьям таких условий, при которых никакие органы государственной власти и управления, общественные организации или должностные лица не вправе вмешиваться в судебную деятельность и давать судьям указания о ведении судопроизводства. Выделяя это положение как основополагающее, В. И. Ленин, говоря в одной из своих работ об обеспечении независимости судей и подчинении их только закону, предлагал: «Подтвердить всем губкомам, что за малейшую попытку «влиять» на суды в смысле «смягчения» ответственности коммунистов ЦК *будет исключать из партии*»[21].

Надежность судебных гарантий обусловлена также спецификой судебного метода исследования и принятия решения по делу и спецификой **процедуры отправления правосудия:** широкое участие граждан, представителей общественных организаций и трудовых коллективов в судопроизводстве, позволяющее правильно сочетать защиту прав и законных интересов общества и государства; гласность, устность, непосредственность, равенство участников судебного процесса перед судом и т. п.

Даже вышеперечисленное позволяет увидеть грани, отделяющие суд от иных органов распорядительной и исполнительной власти, а конституционное положение об осуществлении в СССР правосудия только судом толковать шире, чем просто как принцип устройства или организации суда. По своей политической и правовой значимости этот принцип выходит далеко за рамки судоустройства в целом и закрепляет на конституционном уровне идею **отделения суда** в функциональном и организационном отношениях от других органов государства.

---

[21] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 53.

Подобные рассуждения можно продолжать, однако, как нам представляется, даже предложенное краткое исследование процессуального положения дел дает основание считать, что суд как выборный коллегиальный орган, независимый от исполнительных и распорядительных государственных органов, общественных организаций и должностных лиц, обладает исключительной разрешительной способностью в вопросах осуществления правосудия, в том числе и по уголовным делам. Ни прокурор, ни следователь, ни орган дознания, наделенные в настоящее время правом принятия предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством решений по уголовным делам, в том числе при их прекращении, не обладают правом признания лица виновным или невиновным в совершении общественно опасного деяния, содержащего признаки преступления. Обеспечение суду исключительного права решать важнейшие вопросы уголовного дела налагает существенные ограничения на компетенцию и функции других органов государства, участвующих в процессе. Оно требует, чтобы орган дознания, следователь и прокурор выполняли лишь функции, свойственные каждому из этих органов, и ни в коем случае не совершали таких действий, которые согласно действующему законодательству возложены исключительно на судебные органы.

Несомненно, подводить в настоящее время какую-либо базу под реальную возможность передачи всех прекращаемых уголовных дел на разрешение суда еще рано. Этому препятствуют объективные причины: значительное число правонарушений, подпадающих под признаки преступлений, увеличение численности и штатов судов, разработка новых форм передачи дел в суды, изменение законодательства и т. п. Однако по мере сокращения преступности идеи социалистического гуманизма будут глубже проникать в различные сферы действующего законодательства, и в первую очередь уголовного, и постепенно вытеснят меры уголовного наказания, создав тем самым условия для замены их мерами административного и общественного воздействия.

Ход этого процесса должен привести к более четкому разграничению функций органов предварительного следствия и суда с постепенной передачей последнему на разрешение всех вопросов, связанных с окончанием расследования путем прекращения уголовных дел. Вероятнее всего, это произойдет сначала только в отношении дел, прекращаемых по так называемым «нереабилитирующим основаниям» или по части из них, затем и по всем остальным основаниям, но, несомненно, такой процесс будет носить характер прогрессивного, оправданного и проверенного историческим опытом развития института прекращения уголовных дел.

В настоящее время требования партии по перестройке и демократизации советского общества, определяя перспективы его

развития, всестороннего совершенствования социализма, нацеливают на дальнейшее развитие всех его институтов, в том числе и рассматриваемого нами. В этой связи совершенствование судопроизводства, и в частности предоставление суду единоличного права на разрешение вопросов прекращения уголовных дел, будет отвечать духу времени, повысит авторитет решений по прекращенным делам и усилит надежность юридических гарантий охраны жизни, чести, достоинства граждан, их прав и свобод.

Рекомендована кафедрой
уголовного права и уголовного процесса
Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук
подполковник Е. А. Доля

Кандидат юридических наук
майор *Н. Е. Шумило*

О ПРИВЛЕЧЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМЫХ

Развернувшаяся в стране перестройка затрагивает и действующее уголовно-процессуальное законодательство. В условиях расширения демократии оно должно в большей мере способствовать утверждению принципов равенства граждан перед законом и социальной справедливости. В этом плане, на наш взгляд, в критическом осмыслении нуждаются и нормы права, устанавливающие дополнительные гарантии для военнослужащих при привлечении их в качестве обвиняемых.

Согласно Постановлению Президиума Верховного Совета СССР «О порядке привлечения к уголовной ответственности и аресте военнослужащих»[1] от 28 марта 1958 года военнослужащие могут быть привлечены в качестве обвиняемых только с согласия военного командования. Наличие такой гарантии в настоящее время вызывает возражения. Для правильного разрешения этого вопроса необходим исторический взгляд на причины и цели их возникновения.

Впервые гарантии для военнослужащих при привлечении их в качестве обвиняемых и аресте были предусмотрены Инструкцией Революционным военным трибуналам фронтов и армий от 8 января 1919 года. Согласно § 2 главы III этой инструкции аресты военнослужащих производились с согласия их командиров и лишь в исключительных случаях без такого согласия[2].

В примечании к ст. 80 Положения о военных следователях от 30 сентября 1919 года указывалось на необходимость согласовывать с соответствующими реввоенсоветами или комиссарами привлечение в качестве обвиняемых и аресты командиров или комиссаров в районе боевых действий[3]. Такой порядок производства указанных процессуальных действий был направлен

---

[1] Объявлено Приказом КГБ при СМ СССР № 32 от 12 апреля 1958 г. Словосочетание «привлечение к уголовной ответственности» здесь употребляется в значении «привлечение в качестве обвиняемого».

[2] До принятия УПК РСФСР 1922 г. привлечение в качестве обвиняемого и арест производились одновременно. Такой порядок производства указанных процессуальных действий в органах НКВД сохранялся фактически до 17 августа 1939 г. См.: Из приказа народного комиссара внутренних дел и прокурора СССР № 00954 «О порядке оформления арестов и предъявления обвинения».— Из истории оперативной деятельности органов государственной безопасности СССР в предвоенные годы. Сборник документов (октябрь 1938 — июнь 1941 г.). М., изд. ВШ КГБ, 1962, с. 102—104.

[3] См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры (1917—1954 гг.). Сборник документов. Под ред. С. А. Голунского. М., Госюриздат, 1955, с. 109.

на обеспечение боеспособности Красной Армии в условиях военного времени.

После принятия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года все военнослужащие стали привлекаться в качестве обвиняемых наравне с остальными гражданами. Такое положение сохранялось до 1935 года.

В начале 30-х годов получили распространение необоснованные аресты органами НКВД среди высшего и среднего командного состава РККА[4]. В связи с этим партия предприняла ряд мер, направленных на сохранение военных кадров и ограждение их от незаконных репрессий[5]. Для усиления этих мер народный комиссар обороны по согласованию с Прокурором СССР 2 февраля 1935 года издал приказ № 006 «О судимости начсостава РККА». В соответствии с этим приказом предание суду и арест лиц командного состава от командира взвода и выше были возможны только с разрешения народного комиссара обороны СССР, а в его отсутствие — первого заместителя. Лишь в исключительных, не терпящих отлагательства случаях арест лиц командного состава не выше 5-й категории мог производиться с разрешения командующего войсками округа (флотом) с обязательным донесением народному комиссару обороны СССР[6].

Впоследствии ЦК ВКП(б) и СНК СССР вскрыли серьезные нарушения законности, которые допускали органы НКВД и прокуратуры при расследовании уголовных дел. В связи с этим ЦК ВКП(б) и СНК СССР в середине 30-х годов приняли дополнительные меры, направленные на сохранение партийных и военных кадров, а также некоторых специалистов народного хозяйства. В особом закрытом акте по данному вопросу отмечалась острая потребность в военных кадрах, в связи с чем органам прокуратуры и НКВД вменялось в обязанность производить аресты и привлечения военнослужащих в качестве обвиняемых лишь по согласованию с военным командованием. В отличие от приказа народного комиссара обороны СССР от 3 февраля 1935 года предписывалось производить все без исключения аресты военнослужащих высшего и среднего начальствующего состава РККА только с разрешения наркома обороны СССР[7].

В 1937 году были приняты нормативные акты, которые предоставляли и нижестоящим командирам право решать вопросы о привлечении военнослужащих в качестве обвиняемых по де-

---

[4] По данным генерал-майора юстиции Б. А. Викторова, в 1930 г. в Красной Армии контрреволюционных преступлений было совершено 27,2% от общего числа преступлений военнослужащих (см.: Викторов Б. А. Актуальные вопросы теории и практики применения советского уголовного законодательства об особо опасных государственных преступлениях. Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1966, с. 75).

[5] См.: Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке производства арестов» от 8 мая 1933 г. — Архив ГВП за 1933 г., оп. 17, нар. 37, л. 14.

[6] ЦГАСА, ф. 4, оп. 11, ед. хр. 43, л. 15.

[7] Архив ГВП за 1935 г., оп. 12, нар. 2, пор. № 15, т. 4, л. 141.

лам об убийствах, изнасилованиях, грабежах. Такой порядок согласования позволял более оперативно вести борьбу с тяжкими преступлениями.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» было указано на ряд крупнейших недостатков в работе органов НКВД и прокуратуры[8]. Один из них состоял в упрощенном порядке расследования, когда следователи ограничивались получением признания обвиняемыми своей вины и не подкрепляли его другими доказательствами[9]. В связи с этим ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1 декабря 1938 года приняли постановление «О порядке согласования арестов», в котором вновь подчеркивалось, что аресты и привлечение в качестве обвиняемых военнослужащих высшего, старшего и среднего начальствующего состава допускаются только с согласия наркома Вооруженных Сил СССР или наркома Военно-Морского Флота СССР, а рядового и младшего начальствующего состава — военных советов округов[10]. Такой порядок был также закреплен в Дисциплинарном уставе Красной Армии в 1940 году и сохранялся до первых дней Великой Отечественной войны.

Как видим, в целях ограждения от необоснованных обвинений и сохранения военных специалистов в условиях мирного времени начиная с 1935 года командованию было предоставлено право решать вопрос о привлечении в качестве обвиняемых и аресте всех военнослужащих.

В начале Великой Отечественной войны порядок привлечения в качестве обвиняемых и арестов военнослужащих был изменен. Это объяснялось введением в стране военного положения. 11 августа 1941 года Государственный Комитет Обороны издал постановление «О порядке арестов военнослужащих». Согласно этому постановлению аресты красноармейцев и младшего начальствующего состава производились с согласия военного прокурора дивизии, среднего начальствующего состава — с разрешения командования дивизии и дивизионного прокурора, старший начальствующий состав мог быть арестован только с согласия военного совета армии (военного округа), высший начальствующий состав — только с санкции народного комиссара обороны СССР. Такой порядок распространялся и на привлечение военнослужащих в качестве обвиняемых[11]. Он способствовал оперативному решению этих вопросов в условиях военного времени, был направлен на обеспечение боеспособности войск и сохранялся до конца войны.

---

[8] Архив ГВП за 1940 г., оп. 1, нар. 25, пор. № 9, л. 135.

[9] См.: Из истории оперативной деятельности органов государственной безопасности СССР в предвоенные годы, с. 4, 9—12, 15—18.

[10] Архив ГВП за 1940 г., оп. 1, нар. 25, пор. № 10, л. 16.

[11] Архив ГВП за 1941 г., оп. 01712, нар. 5, л. 158.

После окончания Великой Отечественной войны привлечение в качестве обвиняемых и арест лиц высшего, старшего и среднего командного состава Вооруженных Сил СССР производился только с разрешения военного министра СССР, как это было определено довоенным законодательством. Однако впоследствии такой порядок привлечения военнослужащих в качестве обвиняемых был значительно изменен.

28 апреля 1951 года постановлением Совета Министров СССР «О наведении порядка в вопросах привлечения к судебной ответственности и ареста военнослужащих» был установлен особый порядок привлечения в качестве обвиняемых и ареста всех категорий военнослужащих по всем составам преступлений. Привлечение в качестве обвиняемых и аресты матросов и солдат производились только с согласия командира дивизии и ему равных; сержантов и старшин — с согласия командующего корпусом или армией и войсками округа и им равных; младших и старших офицеров (до подполковника и капитана 2 ранга включительно) — с согласия военного министра СССР или министра Военно-Морского Флота СССР по представлению командующего войсками военных округов (флотов) и групп войск; полковников, капитанов 1 ранга, генералов и адмиралов — с разрешения Совета Министров СССР. Однако этот общий порядок имел исключение, которое состояло в том, что если военнослужащий совершил особо тяжкое преступление (измену Родине, умышленное убийство, дезертирство), то он незамедлительно подвергался аресту, о чем уведомлялся командир части, а также соответствующие инстанции, правомочные давать согласие на арест данного военнослужащего[12].

Наделение командования довольно широкими полномочиями в решении вопросов о привлечении военнослужащих в качестве обвиняемых и арестах в постановлении объяснялось тем, что при попустительстве многих командиров и политработников, а иногда и без их ведома привлекались к суду и арестовывались военнослужащие без достаточных на то оснований. Особенно неправильным было то, что офицеры предавались суду и арестовывались без ведома военного министра СССР[13]. Как видим, одной из причин введения особого порядка привлечения в качестве обвиняемых и ареста военнослужащих являлось наличие существенных ошибок в судебно-следственной практике. Так, в указании Главной военной прокуратуры от 26 декабря 1951 года отмечалось, что в практике военных прокуроров имели место случаи привлечения к судебной ответственности и ареста военнослужащих без ведома командиров за проступки, подлежащие

---

[12] Архив ГВП за 1951 г., оп. 01897, нар. 4, л. 10.

[13] См.: Постановление Совета Министров СССР от 28 апреля 1951 г. «О наведении порядка в вопросах привлечения к судебной ответственности и ареста военнослужащих».— Архив ГВП за 1951 г., оп. 01897, нар. 4, л. 10.

разрешению в дисциплинарном порядке, либо без достаточных на то оснований. Допускались так же необоснованные вызовы командиров в судебные заседания и их допросы в присутствии подчиненных[14].

Документы того периода указывают и на другие мотивы принятия Постановления Совета Министров СССР от 28 апреля 1951 года. Так, в Приказе военного министра СССР № 0085 от 30 апреля 1951 года отмечался низкий уровень воинской дисциплины значительной части войсковых соединений, одна из причин которого состояла «в принижении командира-единоначальника как основного звена в укреплении твердой воинской дисциплины, принижении прав командира и его авторитета»[15].

Таким образом, установленный в 1951 году порядок привлечения в качестве обвиняемых и ареста военнослужащих был вызван нарушением законности при расследовании и рассмотрении уголовных дел на военнослужащих, а также неудовлетворительным состоянием воинской дисциплины и настоятельной необходимостью повысить роль и авторитет командиров в армии.

Однако и этот порядок привлечения в качестве обвиняемых не был лишен недостатков. Некоторые командиры злоупотребляли предоставленными им правами. Во многих случаях вместо привлечения военнослужащих к уголовной ответственности ограничивались мерами дисциплинарного взыскания. Так, в январе 1952 года в докладе военному министру СССР об исполнении Постановления Совета Министров СССР от 28 апреля 1951 года командующий войсками ПВО Московского района отмечал: «...не изжиты еще случаи прямого попустительства злостным нарушителям воинской дисциплины со стороны отдельных командиров, когда они, не сообразуясь с опасностью преступления и требованиями закона, ставят вопрос о привлечении виновных к дисциплинарной ответственности вместо предания суду»[16].

Советские военные юристы предлагали изменить порядок привлечения военнослужащих в качестве обвиняемых, который, по их мнению, не согласовывался с принципами советского уголовного процесса. С. А. Голунский, в частности, писал: «Так как сам по себе акт предъявления обвинения не влечет никаких правоограничений для обвиняемого и вовсе не предрешает еще окончательного направления дела, то нет никаких оснований

---

[14] Архив ГВП за 1951 г., оп. 01897, нар. 7, л. 274.

[15] ЦГАСА, ф. 4, оп. 4, д. 105, л. 372—381.

[16] Доклад командующего войсками ПВО Московского района военному министру СССР об исполнении постановления Совета Министров СССР от 28 апреля 1951 г. «О наведении порядка в вопросах привлечения к судебной ответственности и ареста военнослужащих».— Архив ГВП за 1952 г., оп. 0955, нар. 62, пор. № 33, л. 3—16.

требовать во всех случаях такого рода санкции наркома»[17]. Однако эта правильная позиция не была принята законодателем.

28 марта 1958 года Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О порядке привлечения к уголовной ответственности и аресте военнослужащих», действующее и в настоящее время. В соответствии с ним командование получило право решать вопрос о привлечении в качестве обвиняемых и аресте военнослужащих, совершивших только воинские преступления, за исключением дезертирства.

Привлечение в качестве обвиняемых и арест солдат и матросов производится с согласия командира полка, командира корабля второго ранга (отдельной воинской части и им равных). В случаях же их задержания или совершения ими преступления вне дислокации части — с согласия начальника ближайшего гарнизона, пользующегося правами не ниже командира полка. Сержанты, старшины и сверхсрочнослужащие могут быть привлечены в качестве обвиняемых и арестованы с согласия командира дивизии, командира корабля первого ранга, корпуса, командующего армией (флотилией) и им равных; офицеры — только с согласия министра обороны СССР.

Согласно этому постановлению генералы и адмиралы привлекаются в качестве обвиняемых и арестовываются за совершение любых преступлений по решению Генерального прокурора СССР, согласованному с Советом Министров СССР.

В постановлении также указывается, что привлечение в качестве обвиняемого и арест военнослужащих могут быть произведены только при наличии письменного согласия правомочного командира или начальника[18].

В следственной практике вопросы согласования привлечения в качестве обвиняемых и арестов военнослужащих при совершении ими общеуголовных и воинских преступлений не всегда решались одинаково. Поэтому в указании Генерального прокурора СССР № с/2596 от 15 марта 1966 года «О соблюдении порядка привлечения к уголовной ответственности и ареста военнослужащих, установленного Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 28 марта 1958 года» было разъяснено, что привлечение в качестве обвиняемого и арест военнослужащего за воинские преступления, за исключением дезертирства, производится с согласия соответствующих командиров и начальников, при отсутствии же такого согласия военнослужащие

---

[17] Голунский С. А. О взаимоотношениях военного командования и военной прокуратуры при привлечении к уголовной ответственности военнослужащих. М., изд. Института государства и права Академии наук СССР, Военно-юридическая секция, 1944, с. 4.

[18] См.: Приказ Генерального прокурора СССР № 31 от 16 апреля 1958 г. — Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР. М., Воениздат, 1978, с. 161—163.

привлекаются в качестве обвиняемых и арестовываются только за общеуголовные преступления и дезертирство на общих основаниях[19]. В случае совершения военнослужащими особо опасных или иных государственных преступлений согласия военного командования на привлечение их в качестве обвиняемых и арест не требуется.

В соответствии со ст. 126 УПК РСФСР расследование уголовных дел по воинским преступлениям, предусмотренным пп. «а», «б», «в» ст. 259 УК РСФСР (разглашение военной тайны или утрата документов, содержащих военную тайну) отнесено к компетенции следователей органов государственной безопасности. Поэтому в подобных случаях привлечение в качестве обвиняемых и арест военнослужащих осуществляются в соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 28 марта 1958 года. Анализ практики расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных пп. «а», «б», «в» ст. 259 УК РСФСР, показывает, что многие из них прекращаются в стадии предварительного расследования. Наиболее часто уголовные дела прекращаются при наличии достаточных доказательств для формулирования обвинения из-за того, что военное командование не дает согласия на привлечение военнослужащих в качестве обвиняемых.

Например, по уголовному делу, возбужденному 11 февраля 1985 года, было собрано достаточно доказательств для предъявления подполковнику Лейеру обвинения в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» и «в» ст. 259 УК РСФСР. Однако командующий Забайкальским военным округом не дал согласия на привлечение его в качестве обвиняемого, и 7 июня 1985 года уголовное дело было прекращено по ст. 6 УПК РСФСР. За совершение указанных преступлений Лейер был подвергнут лишь дисциплинарному взысканию.

Подобные случаи не единичны. Так, по данным Следственного отдела КГБ СССР, в 1981—1985 годах по пп. «а», «б», «в» ст. 259 УК РСФСР было возбуждено 42 уголовных дела, из них 8 было прекращено в стадии предварительного расследования в связи с тем, что военное командование не дало согласия на привлечение военнослужащих в качестве обвиняемых[20].

Такое положение вряд ли можно признать нормальным. Особый порядок привлечения военнослужащих в качестве обвиняемых приводит к тому, что за совершение преступлений многие из них отвечают лишь в дисциплинарном порядке. Это не способствует эффективной борьбе с такого рода опасными преступлениями. У военнослужащих порождается уверенность в том, что в случае совершения ими преступлений командование «за-

---

[19] См.: Приказ Генерального прокурора СССР № 31 от 16 апреля 1958 г., с. 164—165.

[20] См. картотеку № 29 Следственного отдела КГБ СССР о законченных уголовных делах по видам преступлений за 1981—1985 гг.

щитит» их, «поможет» избежать наказания. Есть основания для предположения, что за последнее время рост преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» и «в» ст. 259 УК РСФСР, объясняется именно этим обстоятельством.

Прекращение уголовных дел в связи с отсутствием согласия военного командования на привлечение военнослужащих в качестве обвиняемых противоречит принципам неотвратимости наказания за совершенное преступление и равенства граждан перед законом. В ст. 34 Конституции СССР закреплено ленинское положение о равенстве всех граждан перед законом. Этот демократический принцип правосудия особенно важно строжайшим образом соблюдать в условиях перестройки работы всех государственных органов, расширения гласности, утверждения социальной справедливости[21].

Установленный порядок привлечения военнослужащих в качестве обвиняемых ограничивает самостоятельность следователя и не согласуется с требованиями уголовно-процессуального закона. Даже при наличии достаточных доказательств следователь не имеет возможности своевременно сформулировать обвинение и предъявить его военнослужащему, поскольку на получение согласия уходит значительное время. В результате этого обвиняемый не может своевременно и эффективно защищать свои законные интересы.

Задержка с получением согласия военного командования на привлечение военнослужащего в качестве обвиняемого может повлечь и другие негативные последствия. Например, без такого согласия следователь лишается возможности налагать арест на имущество лица, не привлеченного в качестве обвиняемого, в результате чего оно нередко оказывается утраченным. Органы предварительного расследования лишаются также возможности своевременно назначить и провести судебно-психиатрическую экспертизу, поскольку в соответствующее медицинское учреждение могут помещаться только обвиняемые и подозреваемые.

Анализ прекращенных уголовных дел показывает, что вопрос о даче согласия на привлечение военнослужащих в качестве обвиняемых решают командиры, не наделенные законом таким правом. Так, в соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 28 марта 1958 года согласие на привлечение офицера в качестве обвиняемого вправе дать только министр обороны СССР. Однако на практике вопрос о привлечении офицеров в качестве обвиняемых фактически решают командующие войсками и военными округами, военные советы армий и флотов. Так, по данным Следственного отдела КГБ

---

[21] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, с. 61.

СССР, из 10 уголовных дел, прекращенных по таким основаниям в период с 1974 по 1985 год, министром обороны СССР не дано согласия на привлечение в качестве обвиняемого лишь в двух случаях[22]. По остальным же делам этот вопрос решали командующие военными округами, военные советы армий и флотов. Имеются факты, когда военное командование отказывалось направлять донесение для получения согласия на привлечение офицера в качестве обвиняемого в вышестоящие инстанции, вследствие чего уголовные дела прекращались. Например, по возбужденному 11 ноября 1985 года уголовному делу Следственным отделом КГБ Таджикской ССР было собрано достаточно доказательств для предъявления обвинения майору Николенко по п. «а» ст. 269 УК Таджикской ССР. Однако командующий войсками Краснознаменного Среднеазиатского военного округа отказался направить главнокомандующему Сухопутными войсками Вооруженных Сил СССР ходатайство о привлечении Николенко в качестве обвиняемого, в связи с чем уголовное дело было необоснованно прекращено[23].

В следственной практике при разрешении вопросов, связанных с получением согласия на привлечение офицеров в качестве обвиняемых, допускаются и другие нарушения. Так, 21 июня 1974 года министр обороны СССР не дал разрешения на привлечение в качестве обвиняемого капитан-лейтенанта Левкина, командира противолодочного катера Краснознаменного Тихоокеанского флота, утратившего документ, содержащий сведения военного характера, составляющие государственную тайну. 7 августа того же года следователем Особого отдела КГБ СССР по Краснознаменному Тихоокеанскому флоту было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ст. 259 УК РСФСР, в отношении командира малого противолодочного катера капитан-лейтенанта Шевченко, который также утратил документ, содержащий сведения, составляющие государственную тайну. Однако это уголовное дело было необоснованно прекращено за «нецелесообразностью привлечения Шевченко к уголовной ответственности». Действительный же мотив принятия такого решения состоял в том, что министр обороны СССР ранее не дал согласия на привлечение в качестве обвиняемого капитан-лейтенанта Левкина, совершившего такое же преступление[24].

Существующий порядок привлечения военнослужащих в качестве обвиняемых не является безупречным, поскольку в за-

---

[22] См. картотеку № 29 Следственного отдела КГБ СССР о законченных уголовных делах по видам преступлений за 1974—1985 гг.

[23] Материалы 10-го отделения КГБ Таджикской ССР, уголовное дело № 491 в отношении Николенко Э. П., возбуждавшееся по признакам п. «а» ст. 269 УК Таджикской ССР.

[24] См. картотеку № 29 Следственного отдела КГБ СССР о законченных уголовных делах по видам преступлений за 1974—1985 гг.

конодательстве не определены основания, при наличии которых командование вправе отказать органам предварительного расследования в привлечении военнослужащих в качестве обвиняемых. В результате этого лица, действительно совершившие преступления, в ряде случаев не привлекаются в качестве обвиняемых, что не способствует укреплению воинской дисциплины в войсках и отрицательно сказывается на правовом воспитании военнослужащих.

Поэтому в действующем законодательстве следовало бы отменить особый порядок привлечения военнослужащих в качестве обвиняемых, поскольку, во-первых, в настоящее время отсутствуют причины, вызывавшие необходимость его введения в прошлом[25], во-вторых, регулирование вопросов, связанных с привлечением военнослужащих в качестве обвиняемых, в отдельном законе порождает нарушения ленинского требования о неотвратимости уголовного наказания за совершенное преступление, конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом, социальной справедливости. В связи с этим порядок привлечения в качестве обвиняемых военнослужащих, как и остальных граждан, должен быть предусмотрен уголовно-процессуальными кодексами. Вместе с тем было бы целесообразным в УПК союзных республик предусмотреть отдельную норму, обязывающую органы предварительного расследования ставить военное командование в известность о производстве этого процессуального действия.

Следует, однако, оговориться, что предлагаемый порядок привлечения военнослужащих в качестве обвиняемых должен действовать лишь в условиях мирного времени. В военное время привлечение военнослужащих в качестве обвиняемых правомерно решать и по усмотрению командиров, несущих ответственность за выполнение боевой задачи, как это имело место в в 1941—1945 гг.

Рекомендована спецкафедрой № 11
Высших курсов КГБ СССР (г. Киев)

Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
полковник В. И. Зажицкий

---

[25] Следует отметить, что в соответствии с Постановлением Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 14 декабря 1918 г. до введения в действие УПК РСФСР 1922 г. сохранялся особый порядок привлечения в качестве обвиняемых и арестов ответственных служащих и специалистов, что объяснялось условиями гражданской войны в стране. В целях сохранения кадров для народного хозяйства и ограждения их от необоснованных обвинений ЦК ВКП(б) и СНК СССР своими постановлениями «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. и «О порядке согласования арестов» от 1 декабря того же года возобновили порядок согласования с соответствующими учреждениями привлечения в качестве обвиняемых и арестов некоторых категорий специалистов народного хозяйства. Однако ввиду того, что исчезли причины, вызывающие необходимость согласования этих процессуальных действий, особый порядок привлечения в качестве обвиняемых этой категории граждан был отменен.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ И РАБОТА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Кандидат юридических наук, доцент
полковник *А. А. Козлов*

БОРЬБА ОРГАНОВ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ С ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИЕЙ ПРОТИВНИКА, НАПРАВЛЕННОЙ НА СРЫВ ОТМОБИЛИЗОВАНИЯ ВОЙСК В ОСОБЫЙ ПЕРИОД И С НАЧАЛОМ ВОЙНЫ[1]

Значительную роль в подрыве мобилизации Вооруженных Сил СССР накануне и с началом войны противник отводит акциям идеологической диверсии. «Психологические операции составляют важную сторону современной военной и политической силы»,— откровенно говорится в одном из последних уставов армии США[2].

Поэтому бесспорно, что уже сегодня идеологическая диверсия является одним из главных средств снижения боеготовности войск Советской Армии и сил ВМФ[3].

Но в период войсковой мобилизации важно учитывать, что объектом идеологической диверсии является не только и даже не столько личный состав Вооруженных Сил, сколько призываемые из запаса гражданские лица, особенно молодежь, которая еще не имеет устойчивого политического мировоззрения.

С развязыванием военных действий идеологическая диверсия, трансформировавшись в идеологическую войну, станет составной частью войны как общественно-политического явления, направленного на уничтожение классового противника[4]. В такой идеологической войне неизбежно появление качественно

---

[1] Данная статья — последняя, завершающая рассмотрение проблемы борьбы с подрывной деятельностью противника, направленной на срыв отмобилизования войск накануне и с началом войны (см.: Труды ВШ КГБ № 39, с. 349—358; № 40, с. 269—279; № 43, с. 202—213).

[2] Полевой устав армии США FM33-1. Психологические операции. М., изд. ГРУ, 1988, с. 3.

[3] См., например: Маркин Н. П., Шмелев В. Ф. Борьба особых отделов КГБ с идеологической диверсией противника. М., изд. ВШ КГБ, 1987, с. 4.

[4] Единой точки зрения на этот счет в чекистской литературе пока нет.

новых форм, способов и средств ее осуществления, идеологическая диверсия, видимо, займет одно из важнейших мест.

Мы рассмотрим именно борьбу с идеологической диверсией.

Воздействуя на сознание граждан социалистического общества, противник рассчитывает, что результаты идеологической диверсии, если даже они не проявятся сразу, непременно сыграют роль в кризисной ситуации в предшествии войны и в ее начале. В Комитете государственной безопасности СССР имеются данные о стремлении спецслужб и подрывных идеологических центров противника к дальнейшему усилению идеологической диверсии против личного состава Вооруженных Сил СССР, изысканию новых методов и приемов враждебного воздействия на советских военнослужащих, в том числе и в период отмобилизования[5].

Для достижения этих целей они выискивают в нашем обществе враждебно настроенных лиц, принимают меры по их организационному сплочению и толкают их на путь противоправной деятельности. Кроме того, противник надеется привлечь лиц, подпавших под влияние зарубежных подрывных центров, а также иных, испытывающих идейные шатания граждан.

Подобную направленность деятельности противника необходимо иметь в виду особым отделам КГБ при организации борьбы с идеологической диверсией в ходе отмобилизования общевойсковых соединений. Это поможет военным контрразведчикам полнее реализовать принцип наступательности в разоблачении идеологической диверсии в соответствии с установками Коммунистической партии и руководства КГБ СССР[6].

Системе подрывной деятельности противника Советское государство противопоставляет соответствующую систему разносторонних мер противодействия — как общих, так и специальных, осуществляемых органами государственной безопасности[7]. Иными словами система мер военной контрразведки по борьбе с идеологической диверсией является составной частью (подсистемой) общегосударственной системы с аналогичными задачами, решаемыми в одной сфере — Вооруженных Силах СССР[8].

---

[5] См.: Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе. Сборник документов и материалов. М., изд. ВШ КГБ, 1986, вып. 3, с. 228.

[6] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 88; Сборник КГБ, 1988, № 124, с. 24.

[7] См.: Цветков А. И. Борьба советских органов государственной безопасности с идеологической диверсией противника в особый период и во время войны. М., изд. ВШ КГБ, 1983, с. 12.

[8] На систему мер борьбы органов военной контрразведки с идеологической диверсией противника имеется и другой взгляд. (См.: Рыбин Р. Е., Шмелев В. Ф., Сай Ю. В. Участие советской контрразведки в борьбе с подрывной антикоммунистической пропагандой зарубежных центров идеологической диверсии. М., изд. ВШ КГБ, 1987, с. 31—35.) В своей основе эти взгляды не противоречат друг другу, хотя и имеются определенные отличия, вызываемые различным подходом к рассматриваемой проблеме.

Поскольку идеологическая диверсия тесно взаимосвязана с другими формами подрывной деятельности противника, меры борьбы с ней должны вытекать как из общих задач, стоящих перед всеми органами госбезопасности по борьбе со всеми формами подрывной деятельности в особый период и с началом войны, так и из частных задач борьбы с идеологической диверсией, непосредственно связанных с ограждением советских воинов от враждебного идеологического воздействия. Причем меры особых отделов КГБ направляются как на борьбу с подрывной антикоммунистической пропагандой и агитацией, так и на разведывательно-организационную антисоветскую деятельность, проводимую спецслужбами, центрами идеологической диверсии и армейскими средствами «психологической войны». При этом бо́льшую опасность для отмобилизовываемых соединений представит второй вид идеологической диверсии, при осуществлении которого противник будет ориентироваться на отдельные враждебные элементы и идеологически неустойчивых лиц, подталкивая их к совершению антисоветской и иной враждебной деятельности.

Задачи борьбы с идеологической диверсией противника в период отмобилизования определяются целью контрразведывательного обеспечения мобилизации войск — не допустить ее срыва спецслужбами противника на том или ином этапе.

На этапе подъема войск по боевой тревоге противник рассчитывает, что проводившаяся им ранее подрывная антикоммунистическая пропаганда и агитация побудит отдельные враждебные элементы действовать более энергично, а идеологически неустойчивых лиц, напротив, заставит пассивно относиться к выполнению своих обязанностей. Накануне войны коренным образом изменится содержание этого вида идеологической диверсии. Лозунги замаскированного антисоветизма будут заменены открытыми призывами к ликвидации социалистического строя в СССР и прямым подстрекательством к насильственному сопротивлению властям и военному командованию. Основную роль в осуществлении этих замыслов будут играть агентура и технические средства ведения диверсионной работы — радиопропаганда, спутниковое телевидение, видеотехника, средства связи[9].

В особый период в связи с массовой заброской вражеской агентуры в нашу страну, по-видимому, возрастет ее роль в осуществлении противником акций идеологической диверсии против отмобилизовываемых частей и соединений Советской Армии. Об этом свидетельствуют многочисленные факты из опыта

---

[9] См.: Бобков Ф. Д. Актуальные вопросы борьбы с идеологической диверсией противника и задачи взаимодействия органов госбезопасности социалистических стран.— В сб.: Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе, вып. 3, с. 236.

борьбы органов военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны[10]

Исходя из этого, на первом этапе отмобилизования особые отделы обязаны предотвратить проникновение враждебной идеологии в формируемые части путем перекрытия различных радиоканалов, выявления и пресечения деятельности агентов противника и попыток отдельных враждебных элементов по совершению акций идеологической диверсии.

В частности, в числе задач по борьбе с указанной формой подрывной деятельности можно назвать следующие: создание надежных агентурных позиций на каналах проникновения идеологической диверсии, в том числе агентов противника в армейскую среду; своевременное выявление лиц, вынашивающих под воздействием пропаганды изменнические и террористические намерения; выявление конкретных лиц из числа военнослужащих, на которых ориентируются спецслужбы и пропагандистские центры противника и их агентура; принятие своевременных мер по предотвращению становления отдельных неустойчивых в политическом отношении военнослужащих на путь совершения особо опасных государственных преступлений либо совершения ими антисоветских и других антиобщественных действий.

В нормативных документах Комитета государственной безопасности СССР постоянно подчеркивается, что каждый оперативный работник обязан рассматривать борьбу с идеологической диверсией как одну из главных задач[11]. Поэтому практически все агенты органов военной контрразведки в той или иной степени ориентируются на выявление и предупреждение идеологической диверсии противника. Вместе с тем особенность оперативной обстановки данного этапа отмобилизования требует приобретения агентов специально для предотвращения ее опасных последствий.

При этом следует учитывать два принципиально важных обстоятельства: во-первых, необходимо иметь агентуру в оперативной среде, которая требует постоянного изучения, так как эта среда потенциально способна выделять лиц, становящихся на путь враждебной деятельности; во-вторых, надо иметь агентуру в среде, являющейся объектом устремлений противника и в силу этого требующей защиты со стороны органов военной контрразведки.

Идейная сплоченность нашего народа позволяет решить эту задачу, так как бóльшая часть советских военнослужащих

---

[10] См.: Назаров В. В. Идеологические диверсии противника в годы Великой Отечественной войны и борьба с ними органов государственной безопасности.— Труды ВШ КГБ, 1971, № 2, с. 160—172.

[11] См., например: Приказы председателя КГБ СССР № 0038 от 21 апреля 1977 г., № 00250 от 23 декабря 1982 г., № 00225 от 5 декабря 1983 г.

обладают высокой гражданской сознательностью и готовы оказать необходимую помощь органам военной контрразведки.

В работе с агентами и доверенными лицами, ориентированными на выявление фактов проникновения идеологической диверсии в среду военнослужащих на этом этапе отмобилизования, особым отделам необходимо обучить их не только выявлять, но и пресекать попытки враждебной обработки наших военнослужащих со стороны лиц, подпавших под влияние идеологических диверсантов, воспитывать умение самостоятельно принимать решения и осуществлять их в тех случаях, когда невозможно связаться с оперативным работником. Например, Особый отдел КГБ в. ч. 33594 сумел пресечь с помощью агента политически вредную деятельность радиомеханика Лернера, который в период отмобилизования соединения прослушивал по резервному радиоприемнику передачи зарубежных антисоветских радиостанций и затем распространял их содержание среди своих сослуживцев[12].

Важное звено работы с агентами, используемыми в борьбе с акциями идеологической диверсии противника,— развитие и постоянное повышение их политической бдительности, высокой идейной убежденности, патриотизма и социалистического интернационализма.

В процессе выполнения второй задачи — выявления конкретных военнослужащих, на которых могут ориентироваться зарубежные подрывные центры противника и их агентура, особые отделы КГБ должны уделять должное внимание лицам, которые вынашивают намерения изменить Родине или совершить диверсию, вредительство, а также лицам с низкими моральными и политическими качествами, тяготящимся военной службой, имеющим родственные и иные связи с заграницей либо ранее судимым за уголовное преступление. Например, при мобилизационном развертывании 51-й мсд ПрикВО в числе призванных из запаса 11105 военнообязанных были выявлены 21 человек — выходцы из семей националистов, бандпособников и реэмигрантов, 52 человека — выходцы из семей, имеющих родственные и иные связи с заграницей, 17 человек, ранее судимых за уголовные преступления[13]. Многие из указанной категории лиц потенциально могут быть причастны к совершению преступных акций под воздействием идеологической диверсии в рассматриваемый период.

Однако особые отделы не должны упускать из поля зрения и идеологически неустойчивых военнослужащих. «Именно морально опустошенный, политически бесхребетный, падкий на

---

[12] См.: Информационный бюллетень 3-го ГУ КГБ СССР. 1981. № 4(81).

[13] Материалы 3-го ГУ КГБ СССР. Документ № М/3/00182 от 23 февраля 1981 г.

всякого рода сенсации и слухи человек в первую очередь становится жертвой идеологической диверсии»[14].

Конкретными причинами морального падения отдельных военнослужащих являются активная деятельность разведок империалистических государств, руководимых ими зарубежных антисоветских центров и их агентуры, неправильное реагирование военного командования на заявления и жалобы, негативные личностные качества (необъективное осмысливание реальной действительности и событий, аполитичность, социальная инфантильность, стяжательские, карьеристские побуждения, неудовлетворенные честолюбивые притязания).

Как показывает опыт, в предотвращении влияния пропаганды противника велико значение повседневной работы оперативного состава особых отделов по повышению политической бдительности военнослужащих отмобилизованных частей[15]. Военные контрразведчики должны разъяснять советским воинам методы и ухищрения идеологической диверсии противника, пропагандировать факты высокой бдительности, проявленной офицерами, сержантами и солдатами при предотвращении акций пропагандистских центров и их агентуры, давать должную оценку случаям притупления бдительности в войсках. Это особенно актуально для подразделений, которые комплектуются из военнообязанных запаса.

На этапе выхода войск и военнообязанных запаса и автотракторной техники в район отмобилизования пропагандистские центры, агентура противника будут делать ставку на склонение военнообязанных к членовредительству, отказу от прибытия на пункты сбора военных комиссаров, дезертирству из части во время марша. Противник строит свой расчет на том, что, воздействуя таким образом на сознание людей,он сможет добиться срыва или затруднения проведения мероприятий по мобилизационному развертыванию воинских частей.

Основным средством достижения подобной цели, как и на первом этапе, продолжают оставаться технические средства ведения диверсионной работы, а также агентура и ДРФ противника, распространяющие антисоветские листовки, сеющие панику среди гражданского населения и окружения воинских частей.

Не случайно в полевом уставе армии США подчеркивается, что одной из задач подразделений специального назначения является оказание психологического воздействия на население, создание условий для возникновения паники, неуверенности, страха и активизации деятельности враждебных элементов[16].

---

[14] Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., Политиздат, 1983, с. 164.

[15] См.: Указание КГБ СССР № 77«с» от 9 ноября 1981 г.

[16] См.: Полевой устав армии США. Ведение боевых действий. FM 100-5, 1982. М., изд. ГРУ, 1983, с. 138.

В КГБ СССР имеются также данные о подготовке ряда зарубежных антисоветских организаций к ведению подрывной деятельности в условиях развязывания войны. В специальных лагерях проходят обучение агенты-нелегалы и боевики для заброски на территорию СССР[17]. Вполне возможно их использование на этом и последующих этапах отмобилизования войск.

В сложной обстановке второго этапа отмобилизования особые отделы КГБ помимо перекрытия каналов воздействия враждебной пропаганды в войсках должны развернуть активную борьбу по выявлению и пресечению разведывательно-организационной антисоветской деятельности противника. В качестве ее исполнителей выступают кадровые сотрудники и агенты спецслужб, эмиссары центров идеологической диверсии, военнослужащие подразделений ДРФ.

Как показывает анализ зарубежных источников, основным способом достижения целей этого вида идеологической диверсии с помощью агентов и ДРФ противник считает антисоветскую агитацию и пропаганду, построенную на лжи и клевете. Причем в особый период, в отличие от мирного времени, антисоветская агитация и пропаганда в большей степени приобретает характер подстрекательства агентами, отдельными враждебными элементами из числа военнообязанных к совершению воинами особо опасных государственных и иных преступлений. Этот вывод подтверждают события, имевшие место в период ввода ограниченного контингента советских войск для оказания интернациональной помощи ДРА в 1980 году. Учитывая, что более половины военнообязанных было призвано из запаса в формируемые части из республик Средней Азии, спецслужбы противника развернули разнузданную антисоветскую и антирусскую кампанию, в том числе и с привлечением агентов — жителей Афганистана. Нельзя сказать, что противник не добился никаких результатов. Отдельные политически незрелые военнослужащие поддались на провокацию противника. К примеру, особым отделом одного из соединений было получено 85 сигналов о политически вредных проявлениях и 13 — об изменнических и дезертирских высказываниях[18].

Практика показывает, что подрывную антисоветскую пропаганду и агитацию противник ведет прежде всего в расчете на такие категории враждебных элементов, как лица, отбывшие наказание за уголовные преступления, высказывающие националистические, религиозно-сектантские и иные нездоровые взгляды; духовно опустошенные, аполитичные, преклоняющиеся перед «западным образом жизни»; ранее поддерживавшие свя-

---

[17] См.: Бобков Ф. Д. Некоторые вопросы борьбы органов госбезопасности с идеологической диверсией противника в современный период.— В сб.: Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе, вып. 3, с. 272.

[18] Материалы 3-го ГУ КГБ СССР, документ № 0543 от 12 марта 1980 г.

зи с иностранцами из капиталистических стран; недовольные служебным положением; склонные к стяжательству и наживе, честолюбивые и завистливые.

При этом следует иметь в виду, что особое внимание противник будет уделять лицам, вынашивающим или вынашивавшим ранее намерения изменить Родине, а также лицам, стремящимся создать антисоветские группы, дезертировать из части, похитить оружие или совершить иные преступления[19]; противник будет использовать для этого личные встречи с ними агентов-связников, эмиссаров, тайниковые операции, внутрисоюзную почтовую переписку. Поэтому одним из эффективных путей выявления особыми отделами антисоветской деятельности является контроль за всеми возможными каналами и способами связи центров идеологической диверсии, их эмиссаров и агентов с враждебными элементами.

Все это в полной мере относится к борьбе особых отделов с акциями идеологической диверсии противника в период отмобилизования общевойсковых соединений. На втором этапе отмобилизования очень важно выявить возможные попытки связи агентов, эмиссаров противника с отдельными враждебными элементами в войсках. В этих целях используются перлюстрация корреспонденции, изучение внеслужебных контактов военнослужащих с гражданскими лицами в период выдвижения в район отмобилизования, определение мест возможных тайниковых операций в окружении района отмобилизования и организация наблюдения за ними. Необходимо также заранее установить контакты с подразделениями территориальных органов КГБ, откуда будут поставляться мобресурсы, для получения от них информации о представляющем оперативный интерес контингенте и принятия соответствующих мер по локализации и нейтрализации оказываемого противником влияния на указанную категорию военнослужащих, для выявления и пресечения антисоветских и других враждебных проявлений со стороны отдельных из них, предупреждения перерастания этих проявлений в особо опасные государственные преступления.

Существенную помощь могут оказать также местные органы МВД СССР, располагающие большими учетными возможностями.

На этапе приема мобилизационных ресурсов противник предпримет попытку дискредитировать цели мобилизационного развертывания перед призываемыми в части военнообязанными, подорвать у них и личного состава войсковых частей и соединений веру в правильность политических и военных мероприятий, проводимых партией и правительством по подготовке к отражению агрессии. Для достижения поставленных целей

[19] См.: Контрразведывательная деятельность особых отделов КГБ СССР. Учебник. М., изд. ВШ КГБ, 1978, с. 117.

противник намерен использовать радио, спутниковое телевидение, видеотехнику, антисоветские издания, анонимные антисоветские документы. При этом особый упор противник делает на изготовление и применение листовок, подчеркивая такие их преимущества, как оперативность при использовании материалов, короткие сроки изготовления, возможность быстрого размножения большим тиражом. Как показывает опыт агрессии США во Вьетнаме, военного конфликта Англии с Аргентиной, других локальных войн, листовки широко применяются для подрыва морального состояния войск и населения противоборствующей страны. Например, во время англо-аргентинского конфликта перед высадкой десанта на остров Южная Георгия специальные подразделения английских войск вели психологическую обработку личного состава аргентинского гарнизона, используя радиоустановки и листовки, чтобы склонить его к капитуляции[20].

Основными мерами борьбы особых отделов КГБ с акциями идеологической диверсии на этом этапе отмобилизования, как показывает опыт, следует считать: выявление негативных процессов в оперативной среде, на которую ориентируются вражеские спецслужбы, и предупреждение преступных действий со стороны отдельных лиц; оперативное расследование фактов проявления идеологической диверсии в формируемых частях, подразделениях и окружении района отмобилизования на основе тесного взаимодействия с военным командованием, политорганами, территориальными органами КГБ и МВД.

При этом следует учитывать следующую особенность борьбы особых отделов с акциями идеологической диверсии. В особый период и в первые дни войны в Вооруженные Силы прибудут по мобилизации в основном лица молодого возраста. Учитывая это обстоятельство, противник направляет острие идеологической диверсии против советской молодежи. Спецслужбы стремятся создать у молодежи настроения аполитичности и пессимизма, толкнуть ее на путь демагогии и критиканства, привить потребительское отношение к жизни, предпринимают попытки насаждения в молодежной среде культа насилия и жестокости, экстремизма, наркомании и порнографии[21].

Данные оперативной практики органов КГБ показывают, что уже сейчас западное радио имеет в лице молодежи сравнительно большую и регулярную аудиторию. Поэтому в своей ра-

---

[20] См.: Александров А., Гречин С. Фолкленды: рецидив британского колониализма.— Зарубежное военное обозрение, 1982, № 10, с. 11; Уайский Н. Психологические операции в планах Пентагона.— Зарубежное военное обозрение, 1984, № 10, с. 22—23.

[21] См.: Абрамов И. П. Актуальные вопросы борьбы органов КГБ с идеологической диверсией в свете решений XXVII съезда КПСС и установок Всесоюзного совещания руководящего состава органов и войск КГБ СССР и пути повышения эффективности преподавания СД-5 в учебных заведениях КГБ СССР.— Труды ВШ КГБ, 1987, № 39, с. 111.

боте по контрразведывательному обеспечению отмобилизования особые отделы КГБ обязаны помнить, что противнику иногда удается найти отдельных лиц, чьи взгляды и поступки противоречат нашим законам. «Подобные взгляды и поступки могут порождаться различными причинами. Здесь может сказаться недостаточная идейная закалка и политические заблуждения, религиозный фанатизм и националистические пережитки, житейские трудности и моральное разложение, а то и просто нежелание трудиться»[22].

Как показывает практика, к проявлениям последствий идеологической диверсии, по которым особые отделы КГБ ведут оперативное расследование, следует отнести: распространение антисоветских листовок, совершение антисоветских надписей, изготовление антисоветских документов, содержащих угрозы террористического характера или призывы к совершению особо опасных и воинских преступлений.

Что касается первичных розыскных мероприятий, то их необходимо проводить в кратчайшие сроки в соответствии с общими правилами[23]. Следует только помнить, что в обстановке острого дефицита времени оперативный розыск может быть успешным при условии умелого использования всех оперативных сил и средств, имеющихся в распоряжении особого отдела КГБ отмобилизовываемого соединения.

На этапе боевого слаживания подразделений основной упор в борьбе с идеологической диверсией противника особым отделам КГБ следует делать на проведение профилактики и участие в мероприятиях командования по повышению политической бдительности сформированных подразделений, частей и соединений. К этому времени все подразделения и части получат полагающееся им по штату военного времени количество личного состава и автотракторной техники и приступят к слаживанию воинских коллективов, повышению уровня их боевой и политической подготовки согласно плану. Создание воинских коллективов, то есть цельных боевых единиц из разношерстного по составу контингента военнообязанных, является ответственным этапом процесса отмобилизования. Здесь помощь особых отделов в повышении боеготовности и боеспособности частей и соединений должна в полной мере отвечать требованиям совещания руководящего состава и секретарей партийных организаций Третьего главного управления КГБ СССР 28 июля 1987 г. Там подчеркивалось, что руководители несут ответственность за своевременное оказание содействия военному командованию в повышении боеготовности Вооруженных Сил[24].

---

[22] Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи, с. 166.

[23] См., например: Борьба советской контрразведки с идеологической диверсией противника. М., изд. ВШ КГБ, 1980.

[24] См.: Сборник КГБ, 1987, № 120, с. 38.

Особая роль в решении этой задачи принадлежит профилактике.

Как показывает опыт, наиболее характерными общепредупредительными мерами по борьбе с идеологической диверсией, которые органы военной контрразведки проводят самостоятельно или во взаимодействии с командованием и политорганами на этом этапе отмобилизования, следует считать: содействие военному командованию и партийно-политическим органам в проведении идеологической и политико-воспитательной работы среди личного состава вновь формируемых частей и соединений; контроль за использованием штатных радиостанций; постоянное и активное разоблачение в беседах, проводимых с военнослужащими, агрессивной сущности империализма, его враждебной пропаганды с использованием материалов, раскрывающих деятельность разведывательных и пропагандистских органов противника по осуществлению акций идеологической диверсии, а также конкретных фактов притупления политической бдительности среди военнослужащих данной части (подразделения) и показа на примерах прошлого боевого опыта отрицательных последствий паникерства и трусости, распространения ложных слухов. Цель подобных мер — повышение политической бдительности личного состава в отношении всякого рода слухов, сеющих тревогу и неуверенность в этой сложной обстановке; острое реагирование на якобы «безобидные» высказывания относительно нашей победы, на критику недостатков нашего оружия, техники, на пропаганду военных преимуществ противника; выработка стойкого идеологического иммунитета.

Основные формы и методы профилактической работы, применяемые в мирное время, целесообразно использовать и в период отмобилизования. Однако сложность и динамичность оперативной обстановки в частях и соединениях накануне и с началом войны вызовут изменение в осуществлении профилактики. Опыт работы военной контрразведки в период Великой Отечественной войны, оказания интернациональной помощи в Афганистане показывает, что в профилактической работе акцент переносится на негласные формы. То же относится и к периоду отмобилизования войск.

В заключение следует отметить следующее.

В настоящих четырех статьях изложен один из возможных подходов решения по-новому важной задачи органов военной контрразведки в особый период и с началом войны.

В каждом военном округе, где особые отделы КГБ будут осуществлять контрразведывательное обеспечение отмобилизования войск, возможны отличия от предложенного варианта, вызываемые особенностями конкретной оперативной обстановки. Естественно, что предусмотреть все детали и выдать рецепт, который годился бы на все случаи жизни, невозможно.

Именно поэтому важно, чтобы контрразведывательная работа в период отмобилизования обязательно строилась с учетом признания непреложности следующих принципов:

этапность войсковой мобилизации — оповещение и подъем по боевой тревоге; вывод войск, техники и военнообязанных в район отмобилизования; комплектование частей, подразделений личным составом и техникой; боевое слаживание подразделений;

выделение из подрывной деятельности противника наиболее опасных форм для отмобилизования войск — агентурная разведка; диверсионная и террористическая деятельность агентов и ДРФ; идеологическая диверсия;

конкретизация цели и задач особых отделов: цель — не допустить срыва отмобилизования войск спецслужбами противника; задачи — борьба с каждой из выделенных подрывных форм противника;

необходимость использования в этот сложный период для решения контрразведывательных задач **системного подхода,** предусматривающего применение мер борьбы с наиболее опасными формами подрывной деятельности противника в соответствии с этапами войсковой мобилизации.

Такой подход, по мнению автора, дает возможность применять его в интересах контрразведывательного обеспечения отмобилизований соединений и частей не только Сухопутных войск, но и других видов Вооруженных Сил, проводимых как в мирное время, так и накануне или с началом войны.

Рекомендована кафедрами ОТП и СК-«М»
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
полковник П. Е. Петренко

Кандидат юридических наук, доцент
капитан 1 ранга *В. П. Галицкий*

ВОЗМОЖНОЕ УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКЕ ПРОТИВНИКА В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

В системе подрыва боевой мощи Советских Вооруженных Сил как в мирное время, так и в военное время особое место противник отводит технической разведке. По мнению противника, в военное время техническая разведка является одним из важных средств добывания информации о противостоящих группировках стран Варшавского Договора не только на отдельных участках фронтов, но и на театрах военных действий (ТВД) в целом. Большая насыщенность войск радиоэлектронными средствами, наличие крупногабаритной военной техники, необходимость ее частого перемещения и боевого использования, а также массированное применение противником разнообразных и высокоэффективных средств технической разведки значительно затрудняют в военное время осуществление маскировочных и дезинформационных мероприятий советского командования. Эти и другие обстоятельства обусловливают актуальность борьбы с технической разведкой противника в условиях современной войны.

Вопросам борьбы с технической разведкой противника в органах КГБ СССР уделяется значительное внимание. Данной проблеме посвящен ряд серьезных научных исследований и научно-практических разработок[1]. Анализ показывает, что в них рассматриваются в основном вопросы участия органов КГБ СССР в противодействии иностранным техническим разведкам в мирное время. Вместе с тем деятельности в данном направлении в военное время органов КГБ СССР, в том числе и органов военной контрразведки, должного внимания не уделяется.

Автор попытался рассмотреть некоторые стороны этой проблемы применительно к объектам ВМФ СССР. Исследование проведено с использованием оперативных материалов и опыта работы особых отделов КГБ СССР по Северному, Балтийскому и Черноморскому флотам в период войсковых учений, боевой службы и испытаний нового оружия в 1969—1985 гг. Прогноз на военное время делался с учетом вероятной рабочей модели технической разведки противника на военное время, а также его

---

[1] См.: Степанов Ю. Н. Роль и место контрразведывательных аппаратов органов КГБ в противодействии технической разведке противника. Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1978; Контрразведывательная деятельность особых отделов КГБ СССР. Учебник. М., изд. ВШ КГБ, 1978, с. 73—84; Комлев А. А., Сологуб К. Ф. Техническая разведка империалистических государств (раздел учебника по СД-6). М., изд. ВШ КГБ, 1980, и др.

отношения к применению средств технической разведки на основных ТВД[2].

Анализ вероятной оперативной обстановки на Южно-Европейском театре военных действий (ЮЕ ТВД) и на Северо-Европейском театре военных действий (СЕ ТВД)[3] показывает, что командование объединенных вооруженных сил НАТО, национальные командования США, Великобритании, ФРГ, Дании, Турции, Италии и других стран этого военного блока считают техническую разведку одним из основных источников получения информации о флотах стран Варшавского Договора как в мирное, так и в военное время. При этом перед технической разведкой ставятся следующие основные задачи по вскрытию и выявлению: вооружения, военной техники, военных и военно-промышленных объектов; боевого состава сил флотов; направленности их оперативно-тактической и боевой подготовки; тактических приемов использования сил и оружия, их систем управления; радиоэлектронного вооружения и его тактико-технических характеристик; режимов применения РЭС при различных видах боевой и повседневной деятельности и т. п.

В этих целях на Балтийском, Северном, Черном и Средиземном морях функционирует постоянно действующая система космической, воздушной и наземной технической разведок противника. Деятельность технической разведки противника уже в настоящее время является активной, планомерной и ведется на всю глубину военно-морских сил стран Варшавского Договора. При этом в военное время количество сил и средств технической разведки значительно увеличится за счет перевода их на штаты военного времени (мобилизационное развертывание существующих и новых сил и средств согласно штатам военного времени)[4].

---

[2] В ходе исследования были использованы следующие основные источники: Контрольно-наблюдательные дела особых отделов КГБ СССР по Северному, Балтийскому и Черноморскому флотам, хранящиеся в оперативных архивах 10-х отделов УКГБ СССР по Омской, Ульяновской и Крымской областям (соответственно фонды 40, 14, 21); Перспективы развития вооруженных сил стран НАТО на Северо-Европейском ТВД в начальный период войны. М., изд. ГШ ВС СССР, вып. № 921, 1983; Концепция ПДИТР. Ленинград, изд. в. ч. 30895, 1983; Оценка вооруженных сил противника в зоне ответственности Балтийского флота. Калининград, изд. ИЦ БФ, 1983; Частная модель иностранной технической разведки в операционной зоне Балтийского флота. Калининград, изд. в. ч. 81212, 1982; Рабочая модель иностранной технической разведки. М., изд. Гостехкомиссии СССР, 1980; Военный потенциал США. М., изд. ГШ ВС СССР, 1987, вып. № 1358; Концепция противодействия иностранным техническим разведкам. М., Воениздат, 1984, книги № 1—11; Материалы 3-го Главного управления КГБ СССР, литерное дело № 1918, и др.

[3] На СЕ ТВД находятся операционные зоны Балтийского и Северного флотов, а на ЮЕ — Черноморского флота.

[4] См.: Рабочая модель иностранной технической разведки. М., изд. Гостехкомиссии СССР, 1980, с. 20, и др.

Как показывает изучение имевшихся в распоряжении автора документальных источников, на рассматриваемых ТВД противник располагает следующими возможностями технической разведки[5].

Космическая разведка — основной вид технической разведки противника как в мирное, так и в военное время; она обеспечивает оперативное добывание данных по военно-морским силам стран Варшавского Договора. В настоящее время космическая разведка НАТО представлена силами и средствами военно-воздушных сил США, в состав которой входят ИСЗ комплексной разведки (фото- и радиотехнической разведки типа «Ласп»; фотографической разведки типа «Сэмос»; оптико-электронной (телевизионной) разведки типа «Кихоул»; радиотехнической разведки типа «Феррет», «Носс»; радио- и радиотехнической разведки по программе 711). Разрешающие возможности средств космической разведки: фотографической — 2,5—3 м (при обзорном фотографировании) и 0,3—0,6 м (при детальном), ширина полосы (участка) фотографирования при обзорном — 180 км, при детальном — 12—20. Точность определения местоположения объекта разведки — около 100 м; точность определения местоположения объектов оптико-электронной (телевизионной) разведки (ширина полосы обзора — 1250—2100 км) при детальной разведке — 8,0—38 м, при обзорной — 30—100 м; радиотехническая разведка позволяет определить местоположение источника излучения РЭС с точностью 10—20 км (при диапазоне излучения 50—18 000 МГц) и 20—40 км (при диапазоне излучения 50—4000 МГц), радио- и радиотехническая разведка (программа 711) — точность определения местоположения источника излучения РЭС в диапазоне 50—40 МГц — 20—40 км.

Воздушная разведка занимает одно из ведущих мест в общей системе технической разведки стран блока НАТО как в мирное, так и в военное время. Основу ее составляют специально оборудованные стратегические, тактические и базовые разведывательные самолеты. К ведению разведки в операционной зоне флотов стран Варшавского Договора на рассматриваемых ТВД привлекаются: 1) от США: стратегические самолеты типа «SR-71», «V-2», «RC-135», «E-3A» системы АВАКС; тактические типа «RF-4C, E»; базовые — типа «Орион» «EP-3E»; 2) от Великобритании: стратегические самолеты типа «Вулкан» «SR-2»; тактические — типа «Канберра» «PR-7, 9»; базовые — типа «Нимрод» «MR-1»; 3) от ФРГ: базовые самолеты типа «Атлантик» и т. п. Эти и другие силы и средства воздушной разведки противника способны осуществлять радио- и радиотехническую, фотографическую, радиолокационную, инфракрасную, телевизионную, лазерную, гидроакустическую, магнито-

[5] Здесь и далее в тексте точностные характеристики средств технической разведки противника приводятся на основании данных, содержащихся в источниках, перечисленных в сноске 2 (с. 236).

метрическую и химическую[6] разведки с высокой точностью определения размеров и местоположения разведываемых объектов. Качество ведения разведки зависит от метеорологических условий и высоты полета самолета.

Морская разведка. Ее основу составляют надводные корабли технической разведки типа «Генерал Х. Х. Арнольд» (США), «Альтер», «Окер», «Осте» (ФРГ), «Маряата» (Норвегия) и подводные лодки. Они являются специальными кораблями и постоянно несут разведку у прибрежной полосы стран социалистического содружества и в районах выполнения боевых задач силами флота. В интересах морской разведки могут применяться боевые корабли и гражданские суда (торговые, рыболовные и т. п.), снабженные разведывательной аппаратурой.

Наземная разведка ведется силами и средствами береговой радиоэлектронной разведки. Страны блока НАТО располагают широко разветвленной сетью центров, групп и подразделений радио- и радиотехнической разведок. Например, в операционной зоне Балтийского флота разведку ведут не менее 760 боевых постов, в том числе от военно-морских сил США две группы и отряд службы безопасности военно-морских сил, которые дислоцируются в районе Эдзелл (Великобритания), Бремерхафен и Тодендорф (ФРГ). Каждая группа в военное время может развернуть до 90 боевых постов, а отряд — дополнительно до 30 боевых постов. В интересах военно-морских сил США и НАТО стратегическую радиоразведку ведут два крупных подразделения в Аугсбурге (ФРГ) и в Чиксендзе (Великобритания), которые, видимо, осуществляют перехват передач СБД. Развитая система береговой радиопеленгаторной сети позволяет определить местонахождение целей во всей операционной зоне рассматриваемых флотов не хуже 25 миль.

Рассмотрение общей характеристики системы технической разведки противника позволяет отметить, что командование НАТО создало в операционной зоне Черноморского, Балтийского и Северного флотов высокоэффективную постоянно действующую систему технической разведки, которая в военное время будет значительно расширена и качественно улучшена за счет мобилизационного развертывания по штатам военного времени.

При этом следует отметить, что в мирное время на долю военной разведки США приходится около 88 процентов всего личного состава, используемого в США непосредственно для ведения разведки[7]. В целях более быстрого мобилизационного развертывания необходимых сил и средств разведки в военное вре-

---

[6] В данном случае имеются в виду средства разведки, предназначенные для обнаружения по газовому следу подводных лодок, идущих под шнорхелем (РДП).

[7] См.: Военный потенциал США. М., изд. ГШ ВС СССР, 1987, вып. № 1358, с. 137.

мя в вооруженных силах США в 1980 г. создано командование разведки и безопасности сухопутных войск США в Европе, осуществляющее руководство организацией и ведением радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и разведки; в корпусном звене — группы разведки и РЭБ трехбатальонного состава, решающие задачи сбора разведывательной информации техническими средствами; в дивизионном звене — батальоны разведки и РЭБ[8].

Это требует от военного командования и оперативного состава органов военной контрразведки организации активного противодействия деятельности противника по использованию технических средств разведки на ТВД.

В борьбе с технической разведкой противника основная роль принадлежит военному командованию, а органы военной контрразведки в силу специфики решаемых задач и организационно-штатной структуры оказывают военному командованию активную помощь в целях повышения действенности проводимых мероприятий. Для оказания противодействия технической разведке противника как в мирное, так и в военное время проводятся специальные практические мероприятия, которые можно разделить на организационные и технические. Они, разумеется, проводятся по единому плану и комплексно, в сочетании с дезинформационными действиями и мероприятиями.

К организационным мероприятиям относятся:

комплексная дезинформация противника о силах флота;

активное использование возможностей сил и средств;

проведение работ (проворачивание РЭС и РТС, погрузка ракетного, торпедного и другого оружия, выдвижение в исходные районы и т. п.) в такое время, когда космическая, воздушная, фоторазведка невозможна или значительно затруднена (темное время суток, сплошная облачность, ненастная погода — дождь, туман, снегопад и т. п.), либо в промежутки между пролетами спутников;

скрытый вывод кораблей из ремонтных заводов, защищенных мест стоянок и постановка на их место аналогичных по проекту и классу кораблей (действующих или макетов) в минимально короткий период времени при метеорологических условиях, исключающих ведение космической разведки;

поддержание в местах стоянок, ремонта кораблей и другой боевой техники одного и того же их количества (действующих или макетов);

создание ложной радиообстановки; систематическое оповещение о пролетах ИСЗ-разведчиков и появлении других разведывательных средств в районах дислокации, в исходных районах, на переходах к местам боевых действий, при смене мест дислокации;

---

[8] См.: Военный потенциал США. М., изд. ГШ ВС СССР, 1987, вып. № 1358, с. 139.

использование нештатных режимов движения в целях искажения гидроакустического поля; резервирование частот, кодов и режимов работы РЭС для особого периода (военное время, боевые действия);

запрещение использования на переходах в районы выполнения боевых задач максимальных скоростей хода и т. п.

Технические мероприятия включают в себя конструкторские мероприятия, а также создание и использование специальных средств:

1. Конструкторские мероприятия: создание конструкции кораблей и специальных средств, защищающих корабли и боевую технику от технической разведки противника (защитные покрытия, радиопоглощающие покрытия, устройства по размагничиванию кораблей и т. п.); повышение боевой эффективности, живучести и устойчивости от воздействия оружия и технических средств разведки противника (снижение гидролокационной заметности за счет применения облицовки корпуса специальными покрытиями; уменьшение подводного шума, передаваемого через корпус в водную среду, за счет применения средств амортизации; уменьшение величины магнитного поля за счет штатного размагничивающего устройства; внедрение встроенной аппаратуры контроля, сокращающей время проверки и обеспечивающей проверку, например, корабельных РЭС в базе и в походе; унификация конструкций внешних элементов корабельных надстроек и т. п.

2. Создание и использование специальных средств: транспортно-спусковые доки; доки для транспортировки кораблей по внутренним водным путям; укрытия для хранения готовых секций, блоков строящихся, модернизирующихся кораблей; унифицированные укрытия типа «Горизонтальная маска», «Ангар», «Навес» и др.; унифицированные конструкции типа «Пенал» и «Контейнер» для транспортировки и хранения ракетного и торпедного оружия, РЭС и другого оборудования; имитаторы кораблей и буксируемые устройства, создающие помехи в заданном диапазоне частот; устройства защиты технических средств передачи, обработки и хранения информации и т. п.

Своевременное применение вышеперечисленных и других эффективных мер противодействия технической разведке противника позволит существенно затруднить действия противника по сбору информации о силах флота. В военное время командование Советского Военно-Морского Флота предусматривает следующие основные мероприятия по затруднению или исключению эффективного использования противником средств технической разведки для сбора информации о деятельности сил ВМФ СССР: вывод из строя таких систем технической разведки, как «СОСУС» и другие, уже в особый период и в ходе войны; дезинформация технической разведки противника с помощью специальных станций помех; прикрытие сил флота как на переходе

морем, так и при нахождении в базах истребительной авиацией, специальными самолетами-постановщиками помех; применение специальных средств противодействия видовым средствам космической разведки (радиотехнической, фотографической, оптико-электронной и радиолокационной) и т. п.

В целях защиты сил ВМФ СССР от технической разведки противника на период проведения операции составляется план, составными частями которого являются планы по разведке, по радиоэлектронной борьбе, по оперативной маскировке и т. п. Поэтому при планировании контрразведывательного обеспечения операций сил флота целесообразно не только учесть мероприятия плана операции, составляемого командованием, но и обеспечить как защиту данного плана от агентурной разведки противника, так и надлежащий гласный и негласный контроль за его выполнением.

Следует также своевременно организовать эффективное взаимодействие с органами военной контрразведки, оперативно обслуживающими части РЭБ войск ПВО и истребительную авиацию, прикрывающие пункты постоянного и маневренного базирования сил флота.

Имеющийся в штатах каждого из флотов ВМФ СССР полк РЭБ в ходе наступательных операций постоянно передвигается вдоль побережья вместе с войсками действующей армии на приморском направлении. Практически этот полк будет действовать в отрыве от основных сил флота. Поэтому целесообразно еще в мирное время продумать вопросы его контрразведывательного обслуживания в военное время, а также вопросы руководства оперативными работниками особого отдела флота, выделенными в этот полк.

В ходе исследования выявились и другие проблемные вопросы, требующие заблаговременного разрешения. Дело в том, что флотилия разнородных сил, выполняющая самостоятельные боевые задачи или участвующая в операции на ТВД, пока не имеет специальных сил РЭБ с противником. В силу этого она оказывает противодействие техническим разведкам противника своими собственными (штатными), корабельными средствами. Учитывая это, на особый отдел флотилии разнородных сил возлагается задача по значительной активизации оказания помощи командованию в соблюдении требований СУВ, режима оперативной маскировки, режима использования корабельных РЭС и РТС, правильной расстановки негласного аппарата, отработки ему конкретных задач.

Результаты исследования позволяют высказать мнение, что органы военной контрразведки, участвуя в мероприятиях по противодействию техническим разведкам противника, активно опираются на перечисленные выше и другие организационные и технические мероприятия военного командования, направленные на защиту важных объектов и боевой техники, а также

планов предстоящих операций от технической разведки противника. Это обусловлено тем, что органы военной контрразведки не располагают необходимыми силами и средствами для непосредственного и эффективного использования их в борьбе с технической разведкой противника. Таким образом, главной целью деятельности органов военной контрразведки в ходе борьбы военного командования с технической разведкой противника как в мирное, так и в военное время является активная и действенная помощь военному командованию по исключению или существенному затруднению добывания противником с помощью технических и других средств разведки охраняемых сведений о планах и замыслах командования, силах и средствах флота, тактико-технических характеристиках боевой техники и вооружения.

Для достижения этой главной цели органы военной контрразведки активно используют все имеющиеся в их распоряжении агентурно-оперативные и оперативно-технические средства. При этом особое внимание уделяется выявлению лиц из окружения, способных использовать автоматические устройства технической разведки (АУТР), а также лиц, умышленно создающих предпосылки к утечке информации о боевой деятельности сил флота, тактико-технических характеристиках боевых средств по техническим каналам.

Следует отметить, что особые отделы КГБ СССР достаточно эффективно оказывают помощь командованию флотов в своевременном выявлении и устранении имеющихся недостатков в противодействии иностранным техническим разведкам. Так, например, в 1984—1985 годах в адрес командования флотов было направлено более 130 письменных информаций[9], содержащих конструктивные предложения по вопросам повышения эффективности и качества противодействия иностранным техническим разведкам.

Количественно-качественный анализ основных недостатков, выявленных особыми отделами КГБ СССР по флотам в области ПД ИТР, показывает, что они сводятся в основном к следующему: нарушение маскировки строительства и оборудования важных объектов флотов, в том числе и предназначенных на военное время (основные и запасные командные пункты, склады и базы ракетного и торпедного оружия и т. п.); несоответствие материального обеспечения маскировки объектов их легенде; пренебрежение со стороны отдельных командиров нормами и требованиями ПД ИТР при проведении мероприятий учебно-боевой подготовки с практическим использованием ракет, торпед, техники в пределах прямой видимости боевых и разведывательных кораблей противника; недостаточное количество за-

[9] Материалы 3-го Главного управления КГБ СССР. Литерное дело № 1918, с. 5, 39, 70 и др.

крытых телефонных аппаратов и линий ЗАС типа «Эльбрус»; формальная работа штабов по использованию пунктов контроля, оборудованных аппаратурой типа «Камертон»; нарушения правил скрытного плавания подводных лодок; ведение на УКВ открытых переговоров с кораблями, самолетами и береговыми постами, что позволяет противнику своевременно обнаруживать подводные лодки и проводить их детальную техническую разведку; проведение закрытых совещаний секретного характера в не приспособленных для этого помещениях, без проведения предварительной их проверки, и др.

Эти и другие недостатки носят устойчивый характер на протяжении последних 15—20 лет; не исключено, что они могут иметь место также в особый период и в военное время.

Необходимо отметить, что анализ деятельности особых отделов КГБ СССР по флотам в сфере участия их в противодействии иностранным техническими разведкам в период 1980—1986 годов позволил выявить ряд общих недостатков. Еще не все оперативные и руководящие работники особых отделов правильно понимают свою роль и место в организации ПД ИТР на обслуживаемых объектах и в их окружении; недостаточно высока компетентность отдельных оперативных работников в вопросах реальных возможностей иностранных технических разведок, ПД ИТР, уязвимости технических и других параметров охраняемых объектов от иностранных технических разведок с учетом конкретных условий местности как в настоящее время, так и в особый период и в военное время; недостаточно высока эффективность использования агентуры из числа компетентных специалистов в вопросах ПД ИТР; слабо используются агентура и иные возможности для добывания сведений о технических разведках во время загранкомандировок, загранпоходов, заходов в инопорты и т. д.; недостаточно полно сочетание ПД ИТР с мерами борьбы в области других видов разведывательной деятельности противника (например, легальная и агентурная разведки); недостаточно внимания уделяется обеспечению собственной безопасности особых отделов от иностранных технических разведок как в местах постоянной дислокации, так и в полевых условиях (особенно во время войсковых учений), и др.

Исходя из известного положения, что в условиях военного времени разведывательно-подрывная деятельность противника значительно активизируется и при этом возрастет опасность его технической разведки, участие органов военной контрразведки в борьбе с технической разведкой противника в военное время должно носить более решительный и наступательный характер, чем в мирное время; следует рассматривать его как важную составную часть всей системы контрразведывательной деятельности по обеспечению государственной безопасности Вооруженных Сил СССР и повышению их боеготовности и боеспособности.

Деятельность органов военной контрразведки в процессе борь-

бы с технической разведкой противника целесообразно осуществлять в тесном единстве ее гласных и негласных форм.

Результаты проведенного исследования показывают, что основное содержание гласных (официальных) форм деятельности органов военной контрразведки составляют:

осуществление официального контроля за соблюдением командованием частей и соединений требований скрытного управления войсками, силами в военное время, за соблюдением нормативных актов Советского государства, министра обороны СССР и Главнокомандующего ВМФ СССР, определяющих порядок использования РЭС и РТС в военное время и порядок проведения маскировочных и иных мероприятий по обеспечению скрытности передвижения войск и сил, а также порядок использования технических и других каналов связи для передачи боевой и служебной информации, использования помещений для размещения штабов, защищенных командных пунктов, пунктов управления;

оказание помощи военному командованию в поиске автоматических устройств технической разведки противника в местах дислокации наиболее важных военных объектов;

участие в разработке нормативных актов, регламентирующих борьбу с технической разведкой противника в военное время вообще и на конкретных ТВД в частности;

участие в подготовке и проведении дезинформационных мероприятий военного командования как в период подготовки, так и в период проведения операций;

оказание помощи военному командованию (командующему флотом, главнокомандующему на ТВД, командующему флотилией и т. п.) в контроле за строгим соблюдением и выполнением всех мероприятий плана операции.

Основное содержание негласных форм деятельности органов военной контрразведки составляют:

агентурно-оперативное и оперативно-техническое проникновение в центры технической разведки противника;

оперативная разработка подразделений технической разведки противника, действующих в полосах боевых действий (операционных зонах) армий и флотов (при этом особое внимание уделяется добыванию сведений о применяемых спецслужбами противника автоматических и закладных устройств технической разведки);

постоянный контроль с помощью негласных сил и средств (агенты, доверенные лица, радиоконтрразведывательные и оперативно-технические службы) за деятельностью военного командования и должностных лиц, организующих и осуществляющих борьбу с технической разведкой противника на ТВД и в полосах боевых действий (операционных зонах) войск и сил флотов, в период подготовки и проведения морских десантных и других

операций, во время переходов морем, в пунктах маневренного базирования и т. п.;

активное использование агентов и доверенных лиц из числа компетентных специалистов для своевременного выявления фактов нарушений требований СУВ и использования РЭС и РТС в военное время (а также их предпосылок), для установления при этом со стороны должностных или отдельных лиц возможно умышленных действий, совершаемых с целью оказания содействия противнику в съеме интересующей его информации;

дезинформация противника с использованием возможностей негласного аппарата, действующего как в окружении военных объектов, так и в тылу противника.

Изучение вопросов организации ПД ИТР (анализ документальных материалов и опрос компетентных руководящих и оперативных работников особых отделов, а также специалистов подразделений РЭБ Главного штаба ВМФ СССР и офицеров подразделений РЭБ флотов) показывает, что в особый период и в военное время они представляют наибольшую сложность для военно-морских баз и других береговых объектов флотов. Поэтому целесообразно еще в мирное время разработать необходимые мероприятия по ПД ИТР в условиях военного времени на основании прогнозируемой модели деятельности иностранных технических разведок и с учетом характера ведения боевых действий соединениями и частями флотов. План или перечень таких мероприятий целесообразно иметь в томе литерного дела (в томе на особый период и военное время). Поскольку Гостехкомиссия СССР не является законодательным органом (потому ее решения и рекомендации всегда дублируются Главнокомандующим ВМФ СССР в виде директив, приказов и т. п.), оперативному составу особых отделов необходимо хорошо знать основные руководящие документы командования ВМФ СССР, и прежде всего те, которые сохраняют свое действие и на военное время.

На основании результатов проведенного исследования, а также с учетом вероятной активности противника в применении технических средств разведки в военное время, его осведомленности и устремлений к наиболее важным объектам флота (боевые корабли, штабы, узлы связи, части и подразделения РЭБ, защищенные командные пункты и пункты управления), районам погрузочно-разгрузочных работ, пунктам постоянной и временной дислокации, районам маневренного базирования и т. п. напрашивается вывод, что было бы целесообразно:

более конкретно влиять на деятельность военного командования по определению вероятных рабочих моделей деятельности технической разведки противника на ТВД и в операционных зонах боевых действий сил флота. На основе этих моделей заранее, еще в мирное время, готовить материально-техническую базу для организации эффективной борьбы с технической разведкой противника. Более целеустремленно использовать и па-

направлять деятельность военно-технических комиссий, аналитических и боевых подразделений РЭБ и групп противодействия технической разведке противника по выработке научно обоснованных и экономически целесообразных рекомендаций по содержанию режимных мер, легендированию и инженерной маскировке объектов флота в местах постоянного и маневренного базирования, в выжидательных районах, в период переформирования, на переходах морем и т. п.;

в решении задач борьбы с технической разведкой противника полнее задействовать агентуру и доверенных лиц из числа компетентных специалистов, способных оказывать реальную помощь в добывании информации о технических возможностях разведок противника и их реальных возможностях в условиях военного времени применительно к особенностям тех или иных ТВД, в выявлении недостатков в организации борьбы военного командования с технической разведкой противника, закреплении и доведении до противника легенд прикрытия объектов, а также проверке их эффективности и дезинформировании противника;

оказывая помощь военному командованию в дальнейшем совершенствовании защиты секретов от технической разведки противника, добиваться: фактического устранения недостатков в организации и осуществлении борьбы с технической разведкой противника; запрещения (ограничения) использования незащищенных каналов связи по вопросам боевой и повседневной деятельности сил флота; сокращения без ущерба для боевой готовности сил флота количества лиц, допускаемых к использованию такой связи, к разработке планов военного командования по проведению операций; повышения эффективности работы постов (групп) технического контроля в частях и соединениях;

с наступлением особого периода или военного времени совместно с заинтересованными штабами, подразделениями режимно-контрольных органов объектов, представляющих первоочередной интерес для спецслужб противника, принять дополнительные меры по защите секретов в период рассредоточения, отмобилизования и выхода сил флота в исходные районы с целью своевременного выявления и устранения причин и условий, которые могут привести к утечке секретов по техническим каналам;

систематически осуществлять мероприятия по поиску возможно внедренной спецслужбами противника в окружение важных объектов или на них самих радиотехнической разведывательной аппаратуры типа «Луч», «Электрон» и т. п.;

с использованием возможностей компетентной агентуры проверять обоснованность представляемых на согласование с органами военной контрразведки планов по борьбе с технической разведкой противника в особый период и в военное время, ре-

зультатов и выводов по конкретным контрольным проверкам предлагаемых и эксплуатируемых средств активной и пассивной маскировки и защиты технических каналов утечки информации;

в процессе чекистской учебы уделять больше внимания вопросам места и роли оперативного состава органов военной контрразведки в комплексной защите объектов и сил флота от технической разведки противника в военное время; постоянно изучать опыт применения противником средств технической разведки в локальных войнах и вооруженных конфликтах в настоящее время.

Изучение разведывательно-подрывной деятельности противника в локальных войнах и вооруженных конфликтах начала 80-х годов[10] показывает, что для нее характерны фактор неожиданности, широкое дезинформирование, стремление с началом войны дезорганизовать управление войсками и силами путем вывода из строя пунктов управления, узлов связи и навигационных систем. Это позволяет высказать предположение, что в условиях широкого применения автоматизированных систем управления войсками (силами) и оружием возрастает ожесточенность борьбы в эфире, получают широкое применение разнообразные средства РЭБ, активное и умелое применение которых может не только приводить к срыву управления, но и оказывать прямое влияние на ход и исход военных действий[11].

Учитывая сложность оперативной обстановки в операционных зонах боевых действий флотов в военное время, большую насыщенность объектов и сил флота РЭС и РТС, значительно возрастающую активность спецслужб противника по использованию технической разведки, необходимо подчеркнуть, что четкая организация и умелое применение хорошо зарекомендовавших и оправдавших себя на практике сил и средств и методов защиты секретов от технической и другой разведки противника во многом определяется знанием возможностей технических средств разведки противника в каждой операционной зоне, на каждом ТВД, всесторонней оценкой своих сильных и слабых сторон, творческим подходом к решению задач и жестким гласным и негласным контролем за претворением в жизнь намеченных командованием мероприятий по борьбе с технической разведкой противника в военное время.

Автор выражает благодарность руководящему и оперативному составу 6-го отдела 3-го Главного управления КГБ СССР

---

[10] Подробнее см.: Локальные войны и вооруженные конфликты начала 80-х годов. (Краткий обзор событий и выводы.) М., изд. ГШ ВС СССР, 1983; Локальные войны. История и современность. М., Воениздат, 1981; Кипрский вооруженный конфликт (июль—август 1974 года). М., изд. ГРУ ГШ ВС СССР, 1974, и др.

[11] См.: Локальные войны и вооруженные конфликты начала 80-х годов, с. 76.

и Особого отдела КГБ СССР по Балтийскому флоту за оказанную методическую и практическую помощь в проведении данного исследования.

Рекомендована спецкафедрой «М»
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор доктор военных наук, профессор
полковник А. И. Цветков

Кандидат исторических наук, доцент
полковник *В. А. Золототрубов*,
В. Г Кузнечиков

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ СЛУШАТЕЛЕЙ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ КГБ СССР имени Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXVII СЪЕЗДА И XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС

В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул, что в нашей стране «раз и навсегда уничтожены национальный гнет и национальное неравноправие во всех формах и проявлениях. Утвердились, вошли в сознание десятков миллионов людей нерушимая дружба народов, уважение к национальной культуре и национальному достоинству всех народов. Советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей»[1]. Ныне, когда советское общество вступило в качественно новый этап перестройки, наряду с задачами экономического, социально-политического и культурного характера особое значение приобретает дальнейшее укрепление дружбы народов СССР. М. С. Горбачев в докладе на XIX Всесоюзной конференции КПСС отметил, что «жизнь подтвердила правоту идеи, заложенной в организацию нашего великого Союза,— сложение, объединение усилий позволили каждой нации и обществу в целом резко ускорить свое движение, выйти на новые рубежи исторического прогресса. При всех трудностях, которые были на нашем пути, сегодня мы констатируем, что этот Союз выдержал проверку временем. Он продолжает оставаться решающей предпосылкой дальнейшего развития всех наших народов»[2].

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 53.

[2] Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад на XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1988, с. 58.

Но, как известно, дружба советских народов не означает абсолютного единообразия, полного тождества, совпадения любых интересов. Это единство — диалектическое, оно не только не исключает, но и предполагает закономерное возникновение и разрешение противоречий, например, между общими, коренными интересами всех советских наций и народностей, всего советского народа, Союза ССР в целом и интересами той или иной нации, народности, республики на данном этапе ее развития[3]. На июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС говорилось: «В условиях перестройки по-новому встает проблема гармонизации общественных и личных интересов. Поиск правильных соотношений между теми и другими имеет огромное значение, это задача живой практики. Речь идет об учете всего комплекса интересов — личности, коллектива, классов, наций, народностей, социальных и профессиональных групп, сложной диалектики их взаимоотношений,— с тем чтобы обеспечить динамичное развитие общества»[4].

Наряду с проблемами, противоречиями, порожденными самой диалектикой развития национальных процессов при социализме, могут возникать и действительно возникают проблемы и противоречия, связанные с недостатками и ошибками в осуществлении национальной политики[5]. Наглядным примером могут служить, в частности, серьезные ошибки прежних руководителей Центральных Комитетов компартий Казахстана, Армении и Азербайджана, многих партийных комитетов этих и других республик в реализации национальной политики и их негативные последствия. Они были проанализированы в принятом в июле 1987 года постановлении ЦК КПСС «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся», а также в документах XIX Всесоюзной конференции КПСС.

События, происшедшие после XXVII съезда партии, подтвердили справедливость вывода о том, что «наши достижения не должны создавать представление о беспроблемности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, неизбежны они и в этой сфере. Главное — видеть постоянно возникающие их аспекты и грани, искать и своевременно давать верные ответы на вопросы, которые выдвигает жизнь»[6]. Напомнив о сложности комплекса проблем в области регулирования национальных отношений в условиях перестройки, М. С. Гор-

---

[3] См.: Тадевосян Э. В. Демократизм национальной политики КПСС: Исторический опыт и современность.— Вопросы истории КПСС, 1988, № 3, с. 29.

[4] Материалы Пленума ЦК КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., Политиздат, 1987, с. 11.

[5] См.: Тадевосян Э. В. Демократизм национальной политики КПСС: Исторический опыт и современность, с. 29.

[6] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 53.

бачев на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС отметил: «...национальной политикой на современном этапе нам надо заняться очень основательно. По всем линиям — и в теории, и в практике. Это — принципиальнейший, жизненный вопрос нашего общества»[7].

В связи с происходящими в стране процессами коренной перестройки, демократизации одной из важнейших задач коммунистического воспитания является утверждение в сознании и поведении советских людей, особенно молодежи, идей социалистического интернационализма.

«Сейчас мы можем с определенной уверенностью сказать, как поведут себя спецслужбы противника по мере углубления процессов перестройки и демократизации. Прежде всего противник усилит деятельность, направленную на разжигание национализма и шовинизма, особенно на использование сионизма. И нельзя не предвидеть инспирирования идей сепаратизма, возбуждения межнациональной розни. Еще сильнее будет звучать религиозная тема, тесно увязанная с национализмом. Большое место в подрывной деятельности противника займут подстрекательство к экстремизму, попытки извращать процессы перестройки и демократизации, происходящие в нашем обществе, с помощью псевдореволюционной фразеологии»[8]. Поэтому вопросы интернационального воспитания приобретают особую актуальность и в нашем многонациональном чекистском вузе, призванном готовить кадры беспредельно преданных Родине сотрудников для органов и войск КГБ. Значение интернационального воспитания будущих чекистов неизмеримо возрастает в свете требований XXVII съезда КПСС к советским органам государственной безопасности о необходимости проявления бдительности, выдержки и твердости в борьбе с любыми посягательствами на наш государственный и общественный строй[9]. Выпускник нашего вуза должен не только обладать высокой профессиональной квалификацией, но и быть идейно убежденным, активным пропагандистом коммунистических идей, патриотом и интернационалистом.

Интернациональный характер Высшей школы Комитета госбезопасности СССР имени Ф. Э. Дзержинского, в которой учатся представители всех союзных и автономных республик страны, граждане подавляющего большинства наций, народностей Советского Союза и которая имеет широкие международные связи с органами безопасности стран социалистического содру-

---

[7] Коммунист, 1988, № 4, с. 16.

[8] Бобков Ф. Д. Дальнейшая демократизация советского общества и перестройка в работе органов государственной безопасности.— В сб.: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции органов и войск КГБ СССР (10—12 декабря 1987 г.). М., изд. ВШ КГБ, 1988, с. 52.

[9] См.: Материалы XXVII съезда КПСС, с. 62.

жества, также обусловливает необходимость постоянного внимания к вопросам интернационального воспитания слушателей.

Каково же содержание интернационального воспитания в чекистском вузе? Прежде чем ответить на этот вопрос, постараемся, руководствуясь положениями принятой на XXVII съезде КПСС новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза, сформулировать, что же входит в понятие интернационального воспитания слушателей применительно именно к Высшей школе имени Ф. Э. Дзержинского.

Как нам представляется, интернациональное воспитание будущих чекистов — это целенаправленная, творческая и планомерно организованная система идеологической работы, осуществляемой партийными и комсомольскими организациями, профессорско-преподавательским составом в тесном взаимодействии с коммунистами-руководителями. Ее цель — систематическое и всестороннее, глубоко аргументированное и базирующееся только на марксистско-ленинском учении идейно-политическое воздействие (в учебное и во внеучебное время) на сознание, чувства и волю слушателей. Оно должно направляться прежде всего на превращение идей социалистического интернационализма в непоколебимые интернационалистские убеждения и нормы поведения, особенно в сложных ситуациях, в которых нередко приходится работать сотрудникам КГБ. Кроме научной обоснованности работы по интернациональному воспитанию слушателей (это — непременная предпосылка) ее должны отличать принципы коммунистической партийности и сугубой конкретности, строгая этичность используемых методов и приемов. Главное же условие формирования интернационалистских убеждений у слушателей Высшей школы — это последовательное и неукоснительное выполнение требования, содержащегося в новой редакции Программы КПСС, о том, что каждому советскому человеку должны быть «присущи чувства дружбы и братства, объединяющие все нации и народности СССР, высокая культура межнационального общения, нетерпимость к проявлениям национализма и шовинизма, национальной ограниченности и национального эгоизма, к обычаям и нравам, мешающим коммунистическому обновлению жизни»[10].

Следует отметить, что созданные благодаря постоянной заботе ЦК КПСС, Советского правительства, Коллегии КГБ СССР в Высшей школе имени Ф. Э. Дзержинского исключительно благоприятные условия для учебы, повседневной жизни и быта сами по себе активно способствуют интернациональному воспитанию слушателей. Высшая школа располагает хорошей материально-технической базой для подготовки чекистских кадров, внедряются новейшие средства обучения (в том числе с использованием ЭВМ), имеются клубы, благоустроенные общежития

[10] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 165.

и т. п. Однако динамичное и столь необходимое эффективное формирование интернационалистских убеждений, на наш взгляд, определяется в основном тем, насколько умело, творчески, кропотливо, гибко и тонко осуществляется под руководством парторганизаций идейно-воспитательная работа среди слушателей. Именно **партийное руководство играет первостепенную роль** в постоянном совершенствовании идейно-политической работы по интернациональному воспитанию слушателей, отвечающему требованиям новой редакции Программы КПСС о воспитании трудящихся «в духе высокой идейности и преданности коммунизму, советского патриотизма и пролетарского, социалистического интернационализма...»[11]. В основу деятельности партийной организацией Высшей школы имени Ф. Э. Дзержинского положены документы XXVII съезда партии, последующих Пленумов ЦК КПСС и XIX Всесоюзной партконференции, в которых акцентируется внимание на необходимость «постоянно заботиться о том, чтобы все советские люди глубоко овладевали марксистско-ленинским учением, повышали политическую культуру, сознательно участвовали в выработке политики партии и активно проводили ее в жизнь»[12].

Интернациональное воспитание в нашем чекистском вузе — это довольно сложный и многообразный процесс, постоянно обогащающийся в результате динамичного совершенствования форм и методов учебно-методической, научно-исследовательской и политико-воспитательной работы со слушателями. Самым мощным воспитательным потенциалом, безусловно, располагает учебный процесс. Формирование всесторонне развитого работника органов госбезопасности невозможно без глубокого изучения всех наук, предусмотренных учебным планом того или иного факультета Высшей школы, поэтому мировоззренческая и идейно-нравственная направленность учебного процесса, в том числе и в плане интернационального воспитания, присуща работе всех кафедр нашего вуза.

Однако основополагающую роль в формировании интернационалистских взглядов и убеждений, по нашему мнению, играет преподавание общественных наук. Их проблематика при условии тщательной подготовки профессорско-преподавательским составом лекций, семинарских занятий позволяет раскрывать сущность пролетарского, социалистического интернационализма, его принципы и их конкретное воплощение в деятельности КПСС, помогает осознать интернациональный характер изучаемых закономерностей.

Вопросы интернационального воспитания, нашедшие свое отражение в Программе КПСС, в условиях Высшей школы КГБ требуют особенно глубокого раскрытия. Подлинной шко-

---

[11] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 163.
[12] Там же, с. 163—164.

лой пролетарского, социалистического интернационализма является начинающееся с первого курса глубокое изучение слушателями курса истории КПСС. Так как богатейший опыт нашей партии по праву стал интернациональным достоянием, этот курс побуждает будущих чекистов рассматривать явления общественной жизни с классовых, интернационалистских позиций, помогает ясно видеть закономерности и особенности развития нашего многонационального государства в современных условиях.

Целеустремленные занятия преподавателей кафедры истории КПСС Высшей школы, их идейное содержание убедительно свидетельствуют о том, что значительное число тем этого курса позволяет слушателям овладеть теоретическими основами, принципами и закономерностями пролетарского, социалистического интернационализма, раскрыть этапы его развития в Советском Союзе, единство национальных и интернациональных задач. Хотя, как известно, еще сравнительно недавно обществоведы упрощенно толковали процесс развития социализма в нашей стране; его изображали как оранжерейное растение, у которого нет внутренних противоречий, недостатков. Все недостатки мы сводили лишь к пережиткам, а между тем социализм сам порождает недостатки, противоречия и проблемы. Национальный вопрос, например, в том виде, в каком он достался нам от дореволюционной России, в нашей стране решен. Но многие проблемы требуют дальнейшего изучения, обобщения. Нужно глубже исследовать диалектику соотношения национального и интернационального, в историографии все еще без должной глубины трактуется процесс культурного сближения наций и народностей[13].

Сегодня, когда в условиях перестройки историки стремятся по-новому и творчески осмыслить, а в ряде случаев и переосмыслить исторические процессы, очень важно убедительно показать, что наша партия «твердо стоит на испытанных марксистско-ленинских принципах пролетарского, социалистического интернационализма...»[14], что она является ядром политической системы советского общества[15].

Профессорско-преподавательский состав на занятиях обращает внимание слушателей на то, что сегодня важно оглянуться на пройденный партией и страной путь не только для того, чтобы восстановить правду истории и авторитет историко-партийного знания. Это необходимо, чтобы в этой правде обрести

---

[13] Эти мысли, которые целиком и полностью разделяются авторами настоящей статьи, высказал известный советский историк академик М. П. Ким на встрече за «круглым столом» в январе 1988 года в редакции журнала «Вопросы истории» (см.: Вопросы истории, 1988, № 3, с. 9—10).

[14] Устав Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, с. 4.

[15] См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. М., Политиздат, 1986, с. 45.

нравственную опору, осознанную уверенность в правильности наших современных социальных ориентиров, чтобы исторический опыт партии стал созидательным фактором и в полную силу мог работать на демократизацию общественной и внутрипартийной жизни.

Большое значение в интернациональном воспитании слушателей имеет глубокое разъяснение ленинской теории, принципов политики и программы КПСС по национальному вопросу, их осуществления в СССР с одновременным конкретным и аргументированным показом в лекциях, на семинарских занятиях, что к национализму, попыткам разжигать недоверие между народами нашей страны империализм прибегал постоянно, особенно в сложные периоды истории. Это было и после победы Великого Октября, и во время Великой Отечественной войны, и в первые послевоенные годы. Особенно это наблюдается в настоящее время, когда Советский Союз уверенно идет по пути перестройки.

Как известно, в курсе истории КПСС рассматривается развитие идей пролетарского интернационализма в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, в решениях съездов партии, документах международных совещаний коммунистических и рабочих партий. Глубокое изучение первоисточников, решений и установок XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции, которые войдут в биографию Страны Советов исторической вехой, создает возможность всестороннего ознакомления слушателей с интернационалистскими традициями нашей партии, компартий стран социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения, с борьбой против буржуазного национализма в современных условиях.

Большое значение для интернационального воспитания слушателей имеет тема «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.)». Широкие возможности для усиления этой работы открылись в Высшей школе в связи с подготовкой и празднованием 40-й годовщины нашей великой Победы над фашистской Германией. Преподаватели кафедры истории КПСС, как отмечали слушатели, доходчиво и ярко, на примерах конкретных фактов и событий пропагандировали беспримерный подвиг многонационального советского народа, его Вооруженных Сил и органов государственной безопасности, мужество и массовый героизм граждан различных национальностей нашей Родины на фронте и в тылу, разъясняли источники силы и несокрушимости социалистического государства, показывали важность руководящей роли Коммунистической партии, разоблачали буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны. И в настоящее время обществоведы продолжают использовать на лекциях и семинарах по этой теме

многочисленную мемуарную литературу, документальные кинофрагменты и т. д. Хорошие плоды приносила и приносит реферативная работа слушателей. Изучение истории КПСС в нашем вузе является школой гражданского созревания и закалки будущих чекистов-интернационалистов, достойных продолжателей славных традиций Коммунистической партии, органов ВЧК—КГБ, активных строителей нового общества, защитников великих завоеваний Октября. Но, чтобы интернациональное воспитание способствовало этому наилучшим образом, его необходимо вести планомерно, целеустремленно, сделав неотъемлемой частью всего учебно-воспитательного процесса.

В интернациональном воспитании слушателей велико значение марксистско-ленинской философии. Лекции по этому курсу, анализирующие социологические законы и категории, как правило, подводят к интернациональной природе социально-политических закономерностей коммунистического преобразования общества.

В деле формирования у слушателей высокой политической культуры значительное место отводится изучению партийных документов, посвященных вопросам интернационального воспитания. Так, при раскрытии сущности ленинской национальной политики на лекциях и семинарах с использованием фактического материала показывается развитие экономики, культуры, языка в союзных и автономных республиках, укрепление дружбы народов СССР, роль советских органов государственной безопасности. Преподаватели разъясняют, что в процессе строительства социализма нации и народности, а также взаимоотношения между ними подверглись качественному социалистическому преобразованию. XXVII съезд КПСС, январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС, XIX Всесоюзная партконференция вновь констатировали выдающиеся, поистине уникальные завоевания социализма в этой области, которыми мы по праву гордимся. Но не менее очевидно и то, что социализм на разных этапах своего развития достигает лишь определенного уровня решения национального вопроса, понимаемого в широком смысле как вопрос о всей совокупности существенных социальных проблем развития наций и национальных отношений. К тому же нам не удалось в полной мере и до конца воплотить в жизнь ленинские принципы национальной политики, а это в свою очередь привело к серьезным деформациям межнациональных отношений. Поэтому было бы необоснованным забеганием вперед безоговорочное утверждение о полной решенности национального вопроса в СССР и абсолютной неприменимости понятия «национальный вопрос» для характеристики современного этапа развития национальных отношений в нашей стране[16]. Внимание слушате-

[16] См.: Тадевосян Э. О новом политическом мышлении в национальном вопросе.— Политическое образование, 1988, № 13, с. 86.

лей обращается на то, что нелегкое наследие в области межнациональных отношений, доставшееся периоду перестройки от прошлого, связано с последствиями не только культа личности Сталина, но и идеологии и психологии застоя[17].

В лекциях и на семинарах на тему национальных отношений конкретно и обоснованно критикуются клеветнические измышления буржуазных идеологов и политиков Запада, пытающихся изощренными способами и методами посеять национальную рознь и недоверие между нашими народами. Разоблачая подобные ложные и враждебные идеологические позиции, преподаватели вместе с тем аргументированно рассказывают слушателям о расистском, шовинистическом отношении правящих кругов США и других империалистических государств к людям различных национальностей.

Одновременно с этим подчеркивается важность решений XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции по вопросам дальнейшего интенсивного развития экономики в союзных и автономных республиках, что, несомненно, окажет положительное воздействие на укрепление интернациональных связей, на расширение взаимно необходимого экономического сотрудничества на межреспубликанском, межрегиональном уровнях. Обращается внимание на то, что в соответствии с решениями XIX Всесоюзной партконференции в рамках перестройки политической системы будут осуществляться назревшие меры по дальнейшему развитию и укреплению советской федерации на основе демократических принципов. Речь, в частности, идет о расширении прав союзных и автономных республик путем разграничения компетенции Союза ССР и советских республик, усиления самостоятельности и ответственности, например в сфере экономики. Это полностью согласуется с требованиями осуществляемой радикальной экономической реформы, с переходом от административных к экономическим методам хозяйствования, к хозрасчету, самофинансированию и самоуправлению.

Широки возможности интернационального воспитания курса научного коммунизма, в процессе которого интернационализм изучается как идеология марксизма-ленинизма. Изучать научный коммунизм в условиях чекистского вуза — это значит не только овладевать всем богатством теоретических идей марксизма-ленинизма, но и ясно сознавать исторический смысл и цель своей будущей повседневной деятельности по обеспечению государственной безопасности Родины, учиться применять марксистско-ленинскую науку в современной жизни, руководствуясь решениями партии. Опыт, накопленный в Высшей школе, показывает, что в процессе изучения научного коммунизма

---

[17] См.: Тадевосян Э. О новом политическом мышлении в национальном вопросе..., с. 85.

углубляется формирование классового самосознания слушателей, социальная ответственность за выполнение интернационального долга, непримиримое отношение к идеологии национализма. Особое значение в связи с этим приобретают материалы XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партконференции, самокритичные и ко многому обязывающие выступления на них руководящих партийных работников союзных республик, упоминавшееся постановление ЦК КПСС о работе партийной организации Казахстана по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся, а также постановление Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 г. «О решениях Верховных Советов Армянской ССР и Азербайджанской ССР по вопросу о Нагорном Карабахе». В частности, преподавателями научного коммунизма в целях интернационального воспитания систематически используются выступления на съезде представителей Центральных Комитетов коммунистических партий Узбекистана, Киргизии, других компартий.

Внимание слушателей акцентируется на том, например, что по вине руководства ЦК Компартии Киргизии «была принижена роль пленумов, бюро и секретариата, допускались нарушения ленинских принципов кадровой политики, коллегиальности в работе. На ответственные посты люди нередко выдвигались по признакам личной преданности, родства и землячества. Некоторые слабые и недобросовестные кадры брались под защиту, пересаживались из одного кресла в другое. Порождались угодничество, подхалимство и безответственность»[18]. Подчеркивается также актуальность установки М. С. Горбачева, содержащейся в его выступлении на заседании Президиума Верховного Совета СССР 18 июля 1988 года, на котором был рассмотрен вопрос о решениях Верховных Советов Армянской ССР и Азербайджанской ССР о Нагорном Карабахе: «На проблемах Карабаха спекулируют противники перестройки, консервативные и коррумпированные элементы, набившие свои кошельки в застойный период. Это тоже нам надо видеть и понимать... Им выгодно переключить, отвлечь от себя внимание мнимой заботой о судьбе армян в Нагорном Карабахе. Мы это знаем, мы это видим и не упустим тоже из поля зрения. Именно против таких и только против таких элементов должна быть направлена сила советских законов»[19]. На лекциях и семинарских занятиях преподаватели подчеркивают, что социалистический образ жизни — явление интернациональное, у всех народов СССР он характеризуется общими чертами в труде, службе и в общественной деятельности, в человеческих взаимоотношениях. Этим общим чертам принадлежит ведущая роль.

---

[18] Масалиев А. М. Речь на XXVII съезде КПСС.—Правда, 1986, 1 марта.

[19] Правда, 1988, 20 июля.

Преподавание истории КПСС, философии, политэкономии и научного коммунизма в Высшей школе КГБ призвано обеспечить высокий уровень изучения слушателями марксистско-ленинской теории, исторического опыта Коммунистической партии Советского Союза в тесной связи с практикой социалистического строительства, с общественно-политической и организаторской деятельностью в учебных коллективах; формировать у будущих чекистов навыки ведения дискуссий, вооружать научной аргументацией для разоблачения враждебной антикоммунистической пропаганды, ревизионизма и оппортунизма всех мастей, буржуазного национализма и клерикализма.

Перспективной формой учебного процесса, обеспечивающей повышение качества интернационального воспитания слушателей, на наш взгляд, являются спецкурсы и спецсеминары по таким актуальным проблемам, как «В. И. Ленин о пролетарском интернационализме», «Идеологическая борьба на современном этапе» и ряд других. Проведение подобных занятий вызывает у слушателей большой интерес и способствует их идейной закалке.

Кафедры общественных наук Высшей школы, партийные и комсомольские организации факультетов и курсов в целях интернационального воспитания широко используют такие формы активной учебы, как творческая разработка и обсуждение докладов, рефератов, сообщений, составленных на основе изучения трудов классиков марксизма-ленинизма, материалов XXVII съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК КПСС и XIX Всесоюзной партконференции; проведение Ленинских уроков, научно-практических конференций; посещение музеев, походы по местам революционной, боевой, трудовой и чекистской славы.

Плодотворной формой работы по интернациональному воспитанию является проведение в масштабе школы конкурсов лучших научно-исследовательских работ слушателей по общественным наукам и участие во всесоюзных конкурсах, в том числе и по линии КГБ СССР. За последние годы многие слушатели награждены дипломами и грамотами ЦК ВЛКСМ, КГБ СССР и начальника Высшей школы. Как правило, формирование их идейной убежденности во многом зависит от преподавателей общественных наук, умело и вовремя замечающих представителей различных национальностей, совместно с ними избирающих и разрабатывающих актуальные вопросы критики буржуазно-националистических концепций. А это способствует воспитанию у слушателей непримиримости к идеологии буржуазного национализма и т. д. Таким преподавателям необходимы особый такт, умение прийти на помощь своим питомцам, поддержать их начинания, уже в первых же научно-исследовательских попытках ободрить поиски, подсказать верное их направление. Здесь дальновидность педагога-ученого должна сочетать-

ся с прозорливостью убежденного чекиста-интернационалиста. И в этой связи хотелось бы подчеркнуть, что дело чести каждого коммуниста кафедр общественных наук школы — постоянно идти рядом с будущими чекистами в их творческих исканиях, тем самым способствуя глубокому усвоению ими марксистско-ленинской теории, формированию коммунистической убежденности. Руководство и партком Высшей школы постоянно стремятся держать в центре внимания деятельность кафедр общественных наук по идейно-политическому воспитанию слушателей.

Так, например, в ходе обсуждения в марте 1986 г. на заседании парткома школы руководителям и всему профессорско-преподавательскому составу кафедры философии и научного коммунизма были предъявлены серьезные и принципиальные претензии; отмечались прежде всего недостатки в организации идеологической работы среди слушателей в учебное и внеучебное время, в том числе и в плане интернационального воспитания будущих чекистов. Конкретные предложения, выработанные парткомом в связи с этим, стали основой для коренной перестройки всей учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной работы с учетом повышенных требований XXVII съезда КПСС к органам КГБ в обеспечении государственной безопасности СССР[20].

Как значительна ни была бы роль кафедр общественных наук в интернациональном воспитании слушателей, успех этой работы, по нашему мнению, может быть обеспечен лишь тогда, когда в ней принимают участие все преподаватели Высшей школы, все кафедры (специальные, юридические, оперативно-тактической и физической подготовки и другие), когда достигается единая направленность всего учебного процесса по этому важному вопросу. Особое значение поэтому приобретает работа по интернациональному воспитанию слушателей в процессе изучения специальных дисциплин № 1, 2, 3, 5, 6 и др. Она осуществляется на основе разработанного при активном участии кафедр общественных наук общешкольного комплексного плана коммунистического воспитания, предусматривающего непрерывную мировоззренческую подготовку чекистских кадров, постоянное совершенствование всего учебно-воспитательного процесса при решении задач идейно-политического воспитания, в том числе и интернационального, содержащихся в решениях XXVII съезда КПСС.

В соответствии с этим планом на специальной кафедре № 5, например, в лекциях по проблемам борьбы с идеологической диверсией противника при изложении многих тем курса СД-5 раскрываются марксистско-ленинские положения об особой

---

[20] См.: Постановление парткома Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского от 28 марта 1986 года, протокол № 1, § 1.

опасности буржуазного национализма. Формированию глубоких знаний о пролетарском, социалистическом интернационализме, превращению их в убеждения способствуют предлагаемые слушателям на семинарских и практических занятиях проблемные ситуации, логические задания, дискуссии, вопросы для самопроверки. Преподаватели СК-5 на убедительных примерах показывают, как в современных условиях объединяются под антикоммунистическими знаменами правый и «левый» ревизионизм, зарубежные буржуазно-националистические, сионистские и клерикальные организации, что острие их атак направлено против перестройки, против единства и сплоченности советских людей, их преданности Родине. Анализ проводившихся по СД-5 занятий показывает, что в процессе преподавания этой чекистской дисциплины решается и такая важная теоретическая и политическая задача, как раскрытие социально-классовой обусловленности патриотизма и интернационализма советских людей. Такая же работа в плане интернационального воспитания ведется профессорско-преподавательским составом на специальных кафедрах № 2 и 16. Постоянно функционирующий в Высшей школе совет спецкафедр систематически рассматривает вопросы непрерывной мировоззренческой, в том числе и интернационалистской, подготовки слушателей в процессе преподавания специальных дисциплин чекистского профиля. По нашему мнению, углублению процесса перестройки учебно-воспитательного процесса, осуществляемого профессорско-преподавательским составом специальных кафедр, способствовало, в частности, обсуждение на заседании парткома в феврале 1986 года вопроса о стиле работы коммунистов-руководителей спецкафедры № 6 по руководству научно-педагогическим коллективом в свете Решения Коллегии КГБ СССР от 21 июня 1985 года. Партийный комитет обязал партбюро этой кафедры принять действенные меры к устранению выявленных недостатков (а они в той или иной степени характерны и для других спецкафедр), перестройке стиля работы в свете требований апрельского и октябрьского (1985 г.) Пленумов ЦК КПСС и XXVII съезда КПСС[21].

Следует отметить, что вопросы идейно-политического воспитания слушателей (в том числе и интернационального) были в последние годы предметом глубокого изучения партийного комитета школы, партийных организаций факультетов и кафедр и неоднократно обсуждались на заседаниях партийного комитета и совета школы, в партийных организациях.

Вполне понятно, что такие качества слушателей, как преданность идеалам коммунизма, товарищество и взаимопомощь, формируются всем строем нашей жизни, под влиянием объек-

---

[21] См.: Постановление парткома Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского от 21 февраля 1986 г., протокол № 7.

тивных факторов социалистической действительности. В то же время гармоничное сочетание национального и интернационального, личного и общественного — во многом результат целенаправленной идейно-воспитательной и организаторской деятельности прежде всего руководителей факультетов и курсов и их заместителей по политико-воспитательной работе, командиров учебных групп и подгрупп, партийных и комсомольских организаций факультетов и курсов. Наблюдения показывают, что в тех подразделениях, где эта работа строится таким образом, чтобы постоянно росло осознание всеми слушателями приоритета общегосударственных интересов, более эффективны результаты интернационального воспитания. В таких учебных группах и на курсах устанавливается искренняя дружба слушателей различных национальностей, развиваются и приумножаются интернационалистские традиции, которые делаются достоянием всего курса, факультета или Высшей школы в целом. В тех многонациональных слушательских коллективах, где руководители факультетов и курсов, партийные и комсомольские организации, такие общественные организации, как советы общежития, школы молодого лектора, политинформаторов и другие, всесторонне используют многочисленные объективные условия для взаимообогащения культур народов, воспитание патриотов-интернационалистов носит, как правило, целеустремленный и содержательный характер. Слушатели регулярно знакомятся с культурой других наций и народностей СССР. Об этом, например, свидетельствует опыт, накопленный на контрразведывательных факультетах № 3 и 9.

Вместе с тем повышению эффективности интернационального воспитания слушателей, на наш взгляд, отнюдь не способствуют имеющие место облегченный подход к различным проблемам и своего рода пропагандистская риторика, которые порой еще имеют место. Формирование интернационалистских убеждений не всегда находится в центре внимания. Эта работа нередко сводится к проведению отдельных, зачастую недостаточно связанных между собой мероприятий, приуроченных главным образом к юбилейным или праздничным датам.

В воспитании слушателей, являющихся представителями различных национальностей, в духе интернационализма исключительно важен дифференцированный, индивидуальный подход. И конечно, особое внимание в Высшей школе следует уделять молодым людям, не обладающим достаточным опытом межнационального общения.

Несмотря на все усилия, которые предпринимаются в плане индивидуализации интернационального воспитания в процессе обучения, до недавнего времени система знаний, как и система аргументации и методов обучения, нередко были ориентированы на учебную группу, а не на конкретного слушателя. Устранение этого недостатка должно быть в центре внимания всех

коммунистов — руководителей факультетов, курсов, партийных и комсомольских организаций. Любой факультет, курс, получив пополнение слушателей, обязан помочь новичкам не только в совершенстве овладеть русским языком как важным орудием межнационального общения, но и выработать у каждого слушателя стойкие идейные убеждения, сформировать интернационалистскую позицию, привить патриотические чувства. Значительный вклад в это наряду с преподавателями кафедр иностранных языков могут и должны вносить преподаватели общественных, специальных и юридических дисциплин, ветераны войны, кураторы, отличники учебы.

Сейчас, на новом этапе перестройки, крайне важна более широкая пропаганда в масштабе Высшей школы, особенно на факультетах, курсах, передового опыта коммунистов-руководителей, партийных и комсомольских организаций по сплочению многонациональных слушательских коллективов. Необходимо убедительно показывать, как к слушателям различных национальностей приходит успех в деле овладения чекистской профессией, военным делом, выполнения партийного, комсомольского и служебного долга. Это, в частности, одна из важнейших задач стенной печати всех подразделений Высшей школы.

Как известно, Коммунистическая партия ставит задачу превратить каждый коллектив в своеобразный центр обмена культурными ценностями между людьми разных национальностей, создавать реальные условия для их тесного единения. И в нашем чекистском вузе совместная учеба, четко организованная самостоятельная работа, проведение различных мероприятий во время досуга (вечера самодеятельности, коллективное посещение театров, музеев, выставок и т. п.) психологически сближают слушателей, представляющих различные национальности нашей Родины.

Интернациональное воспитание слушателей в Высшей школе имени Ф. Э. Дзержинского как обязательную составную часть предусматривает активное участие в решении проблемы всестороннего сближения народов СССР. Актуально и предельно внимательное, тактичное раскрытие в лекциях, на семинарских и практических занятиях по соответствующим темам общественных наук, специальных, военных и юридических дисциплин роли русского народа в нашем социалистическом обществе, показ его бескорыстия, подлинного интернационализма, неоценимого вклада в создание, развитие и укрепление социалистического Союза свободных и равноправных республик, в экономический, социальный и культурный прогресс всех народов[22]. При проведении идеологической работы, в ходе учебно-воспитательного процесса необходимо воспитать молодого чекиста

[22] См.: Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., Политиздат, 1987, с. 37.

таким образом, чтобы он не только понимал объективный характер сближения наций, народностей СССР, но и видел в этом один из источников их дальнейшего развития, расцвета и впоследствии, в процессе работы по обеспечению государственной безопасности страны, сам лично способствовал этому сближению.

В постановлении июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС «О практической работе по реализации решений XIX Всесоюзной конференции КПСС» сформулированы первоочередные задачи работы в области межнациональных отношений: сосредоточить внимание на устранении застойных явлений в развитии отдельных регионов, недооценки социально-экономических и духовных запросов наций и народностей; решительно противодействовать антиперестроечным силам, разжигающим националистические и шовинистические страсти; осуществить меры по укреплению правовой базы межнациональных общений, предусмотренные XIX партийной конференцией; усилить идейную и политическую работу, настойчиво утверждать социалистический интернационализм. Активно включиться в решение этих задач призваны все, кто имеет отношение к подготовке чекистских кадров в Высшей школе. В центре внимания должно находиться методологическое положение, подчеркнутое товарищем М. С. Горбачевым в докладе на XIX Всесоюзной партийной конференции: «Выступая за дальнейшее укрепление межнациональных отношений, мы исходим из того, что развитие Советского союзного государства, интернациональные связи и братство наших народов — это живые динамичные процессы... Связанные с ними проблемы надо решать, опираясь на волю народов, их взаимное согласие, с учетом интересов всех советских людей»[23].

Рекомендована кафедрой
философии и научного коммунизма
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат философских наук, доцент
полковник В. Б. Кулаков

[23] Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки, с. 64.

Кандидат психологических наук
подполковник *А. С. Шавловский*

КОНЦЕПЦИЯ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ИГРЫ

Глубокие изменения в содержании труда в условиях научно-технической революции предъявляют новые, более высокие требования к уровню общеобразовательной и профессиональной подготовки трудящихся, к системе повышения квалификации руководящих кадров и специалистов народного хозяйства. На современном этапе развития советского общества, отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, «в повестку дня встала задача **создания единой системы непрерывного образования**»[1]. В этой связи Коммунистическая партия придает большое значение развитию системы повышения квалификации, имеющей целью создание благоприятных возможностей «для продолжения образования, непрерывного расширения и обновления знаний, постоянного роста ...общей культуры и профессионального уровня»[2] как руководителей производства, так и исполнителей.

Реализации установок Центрального Комитета КПСС уделяется первостепенное внимание в перестройке системы повышения квалификации руководящего состава и специалистов КГБ СССР. Необходимо отметить, что, разрабатывая стратегическую линию в области народного образования, партия предоставляет широкое поле деятельности научным и педагогическим кадрам в совершенствовании форм и методов обучения, нацеливает их на постоянный творческий поиск способов повышения эффективности педагогической деятельности. Перед педагогической наукой поставлена задача достижения нового качества в развитии образования. Поиск путей решения этой задачи — дело научно-педагогических работников.

Ускорение темпов социально-экономического развития, научно-технический прогресс остро ставят вопрос о развитии и стимулировании тех черт творческой личности, которые определяют возможность постановки и решения качественно новых проблем, способствуют осмыслению и системному усвоению в кратчайшие сроки непрерывно растущего объема информации.

Углубление и усложнение взаимосвязей специального образования с контрразведывательной практикой предъявляют новые требования к системе повышения квалификации в области совершенствования методов обучения, организации и содержания надвузовской подготовки. Практика преподавания показывает, что традиционные, исторически сложившиеся методы обу-

[1] Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 48.
[2] Там же, с. 167.

чения в целом ряде случаев оказываются далеко не самыми эффективными. В частности, зачастую невозможно добиться качественного поворота системы образования к потребностям практики из-за известной инертности таких традиционных видов учебных занятий, как лекция и семинар.

Каким образом сделать процесс повышения квалификации руководящего состава и специалистов органов КГБ СССР максимально эффективным, тесно связать его с потребностями контрразведывательной практики? Этот вопрос стоит перед всеми организаторами повышения квалификации кадров в КГБ СССР, в том числе перед руководством и профессорско-преподавательским составом факультета повышения квалификации Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского. Сейчас уже стало очевидным, что одним из главных путей решения этого вопроса является внедрение в учебный процесс форм и методов активного обучения.

Принципиальное отличие активного обучения от традиционного заключается в том, что при активном обучении слушатели ставятся в такие условия, в которых они не могут оставаться пассивными наблюдателями или «накопителями» новой информации. Здесь создаются специальные условия, не только предоставляющие возможность, но и заставляющие слушателей активно обмениваться знаниями и опытом контрразведывательной работы. И если в традиционных формах обучения активность слушателей не является обязательной, а степень этой активности зависит в основном от мастерства преподавателя, его способности подтолкнуть слушателей к активному восприятию информации, от мотивации обучения и некоторых других чисто субъективных факторов, то активное обучение основано на выработке умения получать новые знания в ходе творческой деятельности, приложения собственных усилий, активного использования уже имеющихся знаний и практического опыта. Активное обучение является как бы катализатором творческих возможностей личности. Одним из основных условий активного обучения является такая организация учебного процесса, при которой новые теоретические знания давались бы не просто как некоторые специально отобранные структурные элементы различных дисциплин, а как знания необходимые и достаточные слушателям для решения практических задач определенного класса и различных степеней сложности.

Настоящая статья посвящена проблеме разработки теоретической концепции контрразведывательной оперативно-управленческой игры как формы организации учебного процесса в системе повышения квалификации. Необходимо отметить, что предлагаемая концепция несколько отличается от существующих в настоящее время концепций деловой игры. Основное отличие заключается в том, что в статье предпринята попытка рассмот-

реть игру как дидактическую основу всего процесса повышения квалификации, а не только как один из методов активного обучения, реализующих «имитационный управленческий процесс, в котором его участники согласно целям и правилам игры принимают решения и организуют исполнение принятых решений в конкретной обстановке взаимосвязанных ситуаций»[3]. Иными словами, в качестве объекта имитационного моделирования избрана определенная сторона контрразведывательной деятельности на некотором временном интервале, а не отдельные мероприятия, процедуры, ситуации деятельности или даже наборы взаимосвязанных ситуаций. Такая постановка вопроса позволяет включать в структуру оперативно-управленческой игры не только специфические, свойственные активному обучению методы (написание выпускной работы, дискуссии, выездные занятия, тренинг, анализ ситуаций, проигрывание ролей и т. п.), но и методы традиционные (лекция, семинар, решение оперативных задач). А это в свою очередь позволяет рассматривать оперативно-управленческую игру не только как метод активного обучения, но и как, пожалуй, основную форму организации учебного процесса в системе повышения квалификации.

Проблемой использования оперативно-управленческих игр в системе повышения квалификации руководящего состава органов госбезопасности профессорско-преподавательский состав ФПК занимается не первый год. Попытка комплексного рассмотрения методов активного обучения была предпринята впервые в декабре 1980 г. на научно-методической конференции «Активные методы обучения и их использование в системе повышения квалификации руководящего состава и специалистов КГБ». Рассматривая вопросы методики разработки управленческих игр для руководящего состава, В. Н. Ковалев обратил внимание, как нам кажется, на один из центральных вопросов указанной проблемы. Он писал, что «полезной представляется любая попытка дать теоретическое обоснование назначения и сферы использования управленческих игр применительно к контрразведке, их роли и места в учебном процессе»[4]. В связи с этим прежде всего возникает вопрос о взаимодействии содержательных аспектов оперативно-управленческой игры и совокупности теоретических положений, объясняющих процессы контрразведывательной деятельности. Действительно, оперативно-управленческая игра должна строиться на базе основных теоретических положений специальных дисциплин. В то же время сценарий игры определяет логику и последовательность из-

---

[3] Организация повышения квалификации информационных работников. Методическое пособие. М., изд. ИПКИР, 1982, с. 53.

[4] Ковалев В. Н. Применение и методика разработки управленческих игр для руководящего состава. — В сб.: Активные методы обучения и их использование в системе повышения квалификации руководящего состава и специалистов КГБ. Спецфонд ВШ КГБ, 1981, с. 180.

ложения этих теоретических знаний, их необходимый объем для достижения основной цели повышения квалификации. Иными словами, теоретические знания должны даваться в контексте некоторой основной на весь период обучения «производственной задачи». Именно эта взаимозависимость обусловливает необходимость внесения изменений в учебный процесс, определяет сущность и содержание оперативно-управленческой игры.

При повышении квалификации руководящего состава и специалистов органов и войск КГБ СССР основной целью процесса обучения является не только восприятие, понимание и запоминание учебной информации слушателями, но и совершенствование профессиональных умений и навыков руководителя-контрразведчика, активный обмен знаниями и опытом, выработка установки на незамедлительное использование новых знаний в контрразведывательной деятельности.

Помимо специфики цели обучение в системе повышения квалификации отличается от обучения в вузе и тем, что слушатели ФПК обладают достаточно обширными специальными познаниями, имеют, как правило, богатый опыт практической работы. Есть свои особенности и в организации учебного процесса, поскольку слушателям ФПК приходится не только усваивать новый материал (в виде квинтэссенции передового опыта контрразведывательной деятельности или современных особенностей и тенденций подрывной деятельности противника), но порой и переучиваться по некоторым вопросам. Определенную специфику в обучение вносят также возраст слушателей ФПК и сроки обучения.

Все эти особенности и специфика целей надвузовского образования обусловливают необходимость всемерной активизации учебного процесса на основе методологических концепций системности и целостности. Это в свою очередь обязывает рассматривать процесс обучения на ФПК как сложную адаптивную систему управления познавательной деятельностью[5]. Это означает, что к обучению в системе повышения квалификации следует применять системный подход. Результатом этого должна стать разработка единого учебно-методического комплекса, который понимается нами как система целей, методов, форм обучения и предметов изучения.

В зависимости от специфики учебных потоков все перечисленные элементы системы будут, очевидно, претерпевать частичные или значительные изменения. Минимальным изменениям в этой системе будут подвержены основные цели повышения квалификации, максимальным — предметы изучения. Методы и формы обучения должны зависеть от состава обучаемых, как правило разнородного в должностном и возрастном отношении,

[5] См.: Методика разработки конкретных ситуаций. М., изд. ИПКИР, 1980, с. 3.

по опыту работы и интеллектуальному уровню, отношению к обучению. Существенным изменениям подвергаются предметы изучения.

Так, для руководителей первого уровня, видимо, целесообразно в качестве основного предмета изучения избрать управление контрразведывательной деятельностью и руководство крупными чекистскими коллективами. Активизация обучения здесь должна опираться на такие особенности, как диалоговое взаимодействие участников учебного процесса, проблемное раскрытие учебного материала (причем не только в рамках современных представлений об эффективном управлении контрразведывательной деятельностью, но и с учетом динамики социально-политических процессов, происходящих в стране), имитационное моделирование контрразведывательного процесса в целом и деятельности первых руководителей самостоятельных подразделений КГБ СССР в частности.

Необходимо отметить, что применительно к первым руководителям задача организации учебного процесса в форме оперативно-управленческой игры выглядит пока весьма проблематично. Действительно, на сегодня имитационное моделирование применительно к оперативно-управленческим играм опирается в основном на технологию контрразведывательного процесса и описывает процессы руководства опосредованно — через некоторую конкретную контрразведывательную задачу. Сложность разработки подобных задач для первых руководителей заключается в том, что они должны носить, по сути дела, программный характер, то есть затрагивать практически все сферы деятельности крупного территориального органа.

При обучении руководителей среднего и низшего звена (представителей различных направлений и линий контрразведывательной деятельности) особое значение приобретают вопросы профессиональной ориентации, особенности технологии контрразведывательной деятельности на том или ином участке. Учитывая опыт контрразведывательной деятельности этой категории слушателей, занятия целесообразно организовывать таким образом, чтобы слушатели имели возможность учиться непосредственно друг у друга, активно передавали и перенимали накопленный положительный опыт, могли проводить совместный критический анализ негативного опыта. Практика организации учебного процесса показывает, что подобные педагогические задачи с максимальным эффектом и при максимальной активности всех слушателей решаются в процессе оперативно-управленческой игры. Даже такая, казалось бы, активная форма проведения занятий, как дискуссия, из-за запрограммированности обсуждаемых вопросов и ограниченности круга выступающих не дает возможности активизировать всех слушателей. Для многих дискуссия превращается в форму чисто информационную.

По нашему мнению, для всех категорий слушателей системы повышения квалификации целесообразно максимально ограничить информационный поток в виде объяснительно-иллюстративного материала, больше ставить проблемных вопросов, тесно связанных с решением сформулированной на период обучения основной «производственной задачи».

Известно, что знания лучше усваиваются, а умения и навыки активнее приобретаются, если в процессе обучения слушатель находится в условиях, максимально приближенных к практической деятельности. И если в условиях вуза эта задача может быть решена лишь частично (из-за отсутствия на первых порах у слушателей необходимого объема знаний), то при повышении квалификации появляется реальная возможность решить ее практически полностью. Вместе с тем в условиях учебного заведения мы не имеем возможности создать реальную контрразведывательную ситуацию, поэтому прибегаем к помощи имитационных моделей деятельности, которые и получили название игровых.

Таким образом, основная идея, отражающая предлагаемую концепцию контрразведывательной оперативно-управленческой игры, заключается в том, чтобы слушатели с первого дня обучения на ФПК включались в игру, воспринимали все виды учебных занятий как необходимые этапы качественного решения некоторой основной «производственной задачи», например разработки программы контрразведывательного поиска, разработки программы контрразведывательного обеспечения оборонной тематики и т. п.

При данной постановке вопроса «подача теоретического материала должна быть такой, чтобы обеспечить эффективное проведение игры и добиться достижения ее целей. Иными словами, теоретический материал подается специально под игру. Это предполагает изложение теоретических положений не только перед игрой, но и в промежутках между этапами, проведение специальных семинарских и практических занятий»[6]. Полностью разделяя точку зрения В. Н. Ковалева на проблему сочетания традиционных и активных форм обучения, хотим все-таки заметить, что автор, к сожалению, не развил дальше свою идею, ограничившись пониманием оперативно-управленческой игры как модели какого-то реального контрразведывательного процесса или части его, как средства «прежде всего для проверки и отработки различных вариантов поведения людей в той или иной оперативной обстановке»[7].

В открытой литературе излагается достаточно устоявшееся мнение о том, что деловые игры должны рассматриваться лишь

Ковалев В. Н. Применение и методика разработки управленческих игр для руководящего состава, с. 181.

[7] Там же, с. 183.

«как логическое завершение определенного теоретического курса, своего рода практическое дополнение к нему»[8]. Некоторые авторы идут и дальше, что, впрочем, следует из логики развития приведенной мысли. Они считают, что деловая игра — «это живая, интересная форма занятий, которая, по существу, носит зачетный, экзаменационный характер»[9]. Сведение задач деловой игры лишь к контролю того, чего достиг, чему научился слушатель, по нашему мнению, искусственно обедняет ее возможности, а психологически приводит к выработке у слушателей отрицательной установки на деловую игру как форму контроля знаний. Обучение с помощью оперативно-управленческой игры прежде всего имеет целью привитие навыков творческой работы, а сама игра — это форма организации активного обучения, если можно так выразиться, эстафета передового опыта. Объединение слушателей в группы в процессе оперативно-управленческой игры является действенным средством индивидуального и группового творчества.

В своем содержательном аспекте оперативно-управленческая игра отличается от анализа конкретных контрразведывательных ситуаций тем, что в основном она должна выступать в роли средства разработки проектов комплексных общих и локальных программ совершенствования контрразведывательной деятельности. Поэтому помимо дидактического аспекта оперативно-управленческая игра несет в себе исследовательский и чисто практический аспекты. Она не только аккумулирует (или констатирует) передовой опыт, но и как бы создает его, то есть создает новые знания об объекте имитационного моделирования, пригодные для непосредственного внедрения в практическую контрразведывательную деятельность. Из этого следует, что в качестве основы контрразведывательной оперативно-управленческой игры, как правило, должна избираться четко сформулированная, но не нашедшая оптимального решения практическая проблема. А поэтому деловую игру можно иначе квалифицировать как имитационный эксперимент с целью отработки на модели контрразведывательной деятельности ее новых форм, методов и приемов.

В этом, собственно, и состоит отличие излагаемой точки зрения на контрразведывательную оперативно-управленческую игру от традиционного понимания ее сущности и содержания. В этом смысле учебная группа слушателей потоков повышения квалификации сродни исследовательскому коллективу, решающему актуальные практические проблемы контрразведывательной деятельности или по крайней мере намечающему пути их эффективного решения. Только в этом случае, как нам пред-

---

[8] Павлов Ю. Повышаем эффективность занятий. — Политическое самообразование, 1985, № 10, с. 97.

[9] Горячкин М., Быков Г. Деловые игры в практику политической учебы. — Политическое самообразование, 1986, № 6, с. 72.

ставляется, пополнение теоретических знаний слушателей, осуществляемое в форме проблемных лекций, будет восприниматься ими как своеобразная методологическая и теоретическая проработка практической проблемы, а семинарские и практические занятия — как предпроектное обследование, то есть как необходимые этапы качественного решения некоторой «производственной задачи».

Проблема повышения творческой направленности обучения рассматривается некоторыми авторами сквозь призму организации проблемного обучения. И в этом случае они также приходят к выводу, что при повышении квалификации основой проблемного обучения является процесс познания исследовательского типа. В частности, отмечается, что слушатели готовятся для оперативной деятельности, проходящей в острой борьбе с противником и требующей от сотрудников самостоятельного поиска, творческого подхода к решению задач советской контрразведки. Поэтому и обучение кадров по своей сути должно быть приближено к исследовательскому процессу[10].

Можно даже сказать больше. При такой организации процесса обучения собственно игровые моменты, так или иначе создающие психологический дискомфорт из-за отсутствия практической значимости выполняемой деятельности (чувство того, что он является обучаемым, постоянно присутствует у человека), как бы отходят в сторону, блокируются чувством сопричастности к разработке актуальной практической проблемы.

Из всего изложенного не вытекает, что содержательный аспект оперативно-управленческой игры должен базироваться исключительно на действующих делах оперативного учета. Технологические новшества можно отрабатывать на различных примерах (необязательно действующих). А вот подступиться к проблеме повышения эффективности контрразведывательной деятельности с какой-либо из сторон (например, разработка комплексной программы перестройки контрразведывательной деятельности по пятой линии в условиях расширяющейся демократизации и гласности или разработка системы организации контрразведывательного поиска) — дело чрезвычайно важное и нужное. Практика преподавания специальной дисциплины 18 показывает, что именно в этих вопросах у руководящего состава органов контрразведки возникают наибольшие сложности. В этом видится, помимо всего прочего, один из неиспользованных до сего времени резервов укрепления взаимосвязей и тесного взаимодействия науки о контрразведке с контрразведывательной практикой, привлечения практических работников к научному творчеству.

---

[10] См.: Пилипенко В. Ф., Попов Н. А. Проблемное обучение в преподавании курса специальной дисциплины № 3. — Труды ВКВК КГБ СССР, 1986, № 5, с. 73 (г. Новосибирск).

Контрразведывательная деятельность характеризуется многоаспектностью и многофункциональностью. Многоаспектность выражается в том, что в процессе контрразведывательной деятельности руководители и оперативные работники контрразведывательных подразделений наравне с чисто профессиональными, а порой и политическими проблемами решают (или по крайней мере учитывают) проблемы организационного, управленческого, методического, коммуникационного, информационного и, наконец, психологического характера. Это предъявляет к ним требование владения разносторонними знаниями, умениями и навыками. Специфическим аспектом деятельности руководителя контрразведывательного подразделения является поощрение и развитие разумной инициативы и творчества оперативного состава. А для этого руководитель как минимум сам должен обладать этими качествами (быть инициативным и проявлять творческое отношение к делу), а также владеть методами развития этих качеств у подчиненных.

Многофункциональность контрразведывательной деятельности связана со стоящими перед контрразведывательным подразделением задачами, с характером и уровнем решаемых практических проблем, со спецификой собственно контрразведывательной деятельности. Творческий аспект деятельности наиболее ярко проявляется при выполнении функции научного анализа и оценки практической проблемы, моделирования процесса ее развития и на этой основе прогнозирования, разработки функциональных моделей действий противника и контрразведки, разработки контрразведывательных операций и отдельных оперативных комбинаций. Творческий подход характеризуется, по нашему мнению, тем, что любая практическая проблема должна восприниматься оперативным работником прежде всего как проблема исследовательская, требующая для своего качественного решения использования соответствующих способов ее представления. В противном случае рождаются стереотипы деятельности и шаблоны выполнения отдельных функций.

Нам представляется, что необходимым критерием выбора объекта имитационного моделирования для контрразведывательной оперативно-управленческой игры является уровень творческой активности личности при решении контрразведывательных задач. Выделение этого критерия основывается на том, что в настоящее время наиболее актуальной задачей педагогики является задача развития инициативы и творчества в любой, в том числе и контрразведывательной, деятельности на базе прочных знаний, составляющих передний край современной науки, применительно к контрразведывательной деятельности — науки о контрразведке, а также передового опыта контрразведывательной деятельности.

На этом основании в качестве объекта имитационного моделирования предлагается избрать совокупность основных твор-

ческих процессов (творческую сторону) контрразведывательной деятельности. Это полностью отвечает современным представлениям о роли человеческого фактора в повышении эффективности контрразведывательной деятельности.

Процесс контрразведывательной деятельности можно условно разделить на две стадии. Первая стадия — познавательная деятельность, то есть исследование возникшей в контрразведывательной практике проблемы. Эта стадия контрразведывательной деятельности, по существу, представляет собой своеобразную форму прикладного исследования, основной вопрос которого заключается в том, как решить ту или иную задачу, какие средства и пути здесь могут быть использованы. Результат такого исследования — метод решения практической задачи.

Вторая стадия — преобразовательная деятельность, то есть осуществление целенаправленного воздействия на объект подрывной деятельности с целью его контрразведывательного ограждения, а также осуществление воздействия на субъект подрывной деятельности с целью изменения его поведения и образа действий. Результат этой деятельности — предотвращение ущерба государственной безопасности СССР.

Условность деления процесса контрразведывательной деятельности на стадии заключается в том, что и преобразовательная стадия не может рассматриваться исключительно как процесс технологический, реализующий разработанные в ходе исследования средства и пути решения практической задачи. Воздействие на объект, изменение поведения и образа действий субъекта подрывной деятельности, естественно, вносят коррективы в исследовательскую стадию (точнее, в ее результаты), которую в определенной части необходимо возобновить — доисследовать проблему.

Таким образом, мы пришли к выводу, что оперативно-управленческая игра должна включать как минимум две модели — функциональную модель познавательной деятельности и функциональную модель преобразовательной деятельности.

Функциональная модель познавательной деятельности

Прежде всего необходимо сказать, что процесс исследования практической проблемы проходит по крайней мере три последовательные стадии, реализующие диагностическую, прогностическую и проектную функции.

Вряд ли нужно доказывать, что решение любой практической задачи требует объективной оценки реально сложившейся проблемной ситуации, то есть диагноза. Это первая стадия познавательной деятельности. Применительно к контрразведывательной деятельности следует, видимо, говорить об анализе и оценке оперативной обстановки. При этом необходимы такие методы, которые позволяли бы осуществлять такой диагноз до-

статочно быстро, точно и надежно. Дидактическая цель этого этапа — предоставление слушателям научной информации, выработка умений и навыков проведения системного анализа исследуемого объекта. В имитационной модели диагностическая функция может быть представлена в форме лекций, семинаров и практических занятий. Результатом этой стадии должна явиться аналитическая информация об оперативной обстановке, содержащая в качестве вывода формулировку практической проблемы.

Вторая стадия познавательной деятельности — прогнозирование развития оперативной обстановки. Следует отметить, что прогноз должен включать определение альтернативных вариантов развития с указанием тех условий, в которых может реализоваться каждый из них. Особое внимание в построении прогноза должно быть уделено активности противника. Завершающим этапом прогноза является выдвижение оперативных версий о действиях предполагаемого (если речь идет о контрразведывательном поиске как практической проблеме) противника либо конкретного лица (группы лиц). Дидактическая цель этой стадии — закрепление знаний, привитие умений и навыков прогнозирования оперативной обстановки и, главное, действий противника.

И наконец, третья, последняя, стадия — проектирование. С точки зрения методической эта стадия, пожалуй, наиболее сложна, поскольку основная роль в ней принадлежит методам теоретического (порой экспериментального) моделирования поведения и образа действий предполагаемого или явного противника. Основная сложность заключается в построении функциональной модели деятельности противника, а также соответствующей ей модели действий контрразведки. Функция проектирования предполагает не только моделирование, но и умственный эксперимент. И здесь возникает своего рода мостик в сторону функции прогнозирования с целью уточнения выдвинутых оперативных версий о поведении и образе действий противника. Дидактическая цель этой стадии заключается в том, чтобы детально познакомить слушателей с методами моделирования поведения противника (от объекта контрразведывательного ограждения и от субъекта подрывной деятельности), а также привить навыки построения функциональных моделей, вытекающих из сформулированной практической проблемы.

Если, как мы отмечали ранее, практическая проблема является сквозной для всего процесса обучения, то «отработка» стадий познавательной деятельности может осуществляться с помощью конкретных ситуаций, оперативных задач, то есть в форме своеобразного тренинга, с целью привития умений и навыков организации и осуществления познавательной деятельности.

Функциональная модель преобразовательной деятельности

Функциональная модель преобразовательной деятельности — это, по сути, имитация действий контрразведки по выявлению, предупреждению и пресечению действий субъекта подрывной деятельности. Преобразовательная деятельность предполагает прежде всего целенаправленное воздействие на субъект подрывной деятельности (явный или пока не выявленный), а также воздействие на объект контрразведывательного ограждения.

В обоих случаях функциональная модель действий контрразведки должна соответствовать (быть как бы «зеркальным» отражением) функциональной модели деятельности противника[11].

Однако функциональная модель деятельности противника всегда будет избыточной (из-за того, что необходимо предусмотреть альтернативные варианты действий противника), поэтому и модель действий контрразведки также является избыточной, но не только из-за противника. Известно, что одну и ту же практическую задачу можно решить разными путями. В одних случаях целесообразно воздействовать на причину (вспомним о методе моделирования от объекта контрразведывательного ограждения), в других можно создать такое явление, которое послужит причиной активизации (и тем самым «проявления») противника или, наоборот, прекращения им подрывной деятельности (одна из форм предупреждения). Но можно воздействовать и непосредственно на субъект подрывной деятельности путем лишения его средств подрывной деятельности или пресечения его действий. При выборе метода воздействия важно иметь в виду не только тот эффект, на который рассчитывает контрразведка, но и побочные эффекты. Если практические рекомендации по организации контрразведывательной деятельности не учитывают всей системы побочных эффектов, побочный эффект может оказаться сильнее основного, а конечный результат — противоположным тому, ради которого осуществлялось воздействие. Кроме того, необходимо учитывать как политические, так и социальные последствия использования того или иного метода воздействия на субъект подрывной деятельности или на объект контрразведывательного ограждения.

Любое воздействие изменяет поведение и образ действий объекта. На стадии познавательной деятельности мы не могли предусмотреть все возможные взаимосвязи в функциональной модели деятельности противника. Поэтому здесь образуется как бы мостик между исследовательской и преобразующей функциями контрразведывательной деятельности.

---

[11] Принцип соответствия структуры контрразведывательной деятельности структуре подрывной деятельности противника сформулирован В. П. Ерошиным в работе «Некоторые вопросы теории обеспечения государственной безопасности в свете новой Конституции СССР» (М., изд. ВШ КГБ, 1979, с. 34).

Разработка имитационных моделей, составляющих контрразведывательную оперативно-управленческую игру и включающих такие функции, как диагноз, прогнозирование, проектирование и воздействие, не может основываться на стандартах. Поэтому большинство элементов оперативно-управленческой игры (тем более, когда речь идет о поиске решения комплексной практической проблемы) не алгоритмизируются. Иными словами, объект имитационного моделирования содержит в основном элементы импровизации, творчества. Но это как раз то, что необходимо для реализации основных дидактических целей повышения квалификации.

В настоящей статье предпринята попытка нетрадиционного рассмотрения оперативно-управленческой игры как дидактической основы всего процесса обучения в системе повышения квалификации КГБ СССР.

Одним из основных выводов, вытекающих из представленной концепции, является вывод о том, что процесс обучения должен носить характер, максимально приближенный к исследовательскому, а организационный механизм — максимально побуждать слушателей к проявлению творческого подхода, создавать устойчивую мотивацию познавательной деятельности.

Повышение квалификации руководящих кадров КГБ СССР преследует цели обновления и пополнения знаний в области контрразведывательной деятельности, совершенствование мастерства руководящего состава. При этом определяющим является обоснование оптимальных соотношений между учебными дисциплинами, обеспечивающими уровни теоретической подготовки, профессиональной ориентации и специализации слушателей.

Соотношение дисциплин в учебных планах и программах должно подчиняться идее единого учебно-тематического комплекса. Каждая дисциплина должна предоставлять слушателям потоков повышения квалификации только ту информацию, которая является необходимой и достаточной для решения в процессе обучения основных «производственных задач». В качестве таковых, как отмечалось ранее, избираются наиболее актуальные проблемы контрразведывательной деятельности условного оперативного подразделения. Условность заключена отнюдь не в игровой модели, а в многофункциональности решаемых задач (одновременно могут возникать задачи по 2, 4, 5, 6-й линиям). Доминантность той или иной линии зависит от особенностей конкретного учебного потока.

Это приводит к мысли о необходимости руководствоваться при формулировании основных «производственных задач» так называемым модульным принципом, в соответствии с которым отдельные «элементарные модули» различных дисциплин объединяются в типовые блоки описания определенных проблем. Поясним эту мысль на следующем примере.

Для изучения проблемы контрразведывательного поиска как составной части контрразведывательной деятельности слушатели должны прежде всего пополнить объем знаний необходимой и достаточной информацией (в соответствии с последними достижениями контрразведывательной теории и практики) о методах и процедуре системного анализа и оценки оперативной обстановки на объектах оперативного обслуживания и линиях контрразведывательной деятельности. Критерии необходимости и достаточности в условиях ограниченности сроков обучения играют весьма важную роль. Критерий необходимости определяется исходя из уровня знаний пришедших на повышение квалификации слушателей; критерий достаточности выводится из уровня развития специальной теории.

Освоение этой информации будет проходить с бо́льшим эффектом, если слушатели будут предварительно ознакомлены с принципами, целями и способами применения системного подхода как направления методологии специально-научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объектов как систем, а также системного анализа как совокупности методологических средств, используемых для подготовки и обоснования решений по сложным комплексным проблемам.

Логической составной частью процесса анализа и оценки оперативной обстановки является исследование новейших тенденций в тактике разведывательно-подрывной деятельности противника, в том числе в работе с агентурой, в применении технических средств разведки, в разработке и использовании новых тактических приемов связи с агентами и т. п. Все эти и другие тенденции в тактике проявляются в деятельности предполагаемого агента противника, а его поиск контрразведывательным подразделением должен осуществляться на основе разрабатываемой функциональной модели этой деятельности, включающей не только особенности «технологии» разведки, но и особенности личности агента. Результатом усвоения данного объема знаний должна быть выработка умения построить функциональную модель деятельности предполагаемого агента противника.

Логическим продолжением (очередной стадией) контрразведывательного поиска является разработка модели контрразведывательной деятельности оперативного подразделения, обеспечивающей надежное выявление осуществляемых агентом противника функций и слежение за ним.

Процесс разработки этой функциональной модели предполагает ее оптимизацию. Это может быть достигнуто только за счет использования в модели таких свойств контрразведывательной деятельности, как активность и наступательность. Иными словами, разработка функциональной модели деятельности контрразведки предполагает разработку оперативных комбинаций и контрразведывательных операций «инициирующих» аген-

та разведки противника «проявляться» в тех местах, где имеются наши достаточно надежно регистрирующие противника силы и средства.

Любая контрразведывательная операция не может быть разработана и проведена успешно, если слушатели не владеют знаниями в области основных функций управления контрразведывательной деятельностью. Эти функции управления должны найти отражение и в структуре поисковой контрразведывательной операции, и, естественно, в функциональной модели контрразведывательной деятельности оперативного подразделения, осуществляющего поиск вражеского агента.

Конкретное тематическое наполнение данного блока, видимо, осуществляется на основе единого учебно-тематического плана при тесном взаимодействии научно-педагогических работников различных специальных кафедр.

При решении задач, связанных с расследованием чрезвычайных происшествий, подозрительных на диверсию или террористический акт, с розыском авторов и распространителей анонимных антисоветских документов, с разработкой лиц, намеревающихся совершить измену Родине в форме бегства за границу, и т. п., в тематические планы должны быть включены и соответствующие проблемы правовых дисциплин.

Предполагается, что в содержании обучения на ФПК должны существовать некоторые стабильные модули, входящие в тематические планы всех (или подавляющего большинства) учебных потоков. Их следует отнести к совокупности «элементарных модулей» специальных, юридических и общественных дисциплин, обеспечивающих общую теоретическую подготовку слушателей в соответствии с последними достижениями контрразведывательной науки.

В зависимости от содержания основных контрразведывательных задач, выступающих в качестве направлений специальной подготовки и повышения квалификации, некоторые «элементарные модули» будут претерпевать частичные или значительные содержательные изменения (например, методика анализа и оценки оперативной обстановки на различных линиях контрразведывательной деятельности), то есть в них будут вноситься определенные специфические особенности линии или участка. Этот блок следует отнести к обеспечивающим общую профессиональную ориентацию (по направлениям и линиям работы).

И наконец, последний блок — совокупность знаний, умений и навыков, заключенных в различных дисциплинах, обеспечивающих специализацию по профилю конкретной деятельности.

Таким образом, из сказанного можно сделать вывод, что проблема соотношения дисциплин в учебных планах и программах должна решаться в соответствии с направленностью основных контрразведывательных задач, составляющих содержание контрразведывательной оперативно-управленческой игры.

Содержательная характеристика блоков зависит от специфики учебных потоков. Отсюда закономерно вытекает еще один вывод: повышение квалификации руководящего состава и специалистов должно осуществляться в соответствии с определенным перечнем специальностей, разработанными квалификационными характеристиками в рамках каждой специальности и на основе результатов входного контроля знаний, умений и навыков слушателей. Этот вывод следует воспринимать как предложение для будущей системы подготовки слушателей в рамках факультета повышения квалификации.

Рекомендована спецкафедрой № 18
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук
подполковник И. Р. Адамс

Кандидат юридических наук
майор *В. М. Деревяго*,
капитан *А. В. Минаев*

НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РАБОТЫ СО СЛУШАТЕЛЯМИ НА БАЗЕ СРЕДСТВ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве» от 13 марта 1987 года[1] дается программа обновления и перестройки высшей школы в нашей стране. Одним из центральных направлений перестройки высшего образования является усиление индивидуальной работы со слушателями в «целях развития творческих способностей будущих специалистов»[2].

«Важной общественной потребностью является воспитание людей творческого склада, что соответствует требованиям современного уровня развития научно-технического прогресса и общественных отношений. Социалистическому обществу нужны люди, которые полученные знания умеют применять в процессе решения конкретных проблем»[3].

Опыт учебных заведений нашей страны[4], братских социалистических стран (НРБ, ВНР, ГДР, ЧССР)[5], развитых капиталистических стран (Англии, США, Франции, Японии)[6] убедительно показывает, что внедрение технических средств обуче-

---

[1] См.: СП СССР, 1987, № 23, ст. 82.

[2] Там же.

[3] Боракова Е. Состояние и перспектива развития современных методов обучения в ЧССР.— Современная высшая школа, 1985, № 4, с. 141—144.

[4] См.: Савельев А. Я. Исследование и разработка методов использования ЭВМ в обучающих системах. Автореферат канд. дис. М., 1974; Стогний А. А., Довгялло А. М., Колотущенко Э. Ф. Принципы организации и перспективы развития автоматизированных центров. Киев, Изд. АН УССР (Ин-т кибернетики), 1977; Фридман Л. М. Дидактические основы применения задач в обучении. Автореферат докт. дис. М., 1971; Ющенко Е. Л., Бабенко А. П., Берестовская С. Н. Автоматизированная система обучения языку кобол.— Кибернетика, 1973, № 4, с. 48—56; Глушков В. М., Довгялло А. М., Платонов Б. А., Ющенко Е. Л. Типовая диалоговая обучающая система педагог с сервисным режимом автор для обучения языкам программирования.— В кн.: Теория языков и методы построения систем программирования. Киев, Изд. АН УССР (Ин-т кибернетики), 1972, с. 15—28, и др.

[5] См.: Боракова Е. Состояние и перспектива развития современных методов обучения в ЧССР. — Современная высшая школа, 1985, № 4, с. 141—144.

[6] См.: Крюков В. Ф. Использование и разработка методов использования ЭВМ в области образования в США. Автореферат канд. дис. М., 1974; Суппес П. Образование и вычислительные машины.— В кн.: Информация. Под ред. А. В. Шилейко. М., Мир, 1968, с. 68—81.

ния (ТСО) в учебный процесс имеет важное значение для совершенствования образования на всех уровнях, создает большие возможности для глубокого изучения основ науки, специальных дисциплин, для развития познавательной активности учащихся, интенсификации учебного процесса.

ТСО выступают прежде всего как средство активизации мышления и деятельности слушателей. В интенсификации обучения ТСО могут выполнять различные функции: усиливать действия преподавателя (при демонстрации дидактического материала, приеме ответов студентов в автоматизированном классе, выдаче вариантов вопросов при помощи графопроектора, диапроектора); замещать преподавателя на определенных этапах обучения (выдача нового материала, вариантов вопросов проекционными средствами в автоматическом режиме) и т. д.[7] Единой, общепринятой классификации ТСО, к сожалению, практически нет. Под ТСО можно понимать комплекс двух взаимосвязанных частей: информационного фонда (методического обеспечения) и аппаратуры, воспроизводящей и передающей информацию. В соответствии с этим к ТСО, например, можно отнести диапроекторы, эпидиаскопы, кодоскопы, видеомагнитофоны, учебное телевидение, различные модели электронно-вычислительных машин и т. д. Наибольший эффект обучения с применением ТСО может достигаться, без сомнения, комплексным применением ТСО различного назначения.

В учебном процессе Высшей школы КГБ СССР применение ТСО имеет давние традиции, однако необходимость решения задачи индивидуализированной интенсифицированной подготовки слушателей ВШ, особенно по предметам юридического цикла, очень велика, так как, несмотря на требования последних партийных документов об усилении социалистической законности[8], требования Коллегии КГБ СССР об усилении правовой подготовки сотрудников[9], количество часов, отводимых на изучение юридических дисциплин, в новых учебных планах неуклонно сокращается.

Стало ясно, что в условиях постоянно возрастающих требований к качеству подготовки слушателей существующий учебный процесс, его традиционные методы и формы обучения по юридическим дисциплинам нуждаются в активизации.

---

[7] См.: Ржецкий Н. Н. Пути интенсификации учебного процесса на основе применения ТСО.— В кн.: Проблемы высшей школы, вып. 57; Совершенствование подготовки студентов по фундаментальным дисциплинам. Киев, 1985, с. 85—91.

[8] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 61; Материалы Пленума ЦК КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., Политиздат, 1987, с. 68, 109.

[9] См.: Приказ председателя КГБ СССР № 0170 от 25 марта 1987 г.

Одним из первых шагов в интенсификации учебного процесса стало применение преподавателями кафедры общеправовых дисциплин контрольно-обучающей машины «Лингва-1М».

Анализ опыта использования «Лингвы-1М» показал, что она действительно способствует некоторой интенсификации учебного процесса за счет:

стопроцентного охвата учебной группы;

сочетания контролирующих и некоторых обучающих начал;

наличия итогового контроля за решением задач;

привития слушателям определенных навыков самостоятельной работы с нормативным материалом, что крайне необходимо будущим чекистам;

повышения эмоциональной активности слушателей в процессе работы;

объективности оценки знаний.

Однако, несмотря на то что занятия с применением «Лингвы-1М» проходили динамично, эмоционально, интересно и способствовали некоторому улучшению качества подготовки по общеправовым дисциплинам, ее использование не могло удовлетворить все более возрастающие требования к учебному процессу. Дело в том, что технические средства обучения типа «Лингвы-1М» наряду с перечисленными выше достоинствами имеют и существенные недостатки, среди которых прежде всего следует выделить:

отсутствие возможности оперативного контроля преподавателем самостоятельной работы слушателей;

невозможность определения ошибок, допущенных слушателями в процессе работы. Выдается только итоговый результат работы и не указывается, что сделано правильно, а что нет. Данный недостаток может способствовать закреплению у слушателей неправильных, негативных знаний;

сложность индивидуализирования работы со слушателями, во-первых, из-за отсутствия оперативного анализа их работы и, во-вторых, из-за крайне высокой трудоемкости разработки индивидуального задания для каждого слушателя. Высокая трудоемкость разработки задания, невозможность случайного выбора задач при использовании «Лингвы-1М» создают возможность простого отгадывания решения, а также передачу слушателями из группы в группу правильных кодов ответов, что практически сводит на нет все усилия преподавателя по составлению задачи;

низкая автоматизация процесса работы, вследствие чего преподавателю приходится с ручкой, листом бумаги и фишкой для проверки результата подходить к каждому слушателю;

невозможность обобщения результатов работы группы, нескольких групп, факультетов в интегрированном удобочитаемом виде, что не позволяет выявить трудно усваиваемые разделы курса.

Необходимость компьютеризации учебного процесса[10] способствовала поиску более эффективных технических средств обучения, лишенных этих недостатков.

Министерством высшего и среднего образования СССР ректорам высших учебных заведений была поставлена задача: осуществить всестороннюю компьютеризацию учебного процесса; обеспечить выделение в период обучения не менее 100 часов дисплейного времени для студентов гуманитарных вузов; организовать на базе ведущих вузов разработку методических, психологических и других проблем, связанных с использованием вычислительной техники в учебном процессе, а также переподготовку и повышение квалификации профессорско-преподавательского состава в области компьютерной технологии обучения; обеспечить централизованную разработку, тиражирование прикладных программ для учебных дисциплин и программных средств автоматизированных обучающих систем, с тем чтобы к 1990 году создать на этой основе общесоюзный банк информации для компьютерного обучения[11].

В настоящее время в системе обучения, сложившейся на техническом факультете ВШ КГБ СССР, широко используются средства вычислительной техники (СВТ), которые выступают как:

эффективное средство решения научно-исследовательских и учебных задач (в сочетании с соответствующим программным обеспечением);

самостоятельный объект для изучения, требующий соответствующих умений, знаний, навыков;

средство обеспечения учебного процесса на базе автоматизированных обучающих систем (АОС), используемое при наличии соответствующего учебно-методического и программного обеспечения.

Применению СВТ по третьему направлению на СК-15 ВШ КГБ уделяется самое серьезное внимание. Например, в течение ряда лет на СК-15 проводились целенаправленные исследования в целях создания автоматизированных обучающих систем, ориентированных на слабоформализованные дисциплины. В результате этих исследований была разработана архитектура и выбраны соответствующие инструментальные и технические средства, позволившие реализовать диалоговую индивидуальную систему контроля и обучения («ДИСКО»). Эта система стала использоваться в учебном процессе СК-15 по курсу «Основы применения средств вычислительной техники в системе КГБ СССР». Использование данной АОС показало эффективность и целесообразность ее применения в учебном процес-

[10] См.: Горбачев М. С. Революционной перестройке идеологию обновления. Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г. М., Политиздат, 1988, с. 4.

[11] См.: СП СССР, 1987, № 23, ст. 82.

се. «Заставляя студентов обдумывать ответы на поставленные вопросы, она (то есть ЭВМ) требует от них дополнительной активности, осуществляя некоторое «психологическое давление»[12].

В дальнейшем на базе АОС «ДИСКО» совместно со специальными кафедрами ВШ КГБ № 1 и 12 были разработаны четыре версии АОС «ДИСКО»: версии № 2, 3, 4 «ДИСКО» разработаны совместно с СК-1, версия № 5 «ДИСКО» разработана с СК-12. Все версии системы «ДИСКО» прошли опытную эксплуатацию в рамках учебного процесса СК-15, СК-1, СК-12, а также апробированы в учебном процессе факультета повышения квалификации.

АОС «ДИСКО» является системой фрагментарно-ориентированного типа[13], обеспечивающей возможность индивидуальной работы для каждого слушателя в удобном для него темпе.

Система фиксирует ошибки обучаемых, а в версии № 4 («Аврора») частично диагностирует ошибки. В конце работы система подготавливает протокол занятий каждого слушателя и группы в целом.

Опыт применения АОС «ДИСКО» в учебном процессе позволяет сказать, что система обучения с применением ЭВМ является специфической системой управления познавательной деятельностью слушателя, выдерживающей определенную технологическую схему процесса усвоения знаний. Эту схему можно представить в виде последовательности следующих этапов:

1. Определение начального уровня знаний слушателя.
2. Предварительное ознакомление слушателя с предметной областью и планом проведения занятия.
3. Приобретение и закрепление знаний[14].
4. Обобщение приобретенных знаний.
5. Определение итогового качества знаний и принятие решения о дальнейшем направлении обучения.

Обобщение приобретенных знаний предполагает наличие банка локальных задач, после решения которых слушателю предлагается комплексная задача, в которой полученные частные решения он применяет на основе самостоятельно сделанных обобщающих выводов.

Итоговое качество знаний определяется по сумме показателей, которые характеризуют знания, усвоенные слушателем при решении локальных задач, комплексных задач, а также результаты опросов, полученные при других видах обучения.

---

[12] Сладкевич Б. Г. Роль технических средств в активизации познавательной деятельности студентов.— В кн.: Активизация познавательной деятельности студентов. Л., изд. ЛГПИ, 1973, с. 95.

[13] См.: Митин А. И., Пасхин Е. Н. Методы и типы автоматизированного обучения.— Вестник МГУ. Серия 15. Вычислительная математика и кибернетика, 1982, № 4, с. 39—43.

[14] Пункты 1, 2, 3 реализованы во всех версиях «ДИСКО».

Исходя из набора этих показателей, можно принять решение о дальнейшем направлении обучения.

Частично пункты 4, 5 реализованы в отдельных версиях «ДИСКО», но говорить о выполнении этих пунктов полностью пока не приходится. Это объясняется многими трудностями; среди них можно выделить две главные. Во-первых, большие интеллектуальные затраты при разработке соответствующего программного обеспечения, за счет чего резко возрастает трудоемкость исполнения. Во-вторых, отсутствие соответствующих дидактических материалов, подготовка которых тоже весьма сложна.

Версии «ДИСКО» на сегодняшний день постоянно совершенствуются, и с этой точки зрения данная система является открытой. Естественно, реализованные версии системы «ДИСКО» имеют и некоторые недостатки; они устраняются в последующих версиях АОС. Например, секцией гражданского права кафедры общеправовых дисциплин и секцией автоматизированных систем информационного обеспечения (АСИО) специальной кафедры № 15 реализуется версия № 6 «Цивилист» «ДИСКО», ориентированная на изучение дисциплины «Гражданское право».

Версия «Цивилист», сохраняя основные принципы построения задач, принятые в «ДИСКО»[15], имеет к тому же и некоторые новые возможности. Новизна подхода, предлагаемого в версии «Цивилист», заключается в следующем:

во-первых, обеспечение каждого слушателя индивидуальным заданием;

во-вторых, создание автоматизированной процедуры подбора сложности задачи, зависящей от уровня знаний каждого слушателя (это достигается автоматическим переходом в рамках АОС с низкого уровня сложности задачи на более высокий уровень сложности и наоборот);

в-третьих, более полный сбор информации о ходе обучения с последующим созданием банка протоколов работы с АОС не только на период конкретного занятия, но и на весь период обучения слушателя по данной дисциплине.

Предлагаемый подход позволяет сформулировать некоторые новые принципы, которые не использовались при реализации предыдущих версий «ДИСКО», но которыми необходимо руководствоваться при разработке систем подобного типа:

1. Неповторяемость вариантов заданий.
2. Дифференцированный учет уровня сложности заданий.
3. Создание банка нормативно-справочных материалов.
4. Создание интегрированного банка статистической информации за весь период обучения слушателя.

---

[15] См.: Труды ВШ КГБ, 1988, № 43, с. 356—366.

5. Обобщение результатов работы в системе.

6. Прогнозирование дальнейшего направления стратегии обучения слушателя.

Рассмотрим некоторые из перечисленных принципов на примере создания «ДИСКО» версии «Цивилист».

1. *Неповторяемость вариантов заданий.* Это означает, что одному и тому же слушателю ЭВМ дважды не даст одну и ту же задачу[16]. Кроме того, на одном занятии ЭВМ одновременно на 16 дисплеях по возможности дает неповторяющиеся задачи. Иногда это невозможно, так как количество задач по конкретной теме колеблется в настоящее время от 25 до 50. В этом случае АОС предполагает одинаковые задачи, но тогда правильный ответ гибко (случайно) меняет место среди имеющихся альтернатив. Например, правильный ответ на первом дисплее по счету был первым, на втором он стал четвертым, на третьем — вторым и т. д.

Обеспечение каждого слушателя, работающего с системой, индивидуальным заданием достигается, во-первых, формированием банка задач, состоящего на первом этапе из 150 задач по 4—5 темам курса, во-вторых, формированием отдельного банка альтернатив.

2. *Дифференцированный учет уровня сложности заданий.* Все имеющиеся по темам задачи распределены по четырем уровням сложности — от простого к сложному. Процесс автоматизированного выбора уровня сложности условно можно разделить на несколько стадий.

Первая стадия. ЭВМ начинает работу со слушателем, предлагая ему решить задачу первого уровня сложности. При правильном решении этой задачи «ДИСКО» дает вторую задачу второго уровня сложности, третью — третьего уровня, четвертую — четвертого уровня и опять первого уровня сложности[17].

Вторая стадия. Если задача определенного уровня сложности не решена, то ЭВМ предлагает следующую задачу более низкого уровня сложности. В случае неправильного решения задачи первого уровня сложности предлагается задача того же уровня сложности.

Третья стадия. Если слушатель быстро (15—20 мин.) и правильно (решение оценено не ниже чем «хорошо») справился с первыми пятью задачами, то с разрешения преподавателя АОС переходит ко второму типу заданий. ЭВМ предлагает слушателю следующие пять задач только третьего и четвертого уровня сложности. Такой вариант отмечается знаком особой

---

[16] Задачи представляют собой вопрос (теоретический, практический, казус) и четыре-пять ответов (альтернатив), один из которых правильный.

[17] Такое задание можно назвать «стандартный билет». Он состоит из двух задач первого уровня сложности и по одной задаче второго, третьего, четвертого уровней сложности.

сложности. Замена сложности задач в этом варианте не происходит независимо от результатов решения.

Четвертая стадия. Если слушатель на предыдущем занятии успешно справился с двойным заданием[18], то на следующем занятии по очередной теме «ДИСКО» начинает работу с предложения задачи третьего уровня сложности. При правильном решении вторая задача идет третьего или четвертого уровня сложности и т. д. В случае если какая-либо из задач решается неправильно, процесс переходит во вторую стадию. При правильном и быстром решении задания из пяти задач процесс работы переходит в третью стадию.

Пятая стадия. Может возникнуть ситуация, когда для конкретного слушателя, учитывая то, что он не должен дважды решать одну и ту же задачу, не хватит задач определенного уровня сложности. В этом случае ЭВМ заменяет нужный уровень сложности более высоким. Если это невозможно, то той же сложности. А если и это невозможно, то низшей сложности. Например, после правильного решения задачи второго уровня сложности необходимо перейти к решению задачи третьего уровня сложности, но слушатель перерешал из банка задач все задачи этого уровня. В этом случае АОС предлагает задачу четвертого уровня. Если в банке задач для этого слушателя нет задач четвертого уровня, предлагается задача второго уровня. Если в банке задач нет задач второго уровня сложности, предлагается задача первого уровня.

Кроме того, в «ДИСКО» версии «Цивилист» предусмотрена возможность определения уровня сложности самого задания (комплекта из пяти задач с графическим отображением уровня сложности задания) исходя из следующих критериев:

1) задание пониженной сложности состоит из трех и более задач первого уровня сложности и не содержит ни одной задачи третьего и четвертого уровней сложности;

2) задание особой сложности содержит три и более задач третьего и четвертого уровней сложности и не содержит ни одной задачи первого уровня сложности;

3) задание средней сложности содержит все остальные возможные варианты набора задач.

Все варианты заданий формируются случайно из банка задач и в зависимости от подготовленности слушателя.

Теперь следует перейти к описанию самого процесса решения задачи и ее оценки. Процесс решения задачи состоит в выборе правильной альтернативы (ответа). Это происходит следующим образом. На дисплее высвечивается текст задачи и ответов. Слушатель путем нажатия кнопки с порядковым номером ответа выбирает правильную альтернативу. При непра-

---

[18] Имеется в виду, что слушатель на предыдущем занятии прошел третью стадию.

вильном ответе ЭВМ «разъясняет» обучаемому, что он ошибся, и может дать небольшую подсказку для правильного выбора ответа. Это, на наш взгляд, затрудняет закрепление в сознании слушателя неправильных ответов и негативного материала.

Если слушатель не знает, как решить задачу, программой предусмотрена возможность обращения к АОС за консультацией. АОС отошлет его к нормативному материалу, содержащему ответ на задачу. Предусмотрена также возможность обращения слушателей к АОС с просьбой объяснить, почему он неправильно или правильно решил задачу. Для этого необходимо обратиться к ЭВМ с вопросом «почему?».

Оценка выполнения задания слушателем происходит на основе некоторого обобщенного показателя, учитывающего следующие моменты решения: количество решенных задач, уровень сложности каждой задачи и задания в целом, количество обращений за консультацией, время, затраченное на решение каждой задачи и задания в целом, а также количество штрафных баллов, полученных слушателем при решении всего задания, и т. д.

3. *Создание банка нормативно-справочных материалов.* В АОС «ДИСКО» версия «Цивилист» предусматривается возможность создания нормативной базы, которая будет пополняться по мере эксплуатации. Такое решение принято в связи с тем, что создание банка нормативных данных весьма трудоемкое дело и одному-двум преподавателям сформировать его сразу невозможно. Кроме того, на наш взгляд, создавать банк надо не по отдельным предметам (гражданскому, уголовному праву, специальным предметам и т. д.), а как общую нормативную базу в целом для школы, которая может быть использована для занятий по любому предмету, а также и в других целях[19]. Это требует объединения усилий нескольких коллективов Высшей школы.

4. *Создание интегрированного банка статистической информации за весь период обучения слушателя.* Прежде всего в версии «Цивилист» предусмотрена возможность сохранения в долговременной памяти ЭВМ результатов работы каждого слушателя за весь период обучения по конкретному предмету.

Далее, система позволяет анализировать работу конкретного слушателя, группы, курса, факультета по конкретному предмету, выводя результаты анализа на печатающее устройство в форматированном виде.

Например, по запросу преподавателя ЭВМ распечатывает специальную таблицу, содержащую следующие данные о работе слушателя по конкретному предмету: дата работы (число,

[19] Создание общешкольной нормативной базы весьма перспективное, нужное дело. Автоматизированный поиск нормативного материала не только активизирует учебный процесс, но и обеспечит нормативным материалом все вспомогательные службы ВШ КГБ СССР.

месяц, год), номер факультета, номер группы, фамилия, имя, отчество, тема занятия, сколько задач решено, уровень сложности задач, очки за решение задач, штрафные очки, количество обращений за консультацией, время, затраченное на решение каждой задачи и задания в целом, сумма очков, полученных за задание, и оценка по пятибалльной системе, выведенная на основании суммы очков, полученных за все задание.

Для облегчения анализа работы слушателя по требованию преподавателя ЭВМ может распечатать итоговую таблицу о работе слушателя в конце семестра или года. Она может содержать следующую информацию: дата работы (число, месяц, год), дата распечатывания таблицы, номер факультета, группы, фамилия, имя, отчество, количество занятий, время проведения занятий, тема занятий, оценки по каждому занятию, уровень сложности заданий, время, затраченное на решение каждого задания, среднее время решения заданий и средний балл работы слушателя, а также некоторую другую информацию.

Подобные таблицы с еще более обобщенными материалами можно истребовать от ЭВМ на группу, курс, факультет.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, применение ЭВМ в учебном процессе является мощным инструментом его активизации. Кроме того, слушатели приобретают необходимый опыт работы с вычислительной техникой, который, несомненно, пригодится им в их профессиональной деятельности в будущем.

Во-вторых, индивидуализация заданий является основной формой работы со слушателями при использовании ЭВМ. За счет этого достигается: лучшее усвоение знаний слушателем; возможность оперативного анализа им своей работы; внесение в нее нужных коррективов в едином темпе с обучением.

В-третьих, применение ЭВМ позволяет подойти к оценке знаний слушателей на основе единых критериев. Оценки, выставляемые ЭВМ, не зависят от субъективных симпатий или антипатий преподавателя по отношению к данному слушателю. Они зависят только от тех формальных критериев, которые ранее были заложены преподавателем в ЭВМ.

В-четвертых, важной особенностью АОС является возможность сохранения в памяти ЭВМ статистической информации, касающейся как обучения отдельного слушателя или группы слушателей, так и всевозможных данных по всему курсу, каждому занятию, каждой задаче. Время обдумывания ответа, сведения о запросах обучаемого о помощи и количестве ошибок — вся эта информация оказывает преподавателю существенную помощь в индивидуальной работе со слушателями.

В-пятых, использование ЭВМ не только как средства обучения, но и как объекта изучения приближает учащегося к вычислительной технике и уже на стадии обучения развивает

у него необходимую точность и дисциплину в процессе формирования заключений по решаемой проблеме.

В-шестых, применение обучающих систем существенно увеличивает интенсивность занятий. Процесс обучения становится управляемым, контролируемым и индивидуальным.

Однако не следует думать, что внедрение ЭВМ в учебный процесс решает все педагогические проблемы или что, применяя ЭВМ в обучении, можно в дальнейшем полностью заменить преподавателя.

Это не так. ЭВМ не заменитель, а хороший помощник для преподавателя. Используя ЭВМ в учебном процессе, можно освободить преподавателя от рутинной нетворческой работы, направив его энергию и освободившееся время на индивидуальную работу со слушателем.

Хочется еще раз подчеркнуть, что то положительное, что несет в себе ЭВМ как средство интенсификации учебного процесса, возможно только при наличии соответствующего математического и программного обеспечения.

По существующим оценкам, на подготовку одного часа автоматизированного занятия требуется от 100 до 1000 часов[20] работы преподавателя. Такого времени у преподавателей фактически нет.

Данный факт, на наш взгляд, является первой причиной, из-за которой наблюдается малая активность преподавателей, когда речь заходит о применении ЭВМ для нужд учебного процесса.

Второй причиной, задерживающей внедрение СВТ в учебный процесс, является несовершенство применяемого при разработке АОС математического и программного обеспечения. В настоящее время разработка любой, даже самой простой, автоматизированной обучающей системы, предназначенной для использования в учебном процессе контрразведывательных факультетов, не обходится без участия специалистов в области автоматизации и программирования. Такое положение дел значительно увеличивает время разработки любой АОС.

Третья причина лежит в области психологии компьютеризации. Преподаватель, готовящий дидактический материал, удален от непосредственного контакта с ЭВМ. Это формирует некий психологический барьер, который тоже не способствует более широкому привлечению преподавателей к этой работе[21].

[20] См.: Попов В. И. Сотрудничество и кооперация — путь успешного внедрения техники и средств обучения.— Современная высшая школа, 1985, № 1, с. 187—196.

[21] Психологический барьер может быть двоякого рода: оптимистическим — у преподавателя может сложиться впечатление, что компьютеризация его предмета очень легкое и простое дело, потому что он связывает компьютеризацию только с созданием дидактического материала, а это далеко не так; пессимистическим — преподаватель заранее обрекает себя на бездействие, предполагая непреодолимые трудности на пути компьютеризации.

Решить некоторые существующие проблемы можно за счет создания соответствующего математического и программного обеспечения, ориентированного на создание АОС преподавателями, не имеющими какой-либо компьютерной подготовки, но прошедшими инструктаж.

Разработка математического и программного обеспечения — дело очень трудоемкое. Успех в этом деле зависит от множества факторов теоретического, педагогического, дидактического, организационного и практического характера.

Разрабатывая соответствующее математическое и программное обеспечение, следует иметь в виду, что применение СВТ приносит пользу только тогда, когда ее возможности разумно сочетаются с такими чисто человеческими качествами, как воображение, способность к ассоциациям и другие проявления неформального мышления. На современном уровне развития СВТ «опасность чрезмерной компьютеризации все чаще видится не в том, что машина станет думать, как человек, или даже превзойдет его, а в том, чтобы человек, все более втягиваясь во взаимодействие с ЭВМ, не стал мыслить, как машина»[22].

В связи с этим потребность в специалистах, способных осмысливать результаты работы ЭВМ применительно к своей предметной области деятельности, не уменьшается, а увеличивается по мере внедрения СВТ.

Рекомендована кафедрой общеправовых дисциплин Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат технических наук, доцент подполковник В. И. Лобов

[22] Алексеев Н. Г., Юдин Б. Т. Эволюция проблематики искусственного интеллекта. — В кн.: Кибернетика: неограниченные возможности и возможности ограничения. Перспективы развития. М., Наука, 1981, с. 123.

Подполковник *В. А. Головин*

О ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ «ОСНОВ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

Развитие Советского государства и общества делает все более актуальным включение личности в общественное движение, повышение ее трудовой и социальной активности на основе научного, диалектико-материалистического мировоззрения. Вступление нашей страны в период революционных преобразований, связанный с перестройкой социально-экономических отношений, расширением социалистической демократии, возрастанием роли человеческого фактора, повышает роль формирования научного мировоззрения. «Сегодня особенно важно формировать глубокое понимание характера современных задач, прочное научное мировоззрение, принципиальность, высокую культуру, ответственное отношение к делу на любом участке»,— отмечалось на XXVII съезде КПСС[1].

Основываясь на решениях партии, отражающих объективные потребности развития общества, руководство КГБ СССР уделяет большое внимание воспитанию чекистских кадров, формированию у них научного мировоззрения, что находит выражение в руководящих установках, приказах и указаниях Комитета государственной безопасности. «Высокая идейность, глубокая внутренняя убежденность в правоте марксистско-ленинского мировоззрения, способность отстаивать свои взгляды словом и делом, бороться за них в любых условиях и в любой обстановке — обязательные требования к чекистским кадрам»,— подчеркивает руководство КГБ СССР[2]. Идейная убежденность, которая закономерно связывается с надежностью чекиста[3],— одно из главнейших качеств личности сотрудника КГБ[4]. Задача формирования научного мировоззрения чекистов порождается объективными потребностями чекистской практики, чем и объясняется то большое внимание, которое придается воспитанию идейной убежденности, формированию у чекистов научного мировоззрения.

Мировоззрение — сложное научное понятие, и в отношении его содержания существует несколько точек зрения. Большинство авторов считают, что мировоззрение — это система наиболее общих взглядов, идеалов и убеждений, определяющих направление деятельности и отношение к действительности от-

[1] Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 91.

[2] Сборник КГБ, 1983, № 99, с. 10.

[3] См.: Сборник КГБ, 1987, № 116, с. 23.

[4] См., например: Приказы КГБ СССР № 0630 от 14 сентября 1984 года и № 080 от 4 февраля 1987 года.

дельного человека, социальной группы, класса или общества в целом. Данное определение несет в себе активную смысловую нагрузку, подчеркивая отношение человека к миру. Это активное начало — отношение — в том или ином варианте представлено во многих определениях[5].

По единодушному признанию ученых и специалистов, занимающихся проблемами воспитания молодежи, главной сферой формирования научного мировоззрения является учебно-воспитательный процесс, где в основном реализуются цели коммунистического воспитания подрастающего поколения. В этой связи уместно уточнить место формирования мировоззрения в воспитательном процессе и его связь с различными направлениями или видами воспитания.

Прежде всего следует отметить, что одинаковых мнений по этому вопросу пока еще нет. Так, в «Педагогической энциклопедии» выделены такие направления коммунистического воспитания, как формирование коммунистического мировоззрения, упрочение принципов коммунистической морали, трудовое, эстетическое, физическое и другие. «Большая Советская Энциклопедия» также выделяет формирование мировоззрения как самостоятельное направление[6].

В коллективной монографии «Система коммунистического воспитания студентов в учебном процессе» в качестве основных направлений воспитательной работы выделяются идейно-политическое, трудовое, нравственное, эстетическое и физическое, при этом формирование мировоззрения включается в идейно-политическое воспитание[7]. С этой точкой зрения перекликаются позиции авторов некоторых учебных пособий по педагогике, называющих формирование научного мировоззрения одной из задач идейно-политического воспитания[8].

По мнению И. М. Кантора, все виды воспитания (умственное, нравственное, эстетическое, физическое, идейно-политическое, трудовое) перекрещиваются при общей их направленности на формирование коммунистического мировоззрения. С ним солидарен М. Беньо, один из авторов монографии «Формирование научного мировоззрения учащихся», который считает, что

---

[5] См., например: Философский словарь. 5-е изд. М., Политиздат, 1986; Черноволенко В. Ф. Мировоззрение и научное познание. Киев, Наукова думка, 1970; Овчинников В. С. Мировоззрение как явление духовной жизни общества. Изд. ЛГУ, 1978; Коммунистическое воспитание трудящихся. Изд. МГУ, 1980; Методологические принципы управления идеологическим процессом. Алма-Ата, Наука, 1982, и др.

[6] См.: Педагогическая энциклопедия. В 4-х томах. М., Советская Энциклопедия, 1965, т. 2, с. 459; Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., Советская Энциклопедия, 1973, т. 12, с. 575—577.

[7] См.: Система коммунистического воспитания студентов в учебном процессе. Изд. МГУ, 1984, с. 13.

[8] См., например: Педагогика. Под ред. Ю. К. Бабанского. М., Просвещение, 1983, с. 384; Педагогика. Под ред. С. П. Баранова, В. А. Сластенина. 2-е изд. М., Просвещение, 1986, с. 32.

мировоззренческий аспект присущ каждой из сторон коммунистического воспитания[9].

Тем самым формирование научного мировоззрения трактуется по-разному — то как одна из задач идейно-политического воспитания, то как основа, идейно-политический стержень всего коммунистического воспитания в целом. Эти точки зрения, по нашему мнению, в главном не противоречат друг другу, в каждой из них есть доля истины.

Действительно, идейно-политическое воспитание связано с выработкой идейной убежденности, политической сознательности, понимания политики КПСС, воспитанием политической бдительности. Основой идейно-политического воспитания является теория марксизма-ленинизма, так что связь рассматриваемого направления коммунистического воспитания с научным мировоззрением очевидна. Но эта связь не носит рядоположенного характера или характера иерархического соподчинения. Взаимосвязь мировоззрения и идейно-политического воспитания проявляется в том, что содержание идейно-политического воспитания включает идейно-политические основы мировоззрения, так же, например, как в содержание процесса трудового воспитания входит мировоззренческий момент в форме воспитания коммунистического отношения к труду[10]. Аналогичный характер носит связь формирования мировоззрения и со всеми другими направлениями воспитания. Этой связи присуща единая марксистско-ленинская идеологическая установка — «формирование марксистско-ленинского мировоззрения именно как единый методологический стержень решения специальных задач, осуществляемых различными направлениями воспитания»[11]. В процессе формирования научного мировоззрения, следовательно, происходит объединение частных структур формирования идейно-политических, нравственных и других качеств личности в целостную мировоззренческую структуру личности, а мировоззренческие взгляды и убеждения дают общее направление взаимодействию всех сторон формирования личности.

Таким образом, в силу своей общеметодологической сущности само формирование мировоззрения не является особым направлением воспитания, будучи одновременно и основой, и интегральным итогом всего умственного развития человека, следствием развития всех направлений воспитания[12]. Формирование мировоззрения предполагает, с одной стороны, форми-

---

[9] См.: Кантор И. М. Понятийно-терминологическая система педагогики. М., Педагогика, 1980, с. 77; Формирование научного мировоззрения учащихся. М., Педагогика, 1985, с. 27—28.

[10] См.: Моносзон Э. И. Проблема теории и методики коммунистического воспитания школьников. М., Педагогика, 1978, с. 79.

[11] Методологические проблемы коммунистического воспитания. Изд. МГУ, 1985, с. 126.

[12] См. там же, с. 119, 126.

рование системы идейно-политических, нравственных, эстетических взглядов, убеждений, а с другой стороны, оно и невозможно без идейно-политического, трудового, нравственного и эстетического воспитания, которые, бесспорно, имеют свои собственные аспекты, выходящие за рамки формирования научного мировоззрения. Выделение же формирования мировоззрения в качестве самостоятельного направления следует рассматривать как научно-методический прием, позволяющий очертить более четкие рамки проблемы, глубже проникнуть в содержание данного процесса, вычленить его особенности, определить пути и средства решения проблемы и на этой основе конкретно решать вопросы методики непосредственно в ходе учебно-воспитательной работы. В сущности, то же самое можно сказать и о иных направлениях воспитания, и самостоятельное их рассмотрение есть своеобразное допущение и результат некоторого абстрагирования от непосредственной практики воспитательной работы, где они неразрывно взаимосвязаны, дополняют друг друга и взаимопроникают[13].

В советской педагогике научные исследования проблемы формирования мировоззрений начались в конце 20-х— начале 30-х гг. Основываясь на трудах Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, ведущие педагоги А. С. Макаренко, П. П. Блонский, С. Т. Шацкий и др.[14] сформулировали в общем виде проблему формирования научного мировоззрения, наметили некоторые пути ее решения, обосновали основные принципы коммунистического воспитания в процессе учебной и трудовой деятельности. Значительный вклад в разработку данной проблемы, освещение ее теоретических и методологических аспектов был сделан в послевоенный период, особенно начиная с 60-х гг. Благодаря усилиям М. Н. Алексеева, И. Я. Лернера, Н. А. Менчинской, Э. И. Моносзона, Н. Г. Огурцова, Р. М. Роговой, В. А. Сухомлинского, И. В. Сысоенко, Г. Н. Филонова и др.[15] углубленно

---

[13] См.: Методологические проблемы коммунистического воспитания, с. 108.

[14] См.: Блонский П. П. Избранные педагогические психологические сочинения. В 2-х томах. М., Педагогика, 1979; Макаренко А. С. Педагогические сочинения. В 8-ми томах. М., Педагогика, 1983; Шацкий С. Т. Педагогические сочинения. В 4-х томах. М., изд. АПН РСФСР, 1962—1965.

[15] См.: Сухомлинский В. А. Формирование коммунистических убеждений молодого поколения. М., изд. АПН РСФСР, 1961; Психологические проблемы формирования научного мировоззрения школьников. Под ред. Н. А. Менчинской. М., Просвещение, 1968; Проблемы формирования коммунистического мировоззрения учащихся VII—X классов. Под ред. И. Я. Лернера. М., изд. НИИ АПН РСФСР, 1974; Проблемы формирования коммунистического мировоззрения. Под ред. М. Н. Алексеева, Н. Г. Огурцова. Минск, Народна асвета, 1975; Филонов Г. Н. Проблемы эффективности воспитания личности. М., Педагогика, 1978; Сысоенко И. В. Теоретические и методические проблемы формирования коммунистического мировоззрения учащихся. М., Педагогика, 1979, и др.

прорабатывались многие вопросы мировоззренческого воспитания: сущность и структура мировоззрения, состав понятийного аппарата, особенности формирования мировоззрения в психологическом отношении, методологические и педагогические основы, уровни и критерии эффективности формирования мировоззрения и др.

Следует заметить, что исследования касались преимущественно воспитания школьников, хотя появилось и значительное число работ, специально посвященных формированию научного мировоззрения студенческой молодежи. Это и коллективные труды, и исследования отдельных авторов (И. И. Кобыляцкий, П. Ф. Кравчук, Н. П. Марченко, З. Низамитдинов, Ю. А. Основин и другие)[16].

Ряд исследований был посвящен формированию научного мировоззрения в процессе преподавания биологии, химии, физики, математики, технических и других учебных дисциплин[17].

Значительное внимание уделяется данной проблеме и в учебных заведениях КГБ СССР. За последние годы появился ряд публикаций, посвященных формированию научного, диалектико-материалистического мировоззрения будущих чекистов. Прямо или косвенно проблема затрагивалась на некоторых научно-практических и научно-методических конференциях[18].

В указанных работах в основном решался вопрос о повышении мировоззренческой направленности преподавания. С этой целью анализировались некоторые пути усиления мировоззренческого воспитания слушателей, выделялись отдельные мировоззренческие аспекты учебных дисциплин, рассматривались методические приемы их освещения в лекциях, семинарах и т. д., то есть исследования касались преимущественно отдельных сторон мировоззренческого воспитания, составляющих лишь часть проблемы формирования научного мировоззрения слуша-

---

[16] См.: Марченко Н. П. Научное мировоззрение и некоторые проблемы его формирования у студентов. Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1970; Кравчук П. Ф. Особенности формирования коммунистического мировоззрения студентов. Автореф. канд. дис. Киев, 1975; Взаимосвязь кафедр общественных, естественных и специальных наук в формировании коммунистического мировоззрения студентов. Изд. ЛГУ, 1983, и др.

[17] См.: Курбанова Р. К. Формирование диалектико-материалистического мировоззрения у студентов в процессе изучения общей и неорганической химии. Автореф. канд. дис. М., 1980; Веников В. А., Шнейберг Я. А. Мировоззренческие и воспитательные аспекты преподавания технических дисциплин (на примере электротехники и электроэнергетики). М., Высшая школа, 1984, и др.

[18] См.: Логачев А. С. Формирование у слушателей Высшей школы марксистско-ленинского мировоззрения — главная задача кафедр общественных наук.— Труды ВШ КГБ, 1980, № 21; Авдеев Ю. И. Актуальные вопросы повышения мировоззренческой направленности специальных дисциплин в процессе их преподавания.— Труды ВШ КГБ, 1981, № 23; Проблемы совершенствования подготовки кадров для органов КГБ в современных условиях (материалы научно-практической конференции). Новосибирск, изд. Высших курсов КГБ, 1986, и др.

телей в учебно-воспитательном процессе. Но, чтобы существенно повысить эффективность данного процесса, важно всесторонне изучить его как целостное явление. Для более глубокого проникновения в его сущность, механизм и особенности целесообразно ограничить область исследования конкретной учебной дисциплиной, выступающей в целостной системе себе подобных в виде учебного курса. Вместе с тем анализ проведенных исследований, изучение опыта учебно-воспитательной работы в интересующем нас направлении позволяет обобщить полученные научно-прикладные результаты и наметить ряд задач, решение которых позволит существенно повысить эффективность формирования мировоззрения слушателей. В данной статье анализируется проблема формирования научного мировоззрения слушателей в ходе преподавания «Основ контрразведывательной деятельности советских органов государственной безопасности» (спецдисциплина 1).

Одним из принципиально важных, узловых моментов проблемы является вопрос о подходах к решению задач формирования мировоззрения в учебно-воспитательном процессе. В педагогической литературе в настоящее время выделяются несколько подходов к воспитанию, формированию личности. Они взаимодополняют друга друга, поскольку каждый из них акцентирует внимание на различных аспектах диалектики социального и индивидуального[19].

Согласно одному из них формирование мировоззрения отдельных личностей отождествляется с мировоззрением, господствующим в советском обществе в целом. При этом подразумевается, что все индивиды воспринимают его в одинаковом темпе, в соответствии с учебными планами и программами, точно следуя закономерностям развития общества. Практика формирования мировоззрения, стало быть, сводится к чисто идеологическим формам, к информационным процессам передачи и усвоения ценностей мировоззренческого характера. При этом остается открытым вопрос о том, будут ли личности действовать в соответствии с воспринятыми мировоззренческими убеждениями.

Другой подход подразумевает усвоение личностью в ходе учебного процесса общественного опыта, знаний, их «превращение» в убеждения и на этой основе — в практические действия. При этом оказывается, что отсутствие у обучаемого собственного гражданского опыта, отрыв преподавания от социально-политической практики в значительной мере приводят к просветительству, к формированию мировоззрения, которое носит, так сказать, умозрительный характер, поскольку здесь в полной мере не решается вопрос о деятельной стороне личности, ибо

[19] Более подробно об этом см.: Лощаков Д. Г. Методология исследований и практика воспитания.— Вестник высшей школы, 1986, № 11.

ошибочно предполагается, что социальная активность личности — следствие активности познавательной.

Более перспективен так называемый деятельностный подход к формированию научного мировоззрения, который базируется на следующем высказывании К. Маркса: «Воздействуя... на внешнюю природу и изменяя ее, он (человек.— **В. Г.**) в то же время изменяет свою собственную природу»[20]. Сущность деятельностного подхода выражается в трех моментах: признание деятельности основой духовно-практического освоения и отражения в сознании личности окружающего объективного мира; достижение целостности воздействия на интеллектуальную, эмоционально-волевую и действенно-практическую сферы личности; обеспечение индивидуализации формирования мировоззрения личности в сочетании с коллективным взаимодействием[21]. Поэтому формирование мировоззрения обучаемых строится таким образом, чтобы учебный процесс, связанный с восприятием мировоззренческих знаний, сочетался с включением воспитуемых в практическую деятельность, как реальную, так и квазипрофессиональную. В этом случае усвоение индивидом социального опыта в виде предметных знаний дополняется личным опытом получения и применения этих знаний, выработкой личностного отношения к ним и сопровождается овладением различными видами деятельности. Как показывает практика, убеждения, подкрепленные личным опытом, становятся глубже и прочнее.

Некоторые авторы связывают деятельностный подход с формированием социально-психологических установок, то есть социально-детерминированной предрасположенности личности к действию в различных практических ситуациях таким образом, чтобы это соответствовало социальным ожиданиям. Механизм социальных установок связан с интериоризацией определенных ценностных норм, приданием им личностного смысла, внутренней мотивировки, которые и определяют в дальнейшем поведение личности.

Правда, трудно согласиться с тем смыслом, который иногда вкладывается в содержание этого процесса. Например, установка неправомерно связывается с такими внутренними механизмами регулирования поведения, которые позволяли бы личности «**не задумываясь** (выделено нами.— **В. Г.**) лечь на амбразуру»[22]. Подобные поступки ориентируют воспитателей и воспитуемых на формирование личностей как пассивных исполнителей, способных действовать по шаблону или некоему «идеальному» образцу. В этом есть что-то от фанатичного, бессозна-

---

[20] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 188.

[21] См.: Моносзон Э. И. Теоретические основы коммунистического воспитания школьников. М., Педагогика, 1983, с. 198.

[22] Иванов Л. Г., Лезгина М. Л. Мировоззрение и активная жизненная позиция. Л., Знание, 1983, с. 26.

тельного поведения, в то время как «именно знания, научное восприятие действительности, сознательное определение форм социального поведения отличают коммунистическую убежденность от фанатизма, основанного на слепой и безотчетной вере»[23]. Главный смысл социальных установок заключается не в том, чтобы воспитать у личности потребность действовать по какой-либо предпочтительной, заранее данной социальной формуле или алгоритму, а в формировании избирательной готовности действовать в соответствии с ситуацией, руководствоваться нормами и ценностями, соответствующими коммунистическим идеалам.

Итак, проблема формирования научного мировоззрения слушателей проясняется, если четко обозначить подход к ее решению. Тогда уже в рамках избранного подхода можно перейти к рассмотрению и решению насущных теоретико-прикладных задач на научной основе, преодолевая, таким образом, «почти стихийное воспитание сознательности, убежденности»[24] в ходе преподавания специальных дисциплин, что актуально и сегодня.

Один из важных вопросов, который затрагивался в специальных исследованиях научно-методического характера, был связан с уяснением **роли специальных дисциплин** контрразведывательного профиля в формировании мировоззрения слушателей. Что в формировании мировоззрения участвуют все без исключения учебные дисциплины, сегодня стало общепризнанным. Первоочередная роль в этом принадлежит философии, политэкономии, научному коммунизму, то есть дисциплинам, мировоззренческий аспект которых выражен наиболее ярко, однако с завершением их изучения процесс формирования мировоззрения не заканчивается. В нем участвуют и другие дисциплины (юридические, военные, специальные); их мировоззренческий аспект, возможно, менее заметен, но роль в формировании мировоззрения не менее важна. Благодаря этой преемственности процесс продолжается, мировоззрение слушателей становится богаче, содержательнее, приобретает профессиональную окраску. Роль профессиональных знаний в становлении мировоззрения личности более понятна, если вспомнить замечание В. И. Ленина о том, что «инженер придет к признанию коммунизма *не так*, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, *а через данные своей науки... по-своему* придет к признанию коммунизма агрономом, по-своему лесовод и т. д.»[25]. Следовательно, не только мож-

---

[23] Челядинов А. В. Воспитание коммунистической убежденности. — В кн.: Из опыта коммунистического воспитания слушателей. М., изд. ВШ КГБ, 1976, с. 6.

[24] Логачев А. С. Основные направления совершенствования идейно-политического воспитания слушателей в процессе их обучения в Высшей Краснознаменной школе в свете решений XXV съезда КПСС.— Труды ВШ КГБ, 1977, № 12, с. 25.

[25] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 346.

но, но и должно говорить об участии каждой учебной дисциплины в процессе формирования мировоззрения, об их содействии этому процессу.

Необходимо, однако, оговориться, что не следует отождествлять участие тех или иных специальных дисциплин в формировании мировоззрения слушателей с результатом этого процесса в виде системы важнейших мировоззренческих положений и выводов данной науки. Речь идет о тех или иных способах воздействия на слушателей с целью формирования мировоззренческих взглядов и убеждений, образующих профессиональную сторону мировоззрения. Роль специальных дисциплин, таким образом, заключается в том, что они являются важной частью единой системы воспитания и одновременно составляют основу профессиональной подготовки будущих сотрудников чекистских органов[26]. Сюда можно добавить ставшую уже расхожей фразу о воспитании «через предмет», но это мало что проясняет. Точнее, специальные дисциплины воздействуют на убеждения слушателей сутью предмета, его научными выводами, его логикой[27]. В силу этого каждая из специальных дисциплин контрразведывательного профиля имеет свое четко обозначенное место в формировании мировоззрения слушателей и оказывает свое влияние на отдельные стороны мировоззрения, поскольку каждая из них имеет свою сферу отражения действительности и, следовательно, участвует в формировании своей определенной системы убеждений.

Какова же роль спецдисциплины 1 в формировании мировоззрения слушателей? Ответ на этот вопрос имеет существенное значение для решения задач методологического и методического характера.

Во-первых, необходимо принять во внимание статус спецдисциплины 1, которую с полным основанием можно отнести к числу фундаментальных учебных курсов контрразведывательного профиля, изучаемых в чекистском вузе. Спецдисциплина 1 дает слушателям базовые знания — общетеоретические и методологические основы контрразведывательной деятельности, что является предпосылкой не только овладения специальностью, но и мировоззренческого становления личности чекиста. Поскольку спецдисциплина 1 содержит фундаментальные теоретические основы контрразведывательной деятельности, она занимает доминирующее место среди других дисциплин контрразведывательного профиля, и это ставит в определенную зависимость

---

[26] См.: Авдеев Ю. И. Актуальные вопросы повышения мировоззренческой направленности..., с. 50.

[27] См.: Постников Л. А. Повышение качества подготовки чекистских кадров на основе дальнейшей интенсификации учебно-воспитательного процесса. — Материалы научно-практической конференции на тему «Повышение качества подготовки специалистов в Высшей школе на основе интенсификации учебно-воспитательного процесса». М., изд. ВШ КГБ, 1985, с. 10.

как развитие последних, так и развитие процесса формирования мировоззрения слушателей от курса к курсу. Таким образом обеспечивается преемственность в формировании мировоззрения, что предусмотрено действующими учебно-методическими документами[28].

Во-вторых, спецдисциплина 1 имеет специфические теоретико-методологические предпосылки формирования мировоззрения слушателей, отличающие ее от других дисциплин контрразведывательного профиля,— это и конкретная методология, и логика, и собственные мировоззренческие положения и выводы, нормы и идеалы. Чтобы они в полной мере служили средством выработки цельного мировоззрения чекиста, необходим постоянный анализ мировоззренческого содержания программного курса спецдисциплины 1.

В-третьих, осмысление мировоззренческого содержания спецдисциплины 1 возможно только на основе конструктивного анализа ее мировоззренческих функций: без их уяснения роль спецдисциплины 1 не может быть по-настоящему понята и раскрыта. В чекистской литературе, правда, делались попытки описания мировоззренческой функции теоретических основ специальных дисциплин[29], однако вычленение и анализ мировоззренческих функций (или подфункций) спецдисциплины 1, таких, как социально-регулятивная, аксиологическая, гуманистическая, критическая и другие, представляют собой одну из первоочередных задач исследования.

В-четвертых, спецдисциплина 1 участвует в формировании мировоззрения будущих чекистов не только своей содержательной стороной; она стимулирует учебно-познавательную деятельность слушателей, формирует активное отношение к овладению профессиональными знаниями, воспитывает готовность применять их в практической деятельности, то есть опираться на полученные научные знания, а не на обыденные представления о контрразведывательной деятельности, что выступает как существенный момент мировоззренческого воспитания слушателей, показатель научности складывающихся у них убеждений.

В ряде исследований предпринимались попытки сформулировать общие принципы формирования мировоззрения слушателей в процессе преподавания специальных дисциплин. Так, Н. А. Незнанов и В. А. Золототрубов акцентируют внимание на соединении теоретических знаний с практической деятельно-

---

[28] См., например: План коммунистического воспитания слушателей на весь период обучения. М., изд. ВШ КГБ, 1987.

[29] См.: Костромин И. В. О методологической и мировоззренческой функциях теоретических основ специальных дисциплин.— В сб.: Некоторые методологические вопросы специальных дисциплин. М., изд. ВШ КГБ, 1974, вып. 2.

стью[30] Э. П. Литвинов подробно рассматривает принципы комплексности, конкретности, преемственности[31]. Другие авторы в качестве «общих принципов» ошибочно выдвигают некие эмпирические приемы, имеющие характер методических рекомендаций («выделять мировоззренческие элементы, содержащиеся в данной науке», «делать философские выводы», «увязывать преподавание с политическими и социальными проблемами» и т. д.)[32]. Нетрудно заметить, что имеющиеся различия во взглядах касаются как вопроса о системе принципов, так и о их интерпретации. Преодолеть данные различия крайне важно, поскольку это непосредственно связано с эффективностью процесса формирования научного мировоззрения.

Как известно, термин «принцип» может употребляться в разных значениях. В преподавании принципы выступают как методологические или нормативные установки, как регулятивное средство для научно обоснованных действий, как наиболее общие требования к преподавателю — действующему субъекту. С этой точки зрения попытки отдельных авторов возводить в ранг принципов определенные методические приемы или рекомендации преподавателям, равно как и попытки формулировать какие-либо специфические принципы формирования мировоззрения в учебном процессе, должны быть признаны несостоятельными. Поэтому следует более внимательно рассмотреть группу общеметодологических принципов обучения и воспитания, безусловно применимых к процессу формирования мировоззрения. Это принципы партийности, научности, историзма, единства воспитания и обучения, комплексного подхода и другие. Вопрос заключается в правильной их трактовке и применении с учетом особенностей процесса формирования научного мировоззрения в ходе преподавания конкретной специальной дисциплины. Ошибки преподавателей нередко являются следствием неправильного, упрощенного толкования принципов, выхолащивания их теоретической глубины и значимости, что наглядно показал В. Кумарин на примере принципа воспитывающего обучения, когда, например, идейная зрелость, мировоззрение объявляются результатом усвоения понятий и представлений[33]. На самом деле, как известно, знания — всего лишь основа формирования мировоззрения.

---

[30] См.: Незнанов Н. А., Золототрубов В. А. Некоторые вопросы воспитания коммунистической убежденности у слушателей Высшей Краснознаменной школы.— Труды ВШ КГБ, 1979, № 19, с. 192.

[31] См.: Литвинов Э. Больше внимания индивидуально-воспитательной работе со слушателями.— Сборник КГБ, 1985, № 106, с. 78—83.

[32] См.: Кириндас Ю. Ф., Кищенко Л. В. К вопросу о мировоззренческой направленности учебно-воспитательного процесса в Высшей школе.— Труды ВШ КГБ, 1981, № 24, с. 378—381.

[33] См.: Кумарин В. Педагогика: необходимость перемен.— Коммунист, 1987, № 15, с. 100—101.

Особо следует остановиться на принципе комплексного подхода к воспитанию личности. Этот принцип наиболее адекватен современным требованиям социально-экономического развития страны и усложнения социальных процессов во всех сферах деятельности общества. Он позволяет учитывать общее и особенное в исследуемом процессе, специфику их проявления. Его актуальность определяется потребностями практической работы по подготовке и воспитанию чекистских кадров; руководство КГБ СССР требует комплексно решать задачи формирования марксистско-ленинского мировоззрения[34]. Но как реализовать этот принцип? Это во многом зависит от понимания его содержания. Между тем разными авторами он трактуется далеко не однозначно. В одних случаях он связывается с единством и взаимодействием идейно-политических основ мировоззрения, нравственного, эстетического и трудового идеалов[35]. В других рассматривается как реализация совокупности всех названных выше принципов[36]. В-третьих — вовсе уж малопонятно — как «тотальное высвечивание всех без исключения моментов мировоззрения... начиная с убеждений...»[37].

Мы считаем комплексный подход принципом организации практических действий по формированию мировоззрения, требованием ко всем субъектам изучения и осуществления данного процесса и их деятельности[38]. В этом случае комплексный подход предполагает единство и взаимосвязь всех компонентов процесса формирования научного мировоззрения; планирование, координацию и взаимодействие всех субъектов данного процесса; согласованное использование различных средств, методов, форм воспитательного воздействия. Следовательно, одна из задач дальнейших исследований — уточнение содержания и конкретизация принципа комплексного подхода (как и других принципов тоже) в формировании научного мировоззрения в рамках преподавания спецдисциплины 1, а также способов их реализации в данном процессе.

Следующий важный вопрос — определение **путей повышения эффективности** формирования мировоззрения слушателей в процессе преподавания спецдисциплин. Ю. И. Авдеев, например, называет в их числе развитие методологических основ спецдисциплин, глубокое раскрытие понятийного аппарата, социально-политического содержания спецдисциплин и др. А. С. Логачев и

---

[34] См.: Приказ КГБ СССР № 0445 от 12 июля 1985 года.

[35] См.: Пути формирования коммунистических взглядов и убеждений старшеклассников. Под ред. Р. М. Роговой. М., Педагогика, 1980, с. 19.

[36] См., например: Овчинников В. С. Мировоззрение как явление духовной жизни общества. Изд. ЛГУ, 1978, с. 99.

[37] Материалистическая диалектика как основа научного мировоззрения. Изд. ЛГУ, 1982, с. 111.

[38] См.: Методологические проблемы коммунистического воспитания, с. 104; Военная педагогика и психология. Под ред. А. В. Барабанщикова. М., Воениздат, 1986, с. 221—222.

В. П. Ерошин указывают на связь мировоззренческого воспитания слушателей с их методологической подготовкой, развитием познавательных способностей, укреплением междисциплинарных связей. Ю. Ф. Кириндас и Л. В. Кищенко считают, что усилить мировоззренческую направленность преподавания можно путем повышения удельного веса фундаментальных знаний, укрепления связей спецдисциплин с философией, правильного введения и раскрытия новых научных понятий[39].

Но этим отнюдь не исчерпывается многообразие путей повышения эффективности формирования мировоззрения: в научной литературе предлагается еще немало других путей, следуя которым можно повысить его эффективность. Это формирование диалектического мышления, вовлечение воспитуемых в активную общественную деятельность, активизация проблемного обучения, совершенствование традиционных и развитие новых форм обучения, привнесение в учебный процесс эстетических компонентов, научно-исследовательская и учебно-исследовательская работа студентов и многие другие[40].

Такое множество путей повышения эффективности формирования мировоззрения в учебно-воспитательном процессе не должно вызывать удивления, если учесть, что мировоззрение имеет сложную структуру и не однозначную, а вероятностную детерминированность[41] и что, кроме того, на процесс формирования мировоззрения оказывает влияние множество различных факторов. Кроме того, следует обратить внимание на то, что перечисленные пути сами по себе разного плана, разного порядка. Они могут быть отнесены к различным моментам воспитания и обучения: содержательным аспектам, методическим или социально-психологическим. Они могут быть обращены и к рационально-логическим сферам восприятия, и к чувственно-эмоциональным. Одни из них имеют отношение к предметному содержанию учебной дисциплины, другие — к методике обучения и воспитания, третьи — к формам учебно-воспитательного процесса или к внеучебной воспитательной работе. Некоторые из названных путей, например формирование диалектического

---

[39] См.: Авдеев Ю. И. Актуальные вопросы повышения мировоззренческой направленности..., с. 52, 54; Логачев А. С. Формирование у слушателей Высшей школы марксистско-ленинского мировоззрения..., с. 68, 70; Ерошин В. П. Актуальные вопросы совершенствования организации учебного процесса и научно-исследовательской работы в контрразведывательном вузе. М., изд. ВШ КГБ, 1982, с. 13; Кириндас Ю. Ф., Кищенко Л. В. К вопросу о мировоззренческой направленности..., с. 377—381.

[40] См., например: Драницкая Е. В. О назревших изменениях в преподавании.— Вестник высшей школы, 1987, № 1, с. 70—71; Джахал Л. Г. Каждому специалисту — прочную мировоззренческую подготовку.— Вестник высшей школы, 1983, № 5, с. 65—67; Лукачев В. П. Системный подход в формировании мировоззрения.— Вестник высшей школы, 1981, № 1, с. 45—48; Клинберг Л. Проблемы теории обучения. М., Педагогика, 1984, с. 166—167, и др.

[41] См.: Коммунистическое воспитание трудящихся, с. 73.

мышления, представляют собой самостоятельную научно-методическую проблему, требующую глубокого исследования. Тем не менее научно-прикладная значимость проведенных исследований не вызывает сомнений. Каким образом, однако, можно использовать в практической педагогике Высшей школы эти научные результаты, столь же многообразные, сколь и ценные для решения проблемы формирования научного мировоззрения в ходе преподавания спецдисциплины 1?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо отметить, что аналитические методы исследования, которые до настоящего времени доминировали в педагогике, по-видимому, исчерпали свои возможности. С их помощью, правда, можно еще совершенствовать отдельные стороны учебно-воспитательного процесса, однако значительного продвижения вперед по пути повышения эффективности формирования мировоззрения это не дает. Следовательно, нужно искать новые подходы к решению проблемы. Для этого, по нашему мнению, деятельностный подход к формированию мировоззрения необходимо дополнить **системным подходом** к исследованию проблемы в целом, тем более что системность является одной из атрибутивных сущностных характеристик коммунистического воспитания[42].

Системная методология позволяет разработать теоретическую модель системы формирования научного мировоззрения слушателей, ограниченную рамками преподавания спецдисциплины 1. Данная система может быть представлена как целостная, интегративная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов учебно-воспитательного процесса, которая обеспечивает формирование профессионально направленных мировоззренческих взглядов и убеждений слушателей. Среди компонентов системы можно выделить следующие: цели, преподаватели, слушатели, мировоззренческое содержание спецдисциплины 1, формы и методы учебной деятельности, контроль деятельности. С помощью функциональных связей компоненты взаимодействуют друг с другом, и тогда возникают интегративные качества системы, выражающиеся в форме многократного умножения возможностей отдельных компонентов. Оптимизировать функционирование системы в целом можно в том случае, если одновременно совершенствуются не только каждый компонент в отдельности, но также и их функциональные взаимосвязи, что открывает дополнительные возможности для повышения эффективности всего процесса формирования мировоззрения слушателей. Этому, бесспорно, будет способствовать **диагностика** формирующихся взглядов и убеждений слушателей в ходе преподавания спецдисциплины 1, позволяющая с достаточ-

---

[42] См., например: Беспалько В. П. Основы теории педагогических систем. Изд. Воронежского университета, 1977, с. 30—31; Методологические проблемы коммунистического воспитания, с. 68.

ной мерой объективности судить об эффективности исследуемого процесса

Разработать диагностику можно с помощью специальной методики, основанной на изучении личностного отношения слушателей к мировоззренческим нормам, действующим в советской контрразведке, и действий, поступков слушателей согласно этим нормам. Методика базируется на признании деятельности объективным признаком оценки личности. «...По каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? — писал В. И. Ленин.— Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей...»[43] Для реализации принципа деятельности в содержание специальной методики включаются мировоззренческие задачи в виде динамически развивающихся оперативных ситуаций. В каждой новой ситуации от слушателей требуется проявить личное отношение к мировоззренческим ценностям советской контрразведки, сделать выбор между различными вариантами поведения, проявить готовность ориентироваться в оперативных ситуациях с опорой на эти ценности. Оценка уровня сформированности мировоззренческих взглядов и убеждений слушателей производится на основании специально разработанных критериев[44].

Данная методика, разумеется, не претендует на абсолютность результатов диагностирования мировоззрения слушателей, поскольку только реальная, не учебная, практическая контрразведывательная деятельность способна «измерить» истинное содержание мировоззрения чекиста. Но все же, несмотря на относительность получаемых результатов, ими с успехом можно пользоваться в целях определения эффективности учебно-воспитательного процесса и внесения необходимых поправок в методику преподавания.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что проблема формирования научного мировоззрения слушателей в процессе преподавания спецдисциплины 1 получит свое дальнейшее разрешение путем использования системных методов исследования и решения ряда задач методологического, мировоззренческого и методического характера. Они состоят в следующем:

разработка системы формирования научного мировоззрения слушателей, ограниченной рамками преподавания спецдисциплины 1, познание источников и механизма ее развития, а также условий ее функционирования;

---

[43] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 423—424.

[44] Подробнее об этом см.: Головин В. А. Об одной специальной методике изучения процесса формирования мировоззренческих взглядов и убеждений слушателей в ходе преподавания спецдисциплин 1А.— Сборник научных статей преподавателей и аспирантов СК-1. Спецфонд ВШ КГБ, 1987, вып. 3.

выявление и исследование собственных методологических и мировоззренческих предпосылок спецдисциплины 1, выяснение ее роли и места в процессе формирования мировоззрения слушателей;

анализ учебного курса спецдисциплины 1, подчиненный идее целенаправленного формирования научного мировоззрения слушателей, и разработка системы важнейших мировоззренческих положений и выводов;

изучение уровня подготовленности, возрастных и психологических особенностей слушателей для учета в дальнейшей воспитательной работе;

разработка вопросов организационно-методического характера, определение рациональных форм, средств и методов мировоззренческого воспитания слушателей на основе широкого педагогического экспериментирования, поиск новых возможностей системной оптимизации исследуемого процесса;

разработка критериев оценки сформированности мировоззрения слушателей, проведение диагностических исследований для внесения необходимых коррективов в учебно-воспитательный процесс.

Представляется, что, решив названные задачи, можно добиться существенного повышения эффективности формирования научного мировоззрения слушателей.

Рекомендована спецкафедрой № 1
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук
подполковник В. Б. Огибин

Полковник *Б. М. Наприенко*,
кандидат технических наук, доцент
полковник *В. Ф. Чижов*

ВОПРОСЫ ПЕРЕСТРОЙКИ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ НА ВЫСШИХ КУРСАХ КГБ СССР (г. Свердловск)

Бурное развитие и непрерывное совершенствование технической оснащенности спецслужб противника, использование ими самых современных технических средств настоятельно требуют существенного повышения уровня технической подготовленности специалистов практических подразделений КГБ СССР.

Опыт осуществления годичной подготовки и краткосрочного повышения квалификации специалистов органов и войск КГБ на свердловских Высших курсах убеждает нас в несоответствии уровня знаний технических специалистов КГБ—УКГБ современным требованиям.

Так, результаты входного контроля знаний, анкетирования и собеседований показывают, что на Высшие курсы направляются специалисты с явно недостаточным базовым образованием, с низким уровнем подготовки в области современных технических средств, с плохими знаниями электронно-вычислительной техники. Наряду с неудовлетворительной базовой подготовкой специалистов, направляемых на обучение, одним из слабых звеньев процесса повышения квалификации является отсутствие стройной системы подготовки и повышения квалификации технических специалистов практических подразделений Комитета госбезопасности.

Для решения этих вопросов, по нашему мнению, необходимо сконцентрировать внимание на следующих направлениях.

Первое — создание стройной системы подготовки и повышения квалификации специалистов технического профиля КГБ СССР на основе непрерывности обучения.

Второе — разработка научно обоснованного подхода к совершенствованию системы подготовки повышения квалификации на Высших курсах.

Третье — приведение содержания инженерно-технического образования в соответствие с новейшими научно-техническими достижениями и современными требованиями практики.

Эту триединую задачу следует решать в тесной взаимосвязи всех ее компонентов, базируясь на одном из основополагающих принципов — единстве образования (процесса подготовки и повышения квалификации), науки (связи с НИИ, вузами, с КБ и др.) и практики подразделений органов и войск КГБ СССР, в интересах которых ведется обучение специалистов.

В проекте «Программы перестройки системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для органов

и войск КГБ» намечены пути разработки системы обучения специалистов на основе непрерывного образования и создания в системе КГБ СССР высших учебных заведений нового типа.

С целью оптимизации учебного процесса, а также с учетом специфики подготовки и повышения квалификации технических специалистов практических подразделений КГБ СССР в г. Свердловске разрабатывается система совершенствования обучения на Высших курсах — ССОВК (схема 1), внедрение которой позволит осуществить системный подход к проблемно-целевому процессу обучения слушателей.

Системой предусматривается установление отношений между Высшими курсами и заинтересованными практическими подразделениями как между исполнителем и заказчиком со всеми вытекающими отсюда обязанностями. Такой вид отношений позволит, с одной стороны, повысить обоюдную ответственность за подготовку специалистов, по уровню знаний соответствующих современным требованиям, с другой — обеспечить качественное оснащение ВК современными специальными техническими средствами и учебным оборудованием.

Основой построения учебного процесса в этой системе является модель специалиста, которая разрабатывается с учетом квалификационных характеристик и особых требований заказчика к специалистам в соответствии с их профилизацией. Модель специалиста позволяет научно обоснованно сформировать учебные планы и программы, определить оптимальное соотношение теоретических и практических занятий, разработать очередность изучения проблемы, отдельных ее тем и разделов.

Сложившаяся практика подбора специалистов и направления их на учебу на Высшие курсы несовершенна. Встречаются случаи выполнения разнарядок без учета действительных потребностей, в результате чего для повышения квалификации прибывают специалисты, имеющие непрофильное образование. Так, из прошедших обучение 175 специалистов восьми подразделений 55 имеют базовое образование, не соответствующее занимаемой должности. 30% направляемых на ВК специалистов окончили гражданские вузы 10—15 лет назад, современной элементной базы не знают, в связи с чем имеют существенные пробелы в технических знаниях.

Подсистема кадрового и профессионального отбора предназначена для упорядочения и совершенствования подготовки и повышения квалификации специалистов. Она предусматривает наличие эффективного контроля знаний слушателей на различных этапах пребывания их на Высших курсах.

Подсистема входного контроля предназначена для определения «начальных», полученных до обучения на Высших курсах знаний специалистов. Уровень этих знаний учитывается при делении учебных групп на подгруппы слушателей с примерно одинаковыми индивидуальными и профессиональными запро-

сами, а также с одинаковой «начальной» подготовкой. Это даст возможность более дифференцированно подойти к обучению слушателей каждой из подгрупп, избрать правильную методику изложения материала, выбрать соответствующие технические средства обучения, определить уровень детализации изучаемого материала, найти оптимальное соотношение между теоретической и практической частью проблемы, четко определить и реализовать цели и задачи самоподготовки и т. д.

Подсистема входного контроля совместно с подсистемой выходного контроля позволяют объективно определять уровень приобретенных слушателями знаний и могут косвенно характеризовать затраты труда преподавателя и качество проведенных им занятий. При соответствующем понижении уровня субъективизма в определении знаний слушателей на базе этих подсистем можно построить подсистему оценки педагогического мастерства преподавателей, в которой будут максимально учтены результаты входного и выходного контроля знаний слушателей.

В рассматриваемой системе предполагается широкое использование вычислительной техники. Так, она окажет значительную помощь при организации информационного обслуживания рассматриваемых подсистем, диалоговые режимы ее работы и адаптивные программы проверки уровня усвоения учебного материала существенно упростят общение с ЭВМ и резко повысят объективность оценки знаний слушателей.

Обучение на ВК предполагается начинать со знакомства слушателей с работой на ЭВМ, на что будет отводиться до 12 часов дисплейного времени на каждого слушателя.

На основании анализа работы преподавателей и с учетом результатов аттестации разрабатывается подсистема целенаправленного повышения их квалификации в рамках профессиональной учебы. Основным звеном в системе совершенствования обучения на Высших курсах является «подсистема обучения» (схема 2).

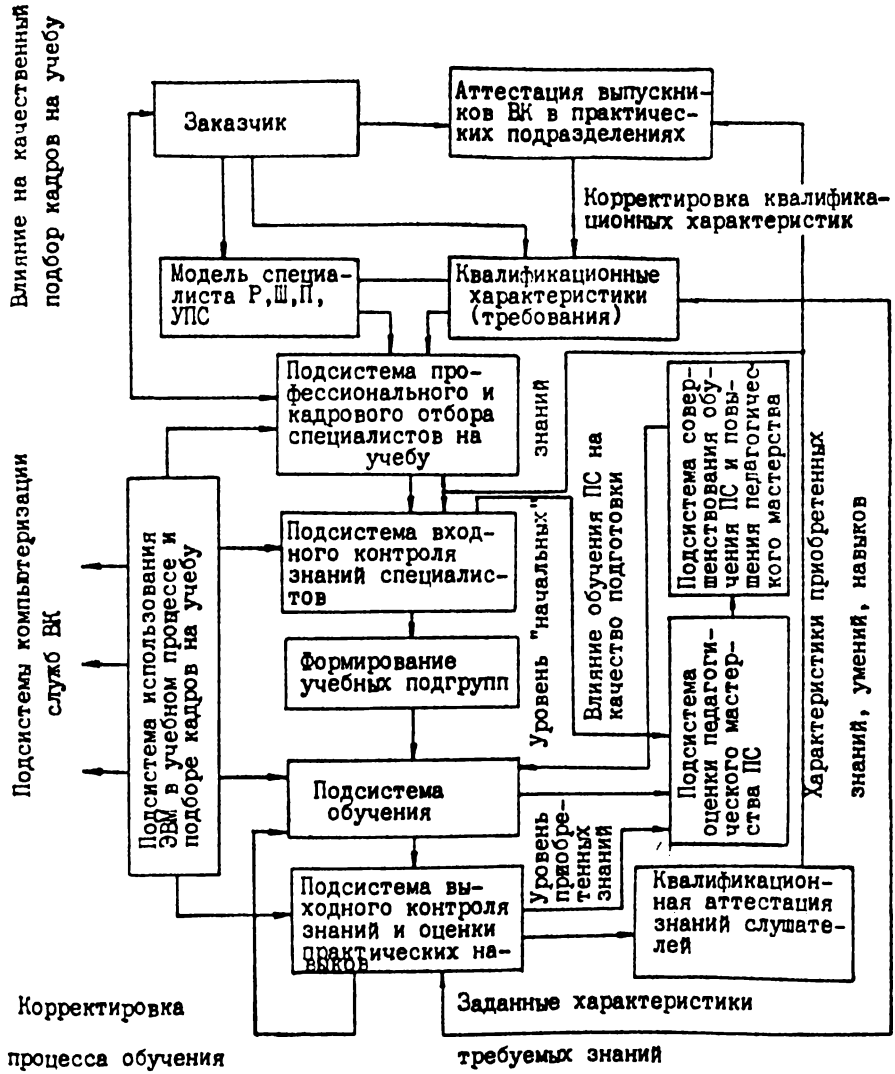
«Подсистема обучения» разрабатывается в форме комплексных концентрированных занятий, позволяющих реализовать системный подход в определении содержания проблемы и ее изучении.

Принципиально необходимым элементом подсистемы является расчленение содержания проблемы на составные компоненты (виды занятий) в соответствии с задачами, вытекающими из модели специалиста.

Виды занятий (теоретические, практические, лабораторные, самостоятельные занятия, а также деловые и ролевые игры) должны быть жестко увязаны между собой с исключением дублирования и обеспечены соответствующими методическими материалами, техническими средствами обучения и электронно-вычислительной техникой.

Секретно
Схема I

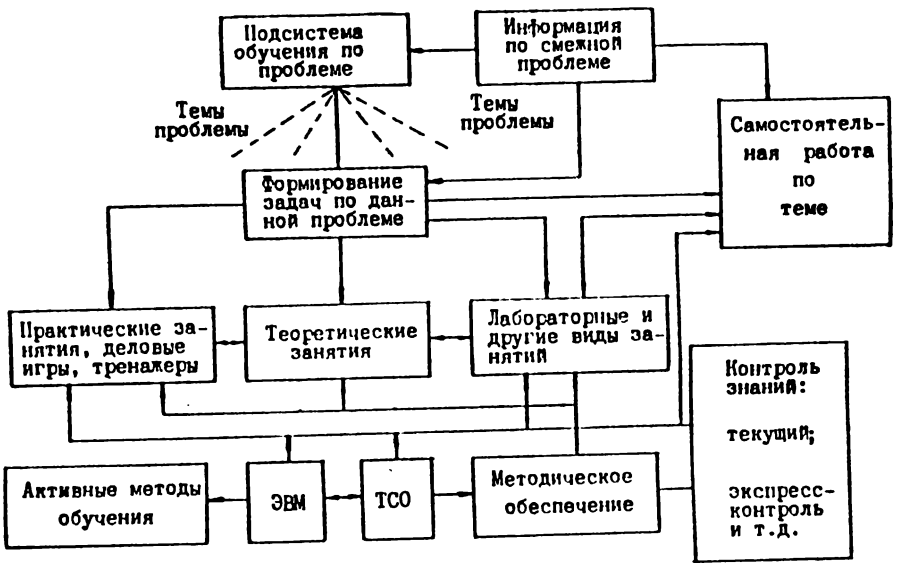
СИСТЕМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБУЧЕНИЯ НА ВК (ССОВК)

Заказ №002т

Секретно
Схема 2

ПОДСИСТЕМА КОМПЛЕКСНЫХ, КОНЦЕНТРИРОВАННЫХ ЗНАНИЙ
(ПККЗ)

Заказ № 002т

Активизация познавательной деятельности слушателей в рассматриваемой ССОВК достигается, во-первых, использованием активных методов обучения, во-вторых, непрерывностью обучения с чередованием видов и форм занятий.

Любой вид занятий должен быть подкреплен эффективным контролем процесса усвоения материалов темы и проблемы в целом. Для этого в системе совершенствования обучения на ВК разрабатываются программы текущего и рубежного контроля, а также самоконтроля знаний слушателями.

Перед выпуском все слушатели ВК проходят квалификационную аттестацию приобретенных знаний, умений и навыков, результаты которой сопоставляются с требованиями, заложенными в модели специалиста. При этом выявляются пробелы в образовании, которые не удалось устранить в процессе обучения. Результаты заносятся в квалификационный аттестат, хранящийся в личном деле слушателя. Они позволяют организовать целенаправленное устранение пробелов в образовании путем самостоятельной подготовки непосредственно в практических подразделениях.

ССОВК предусматривает осуществление постоянных прямой и обратной связей с оперативно-техническими подразделениями, в интересах которых ведется подготовка и повышение квалификации специалистов. По прошествии двух-трех лет производится анализ использования выпускниками Высших курсов приобретенных знаний в их практической деятельности. Результаты анализа учитываются при корректировке модели специалиста и процесса обучения в целом.

Таким образом, разрабатываемая система совершенствования обучения на Высших курсах позволит подойти к комплексному решению накопившихся проблем в деле подготовки и повышения квалификации специалистов оперативно-технических подразделений органов и войск КГБ СССР.

Рекомендована Высшими курсами КГБ СССР (г. Свердловск)

Научный редактор кандидат физико-математических наук, доцент полковник О. А. Рамеев

Подполковник *А. А. Гросс*

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ ЧЕКИСТОВ

Человеческая цивилизация переживает в настоящее время сложный и противоречивый период своего развития. Угроза мировой ядерной катастрофы побуждает противоборствующие державы к совместному поиску путей ослабления международной напряженности. Заключение советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности явилось новым рубежом в международных отношениях, обозначило начало пути от конфронтации к разрядке напряженности в мире.

Однако подписание американской стороной Договора не изменило природы современного капитализма, постоянно генерирующего антисоциалистическую и антисоветскую политику. Анализ развития империализма показывает, что даже в обстановке взаимного сокращения военных потенциалов наши противники будут продолжать непримиримую борьбу против стран социализма. Причем, как и прежде, важную роль в этой борьбе будут играть разведывательные и специальные службы. «Мы находимся на фронте, где нет перемирия и передышек, где борьба идет с большим накалом. Каждый день приносит свои «сюрпризы», примеры новых методов шпионажа, диверсий, терроризма и жестокости наших врагов»[1]. Эти слова Ю. В. Андропова и сегодня звучат актуально.

На проходившей в декабре 1987 г. научно-практической конференции КГБ СССР отмечалось, что разведывательно-подрывная деятельность противника, направленная против СССР и других социалистических стран, отражает стремление реакционных империалистических кругов сохранить в мире выгодную для них обстановку балансирования на грани войны, а также всячески затормозить и дискредитировать усилия КПСС и других братских партий, направленные на ускорение социально-экономического развития, углубление социалистической демократии, коренную перестройку всех сторон жизни социалистических стран. Выступая перед сотрудниками центрального аппарата Комитета госбезопасности СССР, тов. Чебриков В. М. отметил, что противник уже ощутил усиление позиций социализма, отдает себе отчет в том, что процесс перестройки будет способствовать упрочению нашего государства и общества, росту международного авторитета Советского Союза, притягательности идей социализма. «Поэтому можно с уверенностью сказать, что противник будет по-прежнему активно использовать национализм, клерикализм, ревизионистскую демагогию, не откажется

[1] Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., Политиздат, 1979, с. 254.

от попыток инспирировать антиобщественные проявления, создать антисоветское подполье»[2].

Сложная международная обстановка, широкомасштабная и скоординированная разведывательно-подрывная деятельность спецслужб противника, новизна и смелость происходящих в стране социально-экономических преобразований выдвигают новые требования к деятельности органов КГБ СССР, обусловливают необходимость дальнейшего повышения боевой и мобилизационной готовности органов госбезопасности, совершенствования военной подготовки сотрудников.

Чекисты должны обладать определенной суммой военных знаний, умений и навыков. Это — требование самой жизни, необходимое условие успешного развития целого ряда задач, поставленных перед КГБ СССР. Именно поэтому военную подготовку сотрудников органов руководство КГБ СССР рассматривает как важную составную часть их профессиональной подготовки[3].

Идейно-теоретическая и методологическая основа военной подготовки чекистов — марксистско-ленинское учение о защите социалистического Отечества и теоретические положения классиков марксизма-ленинизма по вопросам психологии и дидактики, на которых базируются основные принципы обучения и воспитания сотрудников органов госбезопасности. Для совершенствования военной подготовки чекистов важное методологическое значение имеют положения и выводы, содержащиеся в Программе КПСС, материалах XXVII съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК КПСС и XIX Всесоюзной партконференции, о роли и задачах военных кадров в укреплении обороноспособности и обеспечении государственной безопасности страны, о необходимости коренной перестройки системы высшего и среднего специального образования, улучшения подготовки кадров для органов и войск КГБ СССР.

Военная подготовка сотрудников государственной безопасности стала объективной необходимостью с первых же дней существования чекистских органов. Это было обусловлено особыми условиями службы в специальном органе защиты революции, который не только должен был знать о каждом шаге контрреволюционеров, но и мог «репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной»[4] пресечь все их происки. Бескомпромиссный характер борьбы с контрреволюцией потребовал введения в аппарате ВЧК твердой дисциплины и беспрекословного выполнения приказов, обучения сотрудников владению оружием и приемами рукопашного боя. Выступая 20 марта 1918 г. на заседании

---

[2] Чебриков В. М. Об итогах январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС и задачах партийной организации КГБ СССР, вытекающих из его решений.— Сборник КГБ, 1987, № 116, с. 14.

[3] См.: Приказ КГБ СССР № 052 от 4 февраля 1982 г.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 327.

бительных батальонов, командирами которых назначались оперативные работники органов госбезопасности[17]. Изучение чекистами военного дела положительно сказалось на результатах войсковой борьбы с диверсионно-разведывательными формированиями (ДРФ) противника и бандитскими группами. Так, в ходе проведенных в нашем тылу чекистско-войсковых операций (ЧВО) только на территории Украины чекистами было ликвидировано около 15 тыс. бандитов и агентов противника[18]. Из числа наиболее хорошо подготовленных в военном отношении сотрудников были сформированы отряды для выполнения специальных оперативно-боевых заданий в тылу противника. В общей сложности за годы войны органами госбезопасности были заброшены через линию фронта 2222 оперативные группы. Некоторые из них выросли в крупные партизанские формирования[19].

В тяжелые для нашей страны годы военных испытаний советские чекисты проявили высокие морально-политические и боевые качества, внесли достойный вклад в дело победы над врагом.

Характер задач, поставленных перед органами госбезопасности в послевоенные годы, по-прежнему требовал от сотрудников высокого уровня военной подготовки. Схватки с противником, которые велись чекистами на «невидимом» фронте, порой обретали реальные формы вооруженной борьбы. О ее сложности и масштабах говорит хотя бы тот факт, что при ликвидации бандитизма и буржуазно-националистического подполья чекистами только в западных областях Украины было изъято и захвачено 131 тыс. единиц различного оружия[20].

Опыт ведения вооруженной борьбы с противником получил отражение в ряде правовых документов[21]. В них обращается внимание на то, что военнослужащие органов госбезопасности обязаны строго выполнять военную присягу и воинские уставы, постоянно совершенствовать уровень своих военных знаний и навыков, укреплять дисциплину и порядок, быть бесстрашными в борьбе с врагами Родины. В частности, в решении Коллегии КГБ (от 30 января 1970 г.) о работе с молодыми кадрами указывалось, что изучение военного дела должно осуществляться в интересах качественного решения задач, стоящих перед органами КГБ как в мирное, так и в военное время. В современных

---

[17] См.: Коровин В. В. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 82.

[18] См.: Труды ВШ КГБ, 1971, № 2, с. 55.

[19] См.: Сборник КГБ, 1970, № 1, с. 91—101; Коровин В. В. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 138.

[20] См.: История советских органов государственной безопасности, с. 138.

[21] См.: Приказы КГБ СССР № 052 от 4 февраля 1982 г., № 0380 от 30 июня 1986 г.; Сборник правовых документов по работе с кадрами военнослужащих КГБ СССР при СМ СССР. М., изд. ВШ КГБ, 1962.

условиях требуется, чтобы каждый чекист, обладая хорошей специальной подготовкой, знал основы, формы и методы чекистско-войсковой борьбы с ДРФ противника; умел грамотно выбирать огневую позицию, маскироваться, метко стрелять, читать топокарту и ориентироваться на незнакомой местности, использовать средства связи и минно-взрывную технику, применять средства индивидуальной защиты и действовать в условиях радиационного и химического заражения; владел приемами рукопашного боя; обладал высокими морально-политическими и боевыми качествами.

Такие требования к содержанию военной подготовки сотрудников КГБ вытекают из характера разведывательно-подрывной деятельности противника, уровня развития военной науки и техники, характера современных войн и задач, возложенных на органы КГБ СССР. Готовиться к действиям в условиях угрожаемого периода и войны органы КГБ должны заранее, в мирное время. Это позволит избежать ошибок, допущенных в военной подготовке чекистов накануне Великой Отечественной войны. Современная война, если ее развяжут империалисты, будет существенно отличаться от всех предыдущих войн. Она потребует от чекистов умения строить свою работу в условиях развертывания военных действий на огромных территориях, отсутствия сплошной линии фронта, растянутости коммуникаций, отдаленности пунктов управления и баз снабжения, уязвимости военных и промышленных объектов от средств поражения противника. Обеспечению подготовки органов госбезопасности к работе в таких, ни с чем не сравнимых условиях должно служить гармоничное сочетание специальной чекистской, военной и физической подготовки сотрудников.

Взаимосвязь военной подготовки со специальными чекистскими дисциплинами наиболее полно должна проявляться в вопросах военной теории, характеризующих те условия боя, операции и войны в целом, в которых могут действовать органы госбезопасности; в сферах военного дела, подлежащих контрразведывательному обеспечению (боевая и мобилизационная готовность, военная и специальная техника, охрана и оборона особо важных объектов, охрана государственной границы СССР, войсковые учения и др.); в тематике, относящейся к войсковой борьбе с ДРФ противника, а также к действиям партизанских и специальных формирований в тылу противника. С другой стороны, занятия по военной подготовке способствуют более успешному усвоению обучаемыми тематики ряда специальных дисциплин, особенно таких, как СД-1, СД-2, СД-3, СД-«М», СД-6.

Выполнение задач по улучшению работы с кадрами и перестройке системы высшего и среднего специального образования в стране, определенных XXVII съездом КПСС и получивших свое развитие на последующих Пленумах ЦК КПСС и XIX Все-

союзной партконференции, требует критического переосмысления всего достигнутого, трезвой и принципиальной оценки современного состояния военной подготовки чекистских кадров, творческого поиска путей ее дальнейшего совершенствования. Рассмотрение с этих позиций военной подготовки как составной части профессиональной подготовки сотрудников, цель которой — вооружить обучаемых определенной суммой военных знаний, умений и навыков, сформировать у них высокие морально-политические, боевые и психологические качества, позволяет сделать вывод о целом ряде узких мест и нерешенных проблем в военной подготовке чекистов.

Так, результаты учений, проведенных КГБ СССР по проверке подготовки руководящего и оперативного состава к борьбе с ДРФ противника[22], дают основание говорить о том, что в настоящее время военная подготовка чекистов по ряду позиций еще не отвечает требованиям, предъявляемым к ней Приказами КГБ СССР № 052 от 4 февраля 1982 г. и № 0380 от 30 июня 1986 г. В частности, озабоченность руководства КГБ вызывает отсутствие у сотрудников твердых навыков по принятию и формированию решения на ликвидацию (захват) противника, постановке боевых задач подчиненным и управлению ими в бою (в ходе ЧВО), ведению рабочей карты, использованию средств связи и документов СУВ. Проверка показала, что многие оперативные работники не обучены действиям в поиске, при блокировании, не имеют навыков в организации службы специальных нарядов, выборе огневой позиции, самоокапывании и маскировке, слабо подготовлены к проведению ЧВО в населенных пунктах. В то же время для дальнейшего совершенствования содержания военной подготовки чекистов определяющими являются именно эти вопросы.

Думается, что назрела необходимость критической оценки существующих в настоящее время тактических нормативов по блокированию и ведению сплошного поиска[23]. Установленные более 30 лет назад[24], эти нормативы действуют до настоящего времени, несмотря на то что по своим возможностям современные мотострелковые подразделения значительно отличаются от стрелковых подразделений середины 50-х годов. В связи с этим целесообразно провести в ближайшее время ряд экспериментов с целью определения нормативов по тактико-специальной подготовке, соответствующих современной организационной структуре и вооруженности войск.

Учитывая, что большинство сотрудников органов получают основной объем знаний и умений по военной подготовке в период обучения в Высшей школе КГБ или на Высших курсах КГБ,

---

[22] См.: Сборник КГБ, 1986, № 115, с. 41—43.

[23] См.: Курс военной подготовки сотрудников органов госбезопасности. М., изд. ВШ КГБ, 1983, с. 578—579.

[24] См.: Труды Института КГБ, 1956, № 9, с. 112.

важными условиями дальнейшего повышения уровня военной подготовки чекистских кадров является совершенствование содержания, организации и методики преподавания, а также учебно-материальной базы военной подготовки слушателей высших учебных заведений КГБ СССР. Что касается оптимизации содержания военной подготовки, то очень важно из всего огромного материала выбрать главное, чтобы избавиться «от бесполезной траты времени на всякое традиционное старье»[25]. Необходимо помнить, что содержание военной подготовки вторично по отношению к содержанию практической деятельности сотрудников. Следовательно, при разработке программ и тематических планов по военной подготовке нужно ориентироваться на модель специалиста-контрразведчика, которая должна быть не констатирующей, а прежде всего прогностической, то есть учитывать особенности, перспективы, тенденции, закономерности развития всесторонней борьбы с противником. Для поднятия военной подготовки чекистов на более высокий уровень следует разработать научно обоснованную модель специалиста, что в свою очередь позволит создать соответствующие программы, тематические планы, планы лекционных курсов, семинаров и практических занятий, подготовить учебные и учебно-методические пособия. Значительно возросший за последние годы объем военных дисциплин, изучаемых в чекистских вузах, а также острый дефицит учебного времени привели к тому, что на занятиях слушатели нередко усваивают теоретические положения поверхностно, а практические умения у них сформироваться не успевают. В Решении Коллегии КГБ СССР от 21 июня 1986 г. отмечалось, «что многие выпускники не имеют необходимых практических навыков, испытывают трудности при выполнении должностных обязанностей»[26]. В определенной степени это относится к военной подготовке. Проведенные в январе 1988 г. беседы со слушателями выпускного курса ВШ КГБ показали, что 57 процентов опрошенных не уверены в своих способностях вести рабочую карту, нанося обстановку с голоса (по радио), а 19 процентов считают, что в роли руководителя ЧВО не смогут принять решение на применение войсковых подразделений и поставить им боевые задачи. О необходимости усиления практической стороны военной подготовки чекистов говорят и другие факты. Например, в январе 1988 г. при проверке офицеров, прибывших на факультет повышения квалификации ВШ КГБ, выяснилось, что 62 процента из них умеют вести огонь только из пистолета ПМ и автомата, 17 процентов — знают матчасть пистолета и автомата, но твердых навыков в ведении огня не имеют и лишь 21 процент знает матчасть и уверенно выполняет упражнения практически из всех видов стрелкового ору-

[25] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с 395—396.
[26] Сборник КГБ, 1986, № 111, с. 70.

жия. В основном это были сотрудники, которые ранее выполняли интернациональный долг в РА. На ВК КГБ (г. Ленинград) неоднократно прибывали на учебу сотрудники, которые не держали в руках оружия по нескольку лет подряд[27]

Возникает вопрос: как же получилось, что состояние военной подготовки, значение которой для чекистов столь велико, не отвечает современным требованиям? Видимо, в определенный период сказалось то обстоятельство, что по роду деятельности абсолютному большинству сотрудников не приходится вступать в единоборство с вооруженным противником или каким-то иным образом применять на практике свои военные знания и умения. Это привело к тому, что военная подготовка, официально продолжая оставаться важной частью профессиональной подготовки чекистов, фактически стала отходить на второй план. Поэтому сейчас очень важно возродить у всех сотрудников и руководителей подразделений такое отношение к военной подготовке, какое проявлял к ней Ф. Э. Дзержинский. Военную подготовку в вузах и подразделениях КГБ следует поднять на такой уровень, чтобы любой сотрудник, оказавшись в боевой обстановке, действовал умело и решительно, знал свои возможности, верил в свои силы и выходил победителем.

К сожалению, занятия чекистов по военной подготовке далеко не всегда отражают те условия, в которых им реально придется действовать. Возьмем, к примеру, огневую подготовку. Приказ КГБ СССР № 0380 от 30 июня 1986 г. предусматривает проведение практических стрельб сотрудников по условиям «Курса стрельб из стрелкового оружия, боевых машин и танков Сухопутных войск», а это не позволяет в полной мере обеспечить чекистскую направленность обучения. На первом этапе обучения владению оружием такие упражнения, бесспорно, могут и должны использоваться в подготовке чекистов. Но ограничиваться только этим, по крайней мере при подготовке слушателей и курсантов вузов КГБ, явно недостаточно. На этапе совершенствования умений и навыков, учитывая профиль предстоящей работы обучаемых, следует практиковать выполнение ими специальных упражнений. Эти упражнения должны быть моделями тех ситуаций, в которых наиболее вероятно окажется офицер-контрразведчик, вынужденный применить оружие. Например: ведение огня по определенным частям тела противника с целью захвата его живым; поражение как одиночных, так и групповых целей, появляющихся на одном или нескольких рубежах не более чем на пять секунд, и т. д. Так как единых условий и методики выполнения таких упражнений в вузах КГБ СССР контрразведывательного профиля пока еще нет, было бы целесообразно разработать и внедрить в подготовку слушателей единый комплекс специальных упражнений по огневой подго-

[27] Архив ВК КГБ (г. Ленинград), инв. № 2990, д. 151, т. 1, л. 116.

товке. Наиболее успешно эту задачу, вероятно, могла бы решить кафедра оперативно-тактической подготовки Высшей школы КГБ.

Оптимизация содержания военной подготовки предполагает не только устранение всего второстепенного, но и дополнение его новыми темами, разделами и предметами в соответствии с изменившимися задачами и требованиями к подготовке чекистских кадров. Поэтому представляется своевременным поставить и всесторонне обсудить вопрос о целесообразности возобновления в Высшей школе КГБ (а возможно, и в ряде других вузов КГБ) занятий по парашютно-десантной подготовке. В настоящее время ее значение во всех видах Вооруженных Сил СССР существенно возросло, большое внимание уделяет этому и наш вероятный противник. Так, в армии США с 1980 г. для всех военнослужащих сухопутных войск введено обязательное обучение парашютно-десантному делу. После предварительной подготовки военнослужащие обязаны совершить по пять прыжков днем и ночью[28]. Конечно, к опыту боевой подготовки войск противника следует подходить критически и слепое копирование здесь недопустимо. Но в то же время нельзя и не вспомнить мысль В. И. Ленина о том, что «неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля»[29]. Проведение со слушателями старших курсов занятий по парашютно-десантному делу в сочетании с практическими занятиями по специальной тактике (тактико-специальной подготовке) не только повысит уровень собственно военной подготовки обучаемых, но и явится эффективным средством их психологической закалки, способствуя воспитанию у них высоких морально-боевых качеств. Содержание военной подготовки, каким бы передовым оно ни было, обязательно должно быть обеспечено организационно и методически. В «Основных направлениях перестройки высшего и среднего специального образования в стране» в качестве первоочередной задачи намечен решительный поворот от массового, валового обучения к усилению индивидуального подхода, развитию творческих способностей обучаемых, использованию форм и методов обучения. Теоретические и научно-методические ориентиры этой работы — материалы XXVII съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК КПСС, XIX Всесоюзной партконференции, документы Коммунистической партии и Советского правительства о перестройке высшей и средней школы.

---

[28] См.: Грошев Ю. Боевая подготовка в сухопутных войсках США.— Зарубежное военное обозрение, 1987, № 2, с. 23—28.

[29] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 81.

Исследования в области педагогики доказали, что эффективность обучения повышается, если учебные задачи решаются комплексно.

Принципу комплексности отвечают проводимые в Высшей школе КГБ и на Высших курсах КГБ СССР итоговые тактико-специальные учения, наряду с тематикой военной подготовки предусматривающие отработку ряда вопросов специальных дисциплин. Они позволяют прививать обучаемым волевые и организаторские качества, умение управлять подразделениями, являются хорошей школой индивидуальной военной подготовки чекистских кадров. Так, например, на завершающем этапе обучения курсантов ВК КГБ (г. Ленинград) проводятся двухсуточные учения, на которых учебные группы (при посредничестве преподавателей-кураторов) с соблюдением мер маскировки и охранения совершают многокилометровые пешие переходы (каждая по своему маршруту). Об обстановке курсанты докладывают по радио на командный пункт, откуда получают дополнительные задания, требующие совершения марш-бросков, высылки разведдозоров, преодоления «зараженных» участков местности и естественных препятствий. Обучаемые совершенствуют навыки работы с топокартой, движения по азимутам, расположения на отдых и приготовления пищи с соблюдением мер маскировки. В ходе учений часть вопросов отрабатывается по тематике специальных кафедр. Завершаются занятия на полигоне выполнением упражнений учебных стрельб. План учений, разработанный группой кафедр, весьма поучителен, способствует закреплению теоретических знаний и, кроме того, закаляет характеры молодых чекистов.

Другой, не менее важной для совершенствования военного обучения чекистов задачей является повышение уровня подготовки самих преподавателей военной подготовки. «Никакой контроль, никакие программы и т. д. абсолютно не в состоянии изменить того направления занятий, которое определяется составом лекторов», — писал В. И. Ленин[30]. На одно из первых мест в деятельности учебных заведений он выдвигал меры по организации и подбору преподавательского персонала, ибо качество обучения решающим образом зависит от тех, кто учит, от их квалификации и педагогического мастерства.

Не имея возможности в одной статье рассмотреть все сложности, связанные с подбором кандидатов в преподаватели, их становлением как преподавателей и совершенствованием педагогического мастерства, автор считает необходимым затронуть один из вопросов их подготовки. В вузах КГБ комплектование кафедр военной подготовки осуществляется из самых разных источников: преподавателями назначаются выпускники военных академий, адъюнктур и аспирантур, офицеры, ранее занимав-

[30] Ленин В И Полн. собр соч., т. 47, с. 194.

шие командные и штабные должности, оперативные работники и преподаватели других учебных заведений. Уровень теоретической и практической подготовки у них различен, и далеко не все имеют предварительную педагогическую подготовку. В связи с этим, видимо, было бы целесообразно в Высшей школе КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского на уже действующем потоке повышения квалификации профессорско-преподавательского состава создать группу (подгруппу) специально для подготовки преподавателей военных дисциплин. Это даст возможность более квалифицированно вооружать всех прибывающих для работы на кафедрах преподавателей знаниями, умениями и навыками, необходимыми им для работы в чекистском учебном заведении.

Признавая важность воздействия на обучаемых самой обстановки на занятиях, нельзя забывать, что уровень их боевой готовности и дисциплинированности находится в прямой зависимости от качества организации и несения караульной и внутренней службы, поддержания внутреннего порядка, выполнения распорядка дня, соблюдения правил ношения военной формы одежды, личной примерности командиров и начальников. Поэтому, сколь велико бы ни было воздействие преподавателей военной подготовки на обучаемых, поднять ее на качественно новый уровень можно, лишь объединив усилия всего офицерско-преподавательского состава учебных заведений и создав в подразделениях обстановку высокой требовательности начальников и исполнительности подчиненных.

Кроме того, важным условием и задачей совершенствования военной подготовки чекистов является оснащение ее современной учебно-материальной базой. К сожалению, пока во многих чекистских вузах техническое оснащение занятий по военной подготовке значительно отстает от уровня учебно-материальной базы учебных заведений Министерства обороны СССР. Имеющиеся на кафедрах технические средства используются в основном лишь для усиления наглядности обучения. Далеко не все чекистские вузы имеют полевые учебные центры. Отсутствие оборудованных учебных полей и стрельбищ весьма затрудняет обучение военному делу, в определенной степени сдерживает процесс формирования у обучаемых практических умений и навыков, высоких морально-боевых качеств. На наш взгляд, совершенствованию не только военной, но и физической, автомобильной, специальной подготовки чекистов значительно способствовало бы создание в Высшей школе КГБ имени Ф. Э. Дзержинского как в головном вузе контрразведывательного профиля КГБ СССР образцового учебного центра, на котором кафедры спецдисциплин, оперативно-тактической и физической подготовки могли бы комплексно отрабатывать все практические вопросы своих учебных программ. Думается, что без качественного материально-технического переоснащения учебного процесса ни

Коллегии ВЧК, Ф. Э. Дзержинский в докладе «О милитаризации комиссии» потребовал построить весь уклад работы чекистских органов по образцу воинских коллективов[5], что нашло отражение в организационной структуре ВЧК[6] и в последующем было законодательно оформлено постановлением Совета Труда и Обороны от 17 сентября 1920 г.[7]

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны военная подготовка чекистов носила сугубо практический характер, что было обусловлено крайне напряженной обстановкой на фронтах и внутри страны. Так, например, в 1918 г. только в двадцати губерниях центральной России чекисты участвовали в подавлении 245 крупных кулацких выступлений[8]. Но и в этих труднейших для судьбы революции условиях ЦК РКП(б) 15 сентября 1918 г. решил организовать первые 3-недельные курсы для обучения сотрудников ВЧК. Слушатели курсов наряду с политической и специальной подготовкой изучали военное дело[9].

В годы мирного строительства военная подготовка сотрудников органов госбезопасности стала принимать системный характер. Была расширена сеть учебных заведений и наряду с практическим обучением в военной подготовке сотрудников большое значение стало придаваться изучению теоретических вопросов.

Большое мобилизующее воздействие на чекистов имело ставшее по своей сути программным выступление В. И. Ленина 6 февраля 1920 г. на IV Всероссийской конференции губернских чрезвычайных комиссий, в котором он призвал поддерживать высокую боевую готовность органов и никогда, даже если обстановка меняется к лучшему, не допускать благодушия и самоуспокоенности[10]. Руководство ВЧК в комплексе мер, направленных на выполнение этих ленинских указаний, видное место отводило военной подготовке сотрудников. Так, в приказе ГПУ № 404 от 3 сентября 1923 г. подчеркивалось, что «рядовой работник органов ГПУ не может быть оторван от чисто военной подготовки. В его психологии должны объединиться методы секретной работы и борьбы с винтовкой в руках. Воинское обучение сотрудников обеспечивает правильное использование войск для выполнения оперативных задач»[11]. Обязательное изучение воен-

---

[5] См.: История советских органов государственной безопасности. Учебник. М., изд. ВШ КГБ, 1977, с. 28.

[6] См.: История советской разведки (1918—1920 гг.). М., изд. ВШ КГБ, 1960, вып. 1, с. 20—23.

[7] См.: Из истории ВЧК. Сборник документов. М., Госполитиздат, 1958, с. 409.

[8] См.: Лацис М. И. (Судрабс). Два года борьбы на внутреннем фронте. М., Госиздат, 1920, с. 75.

[9] См.: История советских органов государственной безопасности, с. 68.

[10] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 113—121.

[11] Цит. по: Вестник ВШ КГБ, 1962, № 9, с. 30.

ного дела всеми сотрудниками органов регламентировалось приказом ОГПУ от 10 мая 1924 г., предписывавшим «всем сотрудникам ОГПУ, не имеющим войсковой подготовки, пройти при ОСНАЗе ОГПУ военное обучение»[12]. В результате принятых мер значительно возросла эффективность советской разведки и контрразведки на всех направлениях борьбы с противником.

В период 1925—1935 гг. по инициативе Ф. Э. Дзержинского и М. В. Фрунзе в комплексе мероприятий, проводившихся по всесторонней подготовке страны на случай нападения империалистов на СССР, важное место занимало обучение оперативных работников способам организации и ведения партизанской борьбы. В результате тысячи чекистов были подготовлены как высококвалифицированные специалисты[13]. Однако по ряду причин с 1936 г. подготовка кадров для организации и ведения партизанской борьбы была прекращена и вплоть до начала Великой Отечественной войны в мобилизационных планах органов госбезопасности не предусматривалась. Следует также отметить, что на качестве военной подготовки чекистов в предвоенные годы отрицательно сказались незавершенность работ по обобщению опыта партизанской борьбы в период гражданской войны и иностранной интервенции в России (1918—1920 гг.) и войны в Испании (1936 г.), слабое отражение опыта оперативно-боевой деятельности органов госбезопасности во время финской и других кампаний[14]. Как свидетельствуют документы, упущения и недостатки в военной подготовке чекистских кадров предвоенного периода сказались на результатах деятельности органов в начале Великой Отечественной войны[15]. В некоторых случаях они приводили к тяжелым неоправданным потерям и невыполнению оперативно-боевых заданий[16].

В годы Великой Отечественной войны в число задач, решавшихся органами НКГБ и НКВД, входили и такие, как разведывательно-диверсионная деятельность в тылу противника, содействие в организации партизанского движения, обеспечение безопасности тыла. Именно при решении этих задач наиболее ярко проявилась необходимость изучения военного дела сотрудниками органов. Так, например, для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника было сформировано 849 истре-

---

[12] ЦА КГБ СССР, ф. 2, оп. 6, д. 273, л. 3.

[13] См.: Старинов И. Г. Диверсии и противодиверсионная защита. М., изд. в. ч. 64510, 1980, с. 28.

[14] См.: История советских органов государственной безопасности, с. 305.

[15] См.: Вестник ВШ КГБ, 1962, № 8, с. 231.

[16] См.: Коровин В. В. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., изд. ВШ КГБ, 1981, с. 124; История советских органов государственной безопасности, с. 305—306, 348; Сборник примеров боевых действий подразделений и частей при выполнении специальных задач. М., изд. ВШ КГБ, 1977, с. 4, 5, 7, 8, 13, 14, 18, 20, 21, 22.

одно из направлений перестройки военной подготовки чекистских кадров не сможет работать в полной мере.

Анализ документов Коммунистической партии и Советского правительства по вопросам подготовки кадров и перестройки системы высшего и среднего образования в стране дает основание считать, что перестройка военной подготовки чекистских кадров должна вестись одновременно по следующим направлениям:

оптимизация содержания военной подготовки с целью обеспечения фундаментальности и практической направленности обучения, усиления межпредметных и внутрипредметных связей, развития индивидуальных способностей обучаемых;

улучшение организации и методики преподавания военной подготовки на основе поиска новых и совершенствования традиционных форм и методов обучения;

повышение профессиональной и педагогической подготовки преподавательского состава;

строгий контроль за выполнением распорядка дня, поддержанием уставного внутреннего порядка, соблюдением воинской дисциплины и правил ношения военной формы одежды всеми военнослужащими органов КГБ СССР, личной примерностью командиров и начальников;

активизация научных исследований, нацеленных на совершенствование военной подготовки чекистов;

приведение учебно-материальной базы по военной подготовке в соответствие с современными требованиями к подготовке чекистских кадров.

Действенная работа в этих направлениях будет способствовать повышению боевой и мобилизационной готовности КГБ СССР, выполнению Приказов председателя КГБ СССР № 052 от 4 февраля 1982 г., № 0380 от 30 июня 1986 г. и Решения Коллегии КГБ СССР от 27 июня 1988 г., которые требуют повысить эффективность всей системы военной подготовки сотрудников, поднять ее на качественно новый уровень.

Рекомендована спецкафедрой «М»
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
полковник А. А. Козлов

Доктор исторических наук, профессор
полковник *А. С. Велидов*

У ИСТОКОВ ВЧК

К 70-летию I Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий

В истории советских органов государственной безопасности важное место занимает I Всероссийская конференция ЧК, семидесятилетие которой отмечалось в 1988 году. Она обобщила первый опыт борьбы с контрреволюцией, накопленный чрезвычайными комиссиями, определила организационные формы их строительства, решила принципиальные вопросы о компетенции и методах деятельности чекистских органов. Однако работа конференции и принятые ею решения до сих пор еще не получили достаточно полного отражения в исторической и специальной литературе. О конференции коротко сообщается лишь в ряде исследований по истории ВЧК[1]. При этом в некоторых из них искажаются отдельные факты, связанные с работой и составом конференции, неточно излагаются и цитируются принятые ею документы.

Основными источниками изучения I Всероссийской конференции ЧК являются протоколы ее заседаний и решения.

Протоколы конференции пока не изданы, а ее постановления, напечатанные в 1918 г. и в 1921 г.[2], давно стали библиографической редкостью. В 1958 г. в сборнике «Из истории ВЧК» были опубликованы резолюции I Всероссийской конференции

---

[1] Дорошенко И. А. История органов и войск государственной безопасности СССР. М., изд. Военного института им. Ф. Э. Дзержинского, 1959, ч. 1, с. 40—42; Софинов П. Г. Очерки истории ВЧК (1917—1922 гг.). М., Политиздат, 1960, с. 44—46; Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Сташис В. В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918—1922). Харьков, 1971, с. 18—21, и др.

[2] Инструкции чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, принятые на Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий в июне 1918 г. в Москве. М., изд. ВЧК, 1918; Необходимое руководство для агентов ЧК. М., 1918 (переиздано многими губернскими ЧК); Отчет Всероссийской чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности. I. Организационная часть. М., изд. ВЧК, 1921.

чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, но они не являются подлинными документами, принятыми конференцией, а представляют собой лишь черновые проекты, по ошибке напечатанные в июне 1918 г. газетой «Известия ВЦИК». При этом резолюции «О борьбе со спекуляцией»[3], «О преступлениях по должности» и постановление «Об организации и основных задачах деятельности чрезвычайных комиссий» по своей редакции отличаются от соответствующих решений конференции (последний документ и называется по-другому: «Основные положения организации Чрезвычайной комиссии»). Что же касается резолюции «О связи с массами», то она, кроме названия, не имеет ничего общего с подлинной резолюцией, утвержденной конференцией.

Цель данной статьи — попытаться осветить на основе изучения материалов конференции ход ее работы, дать анализ важнейших ее решений.

* * *

I Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий состоялась в один из наиболее трудных периодов в истории Советского государства. Мирная передышка, завоеванная в результате заключения Брестского договора, оказалась непродолжительной. В марте английские и американские интервенты захватили Мурманск. В апреле японские, а вслед за ними американские войска высадились во Владивостоке. В мае империалисты Антанты организовали в Поволжье и Сибири мятеж чехословацкого корпуса. На Дону началось наступление немецких войск. Советская Республика снова оказалась втянутой в войну против международного империализма.

Внутри страны активизировалась деятельность контрреволюционных сил. Кадеты, правые эсеры, меньшевики, опиравшиеся на финансовую помощь посольств Антанты, резко усилили борьбу против Советской власти. Весной 1918 г. возникли и начали действовать крупные, тщательно законспирированные заговорщические организации — «Союз защиты родины и свободы», «Правый центр», «Союз возрождения». Они ставили своей целью свержение Советской власти, реставрацию буржуазного строя. Правые эсеры и меньшевики в союзе с белогвардейцами провоцировали страдавшее от голода население городов на бунты, поднимали кулацкие восстания в селах. В мае—июне 1918 г. в ряде городов они начали созывать собрания «уполномоченных фабрик и заводов» и различные «беспартийные» конференции, которые противопоставлялись Советам. На страницах эсеро-меньшевистских газет велась яростная антисоветская агитация.

---

[3] Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии 1917—1921 гг. Сборник документов. М., Политиздат, 1958, с. 134—138.

В это же время большую опасность приняла деятельность анархистов. Их банды самовольно производили облавы и реквизиции, грабили жителей, отказывались подчиняться распоряжениям Советской власти и даже пытались свергнуть ее. Широкий размах приняла спекуляция продовольственными товарами и предметами первой необходимости.

В связи с возросшим сопротивлением эксплуататорских классов перед Коммунистической партией и Советским правительством встала задача усиления борьбы с контрреволюцией. 13 мая 1918 г. ЦК РКП(б) утвердил написанные В. И. Лениным «Тезисы о современном политическом положении», в которых говорилось: «Против буржуазии, поднявшей голову в последние дни... необходима беспощадная борьба, введение военных положений, закрытие газет, арест вожаков и т. п. и т. д.»[4]. 19 мая ЦК РКП(б) принял решение о переходе к более суровой карательной политике, укреплении Всероссийской чрезвычайной комиссии и ревтрибуналов. ЦК признал необходимым восстановить смертную казнь по суду[5]. 24 мая 1918 г. Совет Народных Комиссаров поручил ВЧК усилить борьбу с враждебной деятельностью контрреволюционных партий — кадетов, правых эсеров и меньшевиков[6].

Решения ЦК РКП(б) и Совета Народных Комиссаров явились для ВЧК и местных чрезвычайных комиссий руководством к действию. Чекистские органы развернули еще более энергичную борьбу с контрреволюцией, спекуляцией, должностными преступлениями и бандитизмом. В конце мая — начале июня ВЧК раскрыла «Союз защиты родины и свободы», арестовала его видных участников в Москве и некоторых городах Поволжья. Чрезвычайным комиссиям с помощью Красной Армии в основном удалось покончить с бандами анархистов. В конце апреля — в мае 1918 г. ВЧК выявила спекулятивную деятельность частных фирм, которые продавали дипломатическим представителям Германии акции подлежавших национализации предприятий. В июне начались первые аресты правых эсеров и меньшевиков, организаторов и активных участников «собраний уполномоченных» и «беспартийных» рабочих конференций.

Однако на развертывании борьбы с контрреволюцией отрицательно сказывался ряд обстоятельств. К лету 1918 г. в ряде губерний и во многих уездах еще не были созданы чрезвычайные комиссии. Там же, где ЧК существовали, они не обладали необходимым опытом работы. Их связь с Всероссийской чрезвычайной комиссией была нерегулярной, случайной. Чрезвычайные комиссии не имели единой организационной структуры.

---

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 325—326.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 1, л. 19.
[6] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 124, л. 16.

В деятельности чекистских органов преобладал гласный метод борьбы с врагами Советской власти, который был малоэффективен в выявлении и пресечении тайных происков контрреволюционеров.

Интересы охраны безопасности Советского государства с объективной необходимостью требовали расширения сети чрезвычайных комиссий, определения их правового положения и организационной структуры, выработки наиболее эффективных методов борьбы. Нужно было обобщить опыт, накопленный ВЧК и местными ЧК, наметить общий план и направления их деятельности. Важную роль в решении этих задач призвана была сыграть I Всероссийская конференция ЧК.

Впервые вопрос о необходимости созыва Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий возник на заседании президиума ВЧК 5 апреля 1918 г. По предложению члена Коллегии ВЧК Д. Г. Евсеева президиум принял решение избрать специальную комиссию из представителей основных отделов для разработки плана созыва конференции[7]. Начиная с 22 апреля ВЧК неоднократно публиковала извещение о предстоящей конференции.

Местным Советам, при которых еще не были созданы чрезвычайные комиссии, ВЧК предлагала немедленно приступить к их организации.

19 мая 1918 г. в газетах было напечатано объявление Организационного бюро по созыву Всероссийской конференции ЧК. В нем обосновывалась необходимость создания «сильных, специально приспособленных органов борьбы, которые повсеместно, в тесном контакте могли бы вести самую беспощадную борьбу со всеми врагами Советской власти»[8]. Каждая областная (губернская) чрезвычайная комиссия или областной (губернский) Совет, если при нем еще не организована ЧК, должны были послать на конференцию по 2 делегата. «Делегатами,— говорилось в объявлении, — могут быть только коммунисты (большевики) и левые социалисты-революционеры»[9].

Конференция открылась 11 июня 1918 г. Ее повестка дня включала отчет ВЧК и доклады с мест, рассмотрение вопросов об организации чрезвычайных комиссий, о мерах борьбы против контрреволюции, спекуляции, преступлений по должности, бандитизма и антисоветской печати, о постановке разведки, о создании вооруженной силы ВЧК, об информации и связи, других

---

[7] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 2, л. 55об.
[8] Известия ВЦИК, 1918, 19 мая.
[9] Там же.
В книге П. А. Дорошенко «История органов и войск государственной безопасности СССР» (ч. 1, с. 40) ошибочно утверждается, что делегатами конференции могли быть только коммунисты (большевики).

вопросов. Председателем конференции был избран Ф. Э. Дзержинский[10], почетным председателем — В. И. Ленин[11].

Конференция работала 11, 12 и 14 июня[12]. За эти дни состоялись 4 пленарных заседания, на которых делегаты рассмотрели наиболее важные вопросы и приняли резолюции, а также заседания организационной и военной секций и секции разведки. Кроме того, имели место собрания фракций большевиков и левых эсеров (по отдельности).

На конференцию прибыло 59 делегатов с решающим голосом и 7 делегатов — с совещательным[13]. 54 делегата являлись большевиками, 8 — левыми эсерами, 2 — сочувствующими большевикам и 2 — сочувствующими левым эсерам[14]. Участие в конференции левых эсеров придало ее работе особенно трудный и напряженный характер: почти по всем важнейшим вопросам организации чрезвычайных комиссий большевикам пришлось вести против них напряженную принципиальную борьбу.

Линия большевиков на конференции была выработана на заседании их фракции, состоявшемся 12 июня перед обсуждением организационных вопросов. Основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров от 24 мая 1918 г., поручившем ВЧК разработать меры борьбы с членами руководящих органов антисоветских партий, фракция РКП(б) предложила чрезвычайным комиссиям арестовать видных и активных руководителей монархистов, кадетов, правых эсеров и меньшевиков. Она рекомендовала взять на учет и установить наблюдение за бывшими генералами и офицерами, наладить чекистскую работу в Красной Армии, особенно среди комсостава, в большинстве своем состоявшем из старых военных специалистов. Фракция предложила также принять строгие и решительные меры борьбы с буржуазной, соглашательской и бульварной печатью.

Большевистская фракция приняла важное решение об усилении репрессий против врагов Советской власти. В этот период, когда контрреволюционеры активизировали свою подрывную

---

[10] В протоколах конференции не нашло отражения участие Ф. Э. Дзержинского в работе конференции. В эти дни он был целиком занят расследованием дела о военно-заговорщической организации «Союз защиты родины и свободы» и подготовкой к ликвидации контрреволюционного «Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Москвы».

[11] И. А. Дорошенко в книге «История органов и войск государственной безопасности СССР» (ч. 1, с. 40) пишет: «Делегаты единодушно избрали почетными председателями конференции В. И. Ленина и Я. М. Свердлова». В действительности вторым почетным председателем конференции была избрана по предложению фракции левых эсеров лидер их партии М. А. Спиридонова (ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 3; см. также: Известия ВЦИК, 1918, 13 июня).

[12] 13 июня конференция не заседала — почти все делегаты отправились расследовать дело об участниках эсеро-меньшевистского «Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Москвы».

[13] См.: Известия ВЦИК, 1918, 16 июня.

[14] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, лл. 32, 33.

деятельность, начали организовывать в ряде городов вооруженные восстания, убивать партийных и советских работников, у некоторых сотрудников чрезвычайных комиссий не было еще ясного понимания необходимости применения суровых мер подавления классовых врагов. Не только левые эсеры, но и часть большевиков считали принципиально недопустимым расстреливать контрреволюционеров. Фракция большевиков в соответствии с общей принципиальной установкой ЦК РКП(б) и Советского правительства об усилении карательной политики рекомендовала применять расстрел по отношению к видным и явно уличенным контрреволюционерам, спекулянтам, взяточникам.

Фракция высказалась за то, чтобы во главе чрезвычайной комиссии ставить стойких и решительных людей, способных «твердо и неуклонно провести тактику беспощадного пресечения и борьбы с враждебными элементами, губящими Советскую власть и революцию»[15].

Решения фракции РКП(б) способствовали сплочению большевиков — участников конференции на единой платформе, принятию конференцией принципиально выдержанных решений.

С отчетом о полугодовой деятельности отдела по борьбе с контрреволюцией выступил член Коллегии ВЧК большевик И. Н. Полукаров. В докладе, продолжавшемся свыше двух часов, он подробно осветил вопрос об образовании Всероссийской чрезвычайной комиссии, дал анализ борьбы ВЧК против саботажа, контрреволюции, бандитизма, преступлений по должности. «ВЧК,— говорил И. Н. Полукаров,— приняла меры к пресечению подрывной деятельности контрреволюционеров, готовивших антисоветское выступление во время созыва Учредительного собрания». Крупной заслугой ВЧК было выявление и разгром в январе 1918 г. белогвардейской «Организации борьбы с большевиками и отправки войск к Каледину». В феврале 1918 г. ВЧК арестовала участников монархического заговора, рассчитывавших поднять восстание в Петрограде при приближении к нему германских войск. Аналогичные заговорщические организации были выявлены весной 1918 г. в Москве.

И. Н. Полукаров подчеркнул, что ВЧК во всей своей деятельности опиралась на помощь трудящихся и их организаций, прежде всего Советов. Так, рабочие Петрограда часто приводили в ВЧК контрреволюционеров и доставляли изъятую у враждебных элементов антисоветскую литературу. Служащие банков оказывали содействие в выявлении организаторов саботажа.

В заключение своего доклада И. Н. Полукаров обосновал необходимость передачи ВЧК функции борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии. «Цель буржуазии, — говорил он,— разложить нашу армию, использовать ее для своих целей, но

---

[15] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 194, л. 3об.

нам как органу политической борьбы необходимо взять на себя наблюдение за армией»[16].

Отчет о борьбе ВЧК со спекуляцией сделал Г. С. Мороз. Он отметил теснейшую связь спекуляции с контрреволюцией и преступлениями по должности. Г. С. Мороз подробно рассказал делегатам конференции о принятых ВЧК мерах по пресечению спекуляции продовольствием, золотом, ценными бумагами, а также о борьбе с контрабандой в пограничных пунктах, расположенных на демаркационной линии.

О работе отдела ВЧК по борьбе с преступлениями по должности сообщил Комаровский. Он отметил, что главным источником успешной деятельности отдела являлись твердая опора на организации революционных масс, постоянный контроль с их стороны.

Особенно активно прошло обсуждение докладов с мест. С сообщениями о борьбе с контрреволюцией и спекуляцией выступили 20 представителей местных ЧК. Председатель Чрезвычайной комиссии Западной области В. И. Яркин рассказал о разоружении анархиствующих банд, о ликвидации контрреволюционного восстания в Смоленске, о первых мероприятиях ЧК по организации охраны демаркационной линии. Комиссия установила строгий контроль за всеми прибывающими и вывозимыми грузами. В результате чекисты обнаружили несколько вагонов мануфактуры общей стоимостью 4 миллиона рублей, которую спекулянты собирались вывезти в Германию[17]. Делегат Симбирской ЧК доложил конференции о проведенной Чрезвычайной комиссией работе по очищению Красной Армии от контрреволюционных элементов, об упорной борьбе с кулаками и спекулянтами. Председатель Нижегородской ЧК Я. З. Воробьев рассказал о раскрытии заговора Громова, ликвидации контрреволюционного выступления в Сормове, организованного правыми эсерами и меньшевиками. Опытом борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и бандитизмом поделились делегаты от Пермской, Курской, Тамбовской, Тверской и других чрезвычайных комиссий.

Почти все делегаты ставили вопрос о создании при чрезвычайных комиссиях особых надежных отрядов для борьбы с контрреволюцией. Большинство чрезвычайных комиссий не имело в своем полном распоряжении вооруженной силы. Для производства различных операций использовались, как правило, партийные отряды (дружины), состоявшие при местных комитетах РКП(б) и партии левых эсеров. В случае крупных контрреволюционных выступлений в распоряжение ЧК выделялись военные части. Отсутствие при чрезвычайных комиссиях соб-

[16] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 26об.
[17] См.: Известия ВЦИК, 1918, 13 июня.

ственной вооруженной силы затрудняло борьбу с контрреволюцией.

Другой вопрос, который вызывал тревогу многих делегатов,— неудовлетворительное состояние железнодорожной охраны. Она комплектовалась главным образом из безработных железнодорожников. Под видом их в нее проникло много черносотенных элементов, вплоть до бывших жандармов и городовых. Железнодорожная охрана, призванная бороться со спекуляцией, зачастую покровительствовала мешочникам, противодействовала продовольственным отрядам и т. д. Имея в руках оружие и обладая чрезвычайными полномочиями, она могла в один из критических для Советской власти моментов выступить как активная контрреволюционная сила. В связи с этим делегаты конференции ставили вопрос о передаче в руки ВЧК охраны железных дорог на территории всей страны.

Отчеты представителей ВЧК и доклады с мест показали, что чрезвычайные комиссии, вызванные к жизни интересами защиты революции, в основном успешно пресекают тайные и явные происки многочисленных врагов Советской власти, строго охраняют революционный порядок.

Конференция заслушала доклад председателя мандатной комиссии большевика Новикова (председателя Тамбовской ЧК). Вокруг доклада развернулись бурные споры между большевиками и левыми эсерами. Из доклада выяснилось, что 7 делегатов (2 большевика и 5 левых эсеров) не имеют партийных удостоверений. Между тем по условиям созыва конференции, выработанным Организационным бюро, участвовать в ее работе могли только члены партий большевиков и левых эсеров. В связи с этим встал вопрос о недопущении на конференцию не только 4 беспартийных, но и тех делегатов, которые не имели партийных документов.

Большевики, рассматривавшие чрезвычайные комиссии как органы партийные (в отношении комплектования их личного состава из представителей партий, стоящих на советской платформе), внесли предложение не допускать на конференцию тех делегатов, которые были снабжены мандатами от ЧК, но не имели партийных удостоверений. Большинством голосов конференция приняла это предложение.

Результаты голосования серьезно встревожили левых эсеров. После удаления с конференции делегатов, не имевших партийных билетов, и сочувствующих у большевиков осталось бы 52 человека, а у левых эсеров — 3, из которых лишь один, в лучшем случае двое, имели бы решающий голос. Поэтому левые эсеры внесли предложение допустить к участию в конференции делегатов, партийная принадлежность которых отмечена на мандатах, а также тех, кто имеет на руках фракционные удостоверения Советов. Это давало им дополнительно 4 решающих голоса. Большевики согласились с предложением левых эсеров,

проявив тем самым свою готовность к честному сотрудничеству с ними. Вместе с тем конференция по предложению большевиков еще раз подтвердила решение Организационного бюро о партийном составе делегатов. Она постановила: делегатов, которые прибыли лишь с мандатами от чрезвычайных комиссий, но не имеющих партийных удостоверений, к участию в работе конференции не допускать[18].

Однако левые эсеры не удовлетворились уступкой большевиков и начали выторговывать себе новые голоса. С целью сохранить на конференции еще 3 делегатов — одного, не имевшего никакого официального подтверждения в своей партийности, и двух сочувствующих — они поставили вопрос о переголосовании принятого решения, стали требовать допуска к участию в работе конференции также и беспартийных. Конференция отвергла их домогательства.

Тогда левые эсеры предложили устроить перерыв для фракционного совещания. После десятиминутного перерыва председатель Рязанской ЧК Зайцев от имени левых эсеров заявил: «Фракция левых с.-р. находит, что в настоящий исторический момент не должно быть товарищей, не принадлежащих к партии, но, принимая во внимание, что в данном случае причины отстранения чисто формальные и технические... предлагает этих товарищей на конференции оставить»[19]. Это противоречивое, непоследовательное заявление до конца вскрыло беспринципную торгашескую сущность борьбы, которую вели левые эсеры вокруг доклада мандатной комиссии: с одной стороны, они на словах признавали принцип партийности чекистских органов, а с другой — на деле требовали отказа от него.

Вторичным голосованием предложение левых эсеров было снова отвергнуто.

Ход обсуждения вопроса о представительстве на конференции показал твердость и непримиримость большевиков в отстаивании принципа партийности чекистских органов. В то же время он свидетельствовал об их готовности во имя сотрудничества в борьбе с врагами Советской власти идти на уступки своим попутчикам — левым эсерам в тех случаях, когда разногласия носили не принципиальный, а формальный характер.

С докладом «Основные положения организации Чрезвычайной комиссии» выступил член Коллегии ВЧК большевик В. В. Фомин. В своем докладе он твердо проводил идею централизации чекистских органов. «Должно быть... обращено внимание, — говорил В. В. Фомин, — на подчиненность низших комиссий высшим, а также высших — центральной комиссии в лице Всероссийской чрезвычайной комиссии»[20]. Централизация аппа-

---

[18] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 33.
[19] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 33об.
[20] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 34об.

рата чекистских органов диктовалась самой жизнью. В условиях ожесточенной гражданской войны и начавшейся империалистической интервенции необходимо было как можно скорее изжить местничество и сепаратизм отдельных чрезвычайных комиссий, покончить с кустарничеством в их работе. Только крепкий, централизованный, спаянный железной дисциплиной орган мог успешно подавить сопротивление эксплуататорских классов, ликвидировать многочисленные заговоры белогвардейцев и агентов империалистических разведок.

Вместе с тем в докладе В. В. Фомина проводилась мысль о том, что чрезвычайные комиссии должны быть подчинены не только высшим звеньям чекистского аппарата, но и местным Советам. Задача ЧК — оказывать помощь пролетариату путем борьбы с враждебными элементами. «Чрезвычайные комиссии... — говорил В. В. Фомин, — должны идти на помощь пролетарским организациям, не входя по существу в их специальные постановления»[21].

Необходимость подчинения чекистских органов местным Советам в тот период обусловливалась тем, что контрреволюционные выступления нередко носили массовый характер. Они часто локализовались в пределах территории отдельных уездов и губерний. Для ликвидации выступлений врагов Советской власти приходилось объединять усилия войсковых частей, чрезвычайных комиссий, милиции, боевых партийных отрядов и других революционных органов. Сделать это могли только Советы под руководством партийных комитетов.

Однако следует заметить, что В. В. Фомин непоследовательно проводил идею о подчинении чрезвычайных комиссий местным Советам. С одной стороны, он отмечал, что чрезвычайные комиссии создаются при Советах, а с другой стороны, противопоставлял ЧК и Советы. Советы, по его мнению, должны были заниматься лишь вопросами хозяйственной и политической жизни, а борьбу с контрреволюцией В. В. Фомин предлагал целиком передать чрезвычайным комиссиям. Далее, признавая необходимость подчинения чрезвычайных комиссий высшим органам власти, он в то же время пытался обосновать их независимость от местных Советов.

Позиция В. В. Фомина, выступившего за автономность чрезвычайных комиссий, объясняется тем, что летом 1918 г. во главе ряда местных Советов, особенно уездных и волостных, стояли кулацкие элементы. Эти Советы отказывались подчиняться распоряжениям центральной власти, саботировали проведение в жизнь декретов ВЦИК и Совнаркома. Имелись случаи, когда чрезвычайным комиссиям по директивам партийных и высших советских органов приходилось вступать в борьбу с руководством этих Советов. Поэтому В. В. Фомину, сильно преувеличивав-

[21] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 34.

шему удельный вес и значение «кулацких» Советов, представлялось совершенно невозможным подчинить местной власти такие боевые органы пролетарской диктатуры, как чрезвычайные комиссии.

В докладе В. В. Фомина поднимались также вопросы о создании корпуса войск ВЧК, о передаче в руки чрезвычайных комиссий охраны транспорта, об организации пограничных ЧК.

Доклад В. В. Фомина вызвал острое раздражение левых эсеров. Они выступили против важнейших положений, выдвинутых докладчиком, особенно против идеи централизации чекистского аппарата. Демагогически заявляя о необходимости развивать «самодеятельность и работу на местах», они возражали против подчинения уездных ЧК губернским, а губернских — ВЧК. Левые эсеры предлагали, чтобы чрезвычайные комиссии подчинялись только местным Советам. Эта анархическая идея, отрицавшая централизацию аппарата чрезвычайных комиссий, по существу была направлена на оправдание и закрепление вредных тенденций местничества, которые проявлялись в работе отдельных ЧК.

Делегаты-большевики дали решительный отпор попыткам левых эсеров протащить идею децентрализации чекистского аппарата. «Сама жизнь диктует нам, — заявил председатель Архангельской ЧК П. И. Лукьянов, — проводить всегда и везде централизацию, иначе на местах получается безалаберное положение, когда каждый действует самостоятельно»[22].

Конференция приняла «Основные положения организации Чрезвычайной комиссии». В этом документе выдвигалась задача организовать при каждом областном, губернском и крупном уездном Совете, при узловых железнодорожных центрах, крупных портах, в пограничной полосе стройную сеть чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией[23].

Центральным органом всех ЧК признавалась Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совнаркоме. «Деятельность всех чрезвычайных комиссий, — говорилось в «Основных положениях», — строится на принципе строгой централизации и безусловного подчинения комиссий низших инстанций высшим...»[24]. Постановления высших инстанций не могли отменяться низшими инстанциями. В «Основных положениях» указывалось также, что в волостных и небольших уездных Советах, а также в мелких населенных пунктах задачи борьбы с контрреволюцией и спекуляцией возлагаются на комиссаров, назначаемых чрезвычайными комиссиями. Таким образом, «Основные положения» закрепляли отстаиваемый большевиками принцип «двойного» подчинения чрезвычайных комиссий.

---

[22] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 35.

[23] См.: Отчет Всероссийской чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности, с. 40.

[24] Из истории ВЧК, с. 138.

Этот же принцип лежал в основе и второго документа, принятого конференцией по докладу В. В. Фомина, — «Положения о чрезвычайных комиссиях на местах». В нем указывалось, что чрезвычайные комиссии образуются исполнительным комитетом Совета или пленарным собранием Совета из лиц, преданных революции и Советской власти. Председатель ЧК назначается Советом, а количество членов ЧК зависит от местных условий. Губернские и областные комиссии подчинены ВЧК и отчитываются перед местным Советом или его исполнительным комитетом, комиссары отчитываются перед губернскими и областными ЧК и своими исполкомами. Общее руководство местными чрезвычайными комиссиями осуществляет ВЧК, она же определяет направление их работы. В «Положении» подчеркивалось, что комиссия работает в полном контакте со всеми губернскими советскими учреждениями и оказывает им всяческое содействие[25]. Если комиссии проявляют бездеятельность, то они несут за это ответственность как перед местными и высшими органами государственной власти, так и перед ВЧК.

«Положение» четко определяло задачи и права чрезвычайных комиссий. В задачи ЧК входили беспощадная борьба с контрреволюцией и спекуляцией, наблюдение за местной буржуазией, информирование местной и центральной власти о совершающихся беспорядках и злоупотреблениях и пресечение их, производство дознания по государственным преступлениям, наблюдение за иностранными разведчиками, розыск лиц, укрывающихся от власти, участие в охране общественного порядка, регистрации всех лиц, проезжающих через границу, и тщательная проверка их документов, строжайшее наблюдение за проведением в жизнь декретов Советской власти.

«Положение» регламентировало правомочия чекистских органов. ЧК предоставлялось право предлагать Совету объявлять губернию на чрезвычайном или военном положении, издавать постановления по вопросам охраны революционного порядка, производить обыски и аресты лиц, заподозренных в антисоветской деятельности, налагать штрафы.

В «Положении» содержался важный пункт о создании при чрезвычайных комиссиях контрольно-ревизионных органов. «Для контроля действий губернских комиссий и ее агентов, — говорилось в «Положении», — чрезвычайные комиссии создают контрольные коллегии из одного члена комиссии и двух членов партии...»[26]. Создание при чрезвычайных комиссиях контрольных коллегий способствовало повышению уровня партийного руководства чекистскими органами, укреплению революционной законности в их деятельности.

---

[25] См.: Отчет Всероссийской чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности, с. 42.

[26] Там же, с. 44.

Принятие конференцией «Основных положений организации Чрезвычайной комиссии» и «Положения о чрезвычайных комиссиях на местах» имело огромное значение для организационного строительства ВЧК. Оба эти документа последовательно проводили идею централизации чекистского аппарата. Они четко определяли компетенцию и права чрезвычайных комиссий, а также подчиненность низших ЧК высшим. Эти документы закрепляли организационное объединение всех чрезвычайных комиссий в системе одного ведомства. Вместе с тем они регламентировали подчинение чекистских органов местным Советам.

Конференция разработала и утвердила «Конструкцию Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее отделов и их взаимоотношения». Согласно этому документу руководство текущей работой ВЧК осуществлял президиум из трех человек — председателя ВЧК, товарища (заместителя) председателя и секретаря. Комиссия разбивалась на четыре политических отдела (иногородний, по борьбе с контрреволюцией, по борьбе со спекуляцией, по борьбе с преступлениями по должности) и Военный штаб. «Конструкция ВЧК» предусматривала создание при комиссии контрольной коллегии в составе одного члена Коллегии ВЧК и двух представителей партийных органов[27].

В ВЧК вводился коллегиальный принцип управления отделами. В состав коллегий отделов по борьбе с контрреволюцией, со спекуляцией и преступлениями по должности входили заведующий отделом, его заместитель, секретарь, председатель следственной коллегии и заведующий секретной частью. Согласно «Конструкции ВЧК» все важнейшие дела решались только коллегиально. При вынесении приговоров предусматривалось приглашение на заседание коллегии производящего расследование следователя с правом совещательного голоса.

Конференция заслушала доклад военной секции «О необходимости создания особого корпуса войск охраны Советской власти внутри страны», с которым выступил И. Н. Полукаров. Докладчик отметил, что для отражения нападения империализма необходимо иметь сильную Красную Армию. Для подавления контрреволюционных выступлений внутри страны, говорил он, требуется создать корпус войск ВЧК, который находился бы в полном подчинении комиссии[28].

Во главе корпуса должен стоять председатель ВЧК. Части корпуса предполагалось иметь при каждой губернской Чрезвычайной комиссии. И. Н. Полукаров считал необходимым разместить войска ВЧК в наиболее важных стратегических пунктах — в крупных центрах, где наблюдалось скопление контрреволюционных сил, на железнодорожных узлах, таможенных

---

[27] Контрольно-ревизионная коллегия при ВЧК была образована в ноябре 1918 г. В ее состав входили представители ВЧК, ЦК РКП(б), ВЦИК, МК РКП(б), НКВД и НКЮ.

[28] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, лл. 9, 35, 37.

пунктах и т. д. Это позволяло обеспечить быструю переброску войск в районы контрреволюционных восстаний.

Докладчик рекомендовал формировать корпус войск ВЧК исключительно из пролетарских элементов по рекомендациям партийных организаций, профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. В нем, говорил он, должна быть железная революционная дисциплина и строжайшая централизация[29].

Делегаты конференции приняли активное участие в обсуждении доклада И. Н. Полукарова. Они высказали мнение, что корпус войск ВЧК должен представлять собой составную часть регулярной Красной Армии. В. В. Фомин предложил расширить социальную базу комплектования личного состава корпуса, а именно — принимать на службу в него не только рабочих-коммунистов, но и всех, кто по своему положению находится «в непримиримом классовом противоречии с буржуазией»[30]. И. Н. Полукаров согласился с замечаниями делегатов. Конференция одобрила основные положения о корпусе войск ВЧК, предложенные военной секцией[31].

Участники конференции без обсуждения приняли инструкцию о пограничных чрезвычайных комиссиях (ПЧК) и комиссарах на всех пограничных пунктах Советской Республики. На сотрудников ПЧК возлагалась обязанность оказывать полное содействие служащим таможенного ведомства в личном досмотре пассажиров, а пограничной страже — в задержании контрабанды. На каждую таможню пограничные ЧК должны были назначить своего комиссара. Комиссарам представлялось право осуществлять надзор за деятельностью таможенных учреждений, но запрещалось вмешиваться в их технические и административные функции.

Пограничные чрезвычайные комиссии и их сотрудники обязаны были вести строгое наблюдение за иностранными шпионами, контрреволюционерами, бороться против контрабанды и спекуляции. ПЧК и их комиссары в пограничных пунктах имели право производить дознание по делам задержанных ими преступников[32].

На конференции были приняты и другие важные решения — об организации чрезвычайных комиссий, о борьбе со спекуляцией, с преступлениями по должности, о связи с массами. В резолюции об организации чрезвычайных комиссий отмечалось, что они «должны всюду стать оплотом охраны Со-

---

[29] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 37об.

[30] Там же, л. 39.

[31] Корпус войск ВЧК был создан в июле 1918 г. В него принимались рабочие и беднейшие крестьяне. Для зачисления в корпус требовалась рекомендация общественной организации (партийного комитета, профсоюза, фабзавка, комбеда) или рекомендации двух коммунистов.

[32] Строительство пограничных чрезвычайных комиссий наиболее интенсивно развернулось в июле 1918 г. К сентябрю 1918 г. на западной границе функционировали 34 ПЧК и 60 контрольно-пропускных пунктов.

ветской власти и помощником пролетариату в его тяжелой борьбе за укрепление завоеванной им власти»[33]

Исключительно большое значение имело принятие конференцией резолюции «О связи с массами». Делегатам был предложен проект резолюции, написанный В. В. Фоминым. В нем говорилось, что чрезвычайные комиссии не могут успешно бороться с врагами революции без постоянной связи с массами и их организациями и что они должны всегда обращаться за содействием к рабочему классу, информировать партийные и советские органы о своей работе. Однако проект резолюции В. В. Фомина в редакционном отношении был совершенно неприемлем, нуждался в серьезной доработке. (Именно этот проект резолюции был опубликован с большими вставками составителей в сборнике «Из истории ВЧК» и широко цитируется в советской исторической литературе.) Делегат конференции, председатель Курской ЧК, большевик И. И. Каминский предложил новый проект резолюции, который был принят.

В резолюции, утвержденной конференцией, говорилось:

«Конференция чрезвычайных комиссий считает, что чрезвычайные комиссии в их тяжелой работе в пользу рабочих и крестьянских масс должны опираться на организации последних посредством полнейшего контакта и единения с ними. Конференция находит нужным указать революционным рабочим и крестьянам, что в лице чрезвычайных комиссий они встретят могучего помощника в их борьбе за свои политические и экономические интересы»[34].

Конференция поручила Всероссийской чрезвычайной комиссии приступить к изданию газеты, которая должна была раскрывать перед широкими массами трудящихся происки врагов и вместе с тем способствовать координации деятельности чекистских органов[35].

Важное место в работе конференции занял вопрос о методах выявления подрывной деятельности контрреволюционеров и агентуры империалистических разведок. К моменту созыва конференции чекистские органы уже имели некоторый опыт применения как гласных (открытых), так и негласных методов борьбы с врагами Советской власти. К методам открытой борьбы относились: ликвидация контрреволюционных мятежей и восстаний, производство массовых обысков и облав, профилактическая работа среди населения. Вместе с тем ВЧК и не-

---

[33] Из истории ВЧК, с. 134.

[34] Инструкции чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, принятые на Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий в июне 1918 г. в Москве, с. 7.

[35] Вместо газеты в сентябре 1918 г. начал выходить журнал «Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией». Вышло 6 номеров журнала. В связи с помещением редакцией «Еженедельника ЧК» ряда ошибочных статей ЦК РКП(б) и Президиум ВЦИК приняли 25 октября 1918 г. решения о его закрытии.

которые местные ЧК пользовались негласными методами — они внедряли своих сотрудников в белогвардейские центры и организации, в посольства буржуазных государств, вербовали осведомителей среди спекулянтов или лиц, имевших связи с ними, осуществляли наружное наблюдение за враждебными элементами. Однако негласные методы борьбы применялись редко, а в борьбе против антисоветских партий совсем не использовались. Многие сотрудники чрезвычайных комиссий — левые эсеры и некоторые большевики — отрицали в принципе допустимость использования негласных сил и средств против политических противников, считая это пережитком буржуазного сыска, противоречащим революционной этике. Особенно серьезные возражения с их стороны вызывала вербовка агентов из враждебной среды, которую они считали «провокацией». В связи с этим вопрос о возможности и допустимости использования агентурного метода борьбы приобрел на конференции особую остроту. 12 июня 1918 г. он подробно обсуждался на заседании фракции РКП(б). Делегаты-большевики, обменявшись мнениями, постановили: «Секретными сотрудниками пользоваться»[36].

14 июня секция разведки заслушала и обсудила доклад Д. Г Евсеева «О розыске контрреволюции»[37]. В тот же день он изложил основные положения своего доклада на пленарном заседании конференции. Д. Г. Евсеев подверг резкой критике тех чекистов, которые считали сопротивление врагов революции кратковременным явлением и на этом основании выступали против превращения чекистских органов в постоянное государственное учреждение, против применения ими негласного метода борьбы. Они полагали, что чрезвычайные комиссии должны действовать главным образом методом «наскока», выдавали его за признак «хорошего революционного» тона. «Такой взгляд на такой серьезный вопрос,— говорил Д. Г. Евсеев,— не выдерживает критики... Контрреволюционное движение... является процессом очень длительным, так что для успешной борьбы не приходится прибегать к «наскокам», а (надо.— **А. В.**) работать организованно и методично... Методом «наскока» ничего решительно не сделаешь... В борьбе с врагами нельзя также всецело полагаться только на помощь масс, так как одного этого фактора недостаточно для успеха... Если мы не будем иметь сокровенных ушей и глаз в аристократических салонах, посольствах, миссиях и т. п., то мы не будем знать всех тех злокозненных цепей, которые куются в тиши врагами Советской власти для нас»[38].

---

[36] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 194, л. 3.

[37] Под розыском в то время понималось выявление преступной деятельности контрреволюционеров, осуществляемое с использованием оперативных (негласных) сил и средств.

[38] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 39об.

Без хорошо налаженной разведки, подчеркивал Д. Г. Евсеев, невозможно выявить тайные планы шпионов и контрреволюционеров[39].

Чекист, осуществляющий розыск, должен хорошо разбираться в программах и тактике контрреволюционных политических партий, знать методы их борьбы против Советской власти, владеть искусством выявления и расследования подрывной деятельности противника. Для того чтобы сотрудники ЧК смогли выполнить поставленные перед ними задачи, отмечал Д. Г. Евсеев, они должны изучить теорию политического розыска, разработанную царской охранкой, критически проверить ее и приспособить для борьбы против врагов Советской власти[40].

Д. Г. Евсеев предлагал разделить разведку на две части — внешнее наблюдение и секретную, или внутреннюю разведку. Главным, основным методом разыска он считал внутреннюю разведку, осуществляемую агентами, завербованными из враждебной среды. Однако Д. Г. Евсеев предупреждал, что к вербовке агентов из среды контрреволюционеров следует подходить крайне осторожно, необходимо особенно тщательно проверять даваемые ими сведения[41].

I Всероссийская конференция ЧК приняла «Основные положения по разведке». В них указывалось, что в целях борьбы с контрреволюцией все чрезвычайные комиссии должны организовать внешнюю и внутреннюю разведки. «Внутренняя разведка,— говорилось в документе,— осуществляется путем использования[42] элементов из среды контрреволюционеров, которые осведомляют о деятельности контрреволюционных организаций...»[43] Вместе с тем в резолюции подчеркивалось, что «метод провокации, как создание кадров преступников, отвергается»[44].

Конференция одобрила инструкцию «Краткие указания ЧК для ведения разведки». В ней отмечалось: «Главным и единственным основанием розыска контрреволюции является внутренняя, совершенно секретная и постоянная разведка; задача ее заключается в обследовании преступных контрреволюционных организаций и уличении участников для привлечения их к суду военно-революционного трибунала»[45].

---

[39] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 39об.

[40] Там же, л. 40.

[41] Там же.

[42] В проекте документа говорилось о «вербовке трусливых и слабых элементов из среды контрреволюционеров». Конференция исключила из текста «Основных положений» слова «трусливых и слабых», а термин «вербовка», показавшийся, вероятно, одиозным, заменила понятием «использование».

[43] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 40об.

[44] Там же.

[45] История советской разведки. Сборник документов и материалов (1918—1920 гг.). М., изд. ВШ КГБ, 1960, вып. 1, с. 42.

В «Кратких указаниях» говорилось, что один, даже слабый, агент, находящийся в разрабатываемой среде, может дать неизмеримо больше материала для раскрытия преступления, чем можно получить через работающих в учреждениях официальных лиц, с которыми поддерживают контакт чекисты[46]. Добывание сведений при помощи секретной агентуры признавалось важнейшей задачей всех сотрудников ЧК, работающих по розыску.

В инструкции подробно разъяснялись способы вербовки секретных сотрудников и руководства ими. Склонить то или иное лицо к сотрудничеству, говорилось в ней, можно на различных основаниях:

«1) заинтересовать полной реабилитацией при наличии компрометирующего материала, добытого обысками или агентурными сведениями;

2) воздействовать убеждением;

3) воспользоваться неладами в организации и ссорами между отдельными видными лицами;

4) заинтересовать материально...»[47]

Особое внимание инструкция обращала на приобретение агентов из числа арестованных.

В «Кратких указаниях ЧК для ведения разведки», как и в «Основных положениях по разведке», подчеркивалась абсолютная недопустимость провокации. Инструкция обязывала оперативного работника внушать агенту, что он, «находясь в контрреволюционной среде для преследования ее по закону, сам не может совершать преступлений и подстрекать также окружающих его лиц. Роль его должна быть возможно конспиративней и по возможности сводиться к посреднической и исполнительской работе, к такой, чтобы при ликвидации, в случае даже откровенных показаний задержанных, он не мог бы быть уличен в контрреволюционной работе»[48]. За провокацию, отмечалось в инструкции, агент отвечает со всей строгостью вплоть до расстрела[49].

Инструкция обращала внимание чекистов на то, что внутреннюю разведку нельзя вести по шаблону. Чекисты, занимающиеся выявлением политических противников Советской власти, говорилось в ней, должны учитывать местные условия и обстоятельства, проявлять инициативу, вырабатывать умение делать правильные выводы из получаемой информации, а также своевременно исправлять свои ошибки[50].

Вопросы негласной работы подробно рассматривались также в принятой конференцией «Инструкции ВЧК по борьбе со спекуляцией». В ней указывалось, что для того чтобы обеспе-

---

[46] См.: История советской разведки, вып. 1, с. 43.
[47] Там же, с. 43—44.
[48] Там же, с. 46.
[49] См. там же.
[50] См. там же, с. 44—45.

чить дальнейшее укрепление завоеваний Октябрьской революции, требуется создать специальный аппарат по обезвреживанию и преследованию преступных элементов, подрывающих хозяйственную жизнь страны. Этот аппарат должен иметь негласных сотрудников, которых необходимо внедрять в среду спекулянтов. «Люди, предназначенные для этой цели, должны быть обязательно и безусловно безукоризненной честности, преданные делу борьбы за народные интересы, вполне подготовленные к делу розыска, хорошо грамотные и знакомые с торговым миром и всеми проделками спекулятивного мира... Все агенты должны быть революционеры, искренне преданы делу и всегда быть готовы к выполнению тех или иных задач, возложенных на них Советской властью»[51].

Инструкция считала желательной вербовку агентов среди служащих тех учреждений и предприятий, где имеет место спекуляция, — на железной дороге, в продовольственных магазинах и на складах, биржах и т. д. Признавалось также необходимым иметь негласных сотрудников на телеграфе и телефонных станциях. В инструкции подробно разъяснялись права агентов, правила производства арестов, обысков, ревизий и выемок.

Таким образом, инструкция о борьбе со спекуляцией подчеркивала необходимость приобретения агентов прежде всего из числа лиц, поддерживающих Советскую власть.

Однако составители инструкции считали эту меру борьбы вынужденной, противоречащей этике революционера. Агентурный метод, говорилось в инструкции, вызывает «чувство омерзения» и является, по сути дела, «провокацией»[52].

Принятые конференцией решения дали исчерпывающий ответ на принципиально важный вопрос о допустимости и политической целесообразности использования секретной агентуры в борьбе с противниками Советской власти. Они сыграли крупную роль в последующем развертывании агентурно-оперативной деятельности чекистских органов, в окончательном превращении их в специальный аппарат по выявлению, предупреждению и пресечению тайных происков врагов революции.

Конференция заслушала доклад Ю. Ю. Янель об информации и связи. В нем указывалось, что главная задача информации — установить прочную и регулярную связь ВЧК с местными чрезвычайными комиссиями. Ю. Ю. Янель предлагала создать при ВЧК Информационный отдел в составе трех бюро: печати, информации и иногороднего. Бюро печати должно было осуществлять борьбу с антисоветской печатью. В функции бюро информации входило снабжение газет материалами о деятельности чрезвычайных комиссий. Самой важной частью Ин-

---

[51] См.: История советской разведки, вып. 1, с. 9, 10.

[52] См. там же, с. 9.

формационного отдела являлось иногороднее бюро. В нем должны были сосредоточиваться сведения о всех контрреволюционных проявлениях на территории Республики[53].

Делегаты конференции приняли активное участие в обсуждении доклада Ю. Ю. Янель. П. И. Лукьянов предложил не ограничивать деятельность Информационного отдела лишь задачей сбора информации, а образовать при нем статистическое бюро для учета враждебных элементов. Это предложение было поддержано и развито Д. Г. Евсеевым. Он считал необходимым создать при ВЧК информационно-статистическое бюро, в котором были бы сконцентрированы все сведения о контрреволюционных партиях, организациях, группах и отдельных лицах[54].

Мнение П. И. Лукьянова и Д. Г. Евсеева о целесообразности создания в ВЧК централизованного учета поддержали И. Н. Полукаров, Г. С. Мороз и другие делегаты. Лишь В. В. Фомин возражал против создания в ВЧК регистрационной службы. Он считал ее «старым», буржуазным средством политического розыска, неприемлемым для ВЧК[55].

К сожалению, в протоколах конференции не сохранилось сведений о том, к какому решению пришли делегаты по вопросу о регистрации. Однако известно, что летом 1918 г. в ВЧК существовало Регистрационное бюро, а в местных ЧК — регистрационные столы (отделения), которые вели учет дел и проходивших по ним лиц.

Конференция без обсуждения утвердила «Инструкцию следователям ЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией». В ней подробно регламентировались порядок принятия дел к расследованию, права и обязанности следователя, правила производства дознания. «Дознание возбуждается тогда,— говорилось в инструкции,— когда имеется... к этому достаточный повод»[56]. Основанием для производства дознания считались участие в заговоре против Советской власти, контрреволюционная пропаганда и агитация, разжигание национальной розни, призывы к неисполнению распоряжений государственных учреждений, саботаж, а также совершение иных особо опасных преступлений. Инструкция подробно разъясняла методику ведения следствия. В ней подчеркивалось, что следователь должен быть «выдержанным, вежливым, корректным, а главное наблюдательным»[57]. Инструкция строжайше запрещала применение физических мер воздействия на обвиняемых с целью склонения их к даче показаний[58].

---

[53] ЦОА КГБ, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 41.
[54] Там же, л. 41об—42.
[55] Там же, л. 42.
[56] История советской разведки, вып. 1, с. 17.
[57] Там же, с. 15.
[58] Там же, с. 15, 18.

* *
*

I Всероссийская конференция ЧК представляет собой важную веху в истории чекистских органов. Она обобщила опыт, накопленный чрезвычайными комиссиями, определила их основные задачи, структуру, полномочия, вооружила чекистов конкретным планом борьбы против контрреволюции, спекуляции и преступлений по должности.

Вся работа конференции целиком прошла под руководством большевистской партии. Решения, принятые ею, исходили из установок ЦК РКП(б) и Совета Народных Комиссаров об усилении борьбы с врагами революции. Попытки левых эсеров навязать конференции свои оппортунистические взгляды по принципиальным вопросам организации и деятельности чекистского аппарата были решительно отвергнуты делегатами-большевиками. Фракция большевиков выступила единым сплоченным фронтом против политически вредной линии левых эсеров и обеспечила принятие конференцией принципиально выдержанных решений.

Работа конференции, постановления и инструкции, принятые на ней, способствовали преодолению элементов сепаратизма и местничества в деятельности чрезвычайных комиссий, сплочению их в крепкий централизованный аппарат. Конференция вынесла важные решения о включении в компетенцию ВЧК задач обеспечения безопасности на транспорте и охраны государственной границы, о создании военной силы ВЧК, о необходимости организации контрразведывательной работы чекистских органов в армии. Она дала четкий ответ на вопрос о допустимости и целесообразности использования в борьбе с врагами Советской власти негласных методов и средств.

В решениях конференции нашли свое конкретное воплощение ленинские принципы строительства чекистских органов — партийность, связь с массами, демократический централизм, революционная законность.

Разработанные конференцией политические, организационные и оперативные принципы деятельности ВЧК имеют большое историческое значение. Они находят свое дальнейшее развитие и совершенствование в наши дни в практике КГБ СССР, в работе органов госбезопасности братских социалистических стран.

Рекомендована кафедрой истории КПСС
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат исторических наук, доцент
подполковник В. Н. Хаустов

Кандидат юридических наук
подполковник *П. В. Таршин*

О ТИПАХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ПОЗНАНИЮ СУЩНОСТИ БОРЬБЫ СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ И ПРОТИВНИКА[1]

Одна из основных задач чекистской науки сегодня состоит в выработке платформы для качественного обновления теории и практики контрразведывательной деятельности. Особое место в решении этой задачи занимает разработка проблемы сущности борьбы советской контрразведки и противника, поскольку именно диалектическое понимание борьбы как источника самодвижения помогает разобраться в сложных процессах бытия, научно предвидеть ход событий и в конечном счете управлять ими. Однако, несмотря на важность, указанная проблема все еще остается нерешенной. В немалой степени это обусловливается определенными недостатками и ограниченностью существующих методологических подходов к ее исследованию. Поэтому в предлагаемой статье главной целью ставится не окончательное решение проблемы, что вряд ли возможно на данном этапе ее исследования, а поиск нового подхода к познанию сущности борьбы советской контрразведки и противника.

Изучение специальной литературы о сущности борьбы советской контрразведки и противника показывает, что по этому вопросу сформировались две основные точки зрения. Согласно первой из них борьба рассматривается как деятельность, а точнее, как форма деятельности по обеспечению государственной безопасности нашей страны[2]. В соответствии со второй точкой зрения борьба советской контрразведки и противника есть система отношений между названными субъектами, характеризуемая их тайным конфликтным взаимодействием, в котором

[1] Статья публикуется в порядке обсуждения проблемы.

[2] См.: Фомичев В. П. О методологических функциях системного подхода к определению объекта и предмета специальной научной дисциплины теории советской контрразведки.— В сб.: Предмет и система специальных дисциплин. Спецфонд ВШ КГБ, 1983, № 26551-н, с. 57; Коршиков П. С. Обеспечение государственной безопасности СССР как объект чекистской науки.— Труды ВШ КГБ, 1984, № 32, с. 12.

обе стороны, преследуя антагонистические цели, действуют на равных[3].

Как видим, отмеченные точки зрения настолько отличаются друг от друга, что образуют соответственно противоположные позиции во взгляде на сущность борьбы советской контрразведки и противника. Это обстоятельство, а также довольно широкое применение обеих точек зрения в научных разработках позволяют говорить о них как о двух типах методологических подходов к познанию объекта исследования — деятельностном и системном. Каждый из этих подходов имеет свои исходные методологические установки. Так, сторонники первой точки зрения исходят из признания деятельности изначальной категорией по отношению к категории борьбы и рассматривают борьбу советской контрразведки и противника односторонне — как производную от деятельности органов КГБ по обеспечению государственной безопасности СССР. Так, например, П. С. Коршиков отмечает, что «категория борьбы (противоборства)... не противостоит категории «деятельность», а лишь дополняет и конкретизирует ее... Деятельность по обеспечению государственной безопасности мы относим к объекту чекистской науки независимо от ее форм. Понятие же «борьба» больше характеризует именно форму указанной деятельности и на определение объекта, по существу, не влияет»[4]. Их оппоненты исходят из признания борьбы двухсторонним явлением и рассматривают ее как взаимосвязь между советской контрразведкой и противником. Хорошей иллюстрацией позиции сторонников второго подхода является положение, высказанное В. Я. Диковичем: «...при системном подходе к исследованию борьбы советской контрразведки с подрывной деятельностью противника[5] как в теоретическом, так и в практическом аспектах необходимо ...с одной стороны, в качестве основных элементов во взаимосвязи (выделено нами.— **П. Т.**) рассматривать:

---

[3] См.: Дикович В. Я., Полянский В. А. К вопросу о сущности и характере борьбы советской контрразведки с противником.— Труды ВШ КГБ, 1974, № 11, с. 34.

[4] Коршиков П. С. Обеспечение государственной безопасности СССР как объект чекистской науки, с. 12.

[5] Понятие «борьба советской контрразведки с подрывной деятельностью противника», по существу, отражает то же явление, что и понятие «борьба советской контрразведки и противника», поскольку, как известно, нет структуры без функции и нет функции без структуры. Поэтому и в том и в другом случае речь идет о действующих советской контрразведке и противнике. Только в первом случае обозначается действие и подразумевается, что оно осуществляется указанными субъектами, а во втором, наоборот, обозначаются субъекты и подразумевается, что они действуют.

Вместе с тем термин «борьба советской контрразведки и противника» является более общим, отражающим, как нам представляется, явление в целом. Второй же термин более подходит для конкретизации деятельности противника, например борьба со шпионской деятельностью разведок империалистических государств; борьба с эмиссарской деятельностью зарубежных антисоветских центров и т. п.

а) систему противника (цели, задачи, структуру, функционирование, тенденции развития);

б) систему контрразведки (цели, задачи, структуру, функционирование, тенденции развития);

в) сам процесс борьбы как систему отношений (выделено нами.— **П. Т.**), присущих тайному противоборству с противником;

г) политические, социально-экономические, географические и иные условия, в которых осуществляется борьба с подрывной деятельностью противника.

С другой стороны, следует исходить из того, что, являясь относительно самостоятельной системой, борьба советской контрразведки с подрывной деятельностью противника ведется в рамках всех трех форм классовой борьбы — политической, экономической, идеологической, выступая в качестве специфической внутри каждой из этих форм»[6].

Второй подход нам представляется более правильным, снимающим односторонность первого. Однако он в силу определенных причин, которые будут показаны ниже, не получил еще должного распространения. Что же касается первого подхода, то в нем, на наш взгляд, его сторонники допускают некоторые условности. Кроме того, в самой методологической установке, из которой исходят приверженцы данного подхода, содержится противоречие. Чтобы не быть голословным, рассмотрим эти условности и противоречия. И сделаем мы это на примере уже упоминавшейся работы П. С. Коршикова.

В своей работе П. С. Коршиков, рассматривая систему борьбы Советского государства[7] и противника, считает, что параметром, образующим эту систему, является государственная безопасность СССР[8]. По всей видимости, П. С. Коршиков исходит из того, что и противник и Советское государство определенным образом связаны с государственной безопасностью СССР: первый стремится ее ослабить (изменить), второй — обеспечить (сохранить). Это, несомненно, так. Но тогда возникает вопрос, как же увязать, например, агентурное проникновение органов КГБ к противнику с государственной безопасностью СССР. Нам могут сказать, что такое агентурное проникновение осуществляется в целях обеспечения государственной безопасности нашей страны. Однако дело-то в том, что, осуще-

---

[6] Дикович В. Я. Некоторые вопросы применения системного, комплексного подхода к борьбе с подрывной деятельностью противника.— В сб.: Проблемы развития советского контрразведывательного искусства. Спецфонд ВШ КГБ, 1982, № 26471н, с. 123.

[7] Говоря о системе Советского государства, П. С. Коршиков имеет в виду все советское общество, так как государство выражает его интересы. Мы согласны с такой постановкой вопроса. И в дальнейшем будем говорить о системе «Советское государство», имея в виду все советское общество.

[8] См.: Коршиков П. С. Обеспечение государственной безопасности СССР как объект чекистской науки, с. 4.

ствляя агентурное проникновение к противнику, органы КГБ тем самым «нарушают» государственную безопасность противника[9], который, естественно, этому противится. Не следует ли в таком случае в качестве параметра, образующего систему борьбы Советского государства и противника, считать государственную безопасность империалистических государств? Нам думается, что и такая постановка вопроса правомерна. Тогда получается, что не только государственная безопасность СССР выступает системообразующим параметром, но и государственная безопасность противника. Выходит, что все дело здесь лишь в том, с какой стороны посмотреть на проблему. А это уже не объективный подход, коль скоро выбор системообразующего параметра зависит от точки зрения субъекта познания. Поэтому мы считаем выбор государственной безопасности СССР в качестве системообразующего параметра при рассмотрении борьбы советской контрразведки и противника абсолютно условным.

Также условна и посылка, на которой этот выбор базируется. Мы имеем в виду тезис П. С. Коршикова о конечной цели, а следовательно, и функции органов КГБ, каковой, по его мнению, является обеспечение государственной безопасности СССР[10]. Однако хорошо известно, что органы ВЧК—КГБ создавались не для обеспечения государственной безопасности нашей страны, а для борьбы (выделено нами.— **П. Т.**) с контрреволюцией (по современным понятиям — для борьбы с противником). Следовательно, основной функцией органов КГБ все же является борьба с противником. Поэтому именно борьба и должна быть, как нам представляется, системообразующим параметром, то есть «мостиком», который соединяет советскую контрразведку и противника в единую систему. То, что это так, будет показано позже, а сейчас нам бы хотелось остановиться на упоминавшемся выше противоречии.

Это противоречие, содержащееся в исходной методологической установке, заключается в следующем. Как уже отмечалось, П. С. Коршиков считает государственную безопасность СССР системообразующим признаком. Значит возникновение системы противоборства Советского государства и противника связано с обеспечением государственной безопасности или с деятельностью Советского государства, так как обеспечение

---

[9] Категория «противник» включает в себя в первую очередь империалистические государства (см.: Ерошин В. П. Проблемы изучения условий и причин совершения отдельными советскими гражданами враждебных антисоветских действий.— В сб.: Актуальные вопросы изучения причин и условий совершения отдельными советскими гражданами враждебных антисоветских действий. М., изд. ВШ КГБ, 1980, с. 13). Поэтому, говоря о государственной безопасности противника, мы имеем в виду безопасность империалистических государств.

[10] См.: Коршиков П. С. Обеспечение государственной безопасности СССР как объект чекистской науки, с. 4.

государственной безопасности СССР, по мнению П. С. Коршикова, есть «определенного рода деятельность»[11]. Но такой вывод в корне не верен, поскольку система, как известно, никогда не возникает в результате деятельности одного элемента. Она всегда есть результат взаимодействия элементов.

Рассмотренное выше противоречие естественно и неизбежно приводит и к противоречиям в выводах, получаемых в результате применения деятельностного подхода. Например, обеспеченная государственная безопасность считается одновременно и результатом деятельности Советского государства[12], и результатом взаимодействия источников опасности и противостоящих им сил[13], то есть результатом взаимодействия противника и Советского государства. Но этого, конечно, быть не может, ибо деятельность одного субъекта и взаимодействие, то есть взаимное действие, двух субъектов не одно и то же. Это признает и сам П. С. Коршиков, когда говорит, что «если оперировать всегда только полным понятием деятельности, то обнаружится, что понятия «деятельность противника» и «деятельность органов госбезопасности» обозначают системы с одними и теми же границами, но с перестановкой в них элементов... Если же подчеркивается, к примеру, что речь идет лишь о деятельности органов КГБ, то объем понятия деятельности сужается. В него включаются субъект (органы КГБ), цель, средство и сам процесс деятельности...»[14].

Из сказанного видно, что сторонники деятельностного подхода вольно или невольно смешивают совершенно различные понятия — «действие» и «взаимодействие», называя последнее «полным понятием деятельности». Вследствие этого и становится возможным появление отмеченного выше противоречия в основе указанного подхода. Из-за этого противоречия данный подход не дает возможности правильно раскрыть сущность борьбы советской контрразведки и противника.

Не дает такой возможности и второй подход. Но здесь дело не в самом подходе. Он, по нашему мнению, в общем-то правильно ориентирует исследователей на поиск сущности борьбы советской контрразведки и противника во взаимосвязи противоборствующих сторон, поскольку эта взаимосвязь, рассматриваемая как система, считается сторонниками данного подхода изначальной категорией. Кроме того, названный подход предлагает исследователям не ограничиваться рассмотрением только указанной взаимосвязи. Он нацеливает их и на познание характера взаимосвязи самой системы противоборства со средой.

---

[11] См.: Коршиков П. С. Обеспечение государственной безопасности СССР как объект чекистской науки, с. 12.

[12] Там же, с. 16.

[13] Там же, с. 8.

[14] Коршиков П. С. Обеспечение государственной безопасности СССР как объект чекистской науки, с. 14.

Все дело здесь в том, как рассматриваемый подход применяется к исследованию системы противоборства советской контрразведки и противника. А применяется он таким образом, что эта система познается в основном как статическая, вне ее развития, то есть не показывается, как эта система возникает и какие претерпевает изменения в своем движении. Кроме того, сторонники системного подхода не раскрывают и никак не объясняют тех понятий, которые предлагаются ими в качестве исходных при решении проблемы. Речь идет о таких понятиях, как «взаимосвязь», «взаимодействие», «отношение». А между тем именно эти понятия необходимо обязательно уточнить, поскольку они действительно являются основными при рассмотрении борьбы советской контрразведки и противника, ибо «невозможно выявить сущности вещи вне системы взаимосвязи, вне той сферы, где вещь в процессе взаимообогащения принимает форму определенности»[15].

Исходя из сказанного, мы считаем, что рассмотренные выше подходы в том виде, в каком они представлены их сторонниками, не могут быть использованы в качестве действительного методологического основания для решения вопроса о сущности борьбы советской контрразведки и противника[16]. В связи с этим мы предлагаем к исследованию данной категории и всех связанных с ней вопросов подходить с позиций целостного их представления, то есть рассматривать борьбу как сложное системное образование коррелятивно[17] связанных между собой двух составных частей (советской контрразведки и противника) в его развитии. Именно так подходили к исследованию различных социальных явлений классики марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс, например, говорил о задаче «понять мир как процесс, как такую материю, которая находится в непрерывном историческом развитии»[18]. По В. И. Ленину, «мир есть вечно движущаяся и развивающаяся материя»[19], и поэтому «*сама* вещь в ее отношениях и в ее развитии должна быть рассматриваема»[20]. А целостный подход как раз и представляет собой рассмотрение вещи в ее развитии, то есть он предполагает одновременное рассмотрение и морфофункциональных характеристик объекта

---

[15] Сарсенов Р. Т. Диалектико-логический анализ категории «взаимодействие». Канд. дис. Ташкент, 1981, с. 11.

[16] Здесь мы должны оговориться, что не отвергаем ни того, ни другого подхода к исследованию проблемы, ибо мы считаем, что правильный путь состоит не в том, чтобы отрывать друг от друга или сводить вместе разные аспекты одной проблемы, а в том, чтобы разрабатывать ее во взаимосвязи этих аспектов.

[17] Корреляция — взаимное преобразование свойств частей как под воздействием друг на друга, так и под влиянием целого (см.: Абрамова Н. Т. Целостность и управление. М., Наука, 1974, с. 34).

[18] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 287 (здесь и далее ссылки на 2-е издание).

[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 140.

[20] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202.

познания, и его эволюционного аспекта. Иными словами, он дает те мировоззренческие ориентиры и методологические установки, которые необходимы для последовательного научного познания и практического решения проблем, выдвигаемых ходом современной истории. Но что же такое целостный подход, каков «механизм» его применения к познанию различных систем?

Любое исследование, как известно, есть исследование взаимодействия систем[21]. Поэтому если предметом исследования является борьба, то это борьба между системами. Ведь не абстрактные же стороны находятся в борьбе между собой, а реальные, конкретные системы, обладающие определенными качествами, находящиеся в определенном движении. Отсюда следует, что анализ сути борьбы есть, по существу, анализ развития систем. В таком случае познание сущности борьбы советской контрразведки и противника есть познание развития системы противоборства между указанными субъектами. Какова же эта система?

Система противоборства советской контрразведки и противника — это, как нам представляется, не идеальная система, обособленная от противоборствующих сторон или поставленная на их место. Она существует как интегральный продукт, результат взаимодействия и взаимообусловленности сторон и представляет собой внутренне дифференцированную систему, в которой имеется ряд частей различного порядка сложности, или целостную систему. Следовательно, и рассматривать эту систему необходимо с позиций ее целостного аспекта. Но, прежде чем сделать это, следует уточнить некоторые понятия, составляющие основу целостного представления о системе.

Основным понятием целостного представления о системе или целостного подхода к ее рассмотрению является понятие «целое»[22]. Это понятие, так же как и понятие «система», выражает представление о взаимосвязи внутренних составных частей. Однако «целое,— отмечает Н. Т. Абрамова,— не просто совокупность частей с присущими каждой из них относительно самостоятельными законами поведения. При более глубоком анализе целое предстает как совокупность отношений между

---

[21] Ф. Энгельс, определяя систему как «совокупную связь тел» или «взаимную связь тел», отмечал: «В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они взаимодействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 392). Он подчеркивал, что «вся природа простирается перед нами как некоторая система связей и процессов...» (там же, с. 513). Иначе говоря, Ф. Энгельс теснейшим образом связывал понятия «система» и «взаимодействие». В самом понятии «взаимодействие» подразумевается система, ибо взаимодействие есть взаимное воздействие двух и более тел, то есть взаимная связь тел.

[22] Понятие «целое» — категория философская и в специальную литературу привнесено из литературы философской. Поэтому для его уточнения мы сразу обратимся к открытым источникам.

частями»[23]. Таким образом, отношение целого как системы к составляющим его частям — основное, исходное отношение для постановки проблемы целостности.

Специфика отношения «целое — часть» как всеобщего в марксистской философии состоит в том, что целое является исходным пунктом теоретического анализа и источник многообразия функциональных частей следует искать в присущем для целого законе развития. Эти идеи принадлежат Марксу и резюмируются в следующем его высказывании: «Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы... Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития»[24]. В этом и других высказываниях Маркса необходимо обратить внимание на его мысль о том, что целостная система является одновременно и предпосылкой, и результатом самой себя, а каждая часть — это не только предпосылка, но и результат воздействия целого. Детерминирующая роль целого выражена в том, что целое формирует свои части в соответствии с присущим ему законом развития. Такое понимание детерминации подкрепляется мыслью Маркса об органическом целом как о чем-то таком, что само приводит себя в действие. «В самом деле,— отмечает Н. Т. Абрамова,— элементы со своими специфическими характеристиками приобретают определенный оттенок целесообразности именно потому, что развитие этой специфики протекает в соответствии с некоторым «планом», «программой», которые представлены в виде фиксированных интегральных характеристик системы. Иными словами, ряд специфических свойств частей обусловлен их внутрисистемным положением, той ролью, которую они играют в составе системы»[25].

Из сказанного видно, что понятие «целое» имеет смысл только по отношению к понятию «система». Но эти понятия не идентичны[26]. Они различны по степени общности и совпадают толь-

---

[23] Абрамова Н. Т. Целостность и управление, с. 47.

[24] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 229.

[25] Абрамова Н. Т. Целостность и управление, с. 41.

[26] В литературе отмечается довольно устойчивое представление об идентичности указанных понятий. Так, например, С. Бир отмечает, что «система является системой в силу того, что она состоит из взаимосвязанных частей и в определенном смысле представляет замкнутое целое» (цит. по: Дмитриев П. С., Удилов В. Н., Фролов А. П. Системный подход и его применение в выявлении вражеских агентов. Монография. М., изд. ВШ КГБ, 1982, с. 13). Такое представление возникло лишь в силу того, что понятия «целое» и «система» рассматриваются в основном статически, вне развития. Поэтому при известной степени огрубления систему, вырванную из процесса, можно рассматривать и как целое. Но если брать систему в развитии, то каждое из этих понятий начинает играть свою роль в процессе познания.

ко тогда, когда система приобретает такие черты, которые вынуждают определить это новое ее состояние особым понятием — «целое». Целое, таким образом, отражает конечный класс систем, достигших в своем развитии зрелости, завершенности. «Понятием «целое» подчеркивается завершенность, конечность восходящего этапа развития данной системы, пребывание ее в относительной стационарности, т. е. понятие «целое» отражает тот момент развития, когда процессы, характеризующие восходящую и нисходящую стадии развития, находятся в относительном равновесии. Отсюда следует, что целое — это состояние системы... Организованная система — вот, что такое целое»[27].

Но теперь возникают вопросы, как же связаны между собой понятия «организация» и «система» и что такое организация. С понятием «организация» дело обстоит несколько сложнее. Оно часто употребляется в теории и практике контрразведывательной деятельности, но не нашло еще однозначного толкования в чекистской литературе, что требует обращения к открытым источникам. Однако и в открытой литературе нет единого понимания этой категории. «Организация» употребляется в различных смыслах: как синоним системы, структуры или процесса упорядочивания элементов.

В связи со сказанным мы сразу же подчеркнем, что в данном вопросе придерживаемся позиции тех авторов, которые считают организацию, во-первых, обязательным атрибутом системы[28]; во-вторых, специфической взаимосвязью ее элементов, характеризующей состояние системы[29]. Поскольку система находится в развитии, в постоянном движении, то и организация, отражающая в каждый момент состояние системы, есть процесс, движение, причем всегда направленный процесс. «Фактически процесс организации является одной из разновидностей движения, причем очень сложной, так как отражает не только целенаправленное изменение элементов и связей между ними, но и переход низших форм движения в высшие»[30].

Из сказанного видно, что организация системы имеет и морфологическое, и функциональное содержание. «В определении понятия «организация» фиксируется мысль, что сложные отно-

---

[27] Аверьянов А. Н. Категория «система» в диалектическом материализме. Канд. дис. М., 1974, с. 23.

[28] «Все системы,— считает А. Н. Аверьянов,— не может быть никакой организации, ибо материя проявляется в форме систем... Конкретная система может находиться только в стадии организации или дезорганизации, в организованном или неорганизованном состоянии... Конкретная система не может одновременно быть высокоорганизованной и дезорганизованной (это качественно иные системы)... Значит, организация отражает только определенный этап развития системы... предполагает движение к зрелому состоянию» (Аверьянов А. Н. Категория «система» в диалектическом материализме, с. 25, 26).

[29] См.: Абрамова Н. Т. Целостность и управление, с. 145.

[30] Аверьянов А. Н. Категория «система» в диалектическом материализме, с. 27.

шения включают дифференциацию не только в пространстве (строение), но и во времени (функционирование)»[31]. В этой характеристике организации и морфологический, и функциональный ее аспекты смыкаются, происходит в известном смысле объединение структуры и функции (пространственного и временного)[32]. Отсюда следует, что «организация — это структура в действии, не просто форма объекта, а структура объекта, выполняющего определенные функции»[33].

Понимание организации как функционирующей структуры показывает, что структура не существует отдельно от функции. «Структура и функция представляют собой взаимосвязанные моменты каждого элемента целостной системы, каждого ее звена. Структура и функция как бы взаимопроникают, сливаются между собой, составляя единый целостный процесс»[34]. В то же время структура и функция имеют противоположные тенденции: если структура составляет устойчивое в вещи, то функция выражает движение, изменение, действие[35]. Поэтому взаимосвязь структуры и функции представляет собой противоречие, которое, являясь основой существования вещи, обусловливает ее функционирование и развитие. Отсюда следует, что противоречие между структурой и функцией есть источник ее движения и развития.

Но это лишь внутреннее противоречие, внутренний источник развития системы. Одновременно с ним объективно существуют и другие определяющие развитие системы противоречия, являющиеся внешними по отношению к системе. К ним относятся прежде всего противоречия между системой и источником ее

---

[31] Абрамова Н. Т. Целостность и управление, с. 145.

[32] «Структура в прямом смысле этого слова есть строение системы и вне системы структур не существует... Понятие «структура» отражает пространственное расположение элементов и характер взаимодействия их сторон... Понятие «структура» позволяет нам уяснить, почему качество системы в целом отличается от суммы качеств составляющих ее элементов. Это происходит потому, что элементы системы взаимодействуют друг с другом только определенными сторонами, свойствами, а не в целом. Следовательно... чем больше сторон и свойств элементов участвуют во взаимодействии, тем сложнее будет структура» (Аверьянов А. Н. Категория «система» в диалектическом материализме, с. 28, 30, 31).

Функция — специфический способ проявления свойства того или иного объекта в его взаимосвязи с другими объектами. Именно функция определяет ту роль, которую выполняет тот или иной элемент (часть, орган) в составе системы или целого. В этом смысле понятие функции смыкается с понятием направленного действия, которое, во-первых, способствует интеграции компонентов в систему и, во-вторых, сохранению системы как целого (см.: Хасанов М. Х. Структура и функция в системе категорий материалистической диалектики. Ташкент, Узбекистан, 1981, с. 102—103).

[33] Абрамова Н. Т. Целостность и управление, с. 145.

[34] Шептулин А. П. Категории диалектики как отражение закономерностей развития. М., Знание, 1980, с. 43.

[35] См. там же, с. 44.

существования[36]. Далее, противоречия между системами в процессе их взаимодействия с источником существования. И наконец противоречия взаимодействующих систем, образующих некое целое, с внешней средой, прежде всего с той ее частью, которая влияет на источник существования.

Как видим, в каждой системе содержится множество противоречий, находящихся на самых различных стадиях развития. Это положение представляется методологически существенным, так как оно, с одной стороны, ориентирует на многообразие возможностей познания объекта, с другой — убеждает в наличии у объекта множества каналов связи с окружающим миром. Однако среди всего многообразия противоречий, свойственных системе, необходимо выделить главные, развитие и разрешение которых обусловливает изменение сущности системы[37], ее превращение в другую систему. Одним из таких противоречий является противоречие между качественно-тождественными элементами[38]. «Определяющими развитие системы противоречиями являются противоречия между элементами, возникающие на основе тождественности их сущности, а следовательно, тождественности взаимодействия с источником существования, которое неизбежно ведет к борьбе между ними за этот источник»[39]. Но противоречие между качественно-тождественными элементами есть в то же время первое противоречие возникающей и становящейся системы. «Первое же взаимодействие между качественно-тождественными элементами есть возникновение новой системы. Вместе с ее появлением возникает и развивается ее противоречие. Возникнув, система представляет собой одну сущность, и противоречие между качественно-тождественными элементами есть противоречие внутри одной сущности»[40].

---

[36] Под источником, основой существования может пониматься все то внешнее, что обеспечивает сохранение и изменение (развитие) системы (источники энергии, информации, питания, устойчивости). Источником существования одних систем являются только другие системы (см.: Аверьянов А. Н. О природе взаимодействия. М., Знание, 1984, с. 30, 39).

[37] Здесь под сущностью системы понимается то главное, общее (свойство, функция, качество, форма и т. д.), тождественное во взаимосвязанных ее элементах, что позволяет выделить их в определенное единство, отличное от окружающей среды.

[38] Во-первых, любой элемент представляет собой систему, но, называя систему элементом, мы тем самым подчеркиваем внутренний ее статус, зависимость от целого. Следовательно, и связи, и взаимодействия элемента есть внутренние взаимодействия, которые, естественно, влияют на взаимодействия целого и, в свою очередь, зависят от них.

Во-вторых, под качественно-тождественным понимается «то общее (свойство, функция, форма и т. д.), которое присуще ряду систем, способствует их самосохранению во взаимодействии со средой, но служит причиной «отталкивания», «борьбы» между собой» (Аверьянов А. Н. О природе взаимодействия, с. 31). Естественно, речь идет не о полной тождественности взаимодействующих систем, которой, как доказано в процессе познания и практики, быть не может, а о тождественности их отдельных черт.

[39] Аверьянов А. Н. О природе взаимодействия, с. 39.

[40] Там же, с. 39.

Развитие противоречия между качественно-тождественными элементами неизбежно ведет к дифференциации этих элементов, изменению характера взаимодействия между ними, а в конечном счете к изменению типа противоречия. В результате сначала возникает противоречие между различными элементами (системами), а затем противоречие между противоположными элементами (системами). В конце концов дифференциация элементов, в основе которой лежит противоречие между ними, неизбежно приводит к появлению противоположных подсистем. В дальнейшем развитие системы зависит от развития подсистем, ибо каждая подсистема представляет собой систему, развивающуюся по своим собственным законам. Иначе говоря, каждая из противоположных подсистем проходит все стадии развития системы. Такова общая схема развития противоречия. Для нас она имеет методологическое значение, ибо на ее основе можно проследить развитие системы противоборства советской контрразведки и противника, то есть развитие конкретного противоречия между указанными субъектами.

Чтобы познать конкретное противоречие, необходимо сначала рассмотреть его внешние проявления, то есть формы его существования. Поскольку всеобщей формой существования противоречия является взаимосвязь взаимоисключающих, имеющих противоположные тенденции, направления действия и изменения сторон, то именно с анализа взаимосвязи следует начинать познание противоречия[41]. Однако изучение реальных связей, как отмечает Ю. Р. Захаров, показывает, что между ними есть значительные различия, которые определяются, с одной стороны, природой объектов, находящихся в связи, с другой — степенью ее, связи, опосредствования[42]. Исходя из этого, мы вслед за Ю. Р. Захаровым будем называть непосредственную связь взаимодействием, а опосредованную — отношением. «На начальной ступени познания,— говорит Ю. Р. Захаров,— всякая связь воспринимается как отношение, углубляясь в сущность, мы познаем ее как взаимодействие. Отсюда следует, что взаимосвязь гносеологически раскрывается через две свои основные ступени: как отношение и как взаимодействие»[43].

В этом высказывании Ю. Р. Захарова содержится глубокая мысль о развитии взаимосвязи, которая из отношения отдельных элементов перерастает в их взаимодействие, то есть мысль о том, что взаимосвязь, будучи формой существования противоречия, выражает это противоречие при рассмотрении его в развитии в двух основных формах: в форме отношения противо-

---

[41] См.: Шептулин А. П. Категории диалектики как отражение закономерностей развития, с. 20.

[42] См.: Захаров Ю. Р. Содержание и форма в системе. Канд. дис. М., 1978, с. 87.

[43] Там же.

положных сторон и в форме их взаимодействия. Но что же собой представляют понятия «отношение» и «взаимодействие»?

По мнению А. П. Шептулина, «понятие «отношение», фиксируя момент зависимости вещей, отражает и их независимость, относительную самостоятельность. Другими словами, понятие «отношение» отражает как связь, так и раздельность бытия, которые, будучи противоположностями, не только исключают, но и взаимополагают друг друга»[44]. «Понятие «отношение»,— отмечает Р. Т. Сарсенов,— в определенном смысле можно считать одним из абстрактных моментов связи, выражающим состояние сосуществования вещей, «спокойного их бытия, вообще наличность, реальность»[45]. Взаимодействие же, по мнению ученого, «выражает динамику взаимосвязи, ее действенный, актуальный характер. В понятии взаимодействия затушевываются моменты «спокойного», устойчивого и актуализируются моменты динамики, изменения, переходов во взаимосвязанных явлениях»[46].

В приведенной характеристике взаимосвязи совершенно справедливо, на наш взгляд, подчеркивается мысль о том, что взаимосвязь на уровне отношения в потенциале содержит тенденцию изменения, развития, которая полностью реализуется во взаимодействии. В объективных законах природы, в их действии возможность изменения, развития всегда преобразуется в действительность через взаимодействие[47]. Таким образом, понятие взаимодействия отражает изменчивость, взаимопереход, развитие, взаимообусловленность явлений и предметов материальной действительности, актуальное осуществление взаимосвязи в ее наиболее динамичной форме. Тем самым взаимодействие является конечным пунктом конкретного научного познания. Поэтому в каждом конкретно-научном познании необходимо выявлять структуру конкретного взаимодействия. Такая задача была поставлена Ф. Энгельсом, считавшим, что «взаимодействие является истинной causa finalis вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать. Раз мы познали формы движения материи... то мы познали самоё материю, и этим исчерпывается познание»[48].

---

[44] Шептулин А. П. Категории диалектики как отражение закономерностей развития, с. 17.

[45] Сарсенов Р. Т. Диалектико-логический анализ категории «взаимодействие», с. 42.

[46] Там же, с. 43.

[47] Здесь уместно заметить, что возможность превращается в действительность не в любое время, а при наличии строго определенных условий. Условиями же являются совокупности внешних и внутренних факторов, необходимых для того, чтобы произошло соответствующее изменение в вещи. Подробнее об этих условиях см.: Шептулин А. П. Категории диалектики как отражение закономерностей развития, с. 53.

[48] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 546.

Таким образом, мы рассмотрели основные понятия целостного подхода или целостного представления об объекте исследования. Теперь нам остается лишь уточнить, что́ мы понимаем под категорией «развитие», чтобы затем перейти к непосредственному рассмотрению категории «борьба советской контрразведки и противника».

Категория «развитие», как принято считать в философии, отражает сложнейший процесс изменения системы в результате ее самодвижения[49]. Однако «развитие,— отмечает А. Н. Аверьянов,— не есть изменение вообще, развитие как процесс есть единство направленных изменений системы от менее упорядоченного состояния системы к более упорядоченному и наоборот»[50]. Поэтому «развитие включает в себя ряд этапов: возникновение, становление, период зрелости и преобразования. Возникновение и становление можно рассматривать как прогрессивное изменение системы, как процесс ее организации. Соответственно, преобразование отражает процесс дезорганизации системы. Период зрелости характеризует устойчивое состояние системы, когда процессы организации и дезорганизации уравновешивают друг друга»[51].

Мы полностью солидарны с таким толкованием процесса развития, ибо оно соответствует исторически сложившемуся еще со времен Ф. Энгельса его пониманию как диалектического процесса, как взаимодействия между возникновением и уничтожением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными. Но мы не ставим перед собой задачу раскрыть весь процесс развития систем, а рассмотрим лишь их первую стадию, ибо нас пока интересует только возникновение системы противоборства советской контрразведки и противника.

Возникновение, так же как и другие этапы, представляет собой процесс, самостоятельный период развития. И как процесс взаимодействия взаимосвязанных противоречивых сторон «является единством противоположностей постепенности и скачка, количественного роста и качественных изменений... Но, поскольку количественно-качественные преобразования есть переход от одной формы движения к другой, возникновение есть переход материи (системы), находящейся в одной форме движения, в другую форму материального движения, причем предыдущая форма в снятом виде сохраняется в последующей»[52].

---

[49] Такое понимание развития мы встречаем у многих авторов. См., например: Свидерский В. И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965; Шептулин А. П. Категории диалектики как отражение закономерностей развития; Гумницкий Г. Н. Марксистская диалектика как система. М., Знание, 1987, и др.

[50] Аверьянов А. Н. Категория «система» в диалектическом материализме, с. 40.

[51] Там же.

[52] Аверьянов А. Н. О природе взаимодействия, с. 40.

Как и любой иной процесс, возникновение имеет свои границы, то есть свое начало и конец. Мы исходим из следующего понимания этих границ. Возникновение новой системы начинается с отталкивания, поскольку оно есть первичный момент всякого взаимодействия[53]; система считается возникшей тогда, когда между элементарными носителями новой формы движения образуется взаимосвязь, то есть проявляется эта новая форма движения[54]. При этом мы учитываем, что «первоначально связь между элементами носит неустойчивый характер, т. е. новое качество, новая система находится где-то на грани перехода возможности в действительность. Иначе говоря, новое качество уже существует, но его существование еще неопределенно, расплывчато и в этом смысле возможно. Оно должно еще утвердиться, проявиться полностью, обрести устойчивость, т. е. новая система, возникнув, еще должна стать»[55].

Эти положения имеют для нас методологически важное значение, так как они ориентируют на понимание того, что основу возникновения новой системы составляют количественно-качественные преобразования ее элементов, а также того, что рассмотрение возникновения новой системы есть одновременно рассмотрение возникновения новой формы движения или нового вида определенной формы движения. Помимо этого данные положения позволяют четко видеть, где начинается и где заканчивается возникновение новой системы.

Исходя из сказанного и опираясь на рассмотренные выше положения целостного подхода, посмотрим теперь, как возникает система противоборства советской контрразведки и противника.

Итак, мы уже говорили, что источником движения, то есть развития систем является противоречие. Поэтому, чтобы рассмотреть процесс развития системы противоборства советской контрразведки и противника, необходимо прежде всего выяснить, какое же противоречие конкретно есть источник развития этой системы. Нам представляется, что в этом случае следует исходить из реальности существования двух противоположных систем — «Советское государство» и «противник»[56]. Каждая из

---

[53] На это обращал внимание Ф. Энгельс: «Гегель гениален даже в том, что он выводит притяжение как вторичный момент из отталкивания как первичного... отталкивание является собственно активной стороной движения, а притяжение — пассивной» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 559).

[54] См.: Аверьянов А. Н. Категория «система» в диалектическом материализме, с. 54.

[55] Там же.

[56] Противоположность — это не противолежащая или противостоящая сторона в обыденном понимании, а именно противоположность, как свое иное, «как отличающийся по коренному признаку двойник, как развитое до предела различие одной сущности» (Аверьянов А. Н. О природе взаимодействия, с. 27). Еще Аристотель писал, что «противоположность есть законченное различие» (Аристотель. Метафизика. М.—Л., 1934, с. 170). В этом смысле рассматриваемые нами системы противоположны именно в своей основе как общественно-экономические формации.

этих противоположных систем развивается по своим собственным внутренним законам. В то же время эти системы не просто развиваются каждая своим путем, изолированно друг от друга. Одна из них рождается из другой, идет ей на смену. Между ними неизбежны противоречия в рамках всемирного противоречия. Эти противоречия могут быть совершенно различными, и выступают они либо как единство, либо как борьба между противоположными системами. Главным, определяющим развитие противоборства двух систем противоречием является противоречие, возникающее на основе тождественности их сущности, то есть тождественности их взаимодействия с источником существования. Основным же источником существования систем являются, как известно, их элементы как носители определенной энергии, информации и т. п.[57] Поэтому тождественность двух систем и проявляется в отношении к их элементам. Система противника, чтобы развиваться, должна «отторгнуть» от системы Советского государства как можно больше элементов и «притянуть» их к своей системе. Но это, естественно, вызывает противодействие со стороны системы Советского государства, которая стремится к самосохранению и не «желает» поэтому каких-либо изменений в своей структуре, навязываемых извне. В результате такого противоречивого отношения систем к основному источнику своего существования возникает совершенно новая система, элементами которой становятся Советское государство и противник. Эта система и есть система противоборства или борьбы Советского государства и противника.

Борьба между Советским государством и противником — это, как известно, борьба классовая, которая ведется как открыто, так и тайно во всех сферах жизни общества — в политической, экономической и идеологической. При этом тайная борьба Советского государства и противника есть скрытый или в нашем понимании агентурный способ взаимосвязи указанных двух элементов. Возникает этот способ взаимосвязи в силу того, что противник не может открыто вмешиваться во внутренние дела нашего государства, то есть не может открыто «отторгать» и «притягивать» его элементы в свою систему. Но он вынужден делать это, чтобы развиваться как система. Поэтому он и прибегает к агентурному вмешательству.

Но такое скрытое развитие системы противника неизбежно вызывает тождественное противодействие со стороны Советского государства, в результате чего появляется новая форма движения противоположных систем, а следовательно, и новая форма их взаимосвязи. И эту взаимосвязь осуществляют уже специально выделенные из структуры каждой системы органы:

---

[57] В социальных системах в качестве таких носителей, то есть элементов, выступают люди, ибо только человек является носителем социальной формы движения.

со стороны противника это специальные службы и различные зарубежные антисоветские центры; с нашей стороны это органы советской контрразведки. В процессе развития взаимосвязи между указанными органами каждой из систем возникает новая система — система противоборства советской контрразведки и противника, основные элементы которой (советская контрразведка и противник) находятся между собой уже в специфической агентурной взаимосвязи.

Как уже говорилось, взаимосвязь имеет две основные ступени развития — отношение и взаимодействие. Точно так же и агентурная взаимосвязь в своем развитии переходит из агентурных отношений в агентурное взаимодействие. Но отношение и взаимодействие (это также отмечалось выше) отличаются друг от друга формой движения материи: сначала взаимодействие лишь возможно, а затем оно уже реально. Следовательно, и агентурное взаимодействие сначала существует лишь в возможности, а затем становится реальным. Иными словами, взаимосвязь или борьба советской контрразведки и противника сначала осуществляется как опосредованная борьба, а затем становится непосредственной. Для опосредованной борьбы характерным является то, что противники существуют друг для друга как возможные. Для советской контрразведки, например, это возможная разведывательная или эмиссарская деятельность или же возможные разведчики, эмиссары, агенты противника, то есть лица, подозреваемые в принадлежности к спецслужбам противника или к зарубежным антисоветским центрам и к их агентуре. В непосредственной борьбе противники реальны. Для советской контрразведки это установленные разведчики и эмиссары или выявленные агенты противника.

Как видим, разница здесь существенная и заключается она в том, что опосредованная борьба — это борьба с необнаруженным противником, а борьба непосредственная — это борьба с установленным противником. Поскольку борьба с необнаруженным противником в специальной литературе называется контрразведывательным поиском подрывной деятельности противника, а борьба с уже известным противником — разработкой его выявленных сил[58], то, следовательно, контрразведывательный поиск и разработка образуют две стадии борьбы советской контрразведки и противника. Переход от одной стадии к другой осуществляется в строгом соответствии с диалектическими законами развития, и прежде всего с законом перехода количественных изменений в качественные.

Таков в нашем понимании механизм познания сущности борьбы советской контрразведки и противника. В нем мы и ви-

---

[58] См.: Ерошин В. П. Некоторые вопросы теории обеспечения госбезопасности СССР в свете новой Конституции СССР. М., изд. ВШ КГБ, 1979, с. 27—28.

дим в определенной степени новый методологический подход к исследованию как данного явления, так и конкретных его видов и форм. Использование этого подхода, кстати апробированного в диссертационной работе автора[59], в разработке различных проблем чекистской науки является, на наш взгляд, необходимым и крайне важным сегодня условием повышения уровня теоретических исследований. Овладение им может стать определенным шагом на пути развития нового мышления в теории и практике контрразведывательной деятельности, без чего немыслима их перестройка.

Рекомендована спецкафедрой № 5
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук
полковник В. Д. Курабко

[59] См.: Таршин П. В. Борьба советской контрразведки с эмиссарской деятельностью, осуществляемой на территории СССР зарубежными антисоветскими центрами (организационный аспект). Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1987.

Подполковник *В. С. Калинин*

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦСЛУЖБАМИ КНР ПОЗИЦИЙ ТРЕТЬИХ СТРАН НА СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ ДЛЯ ВЫВОДА АГЕНТОВ-НЕЛЕГАЛОВ[1]

Возможность использования спецслужбами КНР позиций третьих стран на советской территории для вывода агентов-нелегалов, на наш взгляд, является объективно существующим свойством подрывной деятельности китайских спецслужб против СССР. Она выражает одну из тенденций развития всей разведывательно-подрывной деятельности спецслужб КНР против нашей страны и отражает реальные предпосылки проведения ими подрывных акций с использованием позиций третьих стран.

Превращение данной возможности в действительность может состояться при совпадении объективных условий и интересов политического руководства КНР. При этом интерес политических лидеров вытекает из объективных условий. В подрывной деятельности, как и в любом другом общественном явлении, не цели определяют возможности, а имеющиеся возможности порождают цели. Вытекающие из действительности «цели человека порождены объективным миром и предполагают его»[2].

На Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР (май 1986 года) отмечалось, что «активную подготовку агентов-нелегалов ведут китайские спецслужбы»[3]. За пять лет выявлено более 30 агентов из числа нарушителей границы. Как соотнести этих 30 агентов с общим числом агентов-нелегалов, возможно выведенных на нашу территорию китайскими спецслужбами и не выявленных на настоящий момент? Если считать выявленное количество агентов относительно небольшим, то придется признать, что агентов-нелегалов спецслужб КНР в СССР много и мы плохо ведем их поиск. Но, учитывая, что в настоящее время предпринимаются меры по улучшению контрразведывательного обеспечения безопасности и усилению войсковой охраны границы (в 1986 году задержано 430 нарушителей из КНР, что почти в два раза больше, чем задерживалось в течение каждого года прошлые пять лет), а также, что основная масса нарушителей из КНР возвращается нами обратно, можно утверждать — возможности спецслужб КНР по использованию этого канала значительно снижаются и это побуждает их искать другие каналы для вывода агентов-нелегалов в СССР.

---

[1] Статья публикуется в порядке обсуждения проблемы.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.

[3] Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе. Сборник документов и материалов. М., изд. ВШ КГБ, 1986, вып. 3, с. 100.

Поскольку выявленное число агентов-нелегалов большое — значит, мы нанесли мощный удар по нелегальной разведке КНР, что также вынуждает ее искать другие каналы для вывода агентов в СССР. Одним из таких каналов, на наш взгляд, может быть использование спецслужбами КНР позиций третьих стран на советской территории для вывода своих агентов, в том числе нелегалов. По нашему мнению, можно выделить три основных фактора, которые определяют возможность использования спецслужбами КНР позиций третьих стран в СССР:

стремление использовать дополнительные разведывательные ресурсы третьих стран;

ограниченность собственных возможностей для вербовки советских граждан, сбора разведывательной информации об СССР собственными силами и развивающаяся потребность в такого рода информации у пекинского руководства;

исторические традиции ведения разведывательно-подрывной работы, особенности национальной идеологии и психологии.

Известно, что Китай резко расширил международные контакты с капиталистическими, развивающимися и социалистическими странами, в том числе и по линии спецслужб. Это позволяет китайцам активно вести вербовочную работу среди иностранцев как в Китае, так и за рубежом.

Советский Союз также расширяет международные связи. Только студентов-иностранцев обучается в СССР более 50 тысяч из 135 стран. Десятки тысяч иностранцев работают в СССР по международным договорам. Особенно много их приезжает из КНДР, Вьетнама, Болгарии, Югославии. Тысячи иностранцев живут в СССР в качестве политэмигрантов.

В Указании КГБ СССР № 63с от 1985 года отмечалось, что спецслужбы противника вербуют и используют агентов среди обучающихся в СССР студентов-иностранцев. Так, в 1982—1983 годах среди этой категории иностранцев были выявлены три агента ЦРУ и один агент китайских спецслужб[4].

Среди тысяч проживающих в СССР политэмигрантов есть лица, настроенные прокитайски и готовые оказывать помощь спецслужбам КНР. Так, отдельные политэмигранты, прибывшие из Греции, пытались снабжать клеветнической информацией об СССР китайское посольство в Москве[5].

Сотни тысяч иностранцев прибывают в СССР в качестве туристов, членов различных делегаций, а также по частным делам.

На наш взгляд, надо учитывать, что прибывающие в СССР граждане социалистических стран проверке со стороны органов КГБ СССР не подвергаются. А взаимодействие органов

---

[4] См.: Указание КГБ СССР № 63с от 1985 г.

[5] См.: Указание КГБ СССР № 79с от 1966 г.

КГБ с контрразведками некоторых социалистических стран (КНДР, СФРЮ, СРВ и др.) в этом направлении ограничено.

Известно, что некоторые иностранцы незаконным путем пытаются остаться на жительство в СССР. Учитывая гегемонистские стратегические цели пекинского руководства, необходимо отметить, что спецслужбы КНР, сотрудничая со спецслужбами КНДР, имеют реальную возможность использования их разведывательных ресурсов в представительствах и учреждениях КНДР в СССР для вывода своих агентов, в том числе нелегалов, на советскую территорию. Выведенные на советскую территорию агенты спецслужб КНР могут работать в представительствах КНДР или предпринимать попытки к легализации. Например, ежегодно из района деятельности лесозаготовительного предприятия «Корейсклес», где работают более 18 тысяч граждан КНДР, в другие районы СССР совершают побег несколько десятков граждан КНДР. Среди них были выявлены выходцы из Китая[6]. Анализ обстоятельств отдельных побегов позволяет сделать вывод, что совершены они были если не при содействии, то при попустительстве отдельных руководителей «Корейсклеса». Некоторые беглецы имели связи с объектами дел оперативного учета органов КГБ, проживающими на территории Дальнего Востока и Средней Азии. На имя отдельных беглецов поступали письма, посланные, судя по содержанию, из КНР через КНДР. Отмечались факты, подозрительные на подставу органам КГБ. Так, отдельные сотрудники «Корейсклеса» инициативно предлагали услуги по выполнению разведывательных заданий органов КГБ на территории Китая[7].

Спецслужбы КНР и КНДР в целях вывода агентов-нелегалов на советскую территорию могут использовать также возможности, появляющиеся в результате снятия с учета в местном ОВИРе умерших рабочих «Корейсклеса», так как опознание трупов зачастую не проводится по причине того, что официальным представителям Советского государства сделать это фактически невозможно.

Так, к настоящему времени в связи со смертью снято с учета только ОВИРом Хабаровского УВД около 700 граждан КНДР. До 1981 года захоронения рабочих «Корейсклеса» на советской территории происходили, как правило, бесконтрольно. Кто и где похоронен, точно установить невозможно. Только до 1981 года на территории СССР было произведено 522 захоронения[8]. С 1981 года в соответствии с соглашением, заключенным между Верхнебуреинским райисполкомом и лесозаготовительным предприятием КНДР о порядке вывоза из района

---

[6] Материалы УКГБ СССР по Хабаровскому краю, д № 327, т. 32, с. 277.

[7] Материалы УКГБ СССР по Хабаровскому краю.

[8] Там же.

в КНДР праха корейских граждан, корейская сторона начала вывоз умерших в КНДР. Согласно соглашению корейцы должны:

в течение 24 часов информировать администрацию объединения «Ургаллес» о смерти работника ЛПХ;

в течение 48 часов представлять в районную санэпидстанцию медицинское заключение на русском языке о причинах смерти;

в течение 48 часов представлять в районный отдел внутренних дел ходатайство о выдаче разрешения на вывоз тела умершего в КНДР с указанием даты выезда, а также национальные документы на умершего[9].

Эти сроки корейская сторона зачастую не выдерживает. Справки о смерти предоставляются с задержкой от нескольких дней до нескольких месяцев. Время предоставления тела в соглашении не указано; этим при желании может воспользоваться корейская сторона и задержать предоставление тела для помещения в цинковый гроб. Если тело умершего в лесу человека разложилось, опознать его сотрудникам милиции крайне трудно. Да и могут ли они сделать это, не имея медицинской подготовки? Более того, ни они, ни сотрудники санэпидстанции делать этого не обязаны. Санэпидстанция в соответствии с протоколом должна в течение 24 часов с момента предоставления корейской стороной справки о смерти выдать удостоверение на вывоз тела. А представитель исполкома Верхнебуреинского районного Совета народных депутатов должен выдать справку о том, что в гробу с телом гражданина КНДР посторонних предметов не имеется. Помимо этого, в протоколе указывается, что сотрудникам милиции может быть предоставлен гроб с телом или урна с пеплом, то есть не исключено, что вместо тела будет пепел. Факты кремации корейцами тел покойников на советской территории ранее отмечались.

Сложившийся порядок учета и вывоз умерших не в полной мере обеспечивает предотвращение возможного вывода агентов-нелегалов в глубь советской территории на длительное оседание. Надо также учитывать, что пребывание таких агентов на советской территории в среде работников «Корейсклеса» позволяет им перед побегом в ходе общения с советскими гражданами изучить обстановку в СССР лучше, чем это могут сделать агенты, забрасываемые через «зеленую границу».

На наш взгляд, возможной засылке агентов спецслужб КНР в СССР по этому каналу благоприятствуют недостатки в организации розыска беглецов из «Корейсклеса» и контроля за режимом проживания и передвижения иностранцев. Несмотря на то, что поиск беглецов из «Корейсклеса» органами КГБ и МВД ведется самостоятельно и активно, розыск, как

[9] Материалы УКГБ СССР по Хабаровскому краю.

правило, начинается после официальной информации корейской стороны. Фиксировать исчезновение гражданина КНДР с территории лесоразработок органы КГБ и МВД СССР не могут. Так, с января 1968 года по настоящее время задержано более 500 беглецов (граждан КНДР) из «Корейсклеса». При этом 484 человека было задержано, 16 беглецов разыскивается, причем все бежавшие объявлены в розыск по информации органов общественной безопасности КНДР[10]. (По информации о побеге, полученной из оперативных источников, в розыске нет никого.) Между тем известно, что представители общественной безопасности КНДР информируют советскую сторону далеко не о всех побегах и, как правило, несвоевременно. Так, в 1977 году задержано 32 беглеца, а от корейской стороны поступила информация о побеге только 23 человек; в 1978 году соответственно 22 и 17; в 1979 году — 20 и 13; в 1980 году — 16 и 6; в 1981 году — 21 и 13; в 1982 году — 27 и 2[11]. Из приведенного примера видно, что с каждым годом информация о побегах предоставлялась все реже. При этом «анализ материалов показывает, что ежегодно число беглецов из «Корейсклеса» увеличивается. Характерно, что из 125 беглецов, задержанных за последние четыре года, в розыск соответствующим отделом МОБ КНДР было объявлено только 11 человек[12].

О том, что беглецы из «Корейсклеса» могут легализоваться на территории СССР, свидетельствует ряд фактов. Так, известно, что некоторые беглецы незаконно приобрели советские документы, поступили на работу в организации и учреждения, где располагают определенными разведывательными возможностями (один из беглецов даже работает корреспондентом в республиканской газете). Отдельные лица без достаточной проверки были завербованы в агентурный аппарат КГБ. Так, беглец из «Корейсклеса» Нам, 1925 года рождения, скрылся с лесоразработок в 1958 году и до 1978 года проживал по советскому паспорту, полученному незаконным путем, а в 1979 году был завербован в качестве агента органов КГБ. Другой беглец — О Сен Сен проживал по чужому паспорту с 1978 по 1982 год. Беглецов из «Корейсклеса», проживавших на территории СССР длительное время (несколько лет), при их обнаружении, как правило, исходя из гуманных соображений, оставляют на жительство в СССР. Им выдают вид на жительство для лиц без гражданства. Отдельные беглецы проходят по делам оперативного учета и подозреваются в связях с развед-

---

[10] Материалы УКГБ СССР по Хабаровскому краю.

[11] Там же.

[12] Материалы кустовых и республиканских совещаний по оперативному розыску на объектах транспорта и в пассажирском потоке. М., изд. ВШ КГБ, инв. № 15/163—87 г., с. 229.

кой противника, в том числе со спецслужбами КНР[13]. Вместе с тем достоверных данных о принадлежности кого-либо из беглецов к агентуре спецслужб КНР в ходе проверки и фильтрации не получено. Многочисленные побеги граждан КНДР из «Корейсклеса» спецслужбы КНР могут использовать для вывода агентов-нелегалов. Снабженный соответствующими документами агент может почти беспрепятственно выехать с места лесоразработок в другие районы СССР, легализоваться, а после получения информации о том, что он легализовался, его снимут с учета под видом умершего, а умершего объявят в розыск. В таком случае отчетность об общем количестве граждан КНДР не нарушается. (Этим можно объяснить и задержку с информацией о побегах и фактах смерти.) Более того, проверить, соответствует ли количество граждан КНДР, находящихся на лесоразработках, количеству граждан КНДР, состоящих на учете как въехавшие в СССР на лесоразработки, в современных условиях очень сложно.

Спецслужбы КНР имеют возможность вывода агентов-нелегалов по каналу въезда граждан некоторых стран на советскую территорию в упрощенном порядке.

Известно, что распространенным приемом заброски спецслужбами КНР агентов-нелегалов на советскую территорию является вывод их под видом нарушителей границы. Методика их поиска достаточно хорошо разработана[14]. Имеются определенные успехи по разоблачению агентов спецслужб КНР из числа лиц, нелегально перешедших границу. Однако надо учитывать, что спецслужбы КНР могут воспользоваться возможностью вывода агентов-нелегалов через третьи страны, в частности через Монголию.

Так, районом активных разведывательных устремлений спецслужб КНР является Забайкалье. Казалось бы, в Забайкалье агентов-нелегалов удобнее забрасывать через государственную границу. Количество же нарушителей границы, задерживаемых на забайкальском участке советско-китайской границы, в последние 20 лет не превышает 5—7 человек в год, чаще 1—2 человек. Количество выявленных из их числа агентов-нелегалов также невелико. Это обстоятельство, видимо, не позволяет спецслужбам КНР использовать естественный поток нарушителей границы в Забайкалье для вывода агентов-нелегалов так же активно, как на других участках.

Так, анализируя нарушения государственной границы из КНР, можно заметить, что их количество в Забайкалье незначительно. В то же время приток перебежчиков из КНР в МНР значительно увеличился, что создало спецслужбам КНР лучшие условия для вывода агентов в МНР. Из числа нарушите-

---

[13] Материалы КГБ Казахской ССР, КГБ Киргизской ССР и КГБ Украинской ССР.

[14] См.: Указание КГБ СССР № 1с от 1985 г.

лей границы органами МОБ МНР был выявлен ряд агентов спецслужб КНР[15].

Граждане Монголии активно используют возможность упрощенного въезда в СССР, определенного в 1930 году Конвенцией об упрощенном переходе государственной границы гражданами СССР и МНР, проживающими в 100-километровой пограничной полосе[16]. Согласно Конвенции они могут въезжать в СССР по долгосрочным (до 1 года) пропускам, действующим в пределах 15-километровой полосы, и по краткосрочным (до 45 суток) пропускам, действующим в пределах 100-километровой полосы. Ежегодно в СССР в упрощенном порядке въезжает несколько сотен граждан МНР, в том числе большое количество выходцев из КНР, принявших монгольское гражданство. По нашему мнению, спецслужбы Китая могут этим воспользоваться для вывода своих агентов на советскую территорию, тем более, что контроль за передвижением въехавших иностранцев местными органами МВД СССР осуществляется слабо. Выходцы из Китая (граждане МНР) часто выезжают за пределы стокилометровой полосы. Отмечались попытки их выезда в другие области СССР. Так, в 1978 году на одном из участков советско-монгольской границы были задержаны три выходца из Китая, проживающие в Монголии. Они прибыли на территорию СССР по каналу упрощенного перехода границы как граждане МНР. В процессе выяснения обстоятельств их пребывания в СССР установлено, что на нашей территории они бесконтрольно находились в течение 25 дней[17]. Подобные факты не единичны.

Спецслужбы КНР могут также приобретать агентов из граждан стран Азии (Вьетнам, Лаос, Индонезия, КНДР, Япония, Монголия, Афганистан), Африки (Того, Танзания, Египет, Алжир) и Европы. Выводить таких агентов в СССР спецслужбы КНР могут по каналу международных связей Советского Союза с этими странами.

Что касается возможностей использования спецслужбами КНР граждан Вьетнама в качестве агентов-нелегалов, надо учитывать:

сотрудничество в прошлом (до середины 70-х годов) вьетнамских разведывательных и контрразведывательных ор-

---

[15] Так, общее число выявленных с 1981 по 1984 г. агентов спецслужб КНР в МНР составляет 32 человека (см.: Справка «О некоторых новых формах и методах подрывной деятельности китайских спецслужб против войск ЗабВО, выявленных на канале перебежчиков из Китая». — Материалы УКГБ СССР по Хабаровскому краю, уч. № 818).

[16] См.: Советско-монгольские отношения 1921—1974 гг. М., Международные отношения, т. 1, с. 212—217.

[17] См.: Оперативная обстановка на Забайкальском участке границы. М., изд. ВШ КГБ, 1979, с. 15.

ганов с соответствующими спецслужбами КНР, а также прокитайские тенденции среди некоторых кругов вьетнамского общества.

обострение отношений между Вьетнамом и Китаем в настоящее время. Органы госбезопасности Вьетнама ведут активную борьбу с подрывной деятельностью китайских спецслужб. Тем не менее связи китайцев с некоторой частью населения Вьетнама довольно широки[18].

Спецслужбы КНР на антисоветской основе установили связи с прокитайскими организациями в РА. В связи с этим, на наш взгляд, у них появились реальные возможности по использованию граждан Афганистана в качестве агентов-нелегалов. В настоящее время спецслужбы КНР поддерживают тесные контакты с такими активными и влиятельными, имеющими глубокие корни в революционном движении пропекинскими организациями, как «Организация освобождения народа Афганистана» (САМА), «Революционная организация истинных патриотов» (САВВ), «Борьба за освобождение Афганистана» (Пейкар). Кроме них в РА действуют около 20 менее крупных прокитайских организаций. В этой связи надо отметить, что накануне Апрельской революции 1978 года в Афганистане действовали всего 5—6 противоборствующих между собой промаоистских групп. В настоящее время отмечаются усилия Пекина по объединению всех групп в единую партию. Широкое распространение маонзма в Афганистане обусловили прежде всего следующие факторы: масштабы восприимчивой к радикализму мелкобуржуазной среды; длительное отсутствие единства в лагере революционно-демократических сил; соседство с Китаем. Позиции спецслужб КНР наиболее сильны среди непуштунских этнических групп (хазарейцев, таджиков, киргизов). Эти спецслужбы активно работают в среде преподавателей и студентов учебных заведений РА. Прокитайские организации имели своих сторонников в афганской армии. Связанные со спецслужбами КНР афганские контрреволюционеры поддерживают связи с левоэкстремистскими и националистическими группами в Пакистане, Иране, ФРГ и других странах. А такая в прошлом весьма активная организация, как «Шо'лее джавид», имела свой центр в СССР (среди землячества афганских студентов).

Афганские прокитайские организации имеют связи с вооруженными контрреволюционными формированиями, активно работают по созданию разветвленной, глубоко законспирированной подпольной сети в крупнейших городах Афганистана, пытаются проникнуть в госаппарат, армию, спецслужбы и в

---

[18] См.: Указание КГБ СССР № 87сс от 1984 г.

НДПА[19]. Учитывая, что в СССР обучаются военнослужащие, сотрудники органов безопасности, студенты, а также афганские граждане других категорий, можно сказать, что китайские спецслужбы имеют возможность собирать разведывательную информацию с помощью завербованных в их среде агентов. На наш взгляд, некоторые из них могут попытаться остаться на жительство в СССР легальным путем или нелегальным с последующей легализацией.

Кроме того, спецслужбы КНР прилагают усилия по созданию и поддержанию пропекинских группировок во многих странах, вооружают диверсионно-террористические группы, борющиеся против правительств в СРВ, ЛНДР, Кампучии, а также в Индии, Бирме, Непале, Индонезии[20]. Агенты из граждан этих стран также могут выводиться и в СССР.

На наш взгляд, выявляя агентов-нелегалов противника, надо учитывать, что иностранец, завербованный спецслужбой, выведенный по каналу международных связей на советскую территорию и затем легализовавшийся, нарушает советские законы, но при этом не всегда нарушает закон своей страны. Во многих третьих странах деятельность их граждан против СССР не является противозаконной, более того, она может быть одной из форм заработка.

Так, в уголовном законодательстве Испании, ФРГ, Японии и других капиталистических, а также некоторых развивающихся стран не предусмотрена ответственность их граждан за шпионаж против СССР и других стран социалистического содружества, проводимый в интересах даже какого-либо третьего государства за рубежом[21].

Уголовным законодательством некоторых традиционно нейтральных капиталистических стран предусмотрена ответственность лиц, занимающихся военным шпионажем в пользу одного иностранного государства в ущерб другому иностранному государству или организовывающих такого рода деятельность на территории этих стран[22].

Так, гражданина Швейцарии, занимающегося шпионажем против СССР в пользу какой-либо страны на территории Швейцарии, швейцарские власти могут привлечь к ответственности. Если же он находится на нелегальном положении в СССР и

---

[19] См.: Арунова М. Р., Басов В. В. и др. Актуальные проблемы афганской революции. Монография. М., Наука, 1984; Специальный бюллетень ИВ АН СССР. М., Наука, 1980, № 2; Информационный бюллетень ИДВ АН СССР, 1983, № 116, с. 93—113.

[20] См.: Указание КГБ СССР № 87сс от 1984 г.

[21] См.: Уголовный кодекс Испании. М., изд. ВШ КГБ, 1976; Гришаев П. И. Ответственность за государственные преступления по уголовному законодательству ФРГ. М., Юридическая литература, 1970; Уголовный кодекс Индии. М., Иностранная литература, 1958.

[22] См.: Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. М., Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941.

занимается шпионажем в пользу какой-либо третьей страны, то он не отвечает за содеянное перед законом Швейцарии. Отсюда напрашивается вывод, что спецслужбы противника имеют возможность приобретать агентов из граждан капиталистических и некоторых развивающихся стран для работы на советской территории в связи с отсутствием ответственности этих граждан за шпионаж против СССР в пользу стран главного противника и КНР по закону их государства.

В странах социалистического содружества (Монголия, Болгария, ГДР и др.) приняты уголовные законы, по которым граждане этих стран могут быть привлечены к ответственности за подрывную деятельность против других государств трудящихся, где бы она ни проводилась — на территории их стран или за рубежом[23]. Знание сотрудниками спецслужб КНР уголовных законодательств усиливает вероятность использования ими для ведения нелегальной разведки против СССР граждан третьих стран.

В настоящее время международные контакты СССР разнообразны и широки, что создает для спецслужб КНР реальную возможность вывода своих агентов-нелегалов на советскую территорию по каналам международных связей. При этом надо учитывать, что основным контингентом, из которого разведка КНР пополняется агентурными кадрами, продолжают оставаться китайские эмигранты — хуацяо, а также отдельные представители развивающихся стран — студенты, промаоистски настроенные члены различных организаций и групп, функционеры некоторых западных партий и организаций прокитайской ориентации, хотя в последнее время китайцы все чаще прибегают к вербовке иностранцев из европейских, в том числе социалистических стран. Эти обстоятельства органам КГБ СССР необходимо учитывать при проведении острых агентурно-оперативных наступательных мероприятий.

Анализ подрывной деятельности спецслужб КНР, заявления пекинских лидеров позволяют предположить, что в будущем будет развиваться и укрепляться взаимодействие и сотрудничество спецслужб КНР и некоторых третьих стран, в частности развивающихся. Отсюда вытекает вероятная активизация использования граждан этих стран на советской территории, в том числе в качестве агентов-нелегалов.

На Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР (май 1986 года) указывалось, что надо перестраивать психологию оперативных работников, их отношение к проблеме борьбы с нелегальной разведкой КНР. «Надо прямо сказать, что у некоторых товарищей давно возникла недо-

---

[23] Уголовный кодекс МНР. Улан-Батор, 1969, с. 39; Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Польской Народной Республики. М., Юридическая литература, 1973, с. 55; уголовные законы других стран социалистического содружества.

оценка этой опасной формы агентурной разведки противника»[24]. В связи с этим органы КГБ СССР должны укреплять контакты с органами безопасности стран социалистического содружества и некоторых развивающихся государств в работе по противодействию спецслужбам КНР.

В целях улучшения координации между органами КГБ и органами безопасности братских стран, осуществляющими борьбу с агентами-нелегалами стран главного противника и КНР, надо учитывать, что районами, где наиболее вероятно выявление таких агентов на стадии их легализации или перехода на нелегальное положение, являются места проживания и работы иностранцев, особенно из тех стран, в которых наиболее сильны позиции спецслужб КНР. Так, известно, что спецслужбы КНР имеют сильные позиции в КНДР и странах ЮВА (СРВ, Кампучия, Индонезия и др.), некоторых других государствах Азии и Африки (Афганистан, Пакистан, Судан, Того и др.). Большинство граждан этих стран работает и учится в некоторых городах европейской части СССР, на Дальнем Востоке и Забайкалье. На наш взгляд, в борьбе с подрывной деятельностью противника с нелегальных позиций органы КГБ могут добиться наибольшего эффекта в том случае, если будет налажено четкое, конкретное взаимодействие с органами безопасности братских социалистических стран и некоторых развивающихся государств. Оно может выражаться в совместной выработке мер борьбы, в составлении и осуществлении конкретных планов контрразведывательных мероприятий и операций.

Увеличению масштабов борьбы с нелегальной разведкой противника могло бы способствовать расширение контактов представителей заинтересованных подразделений КГБ СССР с представителями соответствующих органов безопасности социалистических стран путем обмена информацией, подготовки и проведения совместных контрразведывательных операций и отдельных мероприятий по выявлению, предупреждению и пресечению подрывных акций агентов-нелегалов, а также проведения мероприятий по компрометации попыток использования иностранцев в качестве агентов-нелегалов.

Автор статьи считает, что необходимо проанализировать координацию работы по борьбе с подрывной деятельностью агентов-нелегалов спецслужб КНР: между подразделениями центрального аппарата КГБ и органами безопасности стран социалистического содружества и некоторых развивающихся государств; между подразделениями центрального аппарата и периферийными органами КГБ; между периферийными органами КГБ, особенно на Дальнем Востоке; между периферийными органами КГБ и органами безопасности стран социали-

---

[24] Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе. Сборник документов и материалов. М., 1986, вып. 3, с. 100.

стического содружества. Такой анализ позволит вскрыть резервы повышения эффективности выявления агентов-нелегалов спецслужб КНР.

На наш взгляд, имеется актуальная необходимость активизации работы органов КГБ по выявлению фактов исчезновения иностранцев из мест их проживания и работы на советской территории. Для выявления подобных фактов следует активнее использовать силы и средства заинтересованных органов КГБ, которым надо активизировать взаимодействие с органами МВД и службами безопасности дружественных нам третьих стран.

Необходимо ввести автоматизированные системы учета выявленных фактов исчезновения иностранцев на советской территории. При выявлении иностранцев, скрывавшихся с мест работы (учебы) в СССР, следует проверять их по учетам разыскиваемых лиц и по учетам лиц, снятых с учетов в ОВИРе МВД СССР в связи со смертью. Надо активнее использовать возможности системы «Дельта», что, к сожалению, не делается.

С учетом значительного расширения связей советских ведомств и предприятий с зарубежными фирмами, для усиления контроля за передвижением и проживанием иностранцев в СССР и недопущения вывода спецслужбами противника агентов-нелегалов в СССР целесообразно внести в инстанции предложение об обязательном включении в договоры о въезде иностранцев в СССР пункта о порядке освидетельствования советской стороной умерших в СССР иностранцев.

На наш взгляд, в органах КГБ, имеющих для этого возможности, необходимо в порядке эксперимента планировать и осуществлять контрразведывательные мероприятия и операции по выявлению возможных агентов спецслужб КНР среди граждан третьих стран.

Рекомендована спецкафедрой № 6
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор подполковник В. Ф. Бородич

Полковник *П. И. Александровский*,
доктор юридических наук, профессор
полковник *А. А. Игнатьев*,
кандидат юридических наук, доцент
полковник *В. И. Шестаков*

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СЛУШАТЕЛЕЙ ПОД РУКОВОДСТВОМ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ — НОВАЯ ПРИОРИТЕТНАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ

В утвержденных ЦК КПСС «Основных направлениях перестройки высшего и среднего специального образования в стране» и принятом на их основе постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве» подчеркивается, что в деле повышения качества подготовки специалистов одной из первоочередных задач должно стать усиление индивидуального подхода в обучении, развитие творческих способностей будущих специалистов через активизацию их самостоятельной работы.

Роль обучения как основного средства подготовки человека к жизни и труду, творческий характер обучения как системы неразрывного взаимодействия между преподавателем и обучаемым, повышение значения самостоятельного овладения знаниями, навыками, умениями, постоянная нацеленность на поиск и применение новых, более эффективных форм, методов и средств обучения, опирающихся на материалистическую теорию познания, — эти взгляды характеризуют отечественную педагогическую школу, сложившуюся в результате исследований и работ ученых и практики многих поколений педагогов как дореволюционной России (К. Д. Ушинский, И. Н. Ульянов и др.), так и наших дней (Н. К. Крупская, А. С. Макаренко, Л. С. Выготский, В. А. Сухомлинский и др.).

Известно, какое внимание уделял В. И. Ленин вопросам овладения знаниями как непременному условию построения нового общества. Его речь на III Всероссийском съезде ВЛКСМ «Задачи союзов молодежи» сегодня, когда обращение к В. И. Ленину является «идейным источником перестройки»[1], имеют программный характер. Сквозной линией через все выступление проходит призыв к молодежи «учиться коммунизму»[2], трудиться не «на основании полученных... готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы»[3], а путем выработки уменья «взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм... был бы тем, что вами

---

[1] Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., Политиздат, 1987, с. 20.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 301.
[3] Там же, с. 305.

самими продумано»[4] Как никогда, актуальны задачи, поставленные тогда В. И. Лениным,— «давать молодежи основы знания, **уменье вырабатывать самим** (выделено нами.— **Авторы**) коммунистические взгляды»[5].

Это указание В. И. Ленина в современных условиях существования высшей школы приобретает особый смысл. Сегодня, когда резко возросла роль человеческой личности как движущей силы перестройки, в том числе и в области высшего образования, когда возможности обучающихся в вузах значительно увеличились благодаря наличию у них современного жизненного опыта, системы уже имеющихся активных знаний, ценностных ориентаций и социальных интересов, речь идет о разработке и внедрении в практику преподавания принципиально новых форм, которые бы значительно повышали роль самостоятельного начала как в деятельности обучающегося, так и в организации и осуществлении учебного процесса в целом.

Не случайно в вузах страны большое внимание уделяется изучению теоретических и практических аспектов самостоятельной работы студентов. Так, по данным Научно-исследовательского института проблем высшей школы, в Московском, Киевском, Томском, Омском, Новосибирском государственных университетах систематически ведутся исследования теоретических проблем самостоятельной работы студентов, в частности ее содержания, структуры, функций[6].

Самостоятельная работа охватывает все внеаудиторные формы занятий студентов, связанные с их самоподготовкой. Эти формы разнообразны. Особая роль в последнее время принадлежит такой новой форме, как самостоятельная работа студентов над программным материалом под руководством преподавателя[7].

Достоинство такой учебной формы в том, что она:

усиливает внимание к развивающей стороне обучения, совершенствуя познавательные способности слушателей;

содействует комплексному развитию личности, позволяя полнее учитывать индивидуальные интересы и склонности обучающихся;

отвечает требованиям возрастной педагогики, давая слушателям возможность максимально использовать имеющиеся у них знания и приобретенный жизненный опыт;

---

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 306.

[5] Там же, с. 313.

[6] См.: Семинарское занятие как важная форма самостоятельной работы студентов.— Сборник НИИ проблем высшей школы. Серия «Коммунистическое воспитание в высшей и средней специальной школе», 1986, вып. 10, с. 1.

[7] Именно так эта форма самостоятельной работы студентов определена в выступлении министра высшего и среднего специального образования СССР Г. А. Ягодина (см.: Вестник высшей школы, 1987, № 4, с. 4). Такой терминологии придерживаются и авторы статьи.

способствует внедрению методики проблемного обучения, активизирующего процесс усвоения программного материала.

Нужно заметить, что самостоятельная работа при правильной организации за ней контроля со стороны преподавателя оказывает активное позитивное воздействие и на волевые качества слушателей, способствуя выработке целеустремленности, настойчивости в овладении учебным материалом, развивая внутреннюю организованность, трудолюбие и другие положительные нравственные качества, необходимые сотруднику органов госбезопасности.

Обновление содержания образования с учетом новых задач сопровождается и перераспределением времени, отводимого на различные формы учебного процесса, при этом приоритет получают методы обучения, ориентирующиеся на активное, творческое освоение учебного материала, в первую очередь на самостоятельную работу студентов над программным материалом под руководством преподавателя[8].

В этой связи напомним, что в указанном выше Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров признано необходимым значительно улучшить планирование и организацию самостоятельной работы студентов, усилить контроль и помощь со стороны преподавателей. Установлено, что учебно-методическое руководство самостоятельными занятиями студентов является видом учебной работы преподавателя, на которую отводится до 12 часов в неделю на младших и до 16 часов на старших курсах[9].

Анализ имеющихся источников, обмен мнениями с преподавателями Высшей школы КГБ и других вузов показывают, что вопросы, касающиеся организации и использования указанной формы обучения, пока разработаны явно недостаточно. И это при наличии различных, нередко противоположных точек зрения по важным вопросам, относящимся к этой форме обучения. Поэтому в данной статье предлагаются некоторые рекомендации методического характера по организации и осуществлению этой формы самостоятельной работы в Высшей школе КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского при освоении слушателями курсов уголовного права и уголовного процесса.

Планирование и организация самостоятельной работы слушателей под руководством преподавателя должны, на наш взгляд, отражать специфику обучения в Высшей школе, особенности преподавания уголовного права и уголовного процесса, роль и место этих наук в системе учебных дисциплин данного курса и факультета, а также учитывать опыт организации этой работы в других вузах страны.

---

[8] См.: Вестник высшей школы, 1987, № 4, с. 4.

[9] Об этом см. также: Приказ Минвуза СССР № 660—86 г. и Инструктивное письмо Минвуза СССР № 1 от 8 января 1987 г.

Что же следует понимать под этой новой, приоритетной формой обучения?

Самостоятельная работа слушателей под руководством преподавателя — это предусмотренная учебными, тематическими планами и расписанием занятий форма учебной работы слушателей, заключающаяся в самостоятельном освоении слушателями отдельных тем и разделов изучаемой дисциплины и осуществляемая под контролем и при методическом руководстве преподавателя[10].

Она является новой и, как представляется, более сложной формой организации учебного процесса на всех этапах ее осуществления (планирования, подготовки, проведения и контроля за результатами). По сути, это важное звено в переходе от общего, группового к индивидуальному подходу в обучении слушателей.

Основными задачами самостоятельной работы слушателей под руководством преподавателя являются: повышение качества и индивидуализация теоретической и практической подготовки слушателей; активное, творческое овладение знаниями по конкретной теме (разделу) курса; формирование у них потребности и навыков самостоятельного изучения учебного материала; умение организовывать самообучение, включая его организационные, методологические, методические и, главное, творческие аспекты.

Необходимым условием самостоятельной работы слушателей под руководством преподавателя является ее использование в комплексе с другими формами учебного процесса (лекциями, семинарами, практическими занятиями) при повышении ее удельного веса на старших курсах, что проявляется, в частности, и в увеличении количества учебных часов, отводимых на самостоятельную работу.

При планировании самостоятельной работы слушателей под руководством преподавателя как новой формы учебного процесса важно правильно определить количество часов, которое необходимо отвести в системе изучения курса на эту форму обучения. Представляется, что в этом важном вопросе надо идти не от учебного и тематического планов, в которых произвольно может быть выделено 20, 30 или 40 часов на основании чисто формального критерия и значимости данной формы обучения, а от определения самими преподавателями, ведущими курс, тех его тем, которые слушателям следует изучать самостоятельно. Разумеется, предложения преподавателя должны обсуждаться и утверждаться на методических секциях и кафедре.

---

[10] Именно эти признаки данной формы самостоятельной работы слушателей позволяют выделить ее из всех других, в основном «не контролируемых» форм самостоятельной работы слушателей.

Для решения этого далеко не простого вопроса исходными, на наш взгляд, являются следующие обстоятельства.

Прежде всего надо учитывать **значимость** той или иной темы в системе курса уголовного права или уголовного процесса. Тема не должна быть ни базовой, основополагающей, ни второстепенной, малозначащей. Первые должны усваиваться путем слушания лекций, работы на семинарах и практических занятиях, вторые — самостоятельно слушателями в часы самоподготовки. Например, в уголовном праве все темы учения о преступлении являются базовыми, фундаментальными. В уголовном процессе к числу таких тем следует отнести темы, касающиеся принципов доказательств и т. п. Их надо изучать, используя традиционные формы занятий. А такую, например, тему в уголовном праве, как «Система и виды наказания», можно изучать в часы самоподготовки. Вопросы же назначения наказания и освобождения от наказания можно было бы сделать предметом самостоятельной работы под руководством преподавателя. Эта тема для слушателей не является основополагающей (им не придется на практике назначать наказание), но ее не назовешь и второстепенной, поскольку нашим выпускникам придется на практике сталкиваться с некоторыми ее аспектами, например с освобождением от уголовной ответственности агентов. Между тем эти вопросы довольно сложны для усвоения без помощи преподавателя.

Другим обстоятельством, которое необходимо учитывать при выборе темы для самостоятельного изучения, является **сложность темы,** объективные и субъективные возможности ее самостоятельного изучения (наличие проблемных вопросов, различных точек зрения как в теории, так и на практике, особенности выхода на практику и т. п.). Темы, выбранные для этой формы обучения, должны быть средней степени сложности. Дело в том, что очень сложные темы могут оказаться просто недоступными для понимания слушателя, в связи с чем руководство преподавателя сведется к уже применяющимся формам. Несложные темы слушатель может изучить самостоятельно, не прибегая к помощи преподавателя[11].

И наконец, исходным обстоятельством для решения вопроса о выборе тем для изучения путем самостоятельной работы под руководством преподавателя следует считать и **степень научной, учебной и методической разработанности темы,** включая наличие необходимой учебной базы на кафедре и в школе, основной и дополнительной литературы. Разумеется, нельзя рекомендовать для самостоятельного изучения темы, недостаточно разработанные, не обеспеченные необходимой литературой, нужными учебными пособиями.

---

[11] Рекомендация о выделении для самостоятельного изучения отдельных тем курса содержится, в частности, в Инструктивном письме Минвуза СССР № 1 от 8 января 1987 г.

Учитывая в совокупности значимость, сложность и степень разработанности тем, можно более или менее правильно выделить те из них, которые могут быть рекомендованы для изучения путем самостоятельной работы слушателей под руководством преподавателя. И только после этого, по нашему мнению, можно будет определить количество часов на эту форму обучения в рамках курса. Тогда цифры учебного и тематического планов изучения той или иной дисциплины будут не произвольными, определенными «на глазок», а обоснованными учебно-методическими соображениями.

Исходя из сказанного, можно было бы рекомендовать для рассматриваемой формы обучения следующие темы курсов уголовного права и уголовного процесса.

Во-первых, это темы, которые имеют достаточно самостоятельный характер и представляют собой единое целое в рамках курса. Например, для уголовного права это темы «Транспортные преступления», «Преступления против социалистической собственности». Для уголовного процесса — «Подсудность», «Предание суду», «Исполнение приговора».

Во-вторых, это темы, которые, имея относительно самостоятельное значение, входят в качестве составных частей в общую, комплексную тему, требующую более качественной проработки. Например, в уголовном праве — тема «Назначение наказания», в уголовном процессе — «Гражданский иск в уголовном процессе», «Приостановление предварительного следствия».

Далее, важным, на наш взгляд, вопросом является сочетание новой формы обучения с другими формами учебной работы. Как представляется, самостоятельная работа слушателей под руководством преподавателя должна предполагать самостоятельное изучение литературы каждым слушателем и усвоение им в процессе этого изучения основных положений данной темы. Однако это не исключает, а, напротив, предполагает использование и других, в том числе нетрадиционных, форм учебной работы (разбор конкретных дел и ситуаций, деловые игры и т. д.).

Именно здесь от преподавателя требуются не только безупречное знание темы, умение выделить основные проблемные вопросы, показать выходы на практику, но и способность пробудить у слушателей интерес к данной теме (а через нее и к курсу в целом). При этом обязательно дифференцированное использование методов и приемов обучения в зависимости от контингента слушателей, их возможностей и запросов.

Остановимся на организационных вопросах самостоятельной работы слушателей.

Если говорить о времени и месте самостоятельной работы по конкретной теме, то первое определяется расписанием, а второе — самими слушателями в зависимости от местонахож-

дения учебной литературы и других необходимых материалов, степени секретности сведений, содержащихся в пособиях по данной теме, и т. д. В связи с этим возникает необходимость и в обеспечении этой формы обучения необходимой материально-технической базой[12].

Как показывает опыт применения этой формы обучения в других вузах, вышеназванные вопросы каких-либо разноречивых суждений не вызывают. Имеется расхождение во взглядах на вопрос о местонахождении преподавателя в часы такой самостоятельной работы слушателей. Это вызвано тем, что самостоятельная работа под руководством преподавателя включается в расписание занятий, в учебную нагрузку преподавателя. Означает ли это, что в указанные в расписании часы преподаватель должен вместе со слушателями находиться в аудитории. Если ответить на этот вопрос утвердительно, то, по нашему мнению, эта новая форма обучения была бы лишена своего нового содержания, превратилась бы, по существу, либо в формальность, либо в уже известные виды учебного процесса (практические занятия, семинары, коллоквиумы и т. п.).

Организация и учебно-методическое руководство самостоятельной работой слушателей со стороны преподавателя должны, на наш взгляд, выражаться, во-первых, в подготовке учебно-методических рекомендаций для слушателей, во-вторых, в оказании им помощи во время работы и, в-третьих, в контроле за ходом и результатами их самостоятельной работы. Рассмотрим содержание этих компонентов деятельности преподавателя.

Учебно-методические рекомендации преподаватель должен готовить с учетом специфики факультета (потока) и объема изучаемой дисциплины. Здесь нетерпимы шаблон и стандарт, использование рекомендаций на все случаи жизни и в любой аудитории. В рекомендациях необходимо отразить следующие основные положения.

Прежде всего название темы и основные вопросы, подлежащие усвоению. Особое внимание при этом следует обратить на правильное формулирование вопросов по теме. Здесь может быть поставлено множество самых различных вопросов. Из них важно отобрать такие, которые, во-первых, представляют наибольшую значимость с точки зрения теории и практики, а во-вторых, заставляют слушателя мыслить самостоятельно и нешаблонно. Например, по теме «Понятие и цели наказания» можно поставить простой вопрос: каковы цели наказания? А можно предложить слушателю назвать высказанные в литературе точки зрения по вопросу о целях наказания и обосно-

---

[12] Для основного здания Высшей школы КГБ (МУЦ) это прежде всего изыскание возможностей для оборудования читальных залов с достаточным количеством мест как для слушателей, так и для профессорско-преподавательского состава.

вать ту из них, которую они считают правильной. Это заставит их более глубоко изучать проблему.

В рекомендациях необходимо также обозначить проблемы, требующие по данной теме углубленного изучения в процессе самостоятельной работы слушателей. Это, на наш взгляд, должны быть проблемы, сложные в теоретическом плане и имеющие прямое отношение к практической деятельности органов государственной безопасности. При этом важно определить направление и характер реализации усваиваемых по теме теоретических положений для работы оперативных и следственных подразделений органов КГБ. Эти рекомендации должны быть особенно тщательно продуманы, они должны иметь не общий характер (типа «имеет важное значение»), а быть конкретизированы с учетом контингента слушателей, их будущей практической работы.

Обязательным компонентом методических рекомендаций должны быть указание на относящиеся к данной теме постановления партии и правительства, перечень нормативных актов, включая законы и подзаконные акты, постановления судебных органов, решения Коллегии КГБ СССР и приказы председателя КГБ СССР. Представляется, что такого рода рекомендации должны носить конкретный характер, но в то же время надо давать слушателям возможность самостоятельно найти те или иные материалы, исходя из характера вопросов, подлежащих изучению по данной теме. В частности, указывая на обязательность использования при изучении той или иной темы Постановления Пленума Верховного суда СССР, само постановление лучше не называть, предоставляя слушателям возможность самим отыскать этот материал в юридическом кабинете кафедры.

К рекомендациям следует приложить список основной и дополнительной литературы, методических пособий и непременно указать, в каких библиотеках и учебных центрах их можно получить.

При определении перечня основной и дополнительной литературы следует учитывать объем бюджета времени слушателей. Так, социологические исследования в Каунасском политехническом институте показали: если учесть количество страниц рекомендованной литературы по различным курсам общественных наук, то получится, что за 1 час 30 минут студент должен прочитать, изучить, законспектировать от 94 до 266 страниц. Такое положение в лучшем случае ведет к простому просмотру этой литературы[13].

Целесообразно указывать также материалы периодической печати (статьи из «Правды», «Коммуниста», «Литературной га-

---

[13] См.: Сборник НИИ проблем высшей школы. Серия «Коммунистическое воспитание в высшей и средней специальной школе», с. 7.

зеты» и др.) и произведения художественной литературы (например, «Плаха» Ч. Айтматова, «Суд» В. Ардаматского, «Печальный детектив» В. Астафьева и др.), которые затрагивают рассматриваемые по теме правовые или процессуальные вопросы. Это весьма важно и не только с дидактической точки зрения — для повышения интереса к теме, а значит, и лучшего ее усвоения. Речь идет о большем: о выработке умения квалифицированно оценивать взятые из жизни острые, реальные ситуации, делать юридически грамотные, обоснованные выводы, включая в случае необходимости и оценку компетентности автора (особенно если речь идет о художественном произведении) в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных проблемах. Эти навыки, безусловно, пригодятся выпускникам школы в практической деятельности: при работе с агентами, в процессе оказания воспитательного воздействия на обвиняемых и в любой другой обстановке, требующей широкого кругозора и глубины интеллекта сотрудника КГБ.

Как видим, конкретное содержание и объем рекомендаций сугубо индивидуальны. Они определяются преподавателем, а затем обсуждаются и утверждаются на секции. Если говорить о технической стороне, то методические рекомендации должны изготовляться в достаточном количестве и передаваться слушателям заранее, перед самостоятельной работой по теме.

Следующий вопрос — оказание слушателям помощи в осуществлении самостоятельной работы. В чем она должна выражаться? На наш взгляд, прежде всего в более полном использовании возможностей дежурных по кафедре преподавателей. Они должны иметь сводное расписание занятий, знать, где, в каких группах идет самостоятельная работа, и быть всегда готовыми оказать слушателям необходимую практическую помощь. Большие возможности имеет юридический кабинет кафедры. Его организаторскую и методическую роль — в подборе справочного материала и нужной литературы, даче рекомендаций — трудно переоценить.

А какова роль преподавателя? Он может и должен оказывать слушателям помощь путем дачи индивидуальных и групповых консультаций. Однако, на наш взгляд, злоупотреблять такими консультациями, особенно групповыми, в часы самостоятельной работы слушателей не следует. Это может сделать работу слушателей несамостоятельной, превратить ее в своеобразные мини-лекции по теме.

Наиболее сложным из всего комплекса вопросов, относящихся к новой форме обучения, является контроль преподавателя за ходом и результатами самостоятельной работы слушателей.

Собственно, в нем заключается одна из важнейших предпосылок эффективности этой формы обучения. Четко налаженный контроль способствует более углубленному изучению слу-

шателями материала, создает широкие возможности использования обратной связи для дальнейшего совершенствования не только этой формы обучения, но и методики преподавания в целом.

Контроль, на наш взгляд, должен быть промежуточным и конечным. Формами конечного контроля являются зачеты и экзамены, на которых оцениваются знания слушателей по всем темам курса (части курса), включая и темы, изученные самостоятельно под руководством преподавателя. Формы же промежуточного контроля могут быть самыми разнообразными. Отдельные из них названы в Инструктивном письме Минвуза СССР № 1—87 года, которым рекомендовано «обеспечить контроль за результатами самостоятельной работы студентов, оценивая их знания по каждой теме программы на семинарах и в ходе обязательных собеседований с преподавателем». При этом отмечается, что такие контрольные собеседования следует включать в расписание учебных занятий преподавателя и учитывать их в его педагогической нагрузке.

Нам представляется, что формы промежуточного контроля должны определяться, во-первых, ролью и местом данной дисциплины в системе всех изучаемых на курсе наук, во-вторых, сложностью и характером темы, в-третьих, успеваемостью слушателей вообще и по данной дисциплине в частности, в-четвертых, иными конкретными объективными и субъективными условиями, точное знание и учет которых необходимы преподавателю. Все эти условия должны учитываться в совокупности.

Формы контроля могут зависеть и от степени самостоятельности темы: входит ли она в качестве составной части в более общую тему или же носит относительно обособленный характер. В первом случае при наличии внутреннего единства ее содержания с темами, изучаемыми на семинарах и практических занятиях, эти формы могут быть использованы в качестве средств контроля.

Сложнее обстоит дело, если тема носит самостоятельный характер. Здесь формы промежуточного контроля, очевидно, должны носить более гибкий и разнообразный характер. К их числу можно отнести:

собеседования и коллоквиумы по одной-двум взаимосвязанным темам;

дискуссии по теме (в часы самоподготовки либо во внеаудиторное время). Для них желательно выбирать вопросы действительно спорные, сложные, поручать слушателям готовить аргументы по противоположным научным позициям. Особое внимание следует обращать на умение вести полемику, способность доказать правильность избранной точки зрения;

деловые игры с привлечением материалов архивных уголовных дел. Эта форма пока редко применяется в нашей работе.

Она требует более четкой разработки, но перспективность ее не вызывает сомнений;

моделирование оперативных и следственных ситуаций желательно на основе конкретных дел либо личной практики преподавателя;

обсуждение вопросов темы с использованием материалов средств массовой информации, художественной литературы. Учебная практика свидетельствует, что в ходе такого обсуждения особенно наглядно проявляется знание темы, изученной в ходе самостоятельной работы.

В конечном счете формы контроля должен определять сам преподаватель в каждом конкретном случае, ибо на нем прежде всего лежит ответственность за усвоение слушателями темы и приобретение навыков самостоятельной работы.

В заключение хотелось бы сказать о том, что рекомендации учебно-методического характера по вопросам самостоятельной работы слушателей под руководством преподавателя в виде методических разработок, утвержденных кафедрой или по школе в целом, очевидно, нужны, но слишком заорганизовывать этот вопрос все-таки нецелесообразно. Преподаватель должен иметь простор для творческого подхода к организации и ведению этой новой формы работы (как, впрочем, и всех других форм), а излишняя формализация в виде жестких установлений может лишить его этой возможности.

Именно поэтому сейчас так важно учитывать, суммировать приобретаемый по крупицам опыт работы в этом направлении, чтобы в будущем выработать общую концепцию новой формы обучения в масштабах Высшей школы. Самостоятельная работа слушателей под руководством преподавателя — это не дань моде, это властное требование перестройки высшего образования в стране.

Рекомендована кафедрой
уголовного права и уголовного процесса
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор кандидат юридических наук
подполковник Е. А. Доля

Кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
полковник *П. С. Коршиков*

К МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

Состоявшаяся 13 июля 1988 года дискуссия по проблеме теории обеспечения государственной безопасности явилась заметным событием в научной жизни Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского, в истории разработки названной теории. Она еще раз показала исключительную сложность, многогранность и вместе с тем большую актуальность проблемы, необходимость достижения принципиальных сдвигов в ее решении. В ходе дискуссии был высказан ряд конструктивных мыслей, имеющих методологическое значение для последующих научных исследований.

Не касаясь всех вопросов, поднятых в ходе дискуссии, мы хотели бы изложить свою точку зрения относительно необходимости и путей разработки понятия государственной безопасности, к которому неоднократно обращались участники дискуссии.

Некоторые из них справедливо указывали на то, что проводившиеся до сих пор исследования отличались уклоном в сторону умозрительного, чисто абстрактного конструирования различного рода понятий в ущерб раскрытию содержания и сущности самого явления государственной безопасности, закономерностей ее обеспечения. Однако эту критику нельзя рассматривать как проявление нигилистического отношения к понятиям. Речь шла об устранении указанного перекоса, и не более. Задача разработки понятий, прежде всего исходного для данной теории понятия государственной безопасности, не снимается.

В самом деле, как можно раскрыть достаточно глубоко содержание государственной безопасности, если это содержание не будет очерчено какими-то рамками, то есть если не будет определено понятие этой безопасности.

Следовательно, и понятия, и содержательные аспекты теории должны исследоваться более или менее одновременно.

Конечно, подлинно научное понятие может быть дано на основе обширных знаний о предмете, когда, как отмечалось участниками дискуссии, для этого накоплен достаточный мыслительный материал.

Вопрос о понятии государственной безопасности весьма сложен, и он не может быть решен напрямую, посредством умозрительного формулирования дефиниции данного понятия (хотя известную пользу могут приносить и такие дефиниции)[1]. Это понятие может быть выкристаллизовано только в процессе обширных, разносторонних, целенаправленных научных исследований. При его разработке (как и при разработке многих других проблем теории обеспечения государственной безопасности) нужно идти одновременно по нескольким направлениям.

1. Исследование того реального содержания, которое вкладывается в понятие госбезопасности в законодательной, правоприменительной и политической практике на протяжении всей истории существования Советского государства. Надо четко понять, какое же все-таки явление реально выделено и обозначено на практике термином «государственная безопасность», каковы основания, смысл и цель этого выделения. Надо согласиться с В. Н. Струнниковым, который отметил абстрактный характер существующих разработок рассматриваемого понятия, не опирающихся на соответствующий эмпирический базис. Исследования в указанном направлении как раз и создадут этот базис.

Необходимо также учитывать, что понятие государственной безопасности приобрело юридическое значение, поскольку интересы ее обеспечения служат в соответствии с советским (а также международным) правом основанием для принятия ряда правовых мер, затрагивающих права и свободы граждан. Поэтому произвольное обращение с этим понятием, оперирование им в отрыве от законодательной и правоприменительной практики противоречило бы социалистической законности, концепции правового государства.

2. Исследование теории и практики обеспечения государственной безопасности в зарубежных странах. Надо, в частности, выяснить, есть ли в каких-либо зарубежных странах аналог нашей госбезопасности или же за рубежом везде принята концепция национальной безопасности, включающей в себя также обороноспособность страны.

3. Поиск родовых теорий по отношению к теории обеспечения государственной безопасности, исходных концептуальных

---

[1] Кстати, нельзя полностью согласиться с прозвучавшими в ходе дискуссии высказываниями о том, что предпринимавшиеся до сих пор попытки разработать понятие государственной безопасности ни к чему не привели. Мы считаем, что при всех недостатках полученные ранее результаты имеют немалую ценность и их необходимо активно использовать в последующих исследованиях.

положений (в истмате, научном коммунизме, других науках), которые имели бы отправное методологическое значение для разработки этой теории. Так, заслуживают внимания предложения о целесообразности использования истматовской категории безопасности общества (В. Н. Комков), о связи данной теории с политологией (В. Д. Трофимов).

Естественно, требуется родовое понятие и по отношению к понятию государственной безопасности. Как известно, в чекистской теории выработано родовое понятие по отношению к обеспечению государственной безопасности и обороноспособности страны — понятие защиты социалистического Отечества. В то же время нет такого же родового понятия по отношению к понятиям государственной безопасности и обороноспособности (или военной безопасности). Мы полагаем, что этим родовым понятием могло бы служить понятие национальной безопасности СССР[2]. Думается, что именно такое понятие должно стать базовым, отправным при разработке широкой области знаний, в которую входила бы и теория обеспечения государственной безопасности.

Национальная безопасность — это не простая механическая сумма государственной, военной и иной входящей в нее безопасности, а нечто большее — качественно новое образование, обладающее органическим единством. Национальная безопасность — категория политическая. Вместе с тем она имеет различные аспекты: собственно политический, военный, политико-идеологический и политико-экономический. Государственная безопасность и обороноспособность выделены из нее лишь условно. Общественную и личную безопасность как явления, не имеющие политического характера, на наш взгляд, не следует включать в понятие национальной безопасности[3].

---

[2] Термин «национальная безопасность», в том числе применительно к СССР, используется в последнее время политическим руководством страны (см.: Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., Политиздат, 1988, т. 5, с. 286; Шеварднадзе Э. А. XIX Всесоюзная конференция КПСС: внешняя политика и дипломатия. Доклад на научно-практической конференции МИД СССР 25 июля 1988 года. — Международная жизнь, 1988, № 9, с. 8, 14, 16, 19—21), а также в научной литературе (см.: Арбатов А. О паритете и разумной достаточности. — Международная жизнь, 1988, № 9, с. 80, 86). Этот термин не имеет непосредственной связи с понятием нации. Им обозначается безопасность любой отдельной страны (безотносительно национального состава ее населения) в отличие от всеобщей международной безопасности. Не исключается возможность использования и какого-либо иного собирательного термина.

[3] В чекистской литературе рассматривается также предельно широкое понятие безопасности государства, страны — понятие общей безопасности, включающее в себя государственную, военную, общественную безопасность и даже правопорядок (см.: Григорян Л. А. Охрана государственной безопасности — функция социалистической государственной власти. М., изд. ВШ КГБ, 1970, с. 37; Авдеев Ю. И. Охрана государственной безопасности современного империалистического государства: классовая сущ-

Проблематика национальной безопасности — это проблематика политологии. Думается, что со временем в рамках политологии сформируется теория национальной безопасности, которая станет родовой по отношению к теории государственной безопасности.

Определенное участие в разработке теории обеспечения национальной безопасности призваны принять также чекисты, которым принадлежит важная роль в ее обеспечении. В Высшей школе этой проблематикой в какой-то мере могли бы заниматься кафедры философии и научного коммунизма, политэкономии и некоторые другие. При этом надо шире опираться на соответствующие открытые исследования.

Разработка концепции национальной безопасности СССР поможет нам активнее использовать опыт обеспечения национальной безопасности в зарубежных странах.

4. Использование опыта разработки смежных понятий. Например, в юридической литературе более или менее обстоятельно исследовано понятие общественной безопасности. Нет сомнений, что некоторые подходы, примененные при этом, окажутся полезными для разработки понятия государственной безопасности.

5. Критический анализ существующих взглядов на понятие государственной безопасности.

Основными элементами содержания понятия государственной безопасности являются: определенного рода опасность для Советского государства и общества и ее источники, прежде всего противник, его подрывная деятельность; объекты государственной безопасности (те объекты, посягательство на которые подрывает или создает угрозу государственной безопасности); субъекты обеспечения госбезопасности; находящиеся в их распоряжении средства; отношения между всеми указанными элементами.

Сама теория обеспечения государственной безопасности (имеется в виду в основном будущая теория) представляет собой сложную, многоуровневую систему знаний. Высший ее уровень образуют знания о закономерностях и механизмах обеспечения государственной безопасности в целом. Далее идут наиболее общие теоретические знания, отражающие основные компоненты соответствующей области действительности;

об опасности, корреспондирующей государственной безопасности, и ее источниках;

ность, содержание, тенденции.— Труды ВШ КГБ. 1978. № 15. с. 109. Мы в принципе согласны с таким подходом, но одновременно считаем целесообразным выделить в составе понятия общей безопасности собирательное понятие, охватывающее безопасность политического характера во всех ее аспектах. Это понятие и предлагается обозначить условно термином «национальная безопасность СССР».

об объектах государственной безопасности (их уязвимости, прочности, надежности по отношению к тем или иным источникам опасности, их взаимосвязи и взаимозависимости в процессе воздействия на них противника и мер защиты и т. п.);

о механизмах взаимодействия указанных источников и объектов;

о деятельности основных субъектов обеспечения госбезопасности: политической системы в целом, КПСС, всего Советского государства, высших органов государственной власти и государственного управления, органов госбезопасности, в том числе разведки и контрразведки, общественных организаций, советских граждан. Теоретические знания более низкого порядка о деятельности разведки и контрразведки образуют соответственно теорию разведывательной деятельности и теорию контрразведывательной деятельности. Определенные уровни подрывной деятельности также изучаются теорией контрразведки;

о средствах, используемых в обеспечении госбезопасности, в том числе о системе мер этого обеспечения, об определенных правовых средствах и т. п.;

о факторах, влияющих на обеспечение госбезопасности.

Изложенное учитывается нами при подготовке программы научных исследований по проблемам теории обеспечения государственной безопасности. Важную роль в создании этой теории призваны сыграть диссертационные исследования. В целях активизации научной разработки данной теории предлагаем ряд примерных тем для исследования их на уровне докторских и кандидатских диссертаций:

Государственная безопасность СССР: сущность и содержание.

Источники угрозы государственной безопасности СССР.

Основные исторические этапы деятельности по обеспечению государственной безопасности СССР.

Место и роль органов КГБ в обеспечении государственной безопасности СССР.

Советская контрразведка в системе обеспечения государственной безопасности.

Соотношение конспиративных и гласных средств в обеспечении государственной безопасности.

Гласные формы деятельности органов государственной безопасности на современном этапе.

Основные тенденции в обеспечении государственной безопасности СССР в условиях развития социалистической демократии и расширения гласности.

Содержание и структура знаний об обеспечении государственной безопасности СССР

Теоретические основания концепции обеспечения государственной безопасности СССР.

Место научных знаний об обеспечении государственной безопасности в системе марксистско-ленинской науки об обществе.

Правовые основы обеспечения государственной безопасности СССР.

Правоотношения в сфере обеспечения государственной безопасности.

Компетенция органов КГБ в условиях формирования социалистического правового государства.

Господствующие концепции государственной (национальной) безопасности в развитых капиталистических странах.

Основные тенденции в обеспечении государственной (национальной) безопасности в развитых капиталистических странах.

Координация и взаимодействие ведущих империалистических государств в обеспечении их государственной (национальной) безопасности.

Разработка теории обеспечения государственной безопасности окажет большое влияние на развитие отраслевых специальных дисциплин, всей чекистской науки, будет способствовать повышению эффективности деятельности органов КГБ.

Рекомендована НИО
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Кандидат психологических наук
майор *А. А. Кокорев*

РЕЦЕНЗИЯ
НА УЧЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В. Г. ПЕТРЕНКО «АДАПТАЦИЯ ХАНЬЦЕВ В СССР»[1]

Глубокие социальные преобразования, происходящие в советском обществе, как никогда ранее, делают актуальной проблему человеческого фактора и обусловливают необходимость постоянного учета в агентурно-оперативной деятельности закономерностей развития в нашей стране социальных процессов, в сферу действия которых включены объекты оперативной заинтересованности, а также силы и средства органов советской контрразведки. На своем очередном заседании, состоявшемся 12 мая 1988 года, Политбюро ЦК КПСС предъявило «качественно новые требования к социологии как науке, использова-

[1] Спецфонд ВШ КГБ, инв. № 28260-н.

нию социологических исследований в практике управления общественными процессами в период перестройки»[2].

На этом фоне особенно недопустимо, что социология в системе научного чекистского знания занимает одно из последних мест. После диссертации В. Ф. Турчанинова[3] в Высшей школе, по существу, не проведено ни одного полнокровного исследования, в котором бы в полной мере использовались возможности социологической науки[4]. Раздел «Социология контрразведки» вообще был изъят из плана НИР учебных заведений КГБ СССР на 1986—1990 годы.

Тем более приятно обращение к социологической науке молодого ученого. Рецензируемая работа посвящена проблеме контрразведывательной деятельности органов КГБ СССР в социальной среде постоянно проживающих и неассимилировавшихся в СССР выходцев из Китая ханьской национальности, связанной с использованием спецслужбами КНР стратегии «длительного оседания» выводимой и потенциальной агентуры из числа эмигрантов.

В. Г. Петренко справедливо отмечает, что для деятельности советских органов госбезопасности на собственной территории непреходящее значение имеет, в частности, учет закономерностей развития социальных процессов в среде выходцев из-за рубежа — объектов вербовочных устремлений противника. В доказательство автор рассматривает ситуацию, имеющую место на китайской линии в связи с проживанием в СССР более чем 260-тысячного контингента иммигрантов из Китая, рассматриваемого спецслужбами КНР в качестве социальной базы для формирования агентурных позиций в нашей стране. Особое место среди объектов вербовочных устремлений противника занимают иммигранты ханьской национальности, длительная неассимилированность которых, во-первых, является условием сохранения в их среде ориентаций на Китай как на родину предков, что дает противнику возможность использовать предпочтительную основу вербовки агентов — патриотическую; во-вторых, требует постоянного учета в контрразведывательной работе процесса социальной адаптации объектов к условиям жизни в СССР, состояния адаптированности в конкретный оцениваемый момент.

---

[2] Правда, 1988, 13 мая.

[3] Турчанинов В. Ф. Применение некоторых методов социологических исследований в работе органов государственной безопасности (в области борьбы с идеологической диверсией противника). Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1976, 252 с.

[4] Исключение составляет, пожалуй, лишь докторская диссертация С. В. Дьякова, но это не снимает с повестки дня самого вопроса (см.: Дьяков С. В. Причинность в механизме совершения особо опасных государственных преступлений. Докт. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1987, 443 с.).

Оценивая результаты работы В. Г. Петренко с позиции научной и практической значимости, необходимо указать, что автору удалось, используя методы социологии, исследовать процесс социальной адаптации ханьцев, а также систему воздействующих на него факторов, установить интересную закономерность этого процесса: опережающее развитие социального компонента адаптации, способствующего быстрой социальной переориентации и переходу в длительное компромиссное состояние аккомодации в сфере социальных отношений при одновременном отставании развития этнического компонента, не допускающего достижения полной ассимиляции в первом поколении иммигрантов.

Думается, автором правильно определены причины возникновения и закономерности приспособительной реакции иммигрантов-ханьцев на агентурно-оперативную деятельность органов КГБ в их этнической среде; верно установлены соответствие мер воздействия эмиграционной политики и спецслужб КНР на приживаемость ханьцев и их потомков в СССР поэтапному развитию процесса их социальной адаптации, а также их зависимость от изменений во внутренней и внешней политике Китая, в советско-китайских отношениях; убедительно обоснована определяющая роль самой социальной адаптации в процессе «длительного оседания» в СССР объектов оперативной заинтересованности спецслужб Китая.

К безусловной заслуге автора можно отнести первую в чекистской науке попытку проанализировать такие аспекты, как субъектно-объектная роль деятельности органов КГБ в процессе социальной адаптации иммигрантов-ханьцев; показать место негласного сотрудничества с органами КГБ в системе ценностных ориентаций ханьцев; исследовать причины расшифровок агентов-ханьцев во внутриэтнической среде; доказать преемственность традиционных и современных мер воздействия китайской стороны на приживаемость эмигрантов в СССР; выявить в деятельности спецслужб КНР тенденцию сочетания традиционных и новых методов компенсирования агентурных позиций в эмигрантской среде с учетом фактора социальной адаптации.

Научная значимость рецензируемой работы состоит также в удачном преломлении положений теории социальной адаптации применительно к выходцам из-за рубежа на примере иммигрантов из Китая, в описании функциональной структуры социальной адаптации ханьцев в СССР, в определении критериев оценки этапов адаптации с учетом этнического фактора, в выявлении главного противоречия, обусловливающего определяющее значение социальной адаптации в процессе противоборства советской контрразведки и спецслужб противника — между незаинтересованностью китайской стороны в этнической ассимиляции эмигрантов в СССР и стремлением принимающей

страны к скорейшему и безболезненному интегрированию иммигрантов в сложившуюся систему социальных и национальных отношений.

Большой интерес вызывают разработанные автором положения и выводы, отражающие точку зрения о предпочтительной расстановке агентуры с учетом высокой эффективности самодовлеющих внутриэтнических связей ханьцев; о дальнейшем совершенствовании координации и взаимодействия органов госбезопасности. Так, автором обосновывается необходимость повышения роли оперативно-следственных групп в работе с нарушителями государственной границы из Китая и указываются условия повышения их эффективности; излагаются некоторые меры по организации фильтрационной работы на случай новых массовых переходов границы из КНР; предлагается решить вопрос о подготовке сотрудников следственных подразделений, дислоцирующихся в приграничных с КНР регионах, сочетавшей бы базовое чекистское, следственное и языковое образование; обращается внимание на актуальность разработки долгосрочной этносоциологической программы оперативного наблюдения за иммигрантами, оставляемыми для постоянного проживания или длительного пребывания в Советском Союзе.

Основные положения, выводы и рекомендации работы могут дать толчок для серьезной ретроспективной и перспективной оценки эффективности агентурно-оперативной деятельности советской контрразведки и спецслужб КНР в китайской колонии на территории СССР, послужить отправной точкой для последующего исследования целого ряда вопросов чекистской теории и практики: традиционных аспектов агентурной деятельности спецслужб стран Дальневосточного региона против СССР; вопросов оптимальной расстановки сил и средств контрразведки в современных условиях повышения интенсивности международных обменов; координации и взаимодействия органов КГБ, МВД, других ведомств в рамках иммиграционной политики нашей страны; работы с агентами — выходцами из-за рубежа с учетом фактора их социальной адаптации в СССР (в частности, вопросов воспитания и поддержания устойчивости агентурных отношений); особенностей межэтнической коммуникации в условиях временного пребывания иностранцев в СССР, повышенной интенсивности контрразведывательных мероприятий с учетом временного фактора и ситуационного анализа обстановки.

Ряд научных положений, выводов и рекомендаций, предложенных автором, уже сейчас могут быть использованы оперативным составом в работе с выходцами из Китая на территории СССР, на канале въезда и выезда объектов в КНР, в процессе фильтрации нарушителей госграницы, а также в учебном процессе по курсу специального страноведения и другим спец-

дисциплинам в Высшей школе КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского и в системе надвузовской подготовки.

Вместе с тем, как и любая другая работа эвристического характера, рецензируемая рукопись не лишена недостатков. Так, в первой части исследования желательно было более подробно изложить частнометодологические посылки в интересах прогнозирования процесса социальной адаптации в плане его учета в контрразведывательной деятельности. Представляется целесообразным более рельефно разграничить и глубже исследовать социальную и психологическую формы адаптации. Можно было дополнить практические рекомендации по работе с потомками иммигрантов-ханьцев, а также в условиях поселений для лиц без гражданства — выходцев из Китая с учетом фактора социальной адаптации.

Однако отмеченные недостатки не портят в целом благоприятного впечатления о работе, а, скорее, свидетельствуют о недостаточном уровне разработанности проблемы и о тех многочисленных методических сложностях, которые стоят на пути ее решения.

Без преувеличения можно сказать, что поставленная В. Г. Петренко серьезная научная проблема может (и должна) стать предметом самостоятельного докторского исследования в рамках многоцелевой комплексной научно-исследовательской программы «Социально-психологическая адаптация иностранцев в СССР и актуальные проблемы контрразведки».

Что же касается социологической науки в системе чекистского научного знания, то есть все основания для того, чтобы соответствующий раздел был вновь включен в разрабатываемый в настоящее время пятилетний план НИР. Это вызывается объективными потребностями современной чекистской практики.

Рекомендована спецкафедрой № 16
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Кандидат филологических наук, доцент
полковник *В. Д. Бабакаев*

РЕФЕРАТ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ПОСОБИЯ В. Б. КРАВЦОВА «ВОЗДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ В РЕСПУБЛИКЕ АФГАНИСТАН»

(объем — 3,3 авт. л.)

Научно-практическое пособие В. Б. Кравцова написано на актуальную для нынешнего положения в этой стране тему, оно посвящено использованию иностранными спецслужбами и афганской контрреволюцией общественно-политических проблем афганского общества и стоящих за ними контингентов населения, которые в силу целого ряда объективных и субъективных причин были вовлечены в противоборство революционных и контрреволюционных сил. Основное внимание автор сосредоточил на рассмотрении комплекса проблем, связанных с исламским, национальным, племенным и социально-экономическими факторами оперативной обстановки в стране.

При этом, рассматривая характер воздействия данных факторов на борьбу органов МГБ РА с подрывной деятельностью противника, автор по-новому, неординарно освещает этот процесс. При характеристике национального фактора он предлагает новые подходы к выработке основы сотрудничества органов МГБ РА с силами, стоящими за шиитско-хазарейской контрреволюцией. Рассматривая племенной фактор, автор впервые ясно и четко раскрывает механизм вовлечения пуштунских племен в подрывную деятельность против народной власти. Характеристика воздействия социально-экономических факторов на развитие оперативной обстановки в стране также содержит новое важное положение о широком привлечении контрреволюцией к подрывной деятельности деклассированных слоев, о взаимосвязи между частичной и полной безработицей в городе и аграрным перенаселением в деревне и участием в контрреволюции относительно широких контингентов населения.

Пособие депонировано в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28756-н).

Кандидат исторических наук
полковник *А. В. Грицаенко*

РЕФЕРАТ СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ МЕЖКАФЕДРАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НА ТЕМУ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ С ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИЕЙ ПРОТИВНИКА В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXVII СЪЕЗДА КПСС И УСТАНОВОК ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА ОРГАНОВ И ВОЙСК КГБ (МАЙ 1986 ГОДА)»

(объем — 6,5 авт. л.)

В Высшей школе КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского специальной кафедрой № 5 совместно с научно-исследовательским отделом была организована и проведена научно-практическая конференция по актуальным вопросам борьбы советской контрразведки с идеологической диверсией противника в свете решений XXVII съезда КПСС и установок Всесоюзного совещания руководящего состава органов и войск КГБ (май 1986 года).

В работе конференции приняли участие профессора и преподаватели кафедр уголовного права и уголовного процесса, специальной кафедры № 5, аспиранты и практические работники 5-го Управления КГБ СССР.

Во вступительном слове Н. А. Романов выдвинул ряд постановочных вопросов общетеоретического и прикладного характера, связанных с участием органов КГБ в борьбе с идеологической диверсией противника в условиях совершенствования демократии и расширения гласности, высказался за более тесное сотрудничество практических работников в разработке данной проблемы.

С сообщением «О некоторых особенностях оперативной обстановки на линии борьбы с идеологической диверсией противника, направленной в среду советской молодежи» выступил В. Г. Веселов.

В. Ф. Турчанинов остановился на общей характеристике механизма подрывного воздействия акций идеологической диверсии, проводимых на основе буржуазного национализма.

А. В. Грицаенко посвятил свое выступление вопросам агентурного проникновения в специальные службы и центры идеологической диверсии противника как одного из условий наступательности органов КГБ СССР в борьбе с их подрывной деятельностью.

С. Д. Яковлев раскрыл понятие экстремизма и терроризма в современных условиях.

И. С. Ванюхин в своем сообщении показал сущность и содержание экстремистской деятельности специальных служб противника и антиобщественных элементов, подробно рассмотрел характерные черты и формы этой деятельности.

В. А. Локтев остановился на особенностях тактики идеологической диверсии противника с использованием клерикализма в подрывной деятельности против духовенства и верующих Русской православной церкви (РПЦ) в современный период.

Н. И. Семыкин раскрыл международно-правовые аспекты борьбы органов государственной безопасности СССР с идеологической диверсией противника.

В. М. Топорков посвятил свое выступление вопросу о месте и роли материального стимулирования противником антисоветской деятельности враждебных элементов в идеологической диверсии против СССР в современных условиях.

Ю. И. Бундин на основе анализа характера подрывных устремлений и особенностей тактики идеологической диверсии противника, направленной в среду художественной интеллигенции, враждебной деятельности антисоциалистических элементов раскрыл содержание и основные направления деятельности контрразведывательных аппаратов органов КГБ СССР по ограждению социальной группы, роль и место в ней метода агентурного влияния. Он перечислил факторы, влияющие на особенности реализации этого метода, и показал технологию агентурного влияния в негласной профилактике лиц из числа деятелей литературы и искусства; сформулировал особые требования к агенту влияния, используемому в среде художественной интеллигенции, определил сферы компетентности профилактической деятельности контрразведки и необходимость взаимодействия в ходе ее осуществления с заинтересованными партийными и государственными органами и общественными организациями.

При подведении итогов конференции была отмечена ее полезность и дискуссионный характер ряда вопросов, требующих дальнейшей разработки.

Материалы конференции депонированы в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28847-н).

Кандидат юридических наук, доцент
полковник *К. Х. Ипполитов,*
кандидат юридических наук
подполковник *С. Б. Шурыгин*

РЕФЕРАТ СБОРНИКА СТАТЕЙ ПО ПРОБЛЕМАМ СПЕЦИАЛЬНОГО СТРАНОВЕДЕНИЯ (СД-16)

(объем — 22 авт. л.)

Структура Сборника статей по проблемам специального страноведения (СД-16) построена в соответствии с программами и тематическими планами по курсу СД-16.

В первый том сборника вошли 13 статей. Г Н. Тайгачев анализирует историю органов государственной безопасности СФРЮ, В. Б. Кравцов рассматривает вопросы психологии и национального характера афганцев, проблему афганских беженцев как фактор оперативной обстановки в РА, В. Г. Петренко и А. А. Кокорев прослеживают влияние факторов опосредованного воздействия китайской среды на процесс адаптации ханьцев в Советском Союзе.

А. А. Добровольский исследует деятельность «леводемократических» организаций и оппозиционных сил в РА, Е. С. Кушель и А. А. Кокорев — некотоые методологические и теоретические проблемы изучения политических систем социалистических стран в курсе СД-16, П. В. Чернов рассматривает исламские организации, используемые в подрывной деятельности, и их связи с реакционными арабскими режимами и спецслужбами. М. Р. Арунова анализирует взгляды западных буржуазных политологов и афганской контрреволюции на политическое урегулирование афганской проблемы, А. М. Горбачев показывает эволюцию позиций Иордании по вопросу ближневосточного урегулирования в 80-е годы, В. А. Ракитский исследует взаимоотношения Западного Берлина с ФРГ и их влияние на политическую и оперативную обстановку в Западном Берлине, Н. М. Худяков — отношения между Японией и КНР, А. В. Паршин — вопрос о группировках среди высшего мусульманского духовенства в Иране.

Во второй том включены 11 статей. Ю. В. Абрамов в своей статье рассматривает курс Соединенных Штатов на использование в своих интересах региональных вооруженных конфликтов и роль военной стратегической разведки США в его реализации, С. И. Божков анализирует вопросы контрразведывательного обеспечения советских войск, оказывавших интернациональную помощь Афганистану, Л. В. Кищенко дает оценку особенностям легитимационной системы и некоторых других административно-правовых режимов Республики Индонезии.

И. В. Мокроусов исследует международный секретариат НАТО как орган планирования военно-политических и подрывных акций против СССР и других стран социалистического содружества, А. А. Погодин раскрывает организацию противником бандитской деятельности против Никарагуа, В. А. Ракитский в своих статьях рассматривает западно-берлинские спецслужбы и филиалы спецслужб США, Англии и Франции, дислоцирующиеся на территории Западного Берлина. И. М. Скуридин — использование спецслужбами КНР «новой эмиграционной политики» в интересах подрывной деятельности против СССР и некоторые вопросы организации изучения и проверки выходцев из Китая на канале частного въезда в СССР с учетом особенностей их социально-психологической адаптации.

Н. Е. Симонов анализирует место и роль английской разведки в политической системе Великобритании. Г. Н. Тайгачев в своей статье раскрывает деятельность РКП по руководству органами госбезопасности СРР.

Сборник депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28899-н, 28900-н).

Майор *В. П. Карпов*

РЕФЕРАТ
СБОРНИКА НАУЧНЫХ СТАТЕЙ АСПИРАНТОВ № 11
(объем — 15 авт. л.)

В сборнике отражены результаты диссертационных исследований аспирантов Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского по ряду проблем контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР.

В статье А. Г. Аронова исследуются вопросы повышения эффективности контрразведывательного обеспечения охраны Государственной границы СССР.

В. А. Багалин дает социально-политическую и правовую оценку религиозного экстремизма и определяет общее направление деятельности по его предупреждению и пресечению.

В статье В. П. Васильева освещаются вопросы работы по выходцам из капиталистических и развивающихся стран, постоянно проживающим в СССР.

В. А. Габером исследуются направления участия органов государственной безопасности в осуществлении воспитательной функции Советского государства на современном этапе, показываются особенности и содержание каждого из направлений. Предпринята попытка дать классификацию задач, стоя-

щих перед органами государственной безопасности в сфере духовного развития общества.

Ф. Д. Гусейнов исследует особенности разведывательно-подрывной деятельности противника, осуществляемой в отношении советских специалистов во время выставок и ярмарок.

Л. П. Камышников в своей статье рассматривает некоторые вопросы проведения лекционных занятий по спецдисциплинам с иностранными слушателями вузовских потоков учебных заведений КГБ СССР.

В статье В. П. Карпова рассматривается вопрос обработки информации при ведении анализа в ходе предварительного следствия. Предлагается в качестве обобщающего аналитического документа использовать схемы. На примере конкретных уголовных дел приводится 16 видов схем.

В статье Н. В. Клюева рассмотрены некоторые факторы, влияющие на обеспечение конспирации в работе с агентурой контрразведывательных подразделений органов КГБ в современных условиях.

В. Н. Комков и Н. В. Клюев в статье «К вопросу о понятии «форма контрразведывательной деятельности» дали научный анализ понятия формы контрразведывательной деятельности, который проведен на основе диалектико-материалистического подхода к пониманию философских категорий содержания и формы.

Е. В. Кузьмин исследует некоторые основные моменты диалектического понимания критерия практики в чекистском научном познании.

В статье В. П. Лапикова рассматриваются методологические и теоретические вопросы использования контрразведывательными подразделениями органов КГБ специальных средств борьбы с подрывной деятельностью противника.

В. А. Локтев показывает роль Русской православной церкви в контрреволюционном движении в первые годы Советской власти, а также пути ее дальнейшего развития и перехода на лояльные по отношению к государству позиции.

В статье Е. И. Маханова рассмотрены некоторые вопросы совершенствования взаимодействия между оперативными и оперативно-техническими подразделениями в работе по делам оперативной разработки с окраской «измена Родине в форме шпионажа» и «шпионаж».

А. Н. Савчук исследует основные направления и возможности использования спецслужбами противника позиций открытых в СССР представительств иностранных фирм и банков в подрывной деятельности против нашей страны.

В статье Л. Л. Соболевского рассматриваются некоторые возможности противника в осуществлении агентурной деятельности на территории СССР, обусловленные особенностями международных научно-технических связей.

В. И. Тарасов раскрывает отдельные вопросы организации и тактики агентурной и легальной разведок спецслужб ФРГ против групп советских войск за границей. В основу статьи положены материалы на агентов БНД, разоблаченных в последние годы на территории ГДР.

В статье В. Н. Футина рассмотрена специфика организации учебно-воспитательного процесса с афганскими слушателями. На основе обобщения результатов проведенного исследования автор раскрывает дидактические принципы их профессиональной подготовки.

Сборник депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28898-н).

Кандидат юридических наук
полковник *А. А. Каряев*

РЕФЕРАТ СБОРНИКА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НА ТЕМУ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА»

(объем — 8 авт. л.)

На спецкафедре № 1 Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского состоялась научно-практическая конференция, на которой были рассмотрены вопросы совершенствования агентурно-оперативной работы в условиях развития демократии и гласности, укрепления социалистической законности и правопорядка в нашей стране.

Ю. И. Авдеев, С. В. Дьяков, В. П. Ерошин, В. П. Тарасов, являясь основными докладчиками, обосновали актуальность обсуждаемой проблемы и рассмотрели наиболее важные вопросы деятельности органов государственной безопасности СССР в условиях перестройки и демократизации советского общества.

При обсуждении докладов выступили представители науки и практики, аспиранты спецкафедры № 1.

А. А. Каряев, А. Н. Голяк раскрыли вопросы, связанные с правовыми аспектами агентурно-оперативной работы в современных условиях демократизации и укрепления социалистической законности.

В. А. Головин в своем сообщении в качестве предпосылки активизации профессиональной деятельности чекиста назвал необходимость укрепления научного мировоззрения слушате-

лей в процессе преподавания спецдисциплины Ю. М. Дубинский ознакомил с моделью оперативной обстановки, на основе которой он предложил вариант разработки перспективной обучающей системы контрразведывательного профиля.

Н. В. Клюев выступил по проблеме научной разработанности понятия и сущности конспирации. В. Н. Андреев и М. И. Москаленко остановились на проблемах специализации агентуры и принципах стимулирования ее работы.

Г. В. Крисинель и Н. В. Киселев посвятили свои выступления некоторым вопросам принятия оперативным работником решения об установлении наружного наблюдения в свете требований усиления социалистической законности.

В. И. Щиповский совместно с В. Н. Ионовым проанализировали отдельные вопросы совершенствования деятельности подразделений оперативной установки в современных условиях.

В. П. Поваляев, рассматривая профилактику как одно из важных направлений контрразведывательной деятельности органов КГБ, отметил имеющиеся в этой работе серьезные ошибки и недостатки, связанные прежде всего с нечетким представлением практических работников об основаниях проведения профилактики.

Сборник депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР (инв. № 28830-н).

Доктор юридических наук, профессор
полковник *З. И. Кирсанов,*
майор *В. А. Гамза*

РЕФЕРАТ
СБОРНИКА НАУЧНЫХ СООБЩЕНИЙ
НА ТЕОРЕТИЧЕСКОМ СЕМИНАРЕ СК-4

(объем — 8 авт. л.)

Специальной кафедрой № 4 Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского депонирован очередной выпуск Сборника рефератов научных сообщений молодых преподавателей, сотрудников практических подразделений и аспирантов на постоянно действующем теоретическом семинаре кафедры.

Авторами рассмотрен ряд актуальных проблем советской криминалистики, имеющих теоретическое и практическое значение.

М. Ф. Георгица исследовал вопрос о понятии, сущности и значении криминалистической характеристики преступления, ее взаимосвязи со следственными ситуациями и соотношении с криминалистической моделью преступления, описал типичные следственные ситуации по делам о контрабанде.

Н. Г Михайлов выделил и проанализировал факторы, формирующие следственные ситуации при расследовании государственных преступлений, дал критический анализ наиболее распространенных в криминалистической литературе классификаций следственных ситуаций.

Особенности организации расследования захватов воздушных судов, обусловленные исходными типичными следственными ситуациями, складывающимися по делам данной категории, рассмотрены в работе Г. Н. Куринина.

В. А. Гамза на основе обобщения опыта расследования уголовных дел о государственных преступлениях исследовал некоторые процессуальные и тактические вопросы судебно-психологической экспертизы.

Понятие и основные функции криминалистических информационных систем, а также роль и место криминалистических методик в построении информационных систем органов государственной безопасности осветил В. А. Мартынов.

А. Б. Зотов исследовал субъективные и объективные факторы, влияющие на процесс формирования у очевидца мысленного образа устанавливаемого (разыскиваемого) лица, и изложил криминалистические приемы получения информации о внешности этого лица при составлении композиционных портретов.

Вопрос о современном состоянии и перспективах развития криминалистического исследования машинописных текстов и новая классификация знакопишущих устройств рассмотрены в работе В. Я. Черных.

В. И. Петровичев дал уголовно-правовой и криминалистический анализ объекта разглашения государственной тайны.

Сборник депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28834-н).

Кандидат философских наук
майор *В. Н. Колков*

РЕФЕРАТ НАУЧНОГО ОТЧЕТА «МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАКОНОВ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЧЕКИСТСКОГО ЗНАНИЯ»

(объем — 6 авт. л.)

Данная работа представляет собой попытку исследовать возможности использования основного звена диалектики — ее

законов — для решения вопросов дальнейшего развития системы чекистского научного знания.

Придерживаясь той точки зрения, в соответствии с которой одним из основных направлений развития чекистской науки является, по выражению В. И. Ленина, «диалектическая обработка» имеющегося на сегодняшний день знания, автор в первой части отчета проводит общий анализ уже имеющейся «включенности» философского диалектического мышления в содержание и форму чекистских теорий. Возможность применения диалектики как методологии можно выяснить лишь при условии наличия научных знаний о том, что́ мы изучаем, в чем специфика объектно-предметной области чекистской науки. Особенности диалектики обеспечения безопасности социализма определяют, по мнению автора, специфику процесса ее познания.

Научна ли чекистская наука, можно ли говорить о системе наличного чекистского знания как о науке, каковы фундаментальность чекистских теорий и возможные критерии оценки уровня развития чекистской науки, таков круг вопросов, на которые автор предлагает свои ответы.

Во второй части работы им сделана попытка выработать механизм реализации методологических возможностей законов диалектики при решении конкретных научных задач, встающих в процессе чекистского познания; на основе одного из основных законов диалектики формулируются принципы познания явлений чекистской науки и практики.

Научный отчет депонирован в спецфонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28841-н).

Подполковник *Л. М. Луценко*

РЕФЕРАТ СБОРНИКА НАУЧНЫХ СТАТЕЙ И ДОКЛАДОВ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА И АСПИРАНТОВ СПЕЦКАФЕДРЫ «М» «НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ КГБ СССР В ОСОБЫЙ ПЕРИОД И ВОЕННОЕ ВРЕМЯ», ВЫПУСК IV

(объем — 7,84 авт. л.)

Четвертый выпуск сборника научных статей и докладов продолжает публикацию работ коллектива авторов по проблеме деятельности органов КГБ СССР в особый период и военное время.

А. И. Цветков раскрывает некоторые вопросы перестройки самостоятельной работы слушателей Высшей школы при изучении курса СД-«М».

П. Е. Петренко освещает методические рекомендации по выработке практических умений и навыков при изучении курса СД-«М» в свете перестройки учебно-воспитательного процесса.

В. П. Галицкий показывает методику изучения военнопленных армии противника и оценки ее результатов.

П. Е. Петренко, Л. М. Луценко исследуют военный округ военного времени как объект подрывных устремлений спецслужб главного противника.

А. И. Козловцев показывает вероятную обстановку и задачи деятельности органов военной контрразведки на территории противника, занятой советскими войсками в ходе боевых действий на Западном театре военных действий.

В. П. Белов анализирует проблемы повышения мобилизационной готовности особых отделов КГБ СССР Группы советских войск в Германии в работе с агентурным аппаратом.

Л. М. Луценко рассматривает вопросы организации и ведения территориальной обороны в современных условиях.

А. С. Стародубец раскрывает некоторый опыт работы разведаппаратов Пограничных войск КГБ СССР по разложению бандформирований на территории Республики Афганистан.

В статье Е. А. Мохова нашли отражение некоторые особенности организации связи с агентами, используемыми в борьбе с подрывной деятельностью бандформирований в Афганистане.

Ф. Х. Субханкулов освещает вопросы использования особыми отделами КГБ СССР по объединениям Сухопутных войск профилактических, правовых и военных мер в борьбе с идеологической диверсией противника в военное время.

Сборник депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28894-н).

Кандидат юридических наук
полковник *А. П. Савченко*

РЕФЕРАТ СБОРНИКА НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ «ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

(объем — 5,8 авт. л.)

В. Н. Струнников в докладе «Особенности механизма правового регулирования обеспечения государственной безопасности» рассматривает роль основных элементов механизма правового регулирования в сфере обеспечения государственной безопасности, ставит вопрос о выяснении эффективности этого механизма.

М. П. Третьяков в докладе «Некоторые проблемы теории социалистического государства в свете материалов XXVII съезда КПСС» исследует вопросы, касающиеся сущности социалистического государства, внутренних и международных условий отмирания государства при коммунизме, а также положения о социалистическом государстве как переходной форме от государства к негосударственной форме организации общества. В докладе «К вопросу о понятии государственной безопасности и ее правовом регулировании» анализируется классовая сущность понятия государственной безопасности, раскрывается содержание правового регулирования обеспечения государственной безопасности, объекты и принципы такого регулирования, намечается примерная схема подготавливаемого закона о государственной безопасности.

В докладе Л. С. Яковлева «Правовое регламентирование охраны безопасности царской России в период империализма» предложен подход к раскрытию отдельных методологических вопросов понимания сущности правового регламентирования охраны безопасности царской России, показана роль государственного, административного, уголовного и уголовно-процессуального законодательств в правовом регулировании безопасности дореволюционной России.

А. П. Савченко в докладе «Нормативно-правовая основа обеспечения государственной безопасности» характеризует это явление как составную часть правовой основы обеспечения государственной безопасности, которая включает все правовые средства и явления, относящиеся к государственной безопасности. В докладе «Некоторые методологические вопросы права и их роль в изучении правовой основы агентурной деятельности советской контрразведки» А. П. Савченко рассматривает спорные вопросы понимания права и его категориального выражения, а также значение правопонимания в изучении правовой основы агентурной деятельности советской контрразведки.

Сборник депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28647-н).

Кандидат юридических наук
подполковник *Н. А. Чичулин*

РЕФЕРАТ
СБОРНИКА НАУЧНЫХ СТАТЕЙ «ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ НТР В КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР»

(объем — 20,0 авт. л.)

В сборнике помещены научные статьи по актуальным вопросам использования результатов научно-технической революции в контрразведывательной работе органов государственной безопасности СССР. Материалы сборника представляют интерес для преподавательского состава, научных работников, аспирантов учебных заведений, сотрудников практических подразделений КГБ.

Сборник подготовлен авторским коллективом, в состав которого вошли преподаватели и научные сотрудники Высшей школы КГБ СССР, а также практические работники органов КГБ СССР.

Вопросам использования результатов научно-технической революции в деятельности контрразведывательных подразделений органов государственной безопасности СССР посвящены статьи Ю. И. Корнилова, С. Н. Селеткова, О. А. Рамеева, В. М. Февралева, Н. А. Чичулина, А. В. Минаева, В. В. Жилина, Ю. М. Дубинского, А. П. Коваленко, В. В. Ткаченко, В. Р. Григоряна, Л. Н. Назарова, Ю. П. Полякова.

В статьях А. В. Сергеева, Г. Г. Рогозина раскрываются тенденции в организации и тактике противодействия техническим разведкам противника по добыванию разведывательной информации о научном и военном потенциале СССР.

Некоторые вопросы координации и взаимодействия контрразведывательных подразделений в борьбе с подрывной деятельностью противника в условиях ускорения развития научно-технического прогресса рассмотрены в статьях А. В. Сергеева, В. И. Махинина.

Некоторым подходам к исследованию объекта и предмета чекистской науки посвящены статьи А. П. Фролова, В. И. Махинина, А. Г. Богомолова, П. Е. Петренко, О. А. Рамеева, А. В. Агафонова, В. А. Таланова.

Теоретические и практические проблемы организации и управления контрразведывательным обеспечением основных объектов ускорения научно-технического прогресса СССР раскрыты в статьях А. И. Уразлина, В. Е. Дорохова, А. Н. Назарова.

Вопросам совершенствования управления контрразведывательной деятельностью в условиях развития НТР посвящены статьи Е. М. Давыдова, П. Е. Афанасьева, Р. И. Тямушкина, О. Д. Дмитриева.

Особенности применения электронно-вычислительной техники как одного из важнейших направлений интенсификации контрразведывательной деятельности органов КГБ и учебного процесса в Высшей школе раскрываются в статьях А. Г. Пярна, В. И. Рыкунова, А. Г. Богомолова, В. Н. Конослова, А. А. Копорика, В. А. Донского, Р. И. Тямушкина.

Разработке методов и средств выявления зависимостей и прогнозирования основных направлений деятельности контрразведывательных подразделений посвящены статьи Ю. А. Ведяева, О. А. Рамеева, А. В. Агафонова, А. И. Манжосова, В. Н. Рыкунова.

Сборник депонирован в спецфонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28620-н, 28621-н).

Подполковник *В. М. Шалдин*,
подполковник *В. И. Евсеев*

РЕФЕРАТ НАУЧНОГО ОТЧЕТА «АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ БОРЬБЫ С РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРОТИВНИКА»

(шифр «Фарватер»)

(объем — 11,6 авт. л.)

Изложенный в отчете вариант автоматизированной системы организационного управления (шифр «Фарватер») разработан применительно к условиям территориального органа КГБ, располагающего техническими средствами (электронно-вычислительной техникой) и эксплуатирующего автоматизированную информационную систему, построенную на основе типовых решений ЕСИОК. Принципы построения и функционирования АСОУ показаны на примере организации контрразведывательной работы по борьбе с агентурной разведкой противника, однако в целом подобная система может быть настроена на инфор-

мационное обеспечение любых характерных для конкретного органа КГБ направлений чекистской деятельности.

В отчете сформулированы и раскрыты требования к автоматизированной системе организационного управления, дано описание ее структуры, содержания и принципов функционирования. В качестве основного элемента системы рассматривается информационная модель «Оперативная обстановка». В отчете приводятся результаты исследований по решению проблем формализованного представления оперативной обстановки в автоматизированной системе, выработки критериев оценки ее состояния и развития.

Отчет по АСОУ «Фарватер» содержит разработанные на основе обобщения чекистской практики и принципов системного подхода информационные модели организации контрразведывательных мероприятий на главных направлениях борьбы с агентурной разведкой противника. Для практического использования предлагаются алгоритмы поиска с помощью автоматизированной системы обогащенных данных, необходимых при проверке информации, содержащей признаки шпионской деятельности, расследовании фактов утечки секретных сведений к противнику, розыске утраченных или похищенных секретных документов и при возникновении других оперативных ситуаций.

АСОУ «Фарватер» может рассматриваться также как этап на пути создания оперативной «базы знаний», способной поднять на качественно новый уровень использование автоматизированных информационных систем в диалоговом режиме.

Научный отчет депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28944-н).

Генерал-майор *А. А. Фабричников*

РЕФЕРАТ НАУЧНОГО ДОКЛАДА «ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ ПРОТИВНИКА В ОБЛАСТИ ПОДРЫВА НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР И ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С НЕЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

(объем — 4,9 авт. л.)

В научном докладе, подготовленном группой авторов (К. Т. Пястолов, С. Ю. Строцкис, А. А. Фабричников), исследуются основные направления, цели и содержание идеологической диверсии противника в области подрыва национальных отноше-

ний в СССР, формы, методы и тактика непосредственного подрыва советского государственного и общественного строя с использованием националистической идеологии.

На основе изучения и анализа многочисленных теоретических исследований, осуществленных советологами США, Канады, ФРГ и некоторых других стран в последние годы, авторы приходят к выводу, что противник делает серьезную ставку на национализм как средство подрыва социалистического строя в СССР и что идеологическая диверсия в сфере национальных отношений имеет явную тенденцию к расширению.

Авторы показывают стремление противника использовать происходящие в стране процессы демократизации и расширения гласности для подталкивания националистических элементов к открытым выступлениям против государственного и общественного строя СССР.

Один из разделов доклада полностью посвящен вопросам борьбы советской контрразведки с национализмом и националистическими проявлениями в современной обстановке. Основное внимание в нем уделено вопросам агентурного проникновения в центры идеологической диверсии и зарубежные националистические организации, использования агентурного аппарата, профилактики отдельных лиц и процессов, а также участия контрразведки в идейно-воспитательной работе.

Авторы полагают, что борьба с идеологической диверсией противника на современном этапе развития социалистического общества носит многоплановый, комплексный характер и является задачей всех подразделений контрразведки, независимо от их специализации и функций.

Доклад депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28931-н).

Подполковник *В. Н. Карелин,*
кандидат юридических наук
подполковник *Н. А. Чичулин*

РЕФЕРАТ СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКЕ»

(объем — 10 авт. л.)

В сборнике помещены материалы, подготовленные научными сотрудниками и преподавателями Высшей школы КГБ имени

Ф. Э. Дзержинского. В нем рассматриваются актуальные проблемы теории и практики контрразведывательной деятельности, а также предлагаются конкретные пути повышения ее эффективности.

Кандидат юридических наук подполковник В. И. Лукашин в статье «К вопросу об организации контрразведывательной работы органов КГБ по обеспечению сохранности государственных секретов на объектах оборонных отраслей промышленности на основе комплексного подхода» рассматривает вопросы практического применения комплексного подхода в деятельности органов КГБ.

В статье кандидата юридических наук майора М. В. Машкина «Некоторые проблемы совершенствования контрразведывательной деятельности оперативного уполномоченного в условиях перестройки» рассматриваются управленческий аспект работы оперативного уполномоченного на порученном участке и роль руководителя подразделения в совершенствовании профессионального мастерства оперативного состава.

Кандидат юридических наук подполковник Н. А. Чичулин в статье «Некоторые основные положения методики проведения аналитических исследований по вопросам совершенствования проверки сигналов в органах госбезопасности» утверждает, что для повышения эффективности контрразведывательной деятельности важное значение имеет совершенствование аналитических исследований наиболее актуальных контрразведывательных проблем, среди которых определенный интерес представляет проверка сигналов в органах государственной безопасности.

В статье «Пути повышения эффективности аналитических исследований в советской контрразведке» Н. А. Чичулин рассматривает вопросы повышения качества проводимых в советской контрразведке аналитических исследований. Не останавливаясь на всех направлениях совершенствования аналитических исследований в советской контрразведке, автор полагает необходимым рассмотреть принципы, методы и организацию планирования аналитических исследований.

В статье «Организация работы с агентами и доверенными лицами в розыске на транспорте» подполковник В. Н. Карелин заостряет внимание на том, что оперативных источников четвертых подразделений органов КГБ — УКГБ необходимо ориентировать как на решение розыскных задач, так и на решение задач по обеспечению безопасности объектов транспорта. Данное обстоятельство представляет собой, с одной стороны, универсальность подготовки и использования наших помощников в области обеспечения безопасности объектов транспорта, с другой — избирательность при их подготовке и использовании для решения задач оперативного розыска.

В статье «Пути повышения эффективности розыскной работы на объектах транспорта и в пассажирском потоке» В. Н. Ка-

рении обобщает опыт работы четвертых подразделений по подготовке и осуществлению оперативно-розыскных операций в пределах союзных республик, ряда крупных промышленных и культурных центров и в пограничных районах нашей страны.

В статье майора В. П. Зубкова «К вопросу о природе методов руководства контрразведывательным подразделением территориального органа КГБ СССР» рассматривается сущность руководства контрразведывательным подразделением, исследуются характерные признаки и компонентная структура понятия «метод руководства», показывается отличие методов руководства от других элементов управленческого процесса — принципов, функций, форм и стиля руководства.

Раскрывая некоторые особенности организации и тактики контрразведывательной работы по изучению и проверке объектов дел оперативного учета из числа выходцев из Китая — ханьцев, а также сигналов на них, майор И. М. Скуридин существенное место отводит в своей статье вопросам учета национальной специфики, социально-психологической адаптации и др.

Кандидат юридических наук подполковник В. Н. Найденко в статье «Использование агентов органов КГБ в активных контрразведывательных мероприятиях по противодействию подрывной деятельности зарубежных центров идеологической диверсии» показывает важнейшие условия эффективного использования агентов в активных контрразведывательных мероприятиях.

В другой статье «Особенности ведения оперативных игр с зарубежными организациями украинских националистов» В. Н. Найденко рассматривает основные требования, которые необходимо соблюдать при проведении оперативных игр, показывает приемы, применяемые при легендировании подставляемых противнику «националистических групп», а также при проведении мероприятий по дезинформированию противника, дает рекомендации по совершенствованию наступательных контрразведывательных операций против зарубежных ОУН.

Сборник депонирован в спецфонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (инв. № 29040-н).

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

26 ноября 1988 года в Высшей школе КГБ СССР состоялась научно-теоретическая конференция на тему «Проблемы противоречий развития социалистического общества и актуальные вопросы обеспечения государственной безопасности СССР».

На конференции были заслушаны доклады:

«Противоречия социализма и деятельность органов государственной безопасности» (профессор кафедры философии и научного коммунизма, доктор философских наук М. В. Романенко);

«Противоречия в экономике и их учет в деятельности органов государственной безопасности» (начальник кафедры политэкономии доцент Б. И. Михайлов);

«Противоречия в сфере национальных отношений и их учет в борьбе органов КГБ с идеологической диверсией» (старший научный сотрудник, кандидат юридических наук В. Ф. Турчанинов);

«Противоречия развития социалистического общества и борьба с государственными преступлениями» (заместитель начальника Высшей школы КГБ СССР по научной работе доктор юридических наук С. В. Дьяков);

«Противоречия в современной агентурно-оперативной деятельности подразделений советской контрразведки» (заместитель начальника спецкафедры № 1, кандидат юридических наук, доцент А. А. Воронов).

При обсуждении докладов в прениях выступили: доктор философских наук, доцент кафедры философии и научного коммунизма Л. А. Нечипоренко, кандидат философских наук В. Н. Комков, кандидат экономических наук, доцент кафедры политэкономии Е. В. Комарова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Г. Н. Тайгачев, кандидат юридических наук старший научный сотрудник П. С. Коршиков, доктор юридических наук, профессор В. П. Ерошин, кандидат философских наук, доцент Ю. М. Беляков, заместитель начальника 3-го Главного управления КГБ СССР П. Ф. Дубровин.

В работе конференции приняли участие профессорско-преподавательский состав, аспиранты, слушатели Высшей школы КГБ СССР, представители центрального аппарата КГБ СССР и его подразделений.

Материалы конференции будут опубликованы.

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Генерал-майор *Ю. П. Корнилов*, подполковник *В. М. Шалдин*. Пути совершенствования организации проверки оперативных сигналов (из опыта работы УКГБ по Свердловской области)

Кандидат юридических наук полковник *Р. И. Тямушкин*. Проблемы совершенствования управления контрразведывательным обеспечением научно-технического прогресса в СССР 11

Полковник *М. Е. Волков*. Исследование временных факторов в деятельности разведчика наружного наблюдения и их влияния на ее качество 29

Полковник *И. А. Данченко*, подполковник *А. П. Савчук*. О порядке открытия представительств иностранных фирм в СССР и связанных с этим первоначальных агентурно-оперативных мероприятиях органов КГБ 44

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К вопросу о разработке теории обеспечения государственной безопасности 54

Кандидат философских наук ст. лейтенант *М. Г. Дегтярев*, подполковник *В. А. Волчанский*. Методологический анализ некоторых аспектов проблемы измерения в системе чекистского знания 62

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОТИВНИКА

Кандидат юридических наук подполковник *А. Л. Грамотин*. Некоторые аспекты разведывательной деятельности спецслужб главного противника по добыванию экономической и научно-технической информации 83

Полковник *В. Ф. Блинков*, кандидат технических наук подполковник *В. Н. Суриков*. Состояние и тенденции развития радиорелейной связи спецслужб капиталистических государств 98

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Кандидат физико-математических наук, доцент полковник *О. А. Рамеев*, капитан *Л. П. Бабков*. Этапы автоматизированной обработки контрразведывательной информации на канале научно-технической переписки 105

Кандидат исторических наук полковник *А. В. Грицаенко*, подполковник *В. А. Новиков*. Информационное обеспечение контрразведывательных мероприятий органов КГБ СССР при розыске нелегальных печатных звеньев церковно-сектантских общин 128

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ И ПСИХОЛОГИИ В РЕШЕНИИ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ

Кандидат юридических наук, доцент полковник *В. Н. Горбачев*. Сущность легализации в свете проблемы использования оперативных данных при расследовании преступлений 143

Подполковник юстиции *М. Ф. Георгица.* Криминалистическая типология контрабандистов 153

Кандидат философских наук полковник *Л. М. Двигрошев.* Методика диагностики личности слушателя в процессе воспитания 166

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Кандидат юридических наук, доцент *А. Ф. Козыкин.* К вопросу об основаниях, мотивах и порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления 177

Кандидат юридических наук подполковник *Н. А. Духно.* Формы использования специальных знаний в процессе доказывания на предварительном следствии 193

Кандидат юридических наук подполковник юстиции *В. М. Городилов.* К вопросу о компетенции и порядке прекращения уголовных дел 209

Кандидат юридических наук майор *Н. Е. Шумило.* О привлечении военнослужащих в качестве обвиняемых 220

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ И РАБОТА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Кандидат юридических наук, доцент полковник *А. А. Козлов.* Борьба органов военной контрразведки с идеологической диверсией противника, направленной на срыв отмобилизования войск в особый период и с началом войны 230

Кандидат юридических наук, доцент капитан 1 ранга *В. П. Галицкий.* Возможное участие органов военной контрразведки в противодействии технической разведке противника в военное время 212

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ КАДРОВ

Кандидат исторических наук, доцент полковник *В. А. Золототрубов. В. Г. Кузнечиков.* Некоторые вопросы интернационального воспитания слушателей в Высшей школе КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского в свете решений XXVII съезда и XIX Всесоюзной конференции КПСС 256

Кандидат психологических наук подполковник *А. С. Шавловский.* Концепция контрразведывательной оперативно-управленческой игры 272

Кандидат юридических наук майор *В. М. Деревяго.* капитан *А. В. Минаев.* Некоторые возможности повышения уровня индивидуальной работы со слушателями на базе средств вычислительной техники 288

Подполковник *В. А. Головин.* О проблеме формирования научного мировоззрения в процессе преподавания «Основ контрразведывательной деятельности советских органов государственной безопасности» 300

Полковник *Б. М. Наприенко,* кандидат технических наук, доцент полковник *В. Ф. Чижов.* Вопросы перестройки системы подготовки и повышения квалификации на Высших курсах КГБ СССР (г. Свердловск) 316

Подполковник *А. А. Гросс.* К вопросу о совершенствовании военной подготовки чекистов 320

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВЧК — КГБ

Доктор исторических наук, профессор полковник *А. С. Велидов.* У истоков ВЧК. К 70-летию I Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий 333

ОБСУЖДАЕМ, ДИСКУТИРУЕМ, ПРЕДЛАГАЕМ

Кандидат юридических наук подполковник *П. В. Таршин.* О типах методологических подходов к познанию сущности борьбы советской контрразведки и противника 354

Подполковник *В. С. Калинин.* О возможности использования спецслужбами КНР позиций третьих стран на советской территории для вывода агентов-нелегалов 372

Полковник *П. И. Александровский,* доктор юридических наук, профессор полковник *А. А. Игнатьев,* кандидат юридических наук, доцент полковник *В. И. Шестаков.* Самостоятельная работа слушателей под руководством преподавателя — новая, приоритетная форма обучения 384

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник полковник *П. С. Коршиков.* К материалам научной дискуссии 395

Кандидат психологических наук майор *А. А. Кокорев.* Рецензия на учебные материалы В. Г. Петренко «Адаптация ханьцев в СССР» 100

Кандидат филологических наук, доцент полковник *В. Д. Бабакаев.* Реферат научно-практического пособия В. Б. Кравцова «Воздействие традиционных социально-политических факторов на развитие оперативной обстановки в Республике Афганистан» 405

Кандидат исторических наук полковник *А. В. Грицаенко.* Реферат сборника материалов межкафедральной научно-практической конференции на тему «Актуальные вопросы борьбы советской контрразведки с идеологической диверсией противника в свете решений XXVII съезда КПСС и установок Всесоюзного совещания руководящего состава органов и войск КГБ (май 1986 года)» 406

Кандидат юридических наук, доцент полковник *К. Х. Ипполитов,* кандидат юридических наук подполковник *С. Б. Шурыгин.* Реферат сборника статей по проблемам специального страноведения (СД-16) 408

Майор *В. П. Карпов.* Реферат Сборника научных статей аспирантов № 11 409

Кандидат юридических наук полковник *А. А. Каряев.* Реферат сборника научно-практической конференции на тему «Актуальные вопросы агентурно-оперативной работы в условиях демократизации советского общества» 411

Доктор юридических наук, профессор полковник *З. И. Кирсанов,* майор *В. А. Гамза.* Реферат Сборника научных сообщений на теоретическом семинаре СК-4 412

Кандидат философских наук майор *В. Н. Комков.* Реферат научного отчета «Методологическое значение законов материалистической диалектики для развития системы чекистского знания» 413

Подполковник *Л. М. Луценко.* Реферат сборника научных статей и докладов профессорско-преподавательского состава и аспирантов спецкафедры «М» «Некоторые проблемы деятельности органов КГБ СССР в особый период и военное время», выпуск IV 414

Кандидат юридических наук полковник *А. П. Савченко.* Реферат сборника научных докладов «Государственно-правовые вопросы в деятельности органов государственной безопасности» 116

Кандидат юридических наук подполковник *Н. А. Чичулин.* Реферат сборника научных статей «Использование результатов НТР в контрразведывательной работе органов государственной безопасности СССР» 117

Подполковник *В. М. Шалдин*, подполковник *В. И. Евсеев.* Реферат научного отчета «Автоматизированная информационная система организационного управления процессом борьбы с разведывательной деятельностью противника» (шифр «Фарватер») 418

Генерал-майор *А. А. Фабричников.* Реферат научного доклада «Идеологическая диверсия противника в области подрыва национальных отношений в СССР и вопросы борьбы с ней органов государственной безопасности» 419

Подполковник *В. Н. Карелин*, кандидат юридических наук подполковник *Н. А. Чичулин.* Реферат сборника материалов «Актуальные проблемы теории и практики контрразведывательной деятельности и пути повышения ее эффективности в советской контрразведке» 120

Научно-теоретическая конференция 423

Замеченные опечатки

страницы	напечатано	следует читать
23 (2 строка снизу)	. . . коррегирования	корригирования
40 (25 строка сверху)	. . . по слабым типам	со слабым типом
113 (2 снизу)	. . . кандидат технических наук	кандидат юридических наук
244 (1 снизу)	. . . перечисленных в сноске 2 (с. 236)	перечисленных в сноске 2 (с. 243)

Всего пронумеровано 428 стр. и 2 вклейки между стр. 31[illegible] и 32[illegible]

Литературные редакторы *Л. И. Васильева, А. О. Леонтьев*

Корректоры *Г. Е. Опарина, Н. И. Хаустова*

Сдано в набор 05.1.89 г. Подписано к печати 19.VI.89

Авт. л. 26,75. Усл. печ. л. 30,6.

Тираж 350 экз.

Инв. № 001161. Заказ № 002т

Типография Высшей ордена Октябрьской Революции
Краснознаменной школы КГБ СССР
имени Ф. Э. Дзержинского